

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Новокузнецкий институт (филиал)
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Кемеровский государственный университет»
Факультет филологии
Кафедра русского языка и литературы**

*80-летию кафедры русского языка и литературы
посвящается*

**ЯЗЫК И РЕГИОНЫ:
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
ЮГА КУЗБАССА**

Новокузнецк – Красноярск

2020

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

*Издание осуществляется при финансовой поддержке РФФИ и Кемеровской области в рамках научного проекта
№ 18-412-420001 «Язык и регионы: опыт комплексного филологического исследования социокультурного пространства юга Кузбасса»*

Рецензенты:

О. В. Орлова, д-р филол. наук, доцент (Томский государственный педагогический университет);

Т. В. Шмелёва, д-р филол. наук, профессор (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого)

Я 41 Язык и регионы: социокультурное пространство юга Кузбасса : монография. В двух томах / Н. А. Баланчик, Н. С. Баланчик, Ю. В. Косицина, Г. В. Косточаков, И. А. Пушкарева, В. М. Телякова, В. В. Трубицына ; под ред. И. А. Пушкаревой; М-во образования и науки РФ, Новокузнецк. ин-т (фил.) Кемеров. гос. ун-та. – Новокузнецк : НФИ КемГУ ; Красноярск : Sitall, 2020. – Т. 1. – 336 с., цв. вкл. (Серия «Филологическое краеведение»)

ISBN 978-5-8353-2464-4 (т. 1)

ISBN 978-5-8353-2463-7

Монография посвящена осмыслению специфики духовной жизни региона, отражённой в слове, основана на продолжении и развитии научных направлений кафедр, созданных в педагогическом вузе как центре гуманитарной мысли региона, – кафедр русского языка, литературы, шорского языка и литературы.

Первый том содержит сведения об истории филологического краеведения на кафедрах русского языка и литературы, о функционально-семантических и парадигматических особенностях лексики говоров Кузбасса, о специфике тематической организации разговорного монологического текста, рассмотренной на примере диалектной и городской устной речи жителей юга Кузбасса, включает характеристику песенного фольклора Кузбасса и своеобразия регионального медиадискурса.

Книга предназначена для филологов, историков, этнографов, краеведов, преподавателей школ и вузов, студентов гуманитарных вузов.

© Баланчик Н. А., Баланчик Н. С., Косицина Ю.В.,
Косточаков Г. В., Пушкарева И. А.,

Телякова В. М., Трубицына В. В., 2020

© Новокузнецкий институт (филиал) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет», 2020

© Оформление. Полиграфическая компания «Sitall», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Введение <i>(Н.А. Баланчик, Г.В. Косточаков, И.А. Пушкарева, В.В. Трубицына)</i>	8
Глава 1. Функционально-семантические и парадигматические особенности лексики говоров Кузбасса <i>(Н.А. Баланчик, Н.С. Баланчик)</i>	18
1.1. Наименования жилища и номинации, связанные с деревянным зодчеством в говорах Кузбасса	18
1.1.1. О соотношении внешних и внутренних факторов, влияющих на процесс формирования значений слов ИЗБА, ХАТА, ДОМ, ДВОР в говорах Кузбасса	18
1.1.2. Устойчивые сочетания, связанные с деревянным зодчеством в говорах Кузбасса	22
1.1.3. Синонимичны ли слова КОНЁК, КНЯЗЁК, ОХЛУПЕНЬ в говорах Кемеровской области?	26
1.2. Наименования изделий из муки в говорах Кузбасса и в речи жителей Новокузнецка	33
1.2.1. Наименования хлеба в говорах Кузбасса	33
1.2.2. Наименования изделий из муки в речи жителей Новокузнецка	36
1.3. Номинации, связанные с текстильным производством в говорах Кемеровской области	42
1.3.1. Номинации, связанные с единицами измерения в домашнем текстильном производстве в старожильческих говорах Кузбасса	42
1.3.2. К истории и этимологии диалектного термина КУКЛА в говорах Кемеровской области	48
1.4. Номинации, связанные с пчеловодством в говорах Кемеровской области	52
1.4.1. Структурно-семантическое своеобразие диалектных названий ульев (на материале говоров Кемеровской области)	52
1.4.2. Составные термины, обозначающие наименования разновидностей мёда и процесс его добычи в говорах Кемеровской области	55
1.5. Номинации, связанные с охотой и рыболовством в говорах Кузбасса	61
1.5.1. Названия охотничьих ловушек в говорах Кузбасса	61
1.5.2. Семантические особенности рыболовецкой терминологии в говорах Сибири	67
1.6. Фитонимы и миконимы в говорах Кемеровской области	74
1.6.1. Особенности номинации и парадигматики фитонимов в говорах Кузбасса	74

1.6.2. Названия грибов в говорах Кузбасса	77
1.6.3. Названия гриба ВАЛУЙ в говорах Кузбасса	83
1.7. Некоторые аспекты парадигматики и варьирования в говорах Кузбасса	86
1.7.1. Полисемия и омонимия в говорах Кузбасса	86
1.7.2. Фонематические варианты, различающиеся гласными фонемами, в ремесленно-промысловой лексике говоров Кузбасса	90
1.7.3. Словообразовательное варьирование в диалектной терминологии говоров Кузбасса	95
1.7.4. Морфологические и морфолого-словообразовательные варианты имён существительных в говорах Кузбасса	102
Выводы к главе 1	106
Глава 2. Тематическая организация разговорного монологического текста (на материале диалектной и городской устной речи жителей юга Кузбасса) (Ю.В. Косицина)	108
2.1. Тематическая организация диалектного монологического текста	110
2.1.1. Тематическая структура диалектного монологического текста	110
2.1.2. Тематическое развитие диалектного монологического текста	116
2.2. Тематическая организация монологического текста городской устной речи	130
2.2.1. Тематическая структура монологического текста городской устной речи	131
2.2.2. Тематическое развитие монологического текста городской устной речи	140
Выводы к главе 2	152
Глава 3. Песни литературного происхождения в фольклоре Кемеровской области (В.В. Трубицына)	154
3.1. Жанр песни в теоретическом осмыслении и поэтической практике поэтов XVIII в.	154
3.1.1. Фольклорные источники литературной песни в поэзии А.П. Сумарокова	154
3.1.2. Топография художественного мира любовных песен поэтов «сумароковской школы» в контексте фольклорной традиции	160
3.1.3. «Карманный песенник» И.И. Дмитриева: поиск новой формы лирической песни в её соотношении с фольклором	165
3.2. Влияние пасторальной поэзии на фольклор	174
3.2.1. «Пастушья» песня А.П. Сумарокова	174
3.2.2. Пасторальные мотивы и образы в песенном фольклоре Кемеровской области	182
3.2.3. Рецепттивные трансформации стихотворения А.С. Пушкина «Вишня» в русской культуре XIX в.	189
3.3. Семейная тема в литературной и фольклорной песне	196

3.3.1. Семейные ценности в традиционной народной лирической песне и их трансформации в литературной песне XIX в.	196
3.3.2. Сюжет о неузнанных родных, разлученных войной, в фольклорных и литературных песнях	209
3.4. Эстетизация неволи в традиционной тюремной песне и русской поэзии	214
3.4.1. Горизонты интерпретации литературного текста в фольклорных вариантах: «Умиравший» В.И. Немировича-Данченко	214
3.4.2. Песни литературного происхождения в фольклорном репертуаре Кемеровской области (песни тюрьмы, каторги и ссылки)	221
3.4.3. Народные тюремные песни и их жанровые модификации в литературе XIX–XX вв.	230
3.5. Цыганский код в лирике и фольклорной песне	237
3.5.1. Быт цыган в песенной лирике русских поэтов XIX–XX вв. и народных песнях	237
3.5.2. «Цыганские» песни в русском фольклоре Кемеровской области	246
Выводы к главе 3	251
Глава 4. Специфика регионального медиадискурса <i>(И.А. Пушкарева)</i>	253
4.1. Из истории сибирской периодической печати	254
4.2. Городская газета в типологии средств массовой информации	265
4.3. Лингвоаксиологическое своеобразие городской газеты «Кузнецкий рабочий»	274
4.3.1. Коммуникативные принципы регионального издания	274
4.3.2. Мемориально-краеведческая функция регионального медиадискурса	276
4.3.3. Краеведческие доминанты городской газеты «Кузнецкий рабочий»	278
4.3.4. Краеведческая концепция времени в региональном медиадискурсе	282
4.3.5. Рубрика «Городской дневник» в «Кузнецком рабочем»	287
Выводы к главе 4	292
Литература	294

Приложение: иллюстрации

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2019 году отмечалось 80-летие высшего педагогического образования Кузбасса. 80 лет исполнилось кафедре русского языка и литературы, 30 лет – кафедре шорского языка и литературы Новокузнецкого пединститута (НГПИ, в 2002 г. вуз переименован в КузГПА – Кузбасскую государственную педагогическую академию).

Представленные в монографии подходы к осмыслению специфики духовной жизни региона, отражённой в слове, основаны на продолжении и развитии научных направлений кафедр, созданных в педагогическом вузе как центре гуманитарной мысли региона, – кафедр русского языка, литературы, шорского языка и литературы.

Формулировка «Язык и регионы» была предложена в 2009 году заведующей кафедрой русского языка КузГПА доктором филологических наук *С.П. Петруниной* в качестве названия очередного выпуска межвузовского сборника научных статей «Функциональный анализ значимых единиц русского языка». Выпуск 2009 года посвящался 100-летию со дня рождения кандидата филологических наук, доцента *В.И. Панова* и 70-летию кафедры русского языка.

Первая часть монографии включает введение (*Н.А. Баланчик, Г.В. Косточаков, И.А. Пушкарева, В.В. Трубицына*) и 4 главы: «Функционально-семантические и парадигматические особенности лексики говоров Кузбасса» (*Н.А. Баланчик, Н.С. Баланчик*), «Тематическая организация разговорного монологического текста (на материале диалектной и городской устной речи жителей юга Кузбасса)» (*Ю.В. Косицина*), «Песни литературного происхождения в фольклоре Кемеровской области» (*В.В. Трубицына*), «Специфика регионального медиадискурса» (*И.А. Пушкарева*).

Вторая часть содержит сведения об истории кафедры шорского языка и литературы (*В.М. Телякова*), 4 главы: «Шорская ономастика» (*Г.В. Косточаков*), «Категория залога в шорском языке» (*В.М. Телякова*), «Художественная литература шорского народа сегодня» (*Г.В. Косточаков*), «Тема судьбы шорского народа в миссионерских записках XIX века и в дискурсе современной городской газеты» (*И.А. Пушкарева*) – и заключение.

Монография представляет интерес для учёных-филологов, аспирантов, магистрантов, студентов филологических факультетов, учителей русского языка и литературы, шорского языка и литературы, для всех интересующихся историей и культурой родного края.

За поддержку идеи создания монографии, ценные замечания и предложения авторы выражают признательность рецензентам – специалистам по изучению проблемы «Язык и регионы»: доктору филологических наук, профессору Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого *Татьяне Викторовне Шмелёвой* и доктору филологических наук, профессору Томского государственного педагогического университета *Ольге Вячеславовне Орловой*. Также авторы монографии благодарят Российский фонд фундаментальных исследований и департамент науки и образования Кемеровской области за финансовую поддержку научного проекта «Язык и регионы: опыт комплексного филологического исследования социокультурного пространства юга Кузбасса».

ВВЕДЕНИЕ

Современная отечественная лингвистика обращается к исследованию региолектов [Ворожбитова, Зубцов 2014, Иванищева 2008, Мишанкина, Филь 2015, Оглезнева 2009, 2013, Резвухина 2014, Теркулов 2012 и др.]. Особое внимание к проблеме «Язык и регионы» в отечественной лингвистике определяется географическими характеристиками России. Так, ещё Ф.И. Буслаев говорил о необходимости знакомства с «филологической географией» России как важной задаче стилистики [Буслаев 1992, с. 372–373]. Взгляд лингвиста XIX века соотносится с концепцией современного социолога, который считает необходимой подготовку Социокультурного атласа России на основе социокультурных портретов регионов страны [Лапин 2006, с. 25]. Сложившиеся подходы к изучению «филологической географии» отражают два основных направления.

Во-первых, традиционным и не теряющим свою актуальность является изучение «лингвистической географии», своеобразия говоров определённого региона, восходящее к отечественной лексикографии XIX в. и к научному направлению «слов и вещей», созданному Г. Шухардтом. Так, данное направление активно разрабатывается на материале сибирских говоров Томской диалектологической школой (В.В. Палагина, О.И. Блинова, О.И. Гордеева, В.Г. Арьянова, Л.А. Захарова, С.В. Сыпченко, С.П. Петрунина, Т.А. Демешкина, Е.В. Иванцова и др.) [Блинова 2017].

С 1944 г. центром изучения говоров юга Кузбасса становится кафедра русского языка Сталинского учительского института (позднее – НГПИ, КузГПА)¹. Говоры Кузбасса относятся к диалектам позднего образования, сложившимся на базе разных материнских говоров в результате многочисленных миграционных процессов, связанных с переселенческим движением в нынешнюю Кемеровскую область как с территории европейской части России, Белоруссии, Украины, Прибалтики, так и из различных сибирских регионов, а также в результате контактов с языком сибирских аборигенов.

В 1940 г. на кафедру русского языка и литературы Сталинского учительского института принят старшим преподавателем *Василий*

¹ Страницы истории кафедры русского языка Сталинского учительского института (позднее НГПИ, КузГПА) представлены в конце книги – на фотографиях из архива С.И. Иванищева.

Иванович Панов (1909–1969). С самых первых лет работы Сталинского учительского института «преподаватели-энтузиасты создали научные кружки на кафедрах. При кафедре русского языка под руководством Василия Ивановича Панова начал работу диалектологический кружок» [Иванищев, Баланчик 2019, с. 119]. С 1942 года В.И. Панов становится деканом исторического и литературного факультетов, в 1944–1945 гг. и в 1949–1956 гг. заведует кафедрой русского языка и стоит у истоков магистрального научного направления кафедры – изучения русских говоров Кузбасса [Иванищев 2004, с. 67].

Профессор Томского госуниверситета В.В. Палагина называет В.И. Панова «первооткрывателем кузнецких говоров» [Жураковская 2009]. В 1954 г. В.И. Панов защищает кандидатскую диссертацию «Местные русские говоры Кузнецкого района Кемеровской области», которую С.И. Иванищев называет «своеобразным памятником городу Кузнецку» [Иванищев 2004, с. 67]. На кафедре русского языка формируется картотека, на основе изучения которой создаются научные работы. Регулярно проводятся диалектологические экспедиции.

Второй период подъёма лингвистического краеведения на кафедре русского языка НГПИ связан с деятельностью *Ольги Алексеевны Любимовой* (1932–2019), кандидата филологических наук, доцента. О.А. Любимова – выпускница НГПИ, начала работу на кафедре в 1965 г. [Иванищев 2004, с. 54]. Ольга Алексеевна заведовала кафедрой русского языка в 1971–1976 г., именно она была «инициатором, организатором и вдохновителем авторского коллектива, работавшего над составлением “Словаря русских говоров Кузбасса”» [Словарь 2018, с. 404]. «На кафедре работали 2 диалектолога, кандидаты филологических наук О.А. Любимова и Г.С. Оксман. С февраля 1971 года на кафедре начал работу С.И. Иванищев, который незадолго до этого защитил дипломную работу на материале говоров Прокопьевского района. С сентября 1971 к работе на кафедре приступила кандидат филологических наук Н.В. Жураковская. Ольга Алексеевна создала из диалектологов группу, которая приступила к составлению картотеки дифференцированного словаря диалектной лексики кузбасских говоров. В эту группу были вовлечены М.Ф. Номоконова, опытный и квалифицированный преподаватель, старший лаборант кафедры Г.В. Уйманова, выпускница Томского государственного университета» [Иванищев, Баланчик 2019, с. 119].

О.А. Любимова стала одним из составителей Словаря и его ответственным редактором. «В словаре использованы материалы диалектологических экспедиций, которые проводились под её руководством и непосредственном участии с 1968 по 1972 год в Крапивинском, Ленинск-Кузнецком, Беловском, Прокопьевском районах. В словаре помещены 1600 словарных статей, написанных Ольгой Алексеевной Любимовой» [Словарь 2018, с. 404]. Словарь был издан в 1976 г. в Новосибирске (о других составителях словаря см.: [Словарь 2018, с. 404–407]).

С.И. Иванищев подчёркивает вовлечённость студентов в составление Словаря: «К кропотливой работе по извлечению из текстов диалектных слов были привлечены и студенты, которые участвовали в экспедициях, выполняли курсовые работы. Всего в диалектологических экспедициях с 1952 по 1972 годы побывало 39 студентов, а в составлении картотеки диалектных слов приняло участие 77 студентов» [Иванищев, Баланчик 2019, с. 120].

После издания Словаря на кафедре русского языка НГПИ сохраняется значимость лингвистического краеведения: «Работа над Словарём закончилась, но диалектологическое направление в научной работе кафедры сохранилось на все последующие годы. Уже в 1976 году под руководством О.А. Любимовой была организована и проведена зональная конференция вузов Сибири по русскому языку.

В конференции приняли участие учёные-языковеды Томского, Кемеровского, Омского университетов, Барнаульского, Бийского Красноярского, Петропавловского (Казахстан), Тувинского, Тобольского педагогических институтов» [Иванищев, Баланчик 2019, с. 124–125].

В 1970-е – 1980-е гг. активно ведут диалектологические исследования составители Словаря Н.В. Жураковская, Г.С. Оксман, С.И. Иванищев. Они не только пишут научные статьи, принимают участие в конференциях, но и руководят диалектологическими исследованиями студентов. Н.В. Жураковская, кандидат филологических наук, доцент, редактор словарей 1976 и 2018 гг., и Г.С. Оксман, кандидат филологических наук, доцент, являлись членами Международной рабочей группы Общеславянского лингвистического атласа [Иванищев 2004, с. 65, 130]. В 1980-е гг. издаются методические рекомендации для студентов по выполнению контрольной работы по русской диалектологии

[Методические рекомендации 1982] и по проведению диалектологической практики [Методические рекомендации 1985].

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. благодаря научно-педагогической деятельности кандидата филологических наук, доцента А.М. Коростышевской (работала на кафедре в 1965–2007 гг.) и кандидата филологических наук, доцента С.И. Иванищева (годы работы – 1971–2016), на кафедре развивается такое направление, как исследование разговорной речи новокузнецчан. В 1993 г. изданы методические рекомендации для студентов «Изучение разговорной речи, просторечия и речевого этикета города Новокузнецка» [Иванищев, Коростышевская 1993]. Кроме того, С.И. Иванищев обогащает лингвистическое краеведение таким направлением, как исследование лексики горняков. В 1986 г. Сергей Ильич защитил кандидатскую диссертацию «Лексика горняков в современном русском языке (на материале Кузнецкого угольного бассейна)», в 2019 г. опубликована его монография «Лексика горняков в русском языке XX века (1970-е – 1980-е гг.)» [Иванищев 2019].

Во второй половине 1980-х – 1990-е гг. лингвистическое краеведение как магистральное научное направление кафедры русского языка НГПИ пополняется исследованиями С.П. Петруниной, Н.А. Баланчика, Л.А. Инютиной. С.П. Петрунина приходит на кафедру русского языка НГПИ в 1986 г., после защиты кандидатской диссертации «Пояснение в монологических текстах диалектной речи: к проблеме избыточности» (Томский государственный университет, 1986) (позднее Светлана Петровна успешно защитит докторскую диссертацию), с 1993 г. С.П. Петрунина – доцент кафедры русского языка, в 1997–1998 гг. исполняет обязанности заведующего кафедрой (позднее будет заведовать кафедрой) [Иванищев 2004, с. 167]. Н.А. Баланчик – выпускник НГПИ, начинает работу на кафедре русского языка в 1988 г. В 1992 г. ему присвоена учёная степень кандидата филологических наук, с 1995 г. Н.А. Баланчик – доцент кафедры русского языка НГПИ, в 2000–2006 гг. заведует кафедрой русского языка НГПИ (с 2002 г. КузГПА). С 1994 г. на кафедре работает кандидат филологических наук (позднее – доктор филологических наук) Л.А. Инютина, которая изучает историю русского языка Западной Сибири, ономастическое пространство города.

Третий период подъёма лингвистического краеведения в научной работе кафедры русского языка приходится на период заведования *Светланы Петровны Петруниной*, которая возглавляет кафедру в 2006–2016 гг. В 2008 г. опубликована монография С.П. Петруниной «Грамматика говорящего и слушающего в сибирских говорах (на материале парных конструкций)» [Петрунина 2008] и защищена докторская диссертация. В 2012 г. издана монография Л.А. Инютиной «Лексическое выражение пространства в картине мира носителей сибирского (томского) старожильческого говора XVII–XVIII веков» [Инютина 2012] и защищена докторская диссертация. В 2013 г. Ю.В. Косицина защитила кандидатскую диссертацию «Статико-динамическая модель тематической организации диалектного монологического текста» (Кемерово, 2013), выполненную под научным руководством С.П. Петруниной.

В этот период издаются словари (два из них созданы *Николаем Андреевичем Баланчиком* [Баланчик и др. 2019]), сборники диалектных текстов, межвузовские сборники научных статей, включающие работы диалектологов, методические рекомендации: «Словарь ремесленно-промысловой лексики говоров Кузбасса» [Словарь 2013], «Словарь русских говоров Кузбасса (Дополнение)» [Словарь 2015], «Сборник текстов диалектной речи: материалы для практических занятий по русской диалектологии для студентов факультета русского языка и литературы» [Сборник 2009(б)], «Сборник диктантов по орфографии и пунктуации (на региональном материале)» [Сборник 2009(а)], «Кузбасская деревня в рассказах её жителей: материалы диалектологической практики (1952–2012 гг.)» [Кузбасская деревня 2013], «Диалектологическая практика: методические рекомендации» [Диалектологическая практика 2008]. Опубликован межвузовский сборник научных статей «Функциональный анализ значимых единиц русского языка. Язык и регионы» (вып. 4, 2009 г.), посвящённый 70-летию кафедры русского языка и 100-летию со дня рождения В.И. Панова и 70-летию кафедры русского языка.

Отметим особую роль кандидата филологических наук, доцента *Сергея Ильича Иванничева* как хранителя истории диалектологических исследований на кафедре русского языка: Сергей Ильич собирает информацию об истории кафедры, факультета и вуза, пишет об этом книги и статьи, пополняет архив фотографий, выступает перед студентами.

Во-вторых, изучение «филологической географии» органично дополняется лингвоаксиологическим исследованием региональной идентичности, формирующейся в социокультурном пространстве региона и нуждающейся в комплексном исследовании различных проявлений специфики духовной жизни региона, отражённой в слове.

«Регион возникает на основе этнокультурной идентичности населения, заселившего данную территорию, существует и изменяется в результате деятельности его жителей, которые сконцентрированы в городских и сельских поселениях, связаны экономическими интересами (разделения труда, обмена) и социальной организацией (структурой, институтами)» [Лапин 2006, с. 25]. Н.И. Лапин отмечает промежуточное положение региона как сообщества людей (community) «между обществом как целым (Gesellschaft, society, социетальный уровень) и поселениями – городами и посёлками, сёлами и деревнями, т.е. первичными территориальными общностями (die Gemeinschaften, communities)». Географ М.П. Крылов подчёркивает необходимость комплексного подхода к изучению региональной идентичности как социокультурного феномена [Крылов 2010].

Как отмечает О.В. Фельде, «проблема локального менталитета русского населения Сибири не нова», «давно находится в центре внимания учёных – историков, этнографов, социологов, филологов, краеведов» [Фельде 2011, с. 11]. «Ещё в XIX – первой трети XX в. идеологи сибирского областничества Г.Н. Потанин, А.П. Щапов, Н.М. Ядринцев и др. отстаивали гипотезу существования особой этнокультурной группы великорусского народа, которая по целому ряду психических признаков отличается от русских европейской части России. Так, отмечались такие черты сибиряков, как ум, смекалка, стойкость, немногословность, добродушная лукавость, природолюбие, недостаточная религиозность, “наклонность к материалистическому умствованию”, “смышлёность в приобретении, в наживе” и т.д.» [Фельде 2011, с. 11–12]. О.В. Фельде проводит психолингвистическое исследование языкового сознания сибиряков на основе опроса красноярских и томских студентов [Фельде 2011]. Феномен сибиряка рассматривается в современных социологических работах [Сверкунова 1996; Немировский 2013 и др.]. Особое место в осознании региональной идентичности сибиряков занимают труды по журналистике, посвящённые истории становления и развития периодической печати в Сибири. Н.В. Жилиякова

подчёркивает актуальность для региональной журналистики в условиях начала XX века и настоящего времени концепции Сибири, сформированной в середине – второй половине XIX века первыми областниками – Н.М. Ядринцевым и Г.Н. Потаниным [Жилякова 2011(а), с. 429–430].

В лингвоаксиологическом исследовании региона важна характеристика его истории, этнического своеобразия. В 1960-е годы на кафедре литературы началась титаническая деятельность *Андрея Ильича Чудоякова* (1927–1994; годы работы на факультете русского языка и литературы – 1964–1994) по собиранию фольклора коренного населения юга Кузбасса – шорцев, по изучению его языка, литературы и в целом культуры. Эта деятельность не прекращалась в 1970–1990-е годы: кандидат филологических наук, профессор А.И. Чудояков руководствовался желанием сохранить ценности шорской культуры для всего мира. В 1989 году Новокузнецком государственном педагогическом институте была открыта кафедра шорского языка и литературы¹, на факультете русского языка и литературы создано шорское отделение. У истоков изучения шорского языка стоял также выдающийся лингвист *Электрон Фёдорович Чисняков* (1930–1989), кандидат филологических наук, доцент, заведовавший кафедрой иностранных языков НГПИ в 1973–1985 гг. В его трудах «затронуты все области шорского языкознания – фонетика, лексика, морфология, синтаксис, диалектология, топонимия, история языка» [Телякова 2004, с. 3]. Наряду с педагогической деятельностью началась интенсивная работа по изучению шорского языка, фольклора, ономастики и литературы, а также написанию учебников и словарей для школы. Изучение исчезающего шорского языка связано с необходимостью его скорейшей фиксации для филологического сообщества.

Лингвоаксиологическое исследование региона непременно предполагает обращение к истокам – к традиционной народной культуре. Благодаря научно-педагогической деятельности *Татьяны Леонидовны Старовой* (1940–2007; годы работы на кафедре литературы –

¹ Страницы истории кафедры шорского языка и литературы Новокузнецкого государственного педагогического института (позднее КузГПА, НФИ КемГУ) представлены в конце второго тома монографии.

1971–2007) с 1980 г. на кафедре литературы Новокузнецкого государственного педагогического института¹ формировался фольклорный архив, систематизировались материалы фольклорных практик, собранные в различных населённых пунктах юга Кузбасса. «Татьяна Леонидовна относилась к тем редким людям, которых называют подвижниками. Память о таких людях для всех живущих неоценима нравственным воздействием на человеческое сознание, в котором день нынешний и день грядущий не должны представляться лишь как повторение мелких и личных житейских приспособлений. Опыт подвижничества особенно необходим сегодня молодежи, стремящейся к труду педагога. Высокий авторитет этой профессии создавался и поддерживался во все времена самоотверженным служением делу. Так относилась к своей педагогической деятельности и Татьяна Леонидовна» [Пронина 2010, с. 23–24].

В 1987 г. на факультете русского языка и литературы НГПИ по инициативе и под руководством кандидата филологических наук, доцента Т.Л. Старовойтовой был создан фольклорный студенческий коллектив «Русская сказка». Первоначально он имел статус научно-производственного отряда, который ставил перед собой задачи расширения научного кругозора студентов в области фольклористики: участники «читали и обсуждали работы известных фольклористов, знакомились с их жизнью и деятельностью, рассматривали вопросы современного бытования фольклора, выпускали ежегодно наглядные учебно-методические пособия “Фольклорная практика”» [Старовойтова 1990, с. 44]. Однако традиционные виды учебной деятельности не «оживляли» фольклор и мало стимулировали творческое личностное самовыражение студентов, поэтому коллектив стал готовить концертные фольклорные программы и композиции. Эти программы строились как на общерусском, так и на региональном фольклорном материале и всегда оставляли зрителя в состоянии удивления и рефлексии. Энтузиазм самих участников и потребность аудитории в живом исполнении произведений фольклора определили просветительский характер дальнейшей деятельности «Русской сказки» [Трубицына 2014]. В 1997 году Т.Л. Старовойтовой создана лаборатория народной культуры,

¹ Страницы истории кафедры литературы Новокузнецкого государственного педагогического института (позднее КузГПА, НФИ КемГУ) представлены в конце книги – на фотографиях из архивов С.И. Иванищева и лаборатории традиционной культуры и песенного фольклора Кемеровской области.

деятельность которой в настоящее время продолжается под руководством *Виктории Виктороны Трубицыной*. В 2005 г. издаётся учебное пособие Т.Л. Старовойтовой «Народная культура и литература»: «Книга представляет собой попытку решения вопросов современного литературного образования через интеграцию курсов народной культуры и литературы. Народная культура сосредоточивает внимание учащихся на идеальных представлениях русского человека, связанных с семьей, родом, общиной, государством, с миром природы и вселенной, что позволяет в свою очередь обратиться к общечеловеческим ценностям, создававшимся в течение тысячелетий народами Земли, достойное место при этом получает национально-региональный компонент. Подобным сопряжением нравственных и художественных ориентиров народной культуры и литературы достигается в конечном итоге глубинное понимание Прекрасного во всех его структурных составляющих» (из аннотации: [Старовойтова 2005]).

«Русская литература и Сибирь» – одно из направлений научно-педагогической деятельности кафедры литературы и методики её преподавания НГПИ (КузГПА). В этом направлении вели исследования кандидат педагогических наук, доцент А.С. Сазыкин, кандидат филологических наук, доцент Т.Б. Афузова, кандидат филологических наук, доцент Т.Ф. Рябцева, старшие преподаватели Л.И. Попова, В.А. Макулина и др. *Анатолий Семёнович Сазыкин* (годы работы на кафедре – 1966–2012) продолжает научно-просветительскую деятельность в этом направлении и в настоящее время: публикует статьи в региональной периодике, читает открытые лекции для горожан.

Осмысление региональной идентичности является важным аксиологическим признаком регионального медиадискурса, нуждающимся не только в социологическом исследовании (например, [Бандаков 2005; Дроздова 2006; Полосин 2011]), но и в филологическом изучении. Вопросам истории, типологии, динамики региональных СМИ посвящены работы в области журналистики [Винныйчук 2008; Воронова 2007; Гольдфарб 2002; Жиликова 2009, 2011а, 2011б; Кажикин 2004; Паленков 2010 и др.]. Положено начало исследованию лингвистических аспектов регионального медиадискурса. Так, уделяется внимание особенностям рецепции региональных СМИ [Чернышова 2005, 2007, 2009], рассматривается вопрос об аспектах изучения регионального радиодискурса [Нестерова 2006], анализируется психолингвистиче-

ский аспект дискурса региональных СМИ [Черепанова 2007], изучаются регионально маркированные медиаконцепты [Орлова 2012], выявляются медиадискурсивные механизмы моделирования городского публицистического текста [Костяшина 2012], характеризуются стилеобразующие факторы репрезентации события в региональных газетно-публицистических текстах [Печетова 2012], изучается медийная реальность региона [Новгородское медиаполе 2015]. Своеобразие «малой прессы» стало предметом размышлений участников IV Международной научной конференции «Стилистика сегодня и завтра» (МГУ, 28–30 апреля 2016 г.) [Купина 2016; Чепкина 2016].

Таким образом, лингвоаксиологическое изучение региональной идентичности может быть успешно реализовано во взаимодействии исследований языка и культуры коренного населения региона, народных говоров, собранного в регионе фольклора, разговорной речи горожан, произведений, созданных местными писателями или содержащими локальный текст, и регионального медиадискурса.

Научная новизна отражённых в монографии результатов связана как с региональным материалом, так и с использованием многоаспектного филологического описания социокультурного пространства юга Кузбасса. Монография включает две части: первая часть посвящена русской традиционной народной культуре, городской разговорной речи и специфике регионального медиадискурса, вторая – шорскому языку, литературе и отражению шорской темы в миссионерских записках XIX века и в региональном медиадискурсе.

Результаты исследования авторского коллектива имеют практическую значимость в образовательной сфере: могут быть использованы при разработке школьных элективных курсов и вузовских курсов, связанных с вопросами русской диалектологии, стилистики русского языка, шорской ономастики, грамматики шорского языка, фольклористики, этнографии, краеведения.

ГЛАВА 1. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ ГОВОРОВ КУЗБАССА

В главе представлены номинации, отражающие различные аспекты уклада жизни русского населения Кузбасса, отражённые в народных говорах: лексика и устойчивые сочетания терминологического характера, зафиксированные на территории Кемеровской области, начиная с пятидесятых-шестидесятых годов XX века и заканчивая первым десятилетием XXI века. Охватывается материал не только традиционных старожильческих говоров, но и поздних переселенцев – носителей новосельческих говоров. Анализ русских говоров Кузбасса имеет научное и практическое значение, потому что он отражает духовную и материальную культуру народа (основные промыслы и ремёсла Кемеровской области: кедровый, охотничий, рыболовецкий промыслы, плотницкое дело, домашнее текстильное производство, сенокосение и уборка сена и т.д.), жизнь людей в течение столетий, содержит многие факты, которые необходимы для понимания истории языка.

Лексика проанализирована с точки зрения функционально-семантических и парадигматических особенностей, особое внимание уделено специфике варьирования: рассматриваются фонематические, словообразовательные, морфологические и морфолого-словообразовательные варианты.

1.1. Наименования жилища и номинации, связанные с деревянным зодчеством в говорах Кузбасса¹

1.1.1. О соотношении внешних и внутренних факторов, влияющих на процесс формирования значений слов ИЗБА, ХАТА, ДОМ, ДВОР в говорах Кузбасса

Говоры Кузбасса относятся к говорам позднего образования, сложившимся не ранее конца XVII–XVIII вв. на базе разных материнских говоров в условиях сложных междиалектных и межъязыковых контактов. В результате образовалось своеобразное сосуществование

¹ В параграфе использованы материалы статей Н.А. Баланчика: [Баланчик 2007, 2012, 2015(a)].

диалектных лексических элементов севернорусской, среднерусской, южнорусской, сибирской и иноязычных лексических систем.

Подобно историческим фактам, «тип построек, план расположения строений <...> позволяет судить о том, из каких частей России пришли переселенцы в Сибирь» [Кузнецов 1960, с. 52], так как указанные особенности строений имеют четкую региональную приуроченность.

Для обозначения крестьянского жилища в говорах Кузбасса используются слова **изба**, **хата**, **дом**.

При характеристике словарного состава тех или иных говоров слово **изба**, как правило, включалось в группу слов севернорусских по происхождению.

Наличие в южнорусских говорах слова **хата** и почти полное отсутствие его в севернорусских говорах привело к тому, что этнографы и диалектологи стали включать слова **изба** и **хата** в состав лексических противопоставлений, характеризующих севернорусские говоры, с одной стороны, и южнорусские говоры – с другой стороны.

Однако данные памятников южнорусской областной письменности свидетельствуют о том, что слово **хата** не встречалась в южнорусских говорах до середины XIII века, «вместе с тем деловая письменность южнорусского характера пестрит упоминаниями об избах, притом не только в районах, где ныне они обыкновенны, но и на всей остальной территории южновеликорусского наречия, где ныне обычно хаты» [Котков 1970, с. 136]. Кроме того, до конца XVII столетия не было в употреблении слова **хата** в рязанских и смоленских говорах. В качестве основного наименования жилого дома употреблялось слово **изба**.

Следовательно, слово **изба** не закреплено исключительно за севернорусскими говорами. В период формирования говоров Кузбасса этим словом называли свое жилище выходцы и из европейского Севера, и из центральных и южных районов России.

Появление слова **хата** в говорах Кузбасса относится, несомненно, к более позднему периоду, видимо, не раньше XIX в., так как в источниках, отражающих народно-диалектную речь в Сибири XVII–XVIII вв., оно не зафиксировано. По всей видимости, оно было занесено на территорию говоров Кузбасса более поздними переселенцами – южнорусами в период интенсивного переселенческого движения в

Сибирь в XIX веке. Однако слово **хата** как обозначение жилой постройки в диалектах Кузбасса встречается спорадически, употребляется очень редко и воспринимается носителями говоров как инородное.

В ряде южнорусских говоров для названий крестьянского жилища **изба**, **хата** характерно развитие значений с экспрессивной окраской. Так, «в с. Бобрик Мценского района Орловской области изба – «новый дом», а хата – «похуже»; в с. Фентисове Золотухинского района Курской области хата – «обычный дом», изба – «плохой дом» [Гольдин 1965, с. 287].

В говорах Кузбасса такая экспрессивная противопоставленность не прослеживается, здесь слова **изба**, **хата** стилистически нейтральны.

Для обозначения жилого строения в русских говорах используется и слово **дом**. В русских говорах европейской части России возникает противопоставленность слов **изба** – **дом**. В современных говорах Белозерья слово **изба** сохраняется для обозначения более ранних по времени возникновения однокамерных и состоящих из отапливаемого помещения и холодных сеней двухкамерных строений. Слово **дом** обычно служит наименованием трехкамерной постройки со связью между всеми ее частями – «дома на две избы», а также таких типов домов, как пятистенки и крестовики. В большей части южнорусских говоров **изба** – это здание о четырех стенах; с переборкой в середине (о пяти стенах) – **дом**.

В говорах Кузбасса не возникает противопоставленности слов по качественной (**изба** – **хата**) и количественной (**изба** – **дом**) характеристике обозначаемых ими реалий. Слова, обозначающие жилые постройки (**изба**, **хата**, **дом**), в пределах говоров Кузбасса обнаруживают абсолютное семантическое тождество (сравните; **дом связью** – **связанная изба**). Носители говоров Кузбасса могут назвать жилое строение и **избой**, и **домом**, и **хатой**, не внося в эти слова какого-либо коннотативного значения.

Слово **двор** известно по всей русской территории и не имеет изоглоссы. Казалось бы, не может быть сомнения в том, что слово **двор** входит в фонд общенародной русской лексики. Однако при более пристальном рассмотрении картина оказывается значительно сложнее. Связь значения слова **двор** с особенностями реалии, им обозначаемой, необходимо рассматривать с учетом внеязыковой ситуа-

ции. Это лежит в основе диалектного различия в употреблении слова **двор**. Речь идет о различиях собственно этнографических, о различиях в устройстве крестьянского жилища.

На русском Севере слово **двор** обозначает сведенную вместе с жилой частью под одну крышу хозяйственную часть единого дома-двора (связи), включающую в себя помещения для скота, поветь (помещение под навесом для загона скота и хранения хозяйственного инвентаря) и клетки на повети.

Для территории Кемеровской области не характерны закрытые дома-дворы, столь типичные для русского Севера. Все усадьбы исследуемой территории Сибири имеют открытый двор с обособленными от дома хозяйственными постройками, что их сближает со среднерусскими и южнорусскими постройками. Однако для Кемеровской области не типичны усадьбы с открытым замкнутым двором как П-образного среднерусского типа, так и круглого южнорусского типа.

В селах Кузбасса господствует свободная застройка. Дом и хозяйственные постройки обычно строят разобщенно. На улицу выходят лишь заборы и некоторые хозяйственные постройки. Дома находятся в ограде. Стоят они параллельно улице (сходство с традиционной постановкой дома в южных районах европейской части страны) или перпендикулярно к улице (сходство с традиционной постановкой дома в северных районах европейской части страны). Не связанные между собой, крытые отдельными крышами хозяйственные строения разбросаны по усадьбе. Какой-то упорядоченности в расположении домов и надворных строений в пределах одного селения отметить не удалось. Очевидно, в этом сказывается своеобразие застройки двора у русского населения Кузбасса.

Исходя из положения о взаимосвязи слова и обозначаемой им реалии, под словом **двор** в местных говорах Кузбасса понимается «огороженный участок земли с находящимся в глубине его домом и с хаотично разбросанными по усадьбе хозяйственными постройками, при этом все постройки имеют свой самостоятельный сруб или остов и свою законченную крышу». Очевидно, для устройства двора русским населением Кузбасса отбирались приемы строительства, более приспособленные к местным природным условиям, хозяйственной деятельности и отвечающие эстетическим представлениям населения.

1.1.2. Устойчивые сочетания,

связанные с деревянным зодчеством в говорах Кузбасса

«В ряду различных видов работ работы плотничные и столярные являются наиболее распространенными благодаря и количеству, и сравнительно легкой доступности древесины почти во всех концах нашего государства, а также благодаря вековым навыкам нашего населения обращаться с этим материалом» [Справочник столяра 2007; с. 5]. В Сибири со времени ее заселения русскими использовались в основном те же строительные приемы, что и в европейской части России. «Исходной формой, лежащей в основе всех типов жилищ, являлась „клеть”, т.е. четырехугольный сруб. Это определялось общим характером русской деревянной архитектуры» [Шелегина 1992, с. 32].

В специальной литературе по плотницкому делу говорится, что почти все деревянные дома рубились, при этом возведение сруба осуществлялось двумя основными способами: избы **рубили с остатком** или **рубили без остатка** [Справочник столяра 2007, с. 130]. В связи с этим следует отметить, что внутренняя форма составных терминов **рубить с остатком** и **рубить без остатка** достаточно прозрачна, механизм образования также очевиден: при образовании данных устойчивых сочетаний развивается значение, в первую очередь, мотивированное компонентом, выраженным именем существительным. Так, составной термин **рубить с остатком** означает «способ постройки дома, при котором концы бревен выступают за поверхность стены», **рубить без остатка** – «способ постройки дома, при котором концы бревен не выступают за поверхность стены».

Техника строительства, называемая составным термином **рубить с остатком**, в говорах Кузбасса предполагает обозначение таких способов возведения сруба, как: **рубить в угол**, **рубить в чашу**, **рубить в чашку**.

«Почти все крестьянские строения на протяжении веков рубились в угол... Наряду с этой техникой применяется много других способов рубки: „в замок”, „в крюк”, „в иглу”, „в охряпку”, „в охлуп”, „в присек”, „в ряж”, „в лапу” и др.» [Бломквист 1956, с. 69]. Также, по свидетельству Шелегиной О.Н., «господствующим способом соединения бревен в венцы на протяжении XVIII – первой половины XIX в. в Западной Сибири, как и на Русском Севере, являлся *в обло*, или *в угол*, так как при его применении углы сруба не промерзали, что весьма

существенно в суровых климатических условиях» [Шелегина 1992, с. 32].

Составной термин **рубить в угол** обозначает процесс соединения венцов сруба, когда на каждом бревне продольной стены снизу примерно в 20 см от его конца делается округлая выемка, в которую вкладывается бревно поперечной стены, концы бревен при этом выпускаются наружу, образуя угол.

Поскольку большинство крестьянских строений на протяжении веков рубились в угол, то данное явление, по-видимому, не могло не породить ряда народных обычаев, поверий и мифологических представлений, как-то: «При рубке избы или дома рядятся: на сколько углов рубить, и плата кладется по числу углов», «Коли с умыслу, обойдя дом, сосчитать углы, изба скоро загниет», «Передний угол трещит к худу (несдобровать хозяину)» и др. [Даль 1956, т. 4, с. 468].

Вместе с тем необходимо отметить, что составной термин **рубить в угол** имеет в говорах Кузбасса лексические варианты **рубить в чашу**, **рубить в чашку**. При этом компонентное варьирование предполагает замену одного из субстантивных компонентов другим, происходящую в рамках одного устойчивого сочетания и не вносящую каких-либо изменений в смысловое содержание фразеологической единицы. Характер мотивирующих признаков, лежащих в основе именных компонентов указанных составных терминов, обладает прозрачной внутренней структурой, и в общеязыковом плане приведенные имена денотатов синонимами не являются. Синонимия слов **угол**, **чаша**, **чашка** усматривается только на фразеологическом уровне, то есть в пределах устойчивого сочетания, где, несмотря на различную вербальную реализацию, составные термины **рубить в угол**, **рубить в чашу**, **рубить в чашку** обладают в принципе одной сущностью, одним смыслом, а замена компонентов может обусловлена тематической однородностью лексики, отношениями смежности предметов и явлений. При этом использование ФЕ в коммуникативном акте может приводить к актуализации различных элементов фразеологического значения, так как «найденный <...> смысловый первоэлемент помогает осознать основу образа и установить направление происходящей метафоризации» [Коготкова 1979, с. 72].

Явление вариативности обусловлено спецификой диалектной речи: устная форма бытования, повышенная избыточность выражения

языковых средств, номинативное свойство языка, когда несколько слов называют одну и ту же реалию, но соотносят ее с различными понятиями, вскрывая тем самым различные свойства реалии; десемантизация суффиксов, связанная с лишением эмотивности и не нарушающая тождества значения вариантов; междиалектное взаимодействие, полидиалектное формирование говоров Кузбасса, влияние литературного языка и входящих в него профессионализмов.

Несмотря на то, что варьирование приводит к избыточности формы, к нарушению принципа экономии языковых средств, вместе с тем вариативность принадлежит к числу важных объективных свойств языковых единиц, выражающих языковую эволюцию и представляющих собой непреременный атрибут живого языка, так как, по словам Фердинанда де Соссюра, «если бы слова служили для выражения заранее данных понятий, то каждое из них находило бы точные соответствия в любом языке; но в действительности это не так. <...> мы, следовательно, находим вместо заранее данных *понятий значимости*, вытекающие из самой системы языка. Говоря, что они соответствуют понятиям, следует подразумевать, что они в этом случае дифференциальны, то есть определяются не положительно – своим содержанием, но отрицательно – своими отношениями к прочим членам системы. Их наиболее точная характеристика сводится к следующему: быть тем, чем не являются другие» [Фердинанд де Соссюр 1977, с. 149].

Техника строительства, называемая составным термином **рубить без остатка**, предполагает обозначение такого способа возведения сруба, как **рубить в чистый угол** – «процесс соединения бревен, брусьев венца в углу сруба различными способами так, чтобы концы бревен, брусьев не торчали наружу». При этом устойчивое сочетание **рубить в чистый угол** вступает в антонимические отношения с фразеологической единицей **рубить в угол**. Антонимию создает атрибутивный компонент «чистый», который является структурно и семантически обязательным, а не факультативным в структуре ФЕ, не может редуцироваться, поскольку оказывает существенное влияние на формирование семантики устойчивого сочетания **рубить в чистый угол**, выступая при этом своеобразным конкретизатором значения. Ср.: чистый – «со свободной, открытой, ничем не занятой поверхностью» [Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова 1940, т. 4, с.1282].

Устойчивое сочетание **рубить в чистый угол** вступает в гипонимические отношения, то есть отношения «общее – частное», «род – вид», с составными терминами **рубить в лапу** и **рубить в ласточкин хвост**.

Составной термин **рубить в лапу** имеет значение «процесс соединения бревен венца в углу сруба, когда на каждом конце бревна делается прямоугольный шип; этими шипами бревна накладываются одно на другое без выступа за плоскость стен».

Входящее в состав указанного устойчивого сочетания слово **лапа** обозначает затесанный шипом конец бревна, соединяемый с таким же концом другого бревна при связывании их в венец, и представляет собой метафорическое переосмысление общеславянского по происхождению общеупотребительного слова на основе внешнего сходства, ср.: «**lapa*: болг. *лапа* ж.р. „нижняя часть ноги некопытного животного; рука человека (грубо)” <...>, польск. *lapa* <...> „лапа (животного); грубая, неуклюжая рука или нога человека” <...>, др.-русск. *лапа* ж.р. „ступня или вся нога у животных и птиц; стопа у человека” <...>, русск. *лапа* ж.р. „нога или ступня у некоторых животных и птиц”, диал. *лапа* ж.р. <...> „способ соединения бревен в углу строения в виде шипа” <...>» [Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачева 1987, с. 27].

Составной термин **рубить в ласточкин хвост** обозначает процесс соединения бревен венца в углу косым шипом, что дает благодаря клинообразному очертанию концов бревен такую конструкцию, когда каждый конец плотно зажат своими соседями сверху и снизу, то есть конец бревна обделывается в виде ласточкина хвоста, причем ширина узкой части составляет от 1/2 до 1/3 всей ширины бревна [Справочник столяра 2007, с. 142.].

Таким образом, составные термины **рубить в лапу** и **рубить в ласточкин хвост**, объединяясь общим значением «процесс соединения бревен, брусьев венца в углу сруба так, чтобы концы бревен, брусьев не торчали наружу», в говорах Кузбасса не могут вступать в вариантно-дублетные отношения, поскольку обладают индивидуальными семантическими признаками и своеобразными синтагматическими связями: именные компоненты данных устойчивых сочетаний, не имея единства образа, служат в качестве актуализаторов для их семантической дифференциации.

По утверждению этнографов, «рубка на концах бревен без остатка (*в лапу*) в деревне получила распространение в конце XIX – начале XX в.» [Этнография восточных славян 1987, с. 224]. Однако с данным утверждением трудно согласиться, так как письменные источники фиксируют указанный способ углового соединения бревен в венец уже в Сибири, то есть на территории позднего заселения, в начале XVIII в., ср.: «**В ЛАПУ**. О способе соединения бревен в венец. – [Башня] рублена в лапу под скобель, вершина шатром с вышкой (Илим., 1703 г.)» [Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири в XVII – первой половины XVIII в. / сост. Л.Г. Панин 1991, с. 20].

Составные термины **рубить в угол, рубить в чашу, рубить в чашку, рубить в чистый угол, рубить в лапу, рубить в ласточкин хвост** распространены во многих говорах, поскольку срубные дома строили и строят повсеместно. Так, в произведении В.И. Белова «Повседневная жизнь русского Севера. Очерки о быте и народном искусстве крестьян Вологодской, Архангельской и Кировской областей», в котором автор старался отразить этнографическую точность крестьянской общины, семьи, хозяйства, ремесла, обычаев и языка, находим: «Но в том-то и дело, что плотничать должны были все взрослые мужики! Чувствуешь ты дерево или нет, слушается тебя топор или не слушается – все равно ты будешь плотничать. Стыдно не быть плотником. Да и нужда заставит. Потому и были они все разные. И плохие, и средние, и хорошие. И несть числа между ними. Но каждый всю жизнь, конечно и в молодости, стремился быть не хуже, а лучше, чем он есть. На том и стояло плотницкое мастерство. Интересно, что в плотницком деле никогда не было профессиональных секретов, знание считалось общенародным: постигай, черпай, насколько хватает ума и таланта» [Белов 2000, с. 28–29]. Таким образом, указанные устойчивые сочетания обладают относительным профессионализмом, так как, выполняя номинативно-дефинитивную функцию, они являются известными широкому кругу носителей говоров, понятны многим и в случае необходимости могут свободно вводиться в разговорную речь.

1.1.3. Синонимичны ли слова КОНЁК, КНЯЗЁК, ОХЛУПЕНЬ в говорах Кемеровской области?

«Изучение синонимов и синонимии, построение теории лексических синонимов должно опираться на рассмотрение многочисленных

фактов, взятых в многообразии их функций, их связей не только между собой, но и с другими сторонами, с другими «частными системами» лексики, а также в связи с другими сторонами языка в его целом. Особенно важно изучение тех системных связей, которые определяют наличие и жизнь синонимов в естественных языках, определяют своеобразие синонимических отношений для каждого языка в отдельности... Только при этом условии можно определять общие закономерности и выделять специфические особенности лексической синонимии в каждом отдельном языке» [Евгеньева 1972, с. 5].

В данном параграфе рассматривается вопрос об особенностях функционирования в говорах Кемеровской области слов **конёк**, **князёк**, **охлупень**, связанных с деревянным зодчеством, плотничьим ремеслом русского народа.

Окончание строительства дома в плотничьем ремесле ассоциируется с наличием крыши. Наиболее древней по происхождению является двухскатная крыша, которая устраивалась таким образом: бревна-самцы передней и задней стен сруба образовывали треугольные фронтоны. Продольные стропила, составлявшие остов крыши, укреплялись между бревнами фронтонов и стен. На них укладывался кровельный материал, для поддержания которого на верхний стык укладывалось толстое, выдолбленное в виде желоба изнутри бревно, которое в различных этнографических и лексикографических источниках называют то **коньком**, то **князьком**, то **охлупнем**.

Номинации деталей, связанных с завершенностью крыши, требуют особого рассмотрения. Так, в произведении В.И. Белова «Лад. Очерки по народной эстетике», в котором автор старался отразить этнографическую точность крестьянской общины, семьи, хозяйства, ремесла, обычаев и языка, находим: «Самым интересным у русской избы была, однако же, крыша, противостоящая всем ветрам и бурям, не имея ни единого гвоздя... Крыша, как и вся изба, делалась так, чтобы каждая последующая часть держалась за предыдущую, нижнюю, причем чем выше, тем крепче, чтобы не снесло ветром. Внизу такая цепкость не нужна, так как крепость зависела от тяжести. Так в посомы врубались решетины, зажимаемые верхней тяжестью посомных бревен. В решетины врубались курицы, держащие поток. Желоба (или тесины) кровли вставлялись нижними концами в выемку потока,

а их верхние концы зажимались тяжелым выдолбленным бревном – *охлупнем*. Охлупень закреплялся на крыше штырями, пропущенными сквозь верхнюю решетину, врубленную в посомы... После такого крепления никакой ветер не мог сорвать крышу с бани или избы... Графика деревянной резьбы, растительный и геометрический орнамент деревянных украшений сами по себе были в некоторой мере объемными. Птицы по бокам кровель заставляют вспомнить о полете, о стремлении в небо, также скульптурный конь охлупного бревна, венчавшего князек, был олицетворением движения. И весь дом ассоциируется теперь уже с крылатым Пегасом» [Белов 1989, с. 373, 382].

В повести «Деревянные кони», посвященной жизни северной деревни, Ф.А. Абрамов пишет: «Но особенно меня восхищали пижемские дома – большие бревенчатые дома с деревянными конями на крышах. Впрочем, сам по себе дом с коньком на Севере не редкость. Но я ни разу еще не видел такой деревни, где бы каждый дом был увенчан коньком. А в Пижме – каждый. Идешь по подоконью узкой травянистой тропинкой, в которую из-за малолюдья превратилась деревенская дорога, и семь деревянных коней смотрят на тебя с поднебесья... И так же безмолвно, понуро свесив головы с тесовых крыш, провожали меня деревянные кони. Целый косяк деревянных коней...» [Абрамов 1982, т. 3, с. 18, 34.].

В очерке «Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях» Н.И. Костомаров отмечает, что обыкновенная крыша русских домов бала деревянной, двускатной, верх которой украшали резные украшения в виде коней [Костомаров 1993, с. 63–64.].

Таким образом, исходя из контекста приведенных источников, становится ясно, что слова **конёк**, **князёк**, **охлупень** не являются синонимами, так как не имеют близости смыслового содержания и возможности употребления в одинаковых или частично совпадающих по характеру лексической сочетаемости контекстах, а именно: **конёк** (или **конь**) – это резное украшение на крыше в виде конской головы, расположенное на одном из концов охлупня; **князёк** – верхнее продольное бревно, соединяющее боковые стропила, к которому крепится кровля при помощи охлупня; **охлупень** – бревно, выдолбленное изнутри, уложенное по стыку кровельных скатов и служащее для крепления кровли.

Вместе с тем лексикографическое описание анализируемых слов в различных словарях русского языка не является однозначным, а порою и противоречивым.

Слово **конёк** в Словаре русского языка С.И. Ожегова имеет значение «деревянное резное украшение на крыше избы, иногда в виде конской головы» [Ожегов 1986, с. 249], в Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова – «деревянное украшение крыши, иногда вырезанное наподобие конской головы и шеи» [Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова 1935, т. 1, с. 1435], в Словаре русского языка (МАС) под редакцией А.П. Евгеньевой приводятся два значения – «1. Резное украшение на крыше, иногда в виде конской головы и 2. Верхнее ребро, стык двух наклонных плоскостей двускатной крыши; острый верхний край, гребень крыши» [Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой 1986, т. 2, с. 88], в этом же словаре слово **князёк** обозначает «гребень двускатной крыши» [Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой 1986, т. 2, с. 64]. Следовательно, лексемы **конёк** во втором значении, зафиксированном в МАСе, и **князёк** можно считать синонимами, поскольку обладают такими признаками, как семантическая близость и взаимозаменяемость, что является одним из основных критериев при определении синонимичности слов как особого лексического явления, отличающего его от других явлений лексической системы языка. Кроме того, основанием для того, чтобы считать эти слова синонимами, является предельная близость значений, отмеченная в Словаре синонимов русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой: «Конёк, гребень. Стык наклонных плоскостей двускатной крыши. В XIX в. в качестве синонима употреблялось слово **князёк**, употребляемое иногда в соврем. языке, преимущ. в тех случаях, когда речь идет о домах старинной постройки» [Словаре синонимов русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой 1970, т. 1, с. 475].

Кроме того, еще в Словаре Академии Российской 1789–1793 гг. к слову **конёк** приводится синоним **князёк**: «князь – конек – самый верхний брус на кровле деревянного строения». Однако здесь речь идет о верхнем бруске кровли, а не о стыке наклонных плоскостей двускатной крыши, как отмечено и в МАСе, и в Словаре синонимов русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой.

О синонимичности слов **конёк**, **князёк**, **охлупень** можно судить, если опираться на Этимологический словарь русского языка М. Фасмера: «**Конёк** от *конь*, потому что на коньке помещались для украшения лошадиные головы»; **Князёк** «брус конька». По-видимому, лишь по народн. этимологии сближено с *князь*, с уменьш. – *ёк*, поскольку первонач. др.-русск. *кнѣсь* «князек, конек». [В. Кипарский... указывает на естественность связи значений «князь» и «князек, верхняя кровельная балка»; он приводит также вслед за Забелиным самое старое известное употребление слова *князь* в значении «князек на крыше» – в 1626 г. Ср. аналогичную связь в нем *Fürst* «князь» – *First* «князек на крыше»]; «**Охлуп** «кровля, крыша, конек крыши»,... *охлупь* «гребень, конек», *охлупень* – то же, с.-в.-р., вост.-русск., сиб. Из *о-* и *хлупь* «хвост, гузка (у птиц)» [Фасмер 1986, т. 2, с. 265, 266, 310; 1987, т. 3, с. 176].

В Словаре живого великорусского языка В.И. Даля читаем: «**Конекъ**... особ. употрб. въ знач. коня или гребня кровли, стыка двухъ скатовъ, князекъ, охлупень, шеломъ, черепъ, черепное бревно», «**князекъ**... верхній стыкъ стропиль и скатовъ, гребень, конекъ;... верхнее бревно подъ конькомъ кровли», «**охлупень**... конекъ крыши, родъ опрокинутого желоба, иногда съ резнымъ конькомъ напереди, шеломъ; *охлупнемъ* пригнетаются верхніе концы тесницъ обоихъ скатовъ» [Даль 1956, т. 2, с. 126, 155, 772]. Исходя из приведенных в Словаре В.И. Даля значений, невозможно определить, в каких отношениях между собой состоят исследуемые слова, какие синонимические ряды возникают при попытке классифицировать эти названия.

Противоречивые сведения находим в Советском энциклопедическом словаре: «**Конёк** (конь, князь, князёк), в рус. деревянном зодчестве скульптурное завершение *охлупня* в виде коня или птицы» и здесь же: «**Охлупень**, в дерев. архитектуре бревно с желобом, венчающее крышу. Концы охлупня нередко завершаются *коньком*» [Советский энциклопедический словарь, 1984, с. 617, 949]. Здесь достаточно сложно представить предметно-логические связи слов **конёк** и **князёк**, поскольку присутствует определенная смысловая затемненность, «семантическая непрозрачность», не прослеживается внешняя аналогия.

Наименования **конёк**, **князёк**, **охлупень** имеют широкое территориальное распространение в диалектах европейской части России:

они бытуют в архангельских, костромских, тверских, московских, сарматских, пензенских и других говорах.

В Словаре русских народных говоров отмечается, что лексема **конёк** имеет значения: «продольный брус (иногда в виде желоба) на гребне крыши. Перм., Вят., Влад., Ряз., Тул., Саратов., Моск., Петерб., Арх., Север.», «двускатная крыша. Саратов., Куйбыш., Твер., Перм.», «весь верх дома. Уфим., Слов. Акад. 1912», «фронтон дома. Казан., Пенз., Ряз., Север.»; лексема **князёк** – «верхнее продольное бревно, к которому прикрепляются верхние концы досок крыши. Волог., Олон., Арх., Моск., Пенз., Тамб., Ворон...», «бревно, которое кладется на князевое с целью удержания досок крыши; охлупень; обычно передняя его часть оформляется в виде коня или птицы. Волог., Арх., Олон., Новг., Костром., Перм. // Выступающий конец охлупня на фасаде избы. Волог., Арх., Сев.-Двин.», «верх, гребень двускатной крыши. Моск., Калуж., Курск., Ворон. Ярослав., Волог., Арх., Вят., Перм.»; **охлупень** – «бревно (обычно выдолбленное снизу в виде желоба) на гребне двускатной крыши, которое прижимает концы тесин кровли, а также бревно, покрывающее его сверху. Арх., Перм., Вят., Вост., Север., Волог., Арх., Олон., Новг.» [Словарь русских народных говоров 1977, вып. 13, с. 352; 1978, вып. 14, с. 250, 251; 1990, вып. 25, с. 35, 36]. Таким образом, исходя из данных Словаря русских народных говоров, достаточно трудно судить о синонимичности анализируемых слов, даже если они локализованы одним говором. При этом обнаруживается не только процесс расхождений формальной и семантических систем, но и трудность в установлении системных связей между ними.

Русские старожильческие говоры Кузбасса, являясь говорами территории позднего заселения, складывались в сложных междиалектных и межъязыковых условиях. В процессе образования данных говоров происходило взаимодействие лексических систем разных диалектов европейской части России, кроме того, немалое число слов появилось на сибирской почве.

Носители кузбасских старожильческих говоров унаследовали от своих предков многие технические приемы строительства из дерева, передавали эти приемы из поколения в поколение, совершенствовали их и создавали новые, более рациональные способы постройки.

В связи с этим необходимо отметить, что слова **конёк**, **князёк**, **охлупень**, связанные с деревянным зодчеством, получили широкое распространение на территории Сибири. Об этом свидетельствуют факты, представленные в монографии О.Н. Шелегиной, посвященной комплексному историко-этнографическому изучению материальной культуры русских крестьян Западной Сибири в 18–19 веках: «Во всех районах Западной Сибири на протяжении XVIII – первой половины XIX в. основной являлась... двухскатная крыша... Охлупень (конёк) – толстое бревно – завершал конструкцию... Те из жителей, кому удавалось сделать крышу из узкого березового теса, оформляли резьбой верхний охлупень – «князёк» [Шелегина 1992, с. 33, 34, 42]. При этом приводимый контекст указывает на тождество значений анализируемых слов. Кроме того, смысловая связь между значениями слов **конёк**, **князёк**, **охлупень**, по данным Словаря русских говоров Новосибирской области, прослеживается в новосибирских диалектах: «Гребень двускатной крыши; см. **конёк** (в 1-м знач.), **охлупень** (во 2-м знач.)» [Словарь русских говоров Новосибирской области, 1979, с. 225].

Наблюдения над функционированием лексем **конёк**, **князёк**, **охлупень** в старожильческих говорах Кузбасса показывают, что в семантику слов **конёк** и **охлупень** включен компонент того же свойства, связанный с денотатом видового характера, что привело к их синонимичности. Первоначально оба эти слова в указанном диалекте обозначали выдолбленное бревно, закрывающее верхний стык двух скатов кровли и служащее для крепления кровельного материала. В этом случае значение слова **конёк**, связанное с плотничьим ремеслом, вторично и образовалось в результате метонимического переноса – переноса с части на целое, – в результате чего семантическое явление, обусловленное наслоением добавочного смысла, стало доминирующим. Ср.: *конёк* – «скульптурное завершение охлупня в виде коня».

Однако с появлением железных гвоздей использование тяжелого толстого бревна (охлупня, конька) на крыше теряет смысл, становится удобнее покрывать тесовые стыки угольником из двух досок, прибывая их гвоздями к кровельному материалу с чисто утилитарной задачей – не допустить проникновение влаги между стыками. Как показывают этнографические источники, **конёк** и **охлупень** являлись одной строительной деталью двускатной крыши. Вместе с тем в Кеме-

ровской области достаточно широко распространена четырехскатная крыша, на которой не только верхний стык, но и боковые стыки закрываются **коньками**, или **охлупнями**. Таким образом, в результате экстралингвистических факторов произошла десемантизация первоначального значения слов **конёк** и **охлупень**, функционирующих в деревянном зодчестве, с одновременным расширением вторичного терминологического значения.

Слово **князёк** в говорах Кузбасса не может входить в синонимический ряд со словами **конёк** – **охлупень**, поскольку имеет нетождественное с ними значение и употребляется для обозначения разных понятий.

Лексема **князёк** в кузбасских говорах обозначает верхнее продольное бревно остова крыши, к которому крепится кровельный материал. При этом данная строительная деталь является важным элементом крыши, поскольку без князька кровля держаться не будет. Как на двускатной, так и на четырехскатной крышах **князёк** один, а **коньки**, или **охлупни**, могут крепиться по верху не только князька, но и быков, то есть боковых стропил. Возможно, поэтому, по мнению И.И. Срезневского, слово **князь** является этимологическим предком **князька** [Срезневский 1958, т. 1, с. 1239].

Таким образом, в развитии народного зодчества Кузбасса особое значение приобретало не только умение мастеров владеть издавна известной техникой плотничьего дела, но и зарождение и совершенствование самостоятельной строительной техники, местных способов строительства, что естественным образом отражалось на языковых особенностях профессиональной лексики.

1.2. Наименования изделий из муки в говорах Кузбасса и в речи жителей Новокузнецка¹

1.2.1. Наименования хлеба в говорах Кузбасса

Кухня народа – это частица его культуры и точно так же, как и литературу и живопись, музыку и поэзию, народы сохраняют свою кухню, то, к чему привыкли, что извлечено опытом столетий, переда-

¹ В параграфе использованы материалы статей Н.А. Баланчика и Н.С. Баланчик: [Баланчик, Баланчик 2017, 2018, 2019].

но от отцов к детям и оправдывается местностью, климатом, образом жизни.

Роль хлеба в питании русских людей всегда была велика. Хлеб считают главою всего. Хлеб – это «основа жизни и стола. Без хлеба нельзя прожить, без него любой обед не обед, любому блюду чего-то не хватает» [Похлебкин 1993, с. 31].

В данном параграфе делается попытка проанализировать отдельные слова, функционирующие в говорах Кузбасса и представляющие часть лексико-семантической группы «названия хлеба».

При номинации хлеба важными признаками являются вид и качество муки.

Лексема **аржани́на** в говорах Кузбасса имеет значение «хлеб, испеченный из ржаной муки». Лексическая единица мотивирована диалектным прилагательным **аржано́й**, являющимся фонетическим вариантом литературного слова «ржаной», и образована с помощью суффикса **-ин-** со словообразовательным значением «предмет, материал, явление, характеризующиеся признаком, названным мотивирующим словом». География слова **аржани́на** на европейской диалектологической карте связана с псковскими, смоленскими, пензенскими и свердловскими говорами [Словарь русских народных говоров 1987, вып. 23, с. 341].

Диалектная лексическая единица **астю́г** в кузбасских говорах функционирует в значении «хлеб, испеченный из овсяной муки».

Происхождение данной лексемы как наименования одной из разновидностей хлеба остается неясным; соответствия ему в диалектных словарях не были найдены. В связи с этим представляется возможным классифицировать это диалектное слово в качестве узколокального образования, свойственного только говорам Кузбасса.

Хлеб, не обязательно круглый, испеченный из пшеничной муки, носит в кузбасских говорах название **кала́ч**. Судя по лексикографическим источникам, данное слово имеет широкое распространение в говорах европейской части России. Так, с указанным значением это слово зафиксировано в астраханских, калужских, курских, куйбышевских, владимирских, уральских диалектах [Словарь русских народных говоров 1977, вып. 12, с. 337].

В.И. Даль без указания на территорию распространения отмечает, что **кала́ч** – это «белый пшеничный хлеб вообще» [Даль 1956, т. 2, с.76].

С идентичным значением данное слово зафиксировано в Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой с пометой «обл.» [Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой 1986, т. 2, с. 20].

Лексема **кала́ч** известна в сибирских говорах: в значении «белый хлеб» она функционирует в красноярских говорах [Словарь русских говоров южных районов Красноярского края 1988, с. 127], в новосибирских говорах – в значении «белый пшеничный хлеб круглой формы» [Словарь русских говоров Новосибирской области 1979, с. 209].

Изучая этимологию слова **кала́ч**, М. Фасмер отмечает, что «ко-ла́ч род. п. -ча́ «вид круглого кренделя, плетеная булочка из муки тонкого помола», др.-русск. колачь (Домостр. К. 27 и сл.), укр. кола́ч, болг. кола́ч «каравай», сербохорв. ко́лач, род. п. кола́ча, словен., чак.-кав. koláč, чеш., слвц. koláč "пирог", польск. kolacz "пшеничная лепешка, калач", в.-луж. kolač, н.-луж. kolac. Судя по круглой форме, произведено от *kolo...» [Фасмер 1986, т. 2, с. 285].

В Этимологическом словаре русского языка Н.М. Шанского и Т.А. Бобровой представлено следующее объяснение: «**Калач**. Общесл. Суф. производное от *коло* «круг», см. *колесо*, *кольцо*, *около*. **Калач** назван по своей круглой «внешности». *Калач* < *колачь* в результате падения редуцированных и закрепления аканья на письме» [Шанский, Боброва 1994, с. 118].

В. В. Похлебкин в Кулинарном словаре подчеркивает, что **кала́ч** – это «белый пшеничный русский хлеб — старейший вид белого хлеба в России... Само происхождение его названия считается спорным. Одни лингвисты склонны видеть основу в слове «коло», «колесо», т. е. искаженное «колач» – круглый, кругообразный хлеб. Другие, более правильно, производят это наименование от татарского «калач», т. е. буквально – «будь голоден!», выражение, отражающее высокую степень аппетита. Следовательно, «калач» означает «аппетитный», что, кажется, более верно и по смыслу, и по историческому происхождению...» [Похлебкин 1994, с. 149–150].

Полагаем, что лексическая единица **кала́ч** в говорах Кузбасса вступает в дублетно-синонимические отношения с лексемой **карава́й**, так как, имея разное звучание, они обладают идентичной семантикой. С данным значением слово **карава́й** зафиксировано в тверских, владимирских, калужских и других русских говорах [Словарь

русских народных говоров 1977, вып. 13, с. 65]. Ср.: в современном русском литературном языке **карава́й** – «круглый хлеб» [Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой 1986, т. 2, с. 31].

Хлеб из муки низшего качества, с добавлением отрубей и грубой оболочки зерна – шелухи в говорах Кузбасса называется **гря́зиком**. В основу номинации указанного низкокачественного хлебного изделия положен семантический признак «сероватого цвета, нечистый, с примесью отбросов», который характерен мотивирующему слову. Данное диалектное слово, обозначающее одну из разновидностей хлеба, не зафиксировано ни в одном лексикографическом источнике, отражающем лексический состав говоров как европейской части России, так и Урала и Сибири. В связи с этим представляется возможным классифицировать данную лексическую единицу в качестве узлокального образования, свойственного только говорам Кузбасса.

Рассмотренный языковой материал показал, что лексика, называющая хлеб в говорах Кузбасса, с точки зрения ее становления не имеет единства, так как здесь присутствуют диалектные слова, известные на территории европейской части России, а также имеющие узко региональное образование. При этом разнодиалектное формирование и оторванность от материнских говоров кузбасской диалектной системы, потребность номинативного характера, связанная с указанием на существенные признаки реалии, послужили основанием для образования дублетно-синонимических (**кала́ч** – **карава́й**) отношений в лексике, обозначающей хлеб в говорах Кузбасса.

1.2.2. Наименования изделий из муки в речи жителей Новокузнецка

Лексика тематической группы «наименования изделий из муки» достаточно многочисленна.

В данной параграфе делается попытка проанализировать отдельные слова, представляющие лексико-семантическую группу «выпеченные изделия из муки», функционирующие в речи жителей города Новокузнецка – выходцев из сельской местности, сохранивших диалектные языковые черты.

Пироги научились печь на Руси очень давно. Ни один праздник у русского народа не обходился без пирогов. Пироги – обязательный атрибут свадебного, именинного, рождественского и любого другого праздничного стола.

Чаще всего наименования пирогов, встречающиеся в речи жителей города Новокузнецка – выходцев из сельской местности – мотивированы названиями тех продуктов, которые служат для них начинкой.

В семантике таких номинаций, как **меду́ля**, **пше́нник**, функционирующих в речи жителей Новокузнецка, денотативный компонент достаточно прозрачен и очевиден.

Если слово **пше́нник** в значении «пирог с пшенной кашей» имеет широкое распространение как в говорах европейской части России (архангельских, вологодских, ярославских, саратовских и др.), так и в говорах Сибири (красноярских, новосибирских, омских и томских) [Словарь русских народных говоров 1980, вып. 16, с. 184]; то лексической единице **меду́ля** «медовый пирог» точных соответствий в диалектных словарях не было обнаружено. В связи с этим представляется возможным классифицировать данное диалектное слово **меду́ля** в качестве узколокального образования, свойственного только говорам Кузбасса.

Лексема **ку́рник** как название выпечного изделия известно многим русским народным говорам.

Даль В.И. фиксирует слово **ку́рник** в значении «сдобный круглый пирог, с курицею, яйцами; заместо курицы, попадает туда и утка, и говядина», локализуя его тверскими, псковскими, орловскими и курскими говорами [Даль 1956, т. 2, с. 226].

В Словаре русских народных говоров отмечается, что лексема **ку́рник** имеет значения: «пирог с курицей» (Оренб., Перм., Симб., Самар., Ряз., Костром. и др.), «пирог с мясом (любым)» (Пск., Урал.), «пирог с мясом и кашей» (Новг.), «пирог с морковью» (Тобол., Свердл.), «пирог с луком» (Ряз.), «пирог с брюквой, капустой и пшеном, яйцом» (Волог.), «пирог с грибами» (Перм.) и др. [Словарь русских народных говоров 1980, вып. 16, с. 134-136].

Диалектным словом **ку́рник** в старожильческих говорах Кузбасса, как и в курганских, омских и красноярских диалектах, называют пирог с мясом и картофелем [Словарь русских народных говоров 1980, вып. 16, с.135]. Таким образом, анализируемая лексема с указанным значением свойственна диалектным системам уралосибирского региона, поскольку, вероятно, именно здесь развилось

специфическое значение у номинации, называющей данное выпечное изделие.

Несмотря на различные попытки выяснить происхождение интересующего нас слова, его этимология все еще остается спорной и неясной.

Фасмер М. считает, что слово **ку́рник** «пирог с курятиной» является производным от *кура* «курица» [Фасмер 1986, т. 2, с. 427].

Однако Лутовинова И.С. полагает, что семантическая и этимологическая связь слова **ку́рник** со словом *курица* является более поздней. Происхождение данного слова исследователь связывает с общеславянским глаголом *курити*, восходящем к *куръ* «дым, чад, смард». В связи с этим она пишет: «Существительное *курник* представляется более поздним суффиксальным образованием от общеславянской основы глагола *курити*. Первоначальное значение слова *курник* связано, по-видимому, со способом изготовления: изделие подвергалось воздействию огня, то есть выпекалось» [Лутовинова 1997, с. 145–146].

В результате различных семантических и словообразовательных процессов в диалектах может происходить переосмысление слов. В кузбасских говорах, а также в речи жителей Новокузнецка зафиксировано уменьшительное образование от лексемы **ку́рник** – **ку́рничек**. Данный диминутив отходит от семантики мотивирующего слова и, в отличие от производящего слова, имеющего значение «закрытый пирог с мясом и картофелем», употребляется для обозначения открытого пирога с начинкой из любого мяса. Кроме того, в слове **ку́рничек** произошел процесс десемантизации суффикса **-ек-**, в результате чего диминутив утрачивает значение уменьшительности и перестает им быть как таковым.

Анализируемая лексическая единица не обнаружена в словарных источниках русских европейских говоров, на территории Сибири она отмечена в старожильческих говорах Среднего Приобья как уменьшительно-ласкательное к **ку́рник** в значении «свадебный пирог с курятиной, мясом или салом и другой начинкой, а также вообще мясной пирог» [Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби 1965, т. 2, с. 117].

Лексема **колобо́к** зафиксирована в Толковом словаре русского языка Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю. без каких-либо ограничительных помет в значении «небольшой круглый хлебец» [Ожегов, Шведова 1997, с. 283].

Вместе с тем лексическая единица **колобо́к** достаточно широко распространена в русских народных говорах: в архангельских говорах данное слово имеет значение «булочка из гороховой муки»; во владимирских, новгородских, архангельских, вологодских говорах – «род лепешки из пресного теста, замешанного обычно на отходах сливочного масла»; в ленинградских говорах – «деревенское праздничное угощение: ржаная лепешка с начинкой из крупы, каши, толкна, творога, ягод и т. д., со сметаной и маслом» и т. д. [Словарь русских народных говоров 1978, вып. 14, с. 144–145].

В говорах Кузбасса, а также в речи жителей города Новокузнецка слово **колобо́к** функционирует в значении «круглый пирог с начинкой из творога, картофеля, повидла и т. п.». Из европейских говоров России данное наименование с указанным значением отмечено в рязанских говорах [Словарь русских народных говоров 1978, вып. 14, с. 145].

Исходя из данных Словаря русских народных говоров, не только достаточно трудно судить о семантической близости анализируемого слова в различных русских говорах, но и в установить системные связи между ними. В связи с этим происхождение слова **колобо́к**, а также вопрос о его семантическом развитии имеет ряд различных толкований.

В Этимологическом словаре русского языка, изданном под редакцией Н.М. Шанского, отмечается: «**Колобок**. Вероятно, восточнославянское: укр. *колобок*. По КСРС впервые фиксируется в «Якутских актах» 1641 г. в знач. «моток, клубок»; в знач. «хлебное изделие впервые встречается в «Житии Аввакума» 1672–1673 гг. По происхождению представляет диминутив от *колобъ* «шар, предмет круглой формы, преимущественно изделие из муки» [Этимологический словарь русского языка под ред. Н.М. Шанского 1982, т. 2, вып. 8, с. 207].

Вместе с тем Маркова Е.М. считает, что широко известные в русских говорах слова **ко́лоб** и **колобо́к** в исходном значении не имели семы «круглый», поскольку были мотивированы глаголом *колоть* в значении «резать, долбить» [Маркова 2011, с. 9].

Лексема **коку́рка** – «кушанье из теста в виде круглого хлебца, колобка и т. п. с запеченным внутри целым яйцом», – функционирующая в речи новокузнецчан, отмечена во многих диалектных системах

европейской части России: московских, владимирских, костромских, казанских, пермских, челябинских и др. говорах [Словарь русских народных говоров 1978, вып. 14, с. 105].

Несмотря на широкое распространение в русских народных говорах, происхождение лексической единицы **коку́рка** как наименования выпечного изделия остается неясным. Можно полагать, что анализируемое слово является суффиксальным производным от **коку́ра** «свадебный пирог, пшеничный хлеб с запеченным яйцом, вид кренделя», которое, в свою очередь, образовалось от **ко́ка** «куриное яйцо» [Фасмер 1986, т. 2, с. 281, 283-284].

Однако Маркова Е.М. отмечает, что связь номинаций **коку́ра**, **коко́ра**, **коку́рка** «булочка с яйцом» с **ко́ка** «яйцо» является ошибочной и что, скорее всего, эта связь обусловлена народной этимологией. По ее мнению, в данных дериватах выделяются приставка ко- и корень -кор- «(вероятно, тот же, что и в глаголе корезить «гнуть, ломать», коряга «суковатый обломок дерева»), чередующийся с -чер- (диал. кочера «суковатый пень»), в таком случае название кокура / кокура мотивировано тем, что тесто «корезится», изгибается для придания выпекаемому изделию соответствующей формы» [Маркова 2011, с. 4, 6–7.].

Лутовинова И.С., определяя происхождение слова **коко́ра**, с которым связывает лексическую единицу **коку́рка**, пишет: «Этимология слова [кокура – Н.Б.] такова: оно расчленяется на *ко-кора*; филолог Н.М. Шанский выделяет префикс *ко-*, а *-кора* этимологически сближается с *(с)кора* «корка, засушинка», что превосходно подтверждается внешним видом этого выпечного изделия, имеющего как бы слегка подсушенную корочку» [Лутовинова 1997, с. 102].

Слово **ва́хли** в и говорах Кузбасса, и в речи новокузнецчан функционирует в значении «тонкое сухое печенье из муки на сливках и яйцах с клетчатой отриской на поверхности» и выступает как фонематический вариант литературному **вафли**. Изменение фонемной структуры слова **вафли** в диалекте объясняется тем, что в словах иноязычного происхождения, вошедших в говор через литературный язык, фонемы <ф>, <ф'>, являясь чужеродными, заменялись близкими по образованию звуками [п], [хв], [х]. При этом в говорах Кузбасса широкое распространение получила субституция <ф> заднеязычной <х>, ср.: **арихметика**, **кохта**, **хрукт** и т. п.

С указанной семантикой лексическая единица **ва́хли** известна в алтайских [Словарь русских говоров Алтая 1993, т. 1, с. 124] и красноярских [Словарь русских говоров южных районов Красноярского края, с. 39] говорах.

Разновидность печенья из тонких, хрупких, изогнувшихся во время варки в масле полосок или завитков теста, или хворост, в говорах Кузбасса называется **стру́жками**. С идентичной семантикой диалектное слово **стру́жки** известно в архангельских, уральских, омских, новосибирских, забайкальских говорах [Словарь русских народных говоров 2008, вып. 42, с. 42].

Слово **стру́жки** в исследуемом значении является результатом метафорического переноса, поскольку само выпечное изделие похоже на тонкую, свернувшуюся в завиток ленту дерева, металла и т. п., образующуюся при обработке их поверхности острым инструментом. Такой семантический способ образования диалектного слова, как метафора, способствует наибольшему проявлению адекватности между формой и содержанием в слове, то есть сохраняет его внутреннюю форму в «чистом виде».

Диалектная лексическая единица **стру́жки** в речи жителей города Новокузнецка имеет словообразовательный вариант **стру́жни**, поскольку эти слова представляют собою однокорневые лексемы, различающиеся аффиксами при сохранении семантического тождества.

Судя по лексикографическим источникам, лексема **стру́жни** в значении «разновидность печенья из тонких, хрупких, изогнувшихся во время варки в масле полосок или завитков теста» имеет распространение только в сибирских диалектах: в томских, новосибирских [Словарь русских народных говоров 2008, вып. 42, с. 42] и алтайских [Словарь русских говоров Алтая 1998, т. 4, с. 130].

Рассмотренный языковой материал показал, что лексика выпечных изделий из муки, функционирующая в речи жителей города Новокузнецка – выходцев из сельской местности, сохранивших диалектные языковые черты, с точки зрения ее становления не имеет единства, так как здесь присутствуют диалектные слова, известные на территории европейской части России, а также имеющие уралосибирский характер распространения и узко региональное образование. При этом разнодиалектное формирование и оторванность от материнских говоров кузбасской диалектной системы, потребность но-

минативного характера, связанная с указанием на существенные признаки реалии, послужили основанием для образования вариантных отношений (*стру́жки* – *стру́жни*) в исследуемой лексике.

1.3. Номинации, связанные с текстильным производством в говорах Кемеровской области

1.3.1. Номинации, связанные с единицами измерения в домашнем текстильном производстве в старожильческих говорах Кузбасса

По мнению Б.А. Куфтина, предки восточных славян начали употреблять ткани, произведенные в домашних условиях, значительно раньше, чем народы Западной Европы [Куфтин 1926, с. 20]. Также было отмечено Л. Нидерле то, что терминология домашнего текстильного производства связана с таким занятием русского населения, которое уходит своими корнями в глубь веков [Нидерле 1956, с. 344]. На территории Сибири домашним ткачеством стали заниматься, по утверждению Г.Н. Потанина, с конца XVIII века: «В 17 столетии не только крашенина, но и холст привозился из России, потому что в Сибири не было возделывания льна до 1792 г., когда была прекращена торговля с Китаем в Кяхте и вместе с этим прекратился ввоз китайских бумажных материй. С 1792 г. Сибирь заменила китайские материи своими собственными холстами» [Потанин 1859, с. 141].

«Особенно плодотворным и важным представляется <...> комплексное, или, лучше сказать, – синкретическое, изучение диалектов и народной <...> культуры. Возможность использования тождественных понятий и методов исследования (в том числе и сравнительно-исторических, ареалогических, картографических) применительно к языку и к <...> культуре закономерна потому, что язык есть составная часть и орудие культуры и как таковой может описываться через признаки, общие для почти всех явлений культуры. Кроме того, общность применяемых к языку (диалекту) и к культуре (народной культуре) понятий может проистекать из одинакового взгляда на эти феномены как на семиотические (как на знаковые системы), описываемые при помощи одного и того же логического аппарата» [Толстой 1982, с. 7].

Метрологическая терминология текстильного ремесла содержит богатый материал для лингвистических исследований, так как «из-

вестно, что ткачество вместе с прядением и некоторыми смежными операциями – одно из древнейших занятий человека. Тут же следует отметить, что эти занятия, по-видимому, старше выделения ремесла и что они, возникнув в домашних условиях, очень долго оставались домашним, преимущественно женским делом, т.е. не ремеслом в законченной форме» [Трубачев 1963, с.15]. Поэтому «изучение устойчивого и архаического слоя диалектной лексики, самого ценного для сравнительно-исторических и даже теоретико-семасиологических штудий, невозможно без рассмотрения инвентарного фонда и структуры базисных для этой лексики предметов, действий и явлений, без исследования и учета внелингвистических показателей – быта, нравов, обычаев, предметов сельского обихода и труда» [Толстой 1982, с. 5].

Особенно ценным, на наш взгляд, является изучение лексики промыслов в старожильческих говорах Сибири, так как эти говоры сформировались на территории позднего заселения на полидиалектной основе и являются вторичными по своему образованию.

Количество льна, выдернутого за один раз рукой, в старожильческих говорах Сибири называется **горстью**. Диалектный термин **горсть** не имеет территориальных ограничений [Даль 1956, т. 1, с. 382], известен в орловских [Картотека Словаря орловских говоров], тульских, брянских, рязанских, псковских, вологодских, новгородских, архангельских и других говорах [Словарь русских народных говоров 1972, вып.7, с. 71].

Слово **горсть** как текстильный термин по происхождению является праславянским, ср. «терминологизировано <...> праслав. *gъgъstь в качестве названий меры сорванного льна, конопли <...> Оно образовано от основы глагола *gъgъtnoti с помощью суффикса -ti-: *gъgъttь > *gъrstь» [Трубачев 1966, с. 68].

Лексема **горсть** в сибирских старожильческих говорах обладает полисемией и кроме названного значения обозначает: 1. Сноп сжатого льна или конопли – с данным значением указанная лексема известна в тульских и ярославских говорах. 2. Пучок льняных волокон после мялки, закрученный узлом вокруг руки – с этим значением слово **горсть** зафиксировано в кемеровских и томских говорах [Словарь русских народных говоров 1972, вып.7, с. 71].

Убранные лен и коноплю вяжут в небольшие снопы – вязанки. Вязанка льна в десять горстей называется **десяток**. Данный текстильный термин отмечен в вологодских, сибирских [Даль 1956, т. 1, с. 433], костромских, нижегородских, калужских, пермских [Словарь русских народных говоров 1972, вып. 8, с. 35] говорах.

Диалектизм **полумоток** обозначает определенное количество пряжи, умещающееся на мотовиле. Ареалом распространения данной лексемы являются сибирские говоры [Словарь русских старожильческих говоров средней части р. Оби 1967, т. 3, с. 48; Словарь русских говоров Новосибирской области 1979, с. 415].

Диалектный текстильный термин **чисменка** – «мера пряжи, состоящая из трех нитей», – функционирующий в исследуемых старожильческих говорах, отмечен во многих диалектных системах европейской части России: нижегородских, пермских, олонечских [Даль 1956, т. 4, с. 606], ярославских [Мельниченко 1961, с. 215], вятских [Васнецов 1907], орловских [Картотека Словаря орловских говоров].

В говорах старожильческого населения Кемеровской области зафиксирован фонематический вариант слова **чисменка** – **чесменка**, не обнаруженный в словарных источниках русских европейских говоров. Это название единицы счета нитей непосредственно произведено «от прасл. **cisme* «число».., образованного с <...> старым суффиксом -*smen-* от глагольной основы **citati* в значении «считать (вслух)» [Трубачев 1966, с. 103].

Диалектный текстильный термин **пасмо**, обозначающий количество пряжи в тридцать чисменок, функционирует в кемеровских, томских, тобольских, тюменских, пермских, архангельских, вологодских, тамбовских, брянских и других говорах [Словарь русских народных говоров 1990, вып. 25, с. 258].

Праславянское **rasmo*, относящееся исключительно к уже выпряженным нитям определенных размеров [Трубачев 1966, с. 102], известно в болгарском, сербохорватском, словенском, чешском, словацком, польском, украинском, белорусском языках.

В кемеровских старожильческих говорах лексическая единица **пасмо (ср. р.)** имеет морфологический вариант **пасма (ж.р.)**. Лексема **пасма** на европейской части России бытует в костромских [Словарь русских народных говоров 1990, вып. 25, с. 256] и ярославских [Мельниченко 1961, с. 141] говорах.

Параллельно со словами **пасмо** и **пасма** в исследуемых старожильческих говорах используются варианты **пасмица** и **пас**. Лексическая единица **пасмица** зафиксирована в диалектных словарях Кемеровской и Томской областей [Словарь русских говоров Кузбасса 1976, с. 147; Словарь русских старожильческих говоров средней части р. Оби 1967, т. 3, с. 10]. Вариант **пас** очевидно является узлокальным, поскольку отмечен в кузбасских старожильческих говорах. Ср. в новосибирских говорах **пас** – это «толстый передаточный ремень на сельскохозяйственных машинах» [Словарь русских говоров Новосибирской области 1979, с. 375].

Слово **стена** как термин народного ткачества известен во многих народных говорах и имеет значение «определенное количество пряжи, используемое при сновании по стене для получения холста». Однако в каждом говоре эта лексическая единица обладает своим, определенным метрологическим значением. Так, в нижегородских говорах **стена** – «длина основы холста в 12 аршин» [Даль 1956, т. 4, с. 350]; в московских – «5,5 аршин основы холста» [Радченко 1928]; в ярославских – «четвертая часть основы для новины, равная восьми аршинам» [Мельниченко 1961, с. 193]; в пермских – «единица измерения основы ткани, длины холста» [Беяева 1973]; в томских и новосибирских – «мера пряжи или холста (8–10 аршин)» [Словарь русских старожильческих говоров средней части р. Оби 1967, т. 3, с. 163; Словарь русских говоров Новосибирской области 1979, с. 518].

Диалектный текстильный термин **стена** в старожильческих говорах Кемеровской области служит для обозначения десяти аршин основы ткани и длины холста.

Для названия рабочей детали ткацкого станка в виде частого гребня, служащей для прибивания утка к ткани, в исследуемых говорах используется общеславянский ткацкий термин **бердо**, который широко и весьма единообразно представлен во всех славянских языках: болгарском, сербохорватском, словенском, чешском, словацком, серболужитском, полабском, польском, украинском, белорусском, русском [Трубачев 1966, с. 138].

В зависимости от ширины холста берда бывают следующих размеров (нижеприведенные диалектные термины ткацкого ремесла известны многим русским народным говорам [В.И. Даль 1956, т. 1, с. 81, 82]): бёрдо в шесть пасм – **шестуха**, бёрдо в семь пасм – **сему-**

ха, бёрдо в восемь пасм – **в/осьмуха**, бёрдо в девять пасм – **девятня**, бёрдо в десять пасм – **десятня**, бёрдо в одиннадцать пасм – **одинщик**, бёрдо в двенадцать пасм – **двойник**, бёрдо в тринадцать пасм – **тройник**.

Ряд названий размеров бёрда в старожильческих говорах Сибири имеет словообразовательные варианты: **шестуха** – **шестиник**, **девятня** – **девятуха**, **десятня** – **десятка** – **десятуха**, **одинщик** – **одиннадцатерик**.

В русских говорах европейской части России текстильный термин **одиннадцатерик** известен пермским говорам [Беляева 1973; Словарь русских народных говоров 1987, вып. 23, с. 29], **девятуха** – орловским говорам [Картотека Словаря орловских говоров].

Узколокальными являются ткацкие термины **шестиник** и **десятуха**, так как с метрологическим значением они зафиксированы в кузбасских старожильческих говорах.

В кемеровских и томских говорах отмечена терминологическая единица **полдевятня**, служащая для названия бёрда в 4,5 пасма.

Диалектным текстильным термином **труба** в исследуемых говорах обозначается плотный, тугой сверток нововытканного холста. В указанном значении слово **труба** известно в архангельских, вологодских, новгородских, олонечских, пермских, уральских и сибирских говорах [Словарь русских народных говоров 2012, вып. 45, с. 143].

В кузбасских старожильческих говорах меру холста, равную сорока аршинам, называют **столбом**, а равную двадцати аршинам – **куском**. Лексема **кусок** в говорах старожилов Кузбасса имеет лексический дублет **трубка**. Ареал диалектных терминов **столб**, **кусок**, **трубка** с указанным метрологическим значением ограничивается исследуемыми сибирскими говорами. Ср. В.И. Даль без территориальных помет приводит **трубка холста** – «сверток, скаток» [Даль 1956, т. 4, с. 436]; в новосибирских говорах данное слово обозначает меру холста, равную ста аршинам [Словарь русских говоров Новосибирской области 1979, с. 543], в томских и красноярских говорах – «мера холста» [Словарь русских старожильческих говоров средней части р. Оби 1967, т. 3, с. 190; Словарь русских говоров южных районов Красноярского края 1988, с. 387]. Лексическая единица **кусок** в словаре В.И. Даля характеризуется как «кусок холста, конец, трубка; кусок сукна, половина, нерезаное, как снято со стану» [Даль 1956, т. 2, с. 225]. В говорах Новосибирской области **кусок** – «мера длины тка-

ни, равная ста аршинам» [Словарь русских говоров Новосибирской области 1979, с. 264]. Слово **столб** как метрологический термин в новосибирских говорах обозначает единицу измерения пряжи, равную двум метрам [Словарь русских говоров Новосибирской области 1979, с. 520], в томских говорах – меру длины сети [Словарь русских старожильческих говоров средней части р. Оби 1967, т. 3, с. 190].

Рассмотренный языковой материал показал, что лексика народной текстильной метрологии в исследуемом диалекте с точки зрения ее становления не имеет единства, так как в процессе образования старожильческих говоров Сибири происходило взаимодействие лексических систем разных говоров европейской части России, кроме того, немало слов появилось на сибирской почве.

Анализ наименований мер текстильного ремесла в старожильческих говорах Сибири показал, что значение меры у ряда слов вторично и образовывалось чаще всего в результате метонимического переноса.

Семантической особенностью исследуемой группы слов является наличие многозначности, широко развитых дублетно-синонимических и вариантных отношений. Наличие таковых отношений, явления для терминосистемы нежелательного, объясняется более свободным в языке говоров движением слов; потребностями номинативного характера, когда возникает необходимость раскрыть посредством внутренней формы разные признаки одной и той же реалии или указать на самый существенный из них; междиалектным взаимодействием, разнодиалектным формированием старожильческих говоров Сибири.

Группу метрологической терминологии текстильного ремесла в сибирских старожильческих говорах составляют слова исконно русской лексики, часть которых восходит к общеславянской эпохе.

Номинации, связанные с обозначением мер текстильного ремесла, входят в пассивный лексический запас исследуемых говоров, что объясняется прекращением таких занятий, как домашняя обработка технических культур, прядение и ткачество на дому, уходом многих реалий из хозяйственной жизни носителей говоров.

В.А. Сенкевич назвал русские народные говоры Сибири «огромной экспериментальной лабораторией, дающей материал... для суждения о процессах развития, возникающих в говорах разного генези-

са, вступающих в междиалектное взаимодействие» [Сенкевич 1975, с. 39]. В связи с этим привлечение этнолингвистических фактов даст возможность объяснить учителю-словеснику то, что материальная культура русского населения Кузбасса, представляющая собой проявление единой общенациональной культуры, позволит выяснить пути формирования и развития говоров территорий позднего образования, каковыми являются и старожильческие говоры Кузбасса.

1.3.2. К истории и этимологии диалектного термина КУКЛА в говорах Кемеровской области

Говоры Кузбасса относятся к говорам позднего образования, сложившимся не ранее конца XVII–XVIII вв. на базе разных материнских говоров в условиях сложных междиалектных и межъязыковых контактов. До начала русской колонизации территорию современного Кузбасса (Кемеровская область – Н.Б.) занимало население, говорившее на наречиях уйгурской группы тюркских языков, следовательно, «<...> на данной территории сравнительно позднего распространения русского языка создавались особые условия развития и существования этого последнего: возникало взаимодействие между различными восточнославянскими языками, различными диалектами русского языка, русское население непосредственно общалось с иноязычным населением Сибири» [Скворцова 1955, с. 5]. В результате образовалось своеобразное сосуществование диалектных терминологических элементов севернорусской, среднерусской, южнорусской, сибирской и иноязычных лексических систем.

Диалектная терминология ткачества занимает значительное место в жизни народа, тесно связана с его историей. Поэтому изучение и описание терминологии домашнего текстильного производства одного из сибирских говоров даст возможность определить ряд процессов развития лексической системы в ее становлении на территории говоров вторичного образования, так как диалектная терминология, относящаяся к древнейшим пластам лексики, позволит увидеть закономерности ее становления, определить сферу функционирования на современном этапе развития лексической системы русских народных говоров, уточнить географию определенных лексем для северно-, средне- и южнорусской среды как на территории исконного формирования народных говоров, так и на территории позднейшего распространения севернорусских, среднерусских и южнорусских особенно-

стей в Сибири. Это особенно важно в настоящее время, поскольку усиление в современный период процесса нивелировки русских народных говоров затрагивает в первую очередь наиболее проницаемый лексический уровень языка, а «<...> для науки представляет определенную ценность каждое слово, независимо от того, входит ли оно в литературный язык или является только принадлежностью какого-либо местного говора, ибо оно появилось в речи народа для того, чтобы обозначить, назвать какую-то частицу действительности. Потерять диалектное слово – это значит потерять для народа, истории его духовной и материальной культуры, его языка значительную часть того, что составляло содержание жизни миллионов людей в течение многих столетий» [Мельниченко 1961, с. 7].

Среди диалектных метрологических терминов домашнего текстильного производства весьма интересно слово **кукла**, функционирующее в говорах Кузбасса. Наблюдения показывают, что данная лексическая единица с текстильным терминологическим значением известна многим русским народным говорам.

Даль В.И. фиксирует слово **кукла** в значении «около 20 фунтов чистого льна в связке», локализуя его псковскими говорами [Даль 1956, т. 2, с. 213].

В Словаре русских народных говоров отмечается, что лексема **кукла** имеет значения: «мера обработанного льна» (Новосиб., Каргоп.), «мера обработанного и связанного льна весом в 8 кг» (Пск., Калинин., Ярослав.), «тюк льна в 16 кг» (Каргоп., Арх.), «связка в 20 прядей (волокон) очесанного льна» (Пудож., Олон., Новозыбк., Брян.) [Словарь русских народных говоров 1980, вып. 16, с. 35, 36].

В ярославских говорах, по данным Г.Г. Мельниченко, диалектный термин **кукла** обозначает «связку льна в 10–15 повесм» [Мельниченко 1961, с. 99].

Лексическая единица **кукла** как диалектный метрологический термин домашнего ткачества зафиксирован на территории Сибири, а именно: в томских говорах – «вязанка, пучок льна в 20 фунтов» [Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1965, т. 2, с. 112], в новосибирских говорах – «вязанка, пучок льна в 10–20 фунтов» [Словарь русских говоров Новосибирской области 1979, с. 257].

Диалектным термином домашнего ткачества **кукла** в старожильческих говорах Кузбасса называют «пучок льна в 20 горстей». Таким образом, анализируемое слово с присущим ему специальным значением свойственно диалектной системе исследуемого говора, поскольку, вероятно, именно здесь развилось специфическое значение терминологического характера.

Несмотря на различные попытки выяснить происхождение интересующего нас слова, его этимология все еще остается спорной и неясной.

В этимологическом словаре русского языка, изданном под редакцией Н.М. Шанского, отмечается, что **кукла** – это древнерусское заимствование из греческого языка, при этом греческое **кукла**, по видимому, заимствовано из латинского языка, где *cuculla*, *cucullus* «капюшон» [Этимологический словарь русского языка 1982, т. 2, с. 434].

М. Фасмер считает, что слово **кукла** заимствовано древнерусским языком из латинского через среднегреческий, новогреческий, считая абсолютно неприемлемым предположение об исконнославянском его происхождении и родстве со словом **кука** – «кулак», «кукиш» [Фасмер 1986, т. 2, с. 405].

В связи с этим можно полагать, что лексическая единица **кукла** как диалектный термин домашнего текстильного производства возникла в результате семантического преобразования на основе функционального переноса. При этом, несомненно, нельзя не согласиться с мнением Т.С. Коготковой, утверждающей, что «термин диалекта полностью соответствует закономерностям словотворчества, которые известны языковой системе диалекта. Базой для его появления служит общеупотребительная, бытовая лексика говора; семантическое преобразование с подчинением ему морфологических средств – основной способ продуктивного терминотворчества в говоре <...> бытовые общеупотребительные слова говора используются в производственном контексте, и тем самым осуществляется их специализация» [Коготкова 1979, с. 72, 73], а также «ремесленно-промысловая лексика формировалась на основе переосмысления бытовых (повседневных) слов, т.е. имело место семантическое терминообразование. Семантические термины – типичные языковые образования в сфере номинативно-производственной лексики» [Коготкова 1991, с. 13].

В связи с изложенным возникает вопрос о том, как же связано диалектное слово **кукла** со специализированной семантикой с общенародным словом **кукла** в значении «игрушка в виде фигуры человека»? Достаточно сложно представить развитие вторичного производственно-терминологического значения у лексемы **кукла** на базе общенародного слова. Здесь присутствует определенная смысловая затемненность, «семантическая непрозрачность», не прослеживается внешняя аналогия, сходство, функциональный перенос – все то, что определяет смысловую трансформацию слова при образовании термина со значением меры. А для процесса номинации, как считает Д.Н. Шмелев, существенными для языка являются те связи, которые обусловлены «предметно-логическими, а не собственно языковыми (семантическими) факторами» [Шмелев 1964, с. 130].

В этом отношении, на наш взгляд, наиболее приемлемой является гипотеза П.Я. Черных, который, не отвергая предположения о греческом происхождении слова **кукла** в значении «игрушка в виде фигуры человека, чаще всего нарядно одетой девочки», считает, что «сюда, по-видимому, не относится ни архангл. *кукла* – «привязанная к прялке охалка льну, из которого прядут нитку», ни колым. *кукла* – «толстая связь из ивовых ветвей», эти слова другого происхождения». При этом П.Я. Черных полагает, что анализируемое слово со специализированной семантикой восходит к корню *кук* «кулак», «кукиш», известному с индоевропейской поры [Черных 1993, т. 1, с. 450]. В данном случае лексема **кукла** как метрологический термин конкретизируется своими первообразами, а именно: *кука* «кулак», «кукиш» определяется через значение «шишка», также сравните литовское *kaukas* – «шишка», *kaukazas* – «бугор», «холм»; древнеисландское *haugr* (исл. *haugur*) – «холм», «груда», «курган» [Черных 1993, т. 1, с. 450,451].

В заключении отметим, что смысловая связь между значениями слов *кукла*, *кулак* и в производной от *кукиш* лексеме *кукишка* прослеживается в русских народных говорах, где они фиксируются как наименования единиц измерения: **кукла** – «мера обработанного льна» [Словарь русских народных говоров 1980, вып. 16, с. 35]; **кулак** – «мера длины – одна двенадцатая сажени» [Словарь русских народных говоров 1980, вып. 16, с. 52]; **кукишка** – «чесаный пучок льна, для насадки на прялку, мочка, кудель, кужель» [Даль 1956, т. 2,

с. 213], «пучок льна, приготовленный для прядения», «шесть горстей чесаного льна» [Словарь русских народных говоров 1980, вып. 16, с. 34].

1.4. Номинации, связанные с пчеловодством в говорах Кемеровской области¹

1.4.1. Структурно-семантическое своеобразие диалектных названий ульев (на материале говоров Кемеровской области)

Исследование специальной лексики диалекта является актуальной задачей лингвистики, так как это, во-первых, связано с обращением к глубокому изучению всех сторон жизни народа, его истории, обычаев, языка и, во-вторых, изучение этой лексики, составляющей наиболее древний пласт словаря, важно для фиксации, потому что усиление в современный период процесса нивелировки русских народных говоров затрагивает в первую очередь наиболее пронизаемый лексический уровень языка. Поэтому вполне естественным было бы обратить внимание на лексику пчеловодства, связанную с одним из самых древних и популярных промыслов русского народа.

Наименования ульев исторически восходят к раннему периоду развития пчеловодства на Руси – бортничеству, то есть примитивному пчеловодству в лесу, добыванию меда диких пчел и простейшему уходу за ними. При бортевом пчеловодстве пчелы содержались в дуплистых деревьях, которые назывались **бортями**. Естественно, к настоящему времени бортевое пчеловодство прекратило свое существование, и все-таки лексема **борть** употребляется говорящими в рассказах о пчеловодческом промысле, но при этом данное слово понимается информантом как устаревшее, теперь не употребляющееся, обозначаемое этой лексической единицей понятие произвольно толкуется им через вошедшее из литературного языка слово: «Борть – раньше ульи так называли. На той стороне реки староверы жили, у них еще бортя были, ульи таки в дуплах» (с. Кузедеево Новокузнецкого района). Лексема **борть** известна в говорах Среднего Урала [Словарь русских говоров Среднего Урала 1964, т. 1, с. 53] в значении *«улей, выдолбленный в растущем хвойном дереве»*, в пермских говорах [Словарь русских народных говоров 1968, вып. 3, с. 120] **борть** обозначает ель, на которую вешается улей, в говорах Красноярского

¹ В параграфе использованы материалы статьи: [Баланчик 2008].

края ульи в дереве называются производным от лексемы **борть** словом **бортня** [Словарь русских говоров южных районов Красноярского края 1988, с. 29].

Слово **борть** представлено в Словаре русского языка с пометой «устарелое» [Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой 1985, т. 1, с. 109].

В связи с переходом бортничества к более прогрессивному разведению пчел – к колодному пчеловодству формируется и лексика, называющая жилища для искусственного расселения дикой пчелы. При колодном пчеловодстве пчелы содержались в ульях-**дуплянках** и **колодах**. Ульи-**дуплянки**, то есть выдолбленные из дерева колоды для пчел, в Кузбассе имели широкое распространение и получили в говоре свое название в зависимости, во-первых, от формы – **дуплѐ** – «улей с камерой наподобие дупла, выдолбленной в отрезке здорового дерева»: «Рамчатых ульев не было, дупли были» (с. Березово Новокузнецкого района); во-вторых, от особенностей устройства – **дуплянка** – «неразборный улей без дна»: «У всех дупляночки были, дуплянки были» (с. Кузедеево Новокузнецкого района); в-третьих, от способа изготовления – **долблянка** – «улей, выдолбленный из обрубка дерева»: «Раньше были долблянки» (с. Ильинское Новокузнецкого района). Лексема **дуплѐ** с специализированным значением является образованием кузбасских говоров, ср. в томских говорах – **дуплѐ** – «пустота в стволе дерева» [Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби 1964, т. 1, с. 136]. Слова **дуплянка** и **долблянка** в значении «улей, выдолбленный из обрубка дерева» имеют достаточно широкую территорию распространения и известны курским, орловским, брянским, вятским, уральским, томским, красноярским и другим русским народным говорам [Словарь русских народных говоров 1972, вып. 8, с. 104, 262].

Лексемы **дуплѐ**, **долблянка** в указанном значении представляют собою собственно диалектную лексику, слово же **дуплянка** в значении «примитивный, неразборный улей, выдолбленный из обрубка дерева или сбитый из досок» зафиксировано в Словаре русского литературного языка без ограничительных помет [Словарь современного русского литературного языка 1993, т. 4, с. 511].

Ульи, устроенные в обрубках бревна с выдолбленной серединой, более массивные по величине, чем ульи-дуплянки, в говорах Кузбас-

са называются **колодками**, например: «*Колодки ставили*» (с. Коново-лово Беловского района). Эта лексема зафиксирована в Словаре русских народных говоров с иным значением, чем в кузбасских говорах, а именно: «*Улей в дупле дерева; борть*», территория функционирования ограничена свердловскими, курскими говорами [Словарь русских народных говоров 1978, вып. 14, с. 157], в новосибирских говорах анализируемое слово обозначает «*любой улей*» [Словарь русских говоров Новосибирской области 1979, с. 229], а в красноярских говорах – «*висячий выдолбленный улей*» [Словарь русских говоров южных районов Красноярского края 1988, с. 148]. Вместе с тем слово **колодка** в значении «*название различных предметов, представляющих собою обрубков бревна с выдолбленной серединой, например: улья, корыта и т.п.*» без ограничительных помет отражено в словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой [Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой 1986, т. 2, с. 75].

Ульи-колодки размещались на пасеке в вертикальном или горизонтальном положении. В зависимости от этого в говорах Кузбасса они получили следующие названия: 1) **стояк** – «*вертикально поставленный улей-колода*»; 2) **лежак** – «*улей-колода, горизонтально лежащий на земле или на подставках*». Лексемы **стояк** и **лежак** в данном значении без указания на территорию распространения отмечены в словаре В.И. Даля [Даль 1956, т. 2, с. 245; т. 4, с. 234], бытуют в донских, курских, смоленских, новгородских, псковских, томских и других говорах [Словарь русских народных говоров 1980, вып. 1, с. 326; 2007, вып. 41, с. 256].

С развитием культурного пчеловодства пчел стали содержать в **рамочных ульях**. В связи с этим лексемы **дуплё**, **дуплянка**, **долблянка**, **лежак**, **стояк** перешли в пассивный состав пчеловодческого словаря говоров Кузбасса.

Для обозначения **рамочного улья** в говорах Кузбасса закрепляется устойчивое словосочетание терминологического характера **рамчатый улей**: «*Раньше рамчатых ульев не было, дупли были*» (с. Березово Новокузнецкого района). Материалы Словаря русских народных говоров указывают на распространение этого устойчивого словосочетания номенклатурного характера в кемеровских и томских говорах [Словарь русских народных говоров 2000, вып. 34, с. 98], ср. в новосибирских говорах это значение имеет устойчивое словосочетание *рамошный улей*.

Таким образом, исследованный материал позволил сделать следующие выводы:

1. Специальная лексика, связанная с обозначением жилища медоносной пчелы, формировалась в основном на основе переосмысления общенародных слов, то есть имело место семантическое терминообразование.

2. В большинстве своем специальная лексика пчеловодства не является широко известной носителям старожильческих говоров Кузбасса и принадлежит речи коллектива людей, объединенных общей производственной деятельностью.

3. В связи с развитием культурного рамочного пчеловодства большая часть слов, обозначающих жилище медоносной пчелы, ушло в пассивный запас исследуемого говора.

4. Большинство наименований жилища медоносной пчелы носит интердиалектный характер, при этом следует отметить, что в отношении к литературному языку часть рассмотренных лексем является принадлежностью общенародного языка.

1.4.2. Составные термины, обозначающие наименования разновидностей мёда и процесс его добычи в говорах Кемеровской области

По словам П.И. Прокоповича, «пчеловодство представляет собою благороднейшее занятие для мыслящих людей. Благовидность существования пчел, любопытнейшие в них явления, отличная изящность их произведений, легкое и приятное малоделие при их содержании и управлении и значительный доход, ими доставляемый, без отягощения других, – всё должно привлекать каждого хозяина к пчеловодству и возбуждать желание завести пчел» [Прокопович, 1960, с. 5]. Вместе с тем «обширные лесные просторы на территории восточных славян оказались колыбелью давно почитаемого занятия – пчеловодства, которое в ряде мест стало жизненно необходимым. Потому что явилось благодатной формой общения человека с природой, доступным и увлекательным отдыхом, желательным источником дополнительных средств для безбедного существования многих семей» [Карпов 1994, с. 58].

В настоящее время «обострился интерес к региональным, областным и производственно-профессиональным словарям; поэтому

вполне естественным было бы обратить внимание на лексику издревле широко распространенного промысла – пчеловодства. В русистике имеются лексикографические публикации по пчеловодству, однако они учли не более четверти единиц из всего объема лексики русского пчеловодства XI–XX веков» [Карпов 1994, с. 57–58].

В данном параграфе рассматриваются составные термины, связанные с обозначением процесса добычи меда и разновидностей основного продукта деятельности пчел.

Сочетания слов номенклатурного характера в специальной литературе называют составными терминами, сложными наименованиями, терминологическими сочетаниями, терминологическими фразеологизмами. Составные термины литературного языка получили освещение в работах по фразеологии В.В. Виноградова [Виноградов 1972, с. 27], С.И. Ожегова [Ожегов 1974, с. 216, 217], Н.М. Шанского [Шанский 1969, с. 86, 87] и др. Так, академик В.В. Виноградов предлагал выделить в особую группу «целостные словесные группы, являющиеся терминами, т.е. выступающие в функции названия. Прямое, логически оправданное отношение термина к обозначаемому им предмету или понятию создает неразрывность фразовой структуры, делает соответствующую словесную группу эквивалентом слова. С познавательной точки зрения, между составными терминами – научным или техническим – и таким же номенклатурным ярлыком, например названием какого-нибудь явления, предмета, – большая разница, но в бытовом языке эта разница часто стирается» [Виноградов 1972, с. 27]. Кроме того, «между лексическими единицами, образующими сочетания, устанавливаются определенные семантические отношения, а именно: слово реализует одно из возможных для него значений, приобретая семантическую определенность, другое слово по отношению к первому выполняет функцию семантического указания» [Дидковская 1990, с.87]. В нашей работе будем пользоваться названиями «составной термин» и «терминологическое сочетание».

Составные термины **качать мед** и **махать мед**, функционирующие в говорах Кемеровской области и обозначающие процесс добычи меда, являются абсолютными синонимами, поскольку, вслед за Коготковой Т.С. [Коготкова 1979, с.106], Оссовецким И.А [Оссовецкий 1982, с. 56] и другими лингвистами, под абсолютными синонимами, или дублетами, понимаем лексемы и устойчивые сочетания, разные по звучанию, но полностью совпадающие по значению и употребле-

нию. Терминологические сочетания **качать мед** и **махать мед** имеют значение «извлечение меда из распечатанных сотов». По структурно-грамматической модели указанные составные термины построены по образцу словосочетания с подчинительной связью «глагол + существительное в винительном падеже», между компонентами которых реализуется синтаксическая связь управление. По своим лексико-грамматическим признакам указанные сочетания соотносятся с глаголом, который выступает в качестве структурного центра составного термина и является грамматически господствующим компонентом. При этом в качестве грамматического центра указанных сочетаний выступают переходные глаголы; действие, обозначаемое этими глаголами, характеризуется семантической недостаточностью, которая устраняется за счет объектного окружения, выраженного именем существительным в винительном падеже без предлога. Взаимодействие семантики грамматически опорного слова и зависимого слова формирует целостное значение данных составных терминов. В структуре исследуемых терминологических сочетаний глагол, как правило, сохраняет характерную для него систему грамматических форм и значений и осуществляет грамматическую связь с контекстом.

Однако терминологическому сочетанию **махать мед** свойственно ограничение в реализации видового значения глагольного компонента, который употребляется только в форме несовершенного вида. Это обусловлено тем, что глагольный компонент не обладает признаком ограниченного пределом целостного действия и в значении данного составного термина нет семы результативности действия, поэтому он лишен видовой соотносительности.

Терминологическое сочетание **качать мед** способно обозначать как нерезультативное, так и результативное действие, поэтому глагольный компонент в его составе допускает видовое варьирование: **качать / накачать мед**.

Отличительной особенностью семантики составных терминов **качать мед** и **махать мед** является наличие в составе их значения семы субъекта действия. При этом наблюдается следующая закономерность, обусловленная грамматической принадлежностью данных сочетаний: субъект действия здесь выражается эксплицитно существительным с семантикой лица или местоимением в именительном падеже.

В структурном плане порядок следования компонентов исследуемых составных терминов, как правило, не является строго закреплённым, что отличает в целом все глагольные фразеологические единицы русского языка, имеющие парадигматические формы.

Результатом деятельности пчел является мёд – «сладкое густое вещество, вырабатываемое пчелами из цветочных соков» [Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова 1938, т. 2, с.168], который дифференцируется по ряду разновидностей, обусловленных местом сбора, то есть тем, где пчела *берет взятки*, а отсюда – и определенными качествами. В связи с этим в говорах Кемеровской области функционируют устойчивые сочетания номенклатурного характера, обозначающие разновидности мёда.

Монофлорный мёд из нектара акации называется **акациевым мёдом**. Это один из лучших сортов мёда. В жидком виде прозрачен, имеет тонкий и нежный аромат, при кристаллизации (засахаривании) становится белым, мелкозернистым, напоминающим снег [Карпов 1997, с. 149; Иойриш 1976, с. 23, 24].

Гречишный мёд – это «монофлорный мёд с цветков гречихи; имеет цвет от тёмно-жёлтого и красноватого до тёмно-коричневого. Гречишный мёд обладает острым вкусом и своеобразным ароматом, по которому его можно отличить от других видов мёда; кристаллизуется в массу от мелкозернистой до крупнозернистой светло-коричневого или тёмно-коричневого цвета [Карпов 1997, с. 151].

Кипрейный мёд пчёлы делают из лилово-красных цветков иванчая, то есть кипрея. Этот мёд прозрачен, с зеленоватым оттенком, обладает нежным ароматом, приятен на вкус. При кристаллизации становится белым, в виде снежных крупинок, а иногда напоминает сливки или сало [Иойриш 1976, с. 27].

Одним из лучших сортов мёда благодаря исключительно приятному вкусу является **липовый мёд** – «монофлорный мёд из нектара липы. Липовый мёд имеет светло-жёлтый или свело-янтарный цвет, тонкий аромат цветков липы, без горечи; <...> при комнатной температуре кристаллизуется в течение одного-двух месяцев в мелкозернистую, салообразную или крупнозернистую массу» [Карпов 1997, с. 153].

Мёд, который пчёлы делают из нектара различных луговых цветов, называется **луговым мёдом**, или **сборным мёдом**. Он золотисто-

жёлтого, иногда жёлто-коричневого цвета, с приятным ароматом, хороший на вкус [Иойриш 1976, с. 29].

Сотовый мёд – «залитый пчёлами в ячейки и запечатанный восковыми крышечками, натуральный запечатанный в сотах мёд; употребляемый в естественном виде (в сотах) мёд» [Карпов 1997, с. 158].

Полифлорный мёд, который делают пчёлы из нектара разных видов растений, произрастающих в тайге, называется **таёжным мёдом**. Данный мёд обычно тёмного цвета, со специфическим запахом и ароматом, кристаллизуется при комнатной температуре через четыре-пять месяцев.

Цветочный мёд – это мёд, полученный от переработки пчёлами нектара цветов; может быть монофлорным – из нектара одного (или преимущественно одного) растения и полифлорным (сборным) – от нектара нескольких растений. Цветочный мёд каждого конкретного вида имеет свой набор летучих веществ, перешедших в него вместе с нектаром» [Карпов 1997, с. 160].

Падевым мёдом, или **падерным мёдом**, называют мёд, который пчёлы делают не из нектара цветов, а из клейкой сладкой жидкости, выделяемой в жаркое время года живущими на листве растений насекомыми, то есть пади. Обычно при отсутствии взятка с нектарников растений пчёлы переключаются на сбор пади, очищая от неё листву, что способствует оздоровлению флоры. Химические анализы показали, что падь резко отличается от цветочного нектара. Установлено, что если нектар цветов состоит почти исключительно из сахара, то в пади много декстринов и минеральных веществ. Падевый мёд, или падерный мёд, обычно тёмно-зелёного цвета, тягуч, часто неприятного вкуса, обладает слабым ароматом. Оставленный в ульях на зиму, он большинстве случаев причиняет вред, вызывая гибель пчёл. Объясняют вредное действие падевого мёда на пчёл большим содержанием минеральных солей – калия, фосфора, серы и хлора. Однако в настоящее время падевый мёд пользуется большим спросом на международном рынке из-за его высоких лечебных свойств [Карпов 1997, с. 15, 203, 204; Иойриш 1976, с. 31, 32]. Но вместе с тем сибирские пчеловоды стараются падевый мёд не собирать.

Все составные термины, функционирующие в говорах Кемеровской области и связанные с обозначением разновидностей меда, представлены структурно-грамматическим типом «прилагательное +

существительное», между компонентами которых реализуется синтаксическая связь согласование.

Атрибутивный компонент данных терминологических сочетаний конкретизирует значение субстантивного компонента, превращая родовое понятие, называемое данным существительным, в видовое. Субстантивный компонент, в свою очередь, выступает в качестве конкретизирующего слова, потому что только в сочетании с определенными именами существительными атрибутивные компоненты могут реализовать своё значение.

Характерным признаком для исследуемых составных терминов является такой тип внутренних отношений между компонентами в составе словосочетания, как отношения детерминации. Детерминирующим членом здесь будет являться атрибутивный компонент, а детерминированным – субстантивный компонент. Данное явление приводит к тому, что значение составного термина в целом оказывается сконцентрированным в атрибутивном компоненте. При этом связь между атрибутивным и субстантивным компонентами является настолько сильной, что атрибутивный компонент не может подвергнуться идентичной замене другим словом в указанном значении, так как атрибутивный компонент оказывает существенное влияние на формирование значения терминологического сочетания: он уточняет, определяет фразеологическое значение при субстантивном компоненте.

Исследованные устойчивые сочетания лишены образности и выполняют в языке сугубо номинативную функцию.

Таким образом, семантическая структура охарактеризованных в работе составных терминов представляет собой систему семем, позволяющих функционировать значению в качестве знака.

Необходимо отметить, что характеристика составных терминов, связанных с пчеловодством, в её отношении к литературному языку свидетельствует о том, что большая часть терминологических сочетаний является принадлежностью не только говоров Кемеровской области, но и терминологии литературного языка. Однако мы не исключаем данные составные термины из нашего анализа, поскольку исключение из понятия «диалектизм» терминов, свойственных литературному языку и распространенных в диалектной речи, вовсе не означает того, что они совершенно не должны интересовать исследователя русских народных говоров. Если лексико-фразеологический

состав диалекта изучается как определенная система, то термины, известные литературному языку, должны вовлекаться в исследование на равных правах, так как с точки зрения носителей говора диалектизм не существует [Сороколетов 1968, с. 224]. Мы должны при этом учитывать то, что «термины одной отрасли знаний, производства, ремесла <...> выражают определенную систему понятий, где все части системы взаимосвязаны и взаимообусловлены» [Сороколетов 1970, с. 21].

1.5. Номинации, связанные с охотой и рыболовством в говорах Кузбасса¹

1.5.1. Названия охотничьих ловушек в говорах Кузбасса

Кузбасс, расположенный на юго-востоке Западной Сибири, обычно воспринимается как промышленный регион, которому принадлежит заметная роль в добыче полезных ископаемых, скрытых в недрах, и их переработке. «Но так было далеко не всегда. Еще в 1927 году значительная часть населения, прежде всего, представители коренных народов – шорцы и старожилы – существовали за счет охоты и рыбной ловли» [Баранов, Надеждин, 2012, с. 6]. Однако и в настоящее время охотничьи угодья Кузбасса достаточно обширны и разнообразны, и охота является страстью многих увлеченных ею людей: как охотников-промысловиков, так и охотников-любителей. Еще в XIX веке классик русской литературы С.Т. Аксаков, знаток охоты и рыбной ловли, указывал их значение для человеческой деятельности: «Охота, охотник!.. Что такое слышно в звуках этих слов? <...> Кто заставляет в осенние дожди и слякоть таскаться с ружьем (иногда очень немолодого человека) по лесным чащам и оврагам, чтобы застрелить какого-нибудь побелевшего зайца? Охота. Кто поднимает с теплого ночлега этого хворого старика и заставляет его на утренней заре, тумане и сырости, сидеть на мокром берегу реки, чтобы поймать какого-нибудь язя или головля? Охота. Кто заставляет этого молодого человека, отлагая только на время неизбежную работу или пользуясь полдненным отдыхом, в палящий жар, искусанного в кровь летним оводом, таскающего на себе застреленных уток и все охотничьи припасы, бродить по топкому болоту, уставая до обморока? Охота,

¹ В параграфе использованы материалы статей Н.А. Баланчика: [Баланчик 2009, 2010].

без сомнения, одна охота. Вы произносите это волшебное слов – и всё становится понятно» [Аксаков 1966, с. 311].

Объектом данной работы является тематическая группа слов, связанная с названиями охотничьих ловушек во вторичных по своему образованию говорах Кузбасса, что даст возможность анализировать их в плане денотативной связи, при которой слово называет предмет реальной действительности, и десигнативной связи, когда в слове выражается понятие о предмете, так как особенность лексического уровня языка состоит в непосредственной связи лексики с миром реальных. Такой анализ позволит выявить закономерности системной организации слов данной тематической группы, так как «одной из актуальных проблем современного языкознания является изучение системности лексики. Тезис о системности слов и системности значений не вызывает возражений у лингвистов разных школ и направлений. Но решение вопросов, в чем и как проявляется системность лексики, неоднозначно, что объясняется сложностью объекта исследования. Система объективно существует, но не дана непосредственно исследователю» [Попова 1986, с. 3–4].

Лексика названной тематической группы достаточно многочисленна. В данной работе делается попытка проанализировать лишь некоторые слова, функционирующие в говорах Кузбасса и входящие в лексико-семантическую группу «охотничьи ловушки на мелких зверей».

В лексико-семантическую группу «охотничьи ловушки на зверей» входят такие слова, как **кры́ж**, **кулё́ма**, **кулё́мка**, **кулё́нка**, **пете́лька**, **пла́шка**, **слепе́ц**, **слопцы́**.

Слово **кры́ж** в говорах Кузбасса имеет значение «охотничья ловушка на мелкого зверя в виде веревочной или проволочной затягивающейся петли; силок». Происхождение данной лексемы как наименования охотничьей ловушки остается неясным; несомненных соответствий ему в диалектных словарях не были найдены. В связи с этим представляется возможным классифицировать данный диалектный термин в качестве узколокального образования, свойственного только говорам Кузбасса. Ср. в Словаре русских народных говоров фиксируется слово **кри́ж** – «ловушка на кабаргу. Сиб. || Крижи, мн. Ловушка на зверей: бревно, подвешенное на веревках, а под ним приманка. Забайк., Читин.» [Словарь русских народных говоров 1979, вып. 15, с. 253].

Вместе с тем лексическая единица **кры́ж** вступает в дублетно-синонимические отношения со словом **пете́лька**, поскольку, вслед за Т.С. Коготковой, под абсолютными синонимами, или дублетами, понимаем лексемы, разные по звучанию, но полностью совпадающие по значению и употреблению [Коготкова 1979, с.106].

Судя по лексикографическим источникам, диалектный термин **пете́лька** в значении «охотничья ловушка на мелкого зверя в виде веревочной или проволочной затягивающейся петли; силок» имеет широкое распространение как в говорах европейской части России, так и в сибирских говорах. Так, с указанным значением это слово зафиксировано в смоленских, ленинградских, уральских, томских, красноярских, иркутских и других диалектах [Словарь русских народных говоров 1991, вып. 26, с. 326].

Указанная лексема образована от общенародного слова **петля́**, употребляющегося в значении «силок», с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса **-к-**, который впоследствии утратил значение субъективной оценки. Это обусловлено тем, что в говорах «слова, в которых уменьшительные по происхождению суффиксы, выражают стремление говорящих (чаще пожилых женщин) выразиться негрубо, показать свое расположение и симпатию к собеседнику, создать в беседе душевную обстановку» [Ивашко, Мжельская 1973, с. 187].

Охотничья ловушка на мелких пушных зверей в виде огороженного колышками дворики, в котором находится приманка, с открытым входом, над которым расположено давящее устройство типа бревна, тяжёлой доски и т. п., при срабатывании бьющее зверя вдоль туловища, в говорах Кузбасса называется **кулё́ма**. С указанным значением это слово зафиксировано в архангельских, беломорских, печорских, вологодских, уральских, тобольских, новосибирских, красноярских, иркутских и др. говорах [Словарь русских народных говоров, вып. 16, с. 56].

М. Фасмер отмечает, что **кулема** – это «ловушка для зверей», с.-в.-р. <...> Из коми *kulem* <...> «ловушка, сеть» [Фасмер 1986, т. 2, с. 409–410].

Диалектный термин **кулё́ма** в исследуемых говорах имеет словообразовательный вариант **кулё́мка**. В данном слове можно констатировать десемантизацию уменьшительно-ласкательного суффик-

са **-к-**, поскольку слово с указанным суффиксом не отличается по значению от производящего слова.

В словаре В.И. Даля с локальной пометой «сиб.» лексическая единица **кулё́мка** определяется как «дворик из кольев, с воротцами, в которых настожен журавец, очеп, ставится slopeц, плошка, кляпцы» [Даль 1956, т. 2, с. 216].

Кроме того, в кузбасских диалектах функционируют фонетические варианты **кулё́мка** – **кулё́нка**, которые образовались в результате процесса диссимиляции по месту образования смычно-проходных согласных.

Слово **кулё́нка** согласно материалам Словаря русских народных говоров известно сибирским говорам [Словарь русских народных говоров 1980, вып. 16, с. 59].

Диалектные термины **кулё́ма**, **кулё́мка**, **кулё́нка** вступают в дублетно-синонимические отношения с функционирующим в говорах Кузбасса словом **slopeцы́**, так как указанные лексемы, имея разное звучание, полностью совпадают по значению и употреблению.

Лексема **slopeцы́** в значении «охотничья ловушка на мелких пушных зверей в виде огороженного кольшками дворика, в котором находится приманка, с открытым входом, над которым расположено давящее устройство типа бревна, тяжёлой доски и т. п., при срабатывании бьющее зверя вдоль туловища» локализована говорами Кузбасса. Ср. в Словаре русских народных говоров слово **slopeцы́** зафиксировано в значении «ловушка на токующих птиц (тетерева, глухаря, рябчика)» [Словарь русских народных говоров, вып. 38, с. 304].

Диалектный термин **пла́шка** в говорах Кузбасса функционирует в значении «охотничья ловушка на мелкого пушного зверька, представляющая собой расколотое вдоль бревно; между половинами бревна устанавливается колышек – сторожок, срываемый зверьком при захвате приманки и приводящий в движение верхнюю часть бревна, обрушиваемую на животного».

С идентичным значением наименование **пла́шка** имеют широкое территориальное распространение в диалектах Сибири и Дальнего Востока: оно бытует в амурских, красноярских, новосибирских, томских и других сибирских говорах [Словарь русских народных говоров 1992, вып. 27, с. 104–105].

С точки зрения происхождения можно полагать, что лексическая единица **пла́шка** как диалектный термин домашнего охотничьего

промысла возникла в результате семантического преобразования на основе метонимического переноса. При этом, несомненно, нельзя не согласиться с мнением Т.С. Коготковой, утверждающей, что «термин диалекта полностью соответствует закономерностям словотворчества, которые известны языковой системе диалекта. Базой для его появления служит общеупотребительная, бытовая лексика говора; семантическое преобразование с подчинением ему морфологических средств – основной способ продуктивного терминовтвора в говоре... бытовые общеупотребительные слова говора используются в производственном контексте, и тем самым осуществляется их специализация» [Коготкова 1979, с. 72–73], а также «ремесленно-промысловая лексика формировалась на основе переосмысления бытовых (повседневных) слов, т. е. имело место семантическое терминовтвора. Семантические термины – типичные языковые образования в сфере номинативно-производственной лексики» [Коготкова 1991, с. 13].

Слепе́ц – охотничья ловушка на пушных зверей, представляющая собой расколотое вдоль бревно, верхняя половина которого удерживается в приподнятом положении петлей, закрепленной на верхней перекладине воротец; когда зверек хватается положенную между бревнами приманку, наступая при этом на сторожок, верхняя часть бревна освобождается от петли и своей тяжестью придавливает его к нижней половине.

Происхождение лексемы **слепе́ц** как наименования охотничьей ловушки на пушных зверей остается неясным; несомненных соответствий ему в диалектных словарях не были найдены. В связи с этим представляется возможным классифицировать данный диалектный термин в качестве узколокального образования, свойственного только говорам Кузбасса.

Исследования, связанные с парадигматическими отношениями охотничьих терминов **пла́шка** и **слепе́ц** в говорах Кузбасса, показывают, что здесь в семантике содержится и элемент сходства, и элемент различия.

Наблюдения над функционированием данных лексем в говорах Кузбасса показывают, что в семантику этих слов включен компонент, связанный с денотатом видового характера, а именно способ действия ловушки – «верхней частью бревна придавливать добычу, привле-

ченную приманкой». Вместе с тем слова **пла́шка** и **слепа́ц** невозможно квалифицировать в качестве абсолютных синонимов, поскольку дифференцирующей семой здесь выступает способ удержания верхней части бревна ловушки, выполняющей функцию гнета, а именно: у **пла́шка** – с помощью колышка-сторожка, устанавливаемого между половинами бревна, а у **слепа́ц** – петлей, закрепленной на верхней перекладине воротец. Кроме того, указанные охотничьи диалектные термины не употребляются в одинаковых или частично совпадающих по характеру лексической сочетаемости контекстах. В данном случае указанные слова вступают не в дублетно-синонимические, а в родо-видовые отношения и поэтому не могут быть отнесены к разряду синонимов. Здесь нельзя не согласиться с мнением Д.Н. Шмелева, что «чем больше слово отягощено индивидуальными семантическими признаками, тем прочнее его «предметные» связи и, наоборот, чем регулярнее (в плане сопоставимости с другими словами) его семантическая структура, тем легче его лексическое значение отождествляется нами с соответствующим понятием. Значения многих слов конкретной лексики настолько насыщены индивидуальными признаками, что являются в принципе несопоставимыми по отдельным признакам друг с другом. Поскольку можно считать, что денотативная функция оказывается для них на первом плане...» [Шмелев 1973, с. 150].

Рассмотренный материал позволяет сказать, что в состав исследуемой лексики говоров Кузбасса входят слова собственно русского происхождения, а также заимствование из языка коми. В анализируемой лексико-семантической группе присутствуют лексические единицы, известные на территории европейской части России, а также имеющие урало-сибирский характер распространения и узко региональное образование. Большинство слов рассмотренной тематической группы не имеет четкой мотивированности. Для анализируемых лексических единиц свойственны дублетно-синонимические, родо-видовые и вариантыные отношения, что объясняется следующими причинами: разнодиалектным формированием и оторванностью от материнских говоров кузбасской диалектной системы, потребностью номинативного характера, связанной с указанием на существенные признаки реалии. Кроме того, в связи с развитием охотничьего промысла большая часть слов, называющих ловушки на мелких зверей, ушло в пассивный запас исследуемого говора.

1.5.2. Семантические особенности рыболовецкой терминологии в говорах Сибири

«С наличием специальной терминологии необходимо считаться также и при изучении русско-сибирской речи. Можно говорить о специальном, техническом словаре сибиряка-земледельца, с одной стороны, и сибиряка-промышленника, с другой, при чем в последнем случае особо о словаре сибиряка, промысляющего охотой, – зверолова и сибиряка рыбопромышленника...» [Черных 1934, с. 12]. Несмотря на то, что «генетическая пестрота сибирских говоров, несходство условий, в которых они формировались, придают абстрактный характер системным отношениям в общесибирском плане» [Бухарева 1982, с. 58], необходимо отметить, что «сопоставление дает возможность не только более четко и ярко вскрыть специфику изучаемого явления в каждом языке, но и познать его существенные признаки. Обнаружение общеязыковых и национально-специфических фактов и сторон аналогичных явлений имеет большое значение как для лингвистической теории вообще, так и для научного описания конкретных языков, и, следовательно, для практического их изучения» [Кодухов 1974, с. 234.].

В связи с указанными выше положениями в данном параграфе будет исследована тематическая группа слов, связанная с названиями ловушек для рыбной ловли во вторичных по своему образованию говорах Сибири, что даст возможность анализировать их в плане денотативной связи, при которой слово называет предмет реальной действительности, и десигнативной связи, когда в слове выражается понятие о предмете, так как особенность лексического уровня языка состоит в непосредственной связи лексики с миром реалий.

Лексика названной тематической группы достаточно многочисленна. В данной работе делается попытка проанализировать лишь некоторые слова, функционирующие в говорах Сибири и входящие в тематическую группу «ловушки для рыбной ловли», а именно: **верша**, **морда**, **корчага**, **бомбонка**, **вентерь**, **фитиль** и некоторые другие.

Слово **верша** в сибирских говорах имеет значение «приспособление для ловли рыбы, сплетенное из ивовых прутьев в виде узкой конической формы корзины с воронкообразным входным отверстием». Судя по лексикографическим источникам, данный рыболовец-

кий термин имеет широкое распространение в говорах европейской части России. Так, с указанным значением это слово зафиксировано в Словаре промысловой лексики Северной Руси [Словарь промысловой лексики Северной Руси 2003, вып. 1, с. 82], в Словаре брянских говоров [Словарь брянских говоров 1980, вып. 2, с. 47], в Словаре орловских говоров [Словаре орловских говоров 1989, вып. 2, с. 16] и других.

В.И. Даль без указания на территорию распространения отмечает, что **верша** – это «рыболовный снаряд из прутьев, в виде бутыли, воронки» [Даль 1956, т. 1, с. 185].

С указанным значением данное слово зафиксировано в Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова с пометами «спец. и обл.» [Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова 1935, т. 1, с. 258] и в БАСе, но уже без ограничительных помет [Словарь современного русского литературного языка 1991, т. 2, с. 135].

У А.Г. Преображенского находим: «**Верша**, рыболовная снасть в виде конической корзины... Неясно. Во всяком случае с герм. группой не имеет ничего общего. Если не одного происхождения с лит., то не относится ли к *верх- вѣршти *молотить*, первоначально *тащить*, *волочить*» [Преображенский 1986, т. 1, с. 78].

По свидетельству М. Фасмера, слово **верша** – «рыболовная снасть, сплетенная из прутьев» – известно большинству славянских языков и является производным от праславянского *vъrxъ [Фасмер 1986, т. 1, с. 302].

Также об общеславянском характере этого рыболовецкого термина говорится в Этимологическом словаре русского языка под редакцией Н.М. Шанского: «**Верша** (рыболовная снасть в виде конической плетёнки). Общеславянское... Образовано с помощью суффикса -j- от *vercha. Вероятно, «верх, верхушка»... Семантически образование данного слова оправдано конической формой верши, напоминающей верхушку» [Этимологический словарь русского языка под ред. Н.М. Шанского 1968, вып. 3, т. 1, с. 70].

Особо следует отметить, что во всех просмотренных словарях, отражающих как лексику говоров Сибири, так и европейской части России, указывается на то, что эта рыболовная снасть имеет коническую форму, за исключением русских говоров Алтая, где слово **верша** зафиксировано как «вид ловушки для рыбы, сплетенной из пруть-

ев в виде цилиндра» [Словарь русских говоров Алтая 1993, т. 1, с. 136].

В словаре В.И. Даля с локальными пометами «сев. и вост.» лексическая единица **морда** определяется как «плетеная верша» [Даль 1956, т. 2, с. 345], в Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова с ограничительной пометой «обл.» – «верша, плетенка из ивовых прутьев для ловли рыбы» [Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова 1938, т. 2, с. 259], в БАСе же лексема **морда** без каких-либо ограничительных помет зафиксирована в значении «плетенка из ивовых прутьев для ловли рыбы; верша» [Словарь современного русского литературного языка 1957, т. 6, с. 1255].

А.Г. Преображенский отмечает, что «**морда**, *верша*, *плетенка из ивовых прутьев для рыбной ловли*. См. м е р д а... **Мерда**, обыкн. морда, диал. сев., вост. *Род рыболовной снасти, верша... из ивовых прутьев...* Заимств. из фин. *merta маленькая рыболовная снасть из ивовых прутьев* или из шв. *mj'a'rde...* [Некоторые считают шв. также заимств. из фин.]]» [Преображенский 1986, т. 1, с. 556, 552].

У М. Фасмера – «**морда** «верша», олонек, арханг., с.-в. – р., вост.-русс. Вероятно, фин.-уг. происхождения, как и *мерёда*, *мерда*» [Фасмер 1986, т. 2, с. 653].

На основании данных указанных словарей можно предполагать, что слова **верша** и **морда** в говорах европейской части России являются абсолютными синонимами, так как их парадигматическая структура свидетельствует о семантическом тождестве и о возможности контекстуальной взаимозамены.

В говорах Сибири лексема **морда** в семантическом отношении квалифицируется неоднозначно.

В Словаре русской народно-диалектной речи в Сибири XVII–первой половины XVIII в. слово **морда** зафиксировано в значении «верша» [Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII–первой половины XVIII в. 1991, с.76], в Словаре русских говоров южных районов Красноярского края – «плетеная ловушка для ловли рыбы» [Словарь русских говоров южных районов Красноярского края 1988, с. 199], в Словаре русских старожильческих говоров средней части р. Оби – «орудие рыбной ловли – верша, плетеная из ивовых прутьев» [Словарь русских старожильческих говоров средней части р. Оби 1965, т. 2, с. 154], в говорах Среднего Приишимья – «ко-

шель, вытянутой формы, плетеный из прутьев с квадратным заходом для рыбы» [Острецова 1961, с. 133], в говорах Алтайского края [Словарь русских говоров Алтая 1997, т. 3; с. 88], в русских говорах Кемеровской области лексема **морда** имеет значение «ловушка для рыбной ловли, плетеная из ивовых прутьев округлой формы, в виде бочонка» [Словарь русских говоров Кузбасса 1976, с. 120].

Исследования, связанные с парадигматическими отношениями рыболовецких терминов **верша** и **морда** в говорах Сибири, показывают, что здесь в семантике содержится и элемент сходства, и элемент различия.

В ряде говоров исследуемого региона слова **верша** и **морда** можно считать абсолютными синонимами, поскольку они обладают такими признаками, как семантическое тождество и взаимозаменяемость, что является одним из основных критериев при определении синонимичности слов как особого лексического явления, отличающего его от других явлений лексической системы языка. В качестве свидетельства данному факту также можно привести слова Л.П. Сабанеева, описывающего рыболовство на зауральских озерах: «...в марте, когда елец выходит из глубоких озерных ям, ... ловят его на мормыша или червяка... Но все-таки эта добыча ничтожна... Так называемыми *мордами*, которые, в сущности, не что иное, как среднерусские *верши*, ловят их целыми возами...» [Сабанеев 2000, с. 287]. Признание абсолютными синонимами указанных слов, обозначающих одно и то же понятие, исключает в какой-то мере возможность толкования оттенков значений синонимов как различий в понятийной, логической основе, что и связывает их с языковой природой слов. При этом синонимические отношения данных лексических единиц понимаются нами не только как возможность семантической замены вступающих в синонимические отношения слов, но и как возможность употребления одного слова вместо другого в одинаковых условиях по характеру лексической сочетаемости контекстах. При этом неразличение семантики указанных слов объясняется тем, что они обозначают сходные внешние реалии: произвольна форма ловушек, служащих для рыбной ловли.

В других же говорах Сибири слова **верша** и **морда** невозможно квалифицировать в качестве абсолютных синонимов, поскольку дифференцирующей семой здесь выступает форма исследуемого предмета, а именно: **верша** – рыболовецкое приспособление в виде кониче-

ской формы, а **морда** – рыболовецкое приспособление округлой формы. В данном случае указанные слова вступают не в дублетно-синонимические, а в родо-видовые отношения и поэтому не могут быть отнесены к разряду синонимов. Здесь нельзя не согласиться с мнением Д.Н. Шмелева, что «чем больше слово отягощено индивидуальными семантическими признаками, тем прочнее его «предметные» связи и, наоборот, чем регулярнее (в плане сопоставимости с другими словами) его семантическая структура, тем легче его лексическое значение отождествляется нами с соответствующим понятием. Значения многих слов конкретной лексики настолько насыщены индивидуальными признаками, что являются в принципе несопоставимыми по отдельным признакам друг с другом. Поскольку можно считать, что денотативная функция оказывается для них на первом плане...» [Шмелев 1973, с. 150]. В связи с этим мы считаем, что понятие – это точно определенная логическая категория, у него нет никаких оттенков, и понятия могут быть или тождественны, или нетождественны, то есть различны. Данный факт подтверждает замечание А.А. Холодовича: «Есть основания полагать, что свойством быть ядром словесного ряда обладают слова-акциденции, а не слова-субстанции, или, применяя термины некоторых методистов преподавания иностранных языков, – так называемые строевые слова. Если это так, то в сочетаниях типа *высокий забор* ядром будет *высокий*, а не *забор* – вывод, парадоксальность которого очевидна в свете обычного понимания определяемого как господствующего слова» [Холодович 1960, с. 37]. Наличие родо-видовых отношений в анализируемой группе объясняется прежде всего тем, что указанные слова хотя и общеизвестны носителям говоров, но в известной степени имеют терминологический характер. По словам В.Н. Туркина, они «имплицитно классовы, но эксплицитно бесклассовы» [Туркин 1976, с. 112]. Терминологические же системы, как известно, характеризуются строгой логической упорядоченностью отношений между своими членами.

Диалектные термины рыболовства **корчага** и **бомбонка** в говорах Кемеровской области идентичны по своей семантике лексеме **морда**.

Слова **корчага** в исследуемом значении является результатом метафорического переноса, поскольку само приспособление похоже на большой глиняный сосуд, ср. в исследуемых говорах – «**корчага** –

большой глиняный сосуд круглой формы». Такой семантический способ образования диалектного термина, как метафора, способствует наибольшему проявлению адекватности между формой и содержанием в слове, то есть сохраняет его внутреннюю форму в «чистом виде». С указанной терминологической семантикой это слово известно уральским говорам и говорам Сибири: Словарь русских народных говоров локализует его челябинскими, оренбургскими, томскими, новосибирскими, енисейскими, красноярскими, ангарскими, забайкальскими диалектами [Словарь русских народных говоров 1979, вып. 15, с. 29].

Происхождение лексемы **бомбонка** как наименования рыболовецкого снаряда остается неясным; несомненных соответствий ему в диалектных словарях не были найдены. В связи с этим представляется возможным классифицировать данный диалектный термин в качестве узколокального образования, свойственного только говорам Кемеровской области.

Диалектные термины **морда** и **корчага** в исследуемых говорах имеют словообразовательные варианты **мордушка** и **корчажка**. Суффиксы *-ушк-* и *-к-* в русском литературном языке имеют уменьшительно-ласкательное значение [Русская грамматика 1980, т. 1, с. 210, 213]. Однако в данных словах можно констатировать десемантизацию уменьшительно-ласкательных суффиксов, так как в говорах известны и достаточно употребительны соотносительные слова без указанных суффиксов, но в тех же значениях, то есть слова с такими суффиксами перестают отличаться по значению от производящего слова. Слова **мордушка** и **корчажка** согласно материалам Словаря русских народных говоров известны уральским, курганским, свердловским, омским, томским, прииртышским, новосибирским, красноярским говорам [Словарь русских народных говоров 1979, вып. 15, с. 30; Словарь русских народных говоров 1982, вып. 18, с. 261].

В русском литературном языке для обозначения рыболовной ловушки с каркасом цилиндро-конической формы на обручах с сетными воронками внутри употребляется слово **вентерь** [Словарь современного русского литературного языка 1991, т. 2, с. 102], которое по своему происхождению является «заимствованным в разное время из лит. *venteris* «верша из ивовых прутьев», лтш. *veñteris* «верша» (возм. заимств. из лит. или куршск.) от пнрибалт. **vente*, лтш. *viete* «прут» [Фасмер 1986, т. 1, с. 292].

В Словаре В.И. Даля отмечается без указания на территорию распространения – «**вентерь, вентель**, мерёжа, мережа, рыболовн. снаряд, сетчатый кошель на обручах с крыльями» [Даль 1956, т. 1, с. 177].

В диалектах Сибири, возможно из стремления сделать заимствованную форму удобопроизносимой, находим: в красноярских говорах – **вятерь** [Словарь русских говоров южных районов Красноярского края 1988, с.58], в новосибирских говорах – **вендель, вентиль, винтель** [Словарь русских говоров Новосибирской области 1979, с. 56]; в томских говорах – **вентель** [Словарь русских старожильческих говоров средней части р. Оби 1964, т. 1, с. 62]; в кемеровских говорах – **вензель** [Словарь русских говоров Кузбасса 1976, с. 41.].

Ту же роль, что и вышеназванные лексемы, в специальной коммуникации в ряде сибирских диалектов выполняет рыболовецкий термин **фитиль**, поскольку на уровне дифференциальных знаковых отношений соотносится с одним обозначаемым, а именно: в новосибирских говорах **фитиль** – «рыболовная ловушка в виде верши с горлом, сплетенная из ниток и натянута на обручах; см. **вендель**» [Словарь русских говоров Новосибирской области, 1979, с. 565]; в томских говорах **фитиль** – «то же, что вентель» [Словарь русских старожильческих говоров средней части р. Оби 1965, т. 3, с. 209]. С идентичной семантикой и локализацией севернорусскими говорами данное слово зафиксировано в Словаре В.И. Даля [Даль 1956, т. 4, с. 535].

Однако необходимо отметить, что в говорах Кемеровской области слова с специализированным значением **вензель** и **фитиль** не могут являться дублетами, поскольку при определении значения указанных лексем выделяются дифференциальные признаки противопоставления, ср.: **вензель** – «рыболовецкий сетчатый снаряд на обручах, имеющий два полотна сети по бокам», но **фитиль** – «рыболовецкий сетчатый снаряд на обручах, подобный вензелю, но с одним крылом» [Словарь русских говоров Кузбасса 1976, с. 41, 218].

Вместе с тем в кемеровских говорах в дублетные отношения вступают слово **вензель** и устойчивое сочетание **двухкрылый фитиль**. Адъективный компонент устойчивого сочетания **двухкрылый фитиль** служит для семантической дифференциации его со словом **фитиль**, создавая языковую надежность при стабилизации самого

понятия, поскольку в специальной коммуникации важно употребить знак в соответствии именно с тем обозначаемым, которое в данный момент является предметом мысли, не допустить ошибочной замены его другим знаком, обозначающим на дифференциальном уровне близкое понятие.

Рассмотренный материал позволяет сказать, что в состав исследуемой лексики говоров Сибири входят слова общеславянского, собственно русского, прибалтийского и финно-угорского происхождения. В анализируемой тематической группе присутствуют лексические единицы, известные на территории европейской части России, а также имеющие урало-сибирский характер распространения и узко региональное образование. Большинство слов рассмотренной тематической группы не имеет четкой мотивированности. Для анализируемых лексических единиц свойственны дублетно-синонимические, родо-видовые и вариантные отношения, что объясняется следующими причинами: разнодиалектным формированием и оторванностью от материнских говоров сибирской диалектной системы, общедоступностью и общепонятностью диалектного термина, ясностью его детерминации; потребностью номинативного характера, связанной с указанием на существенные признаки реалии.

1.6. Фитонимы и миконимы в говорах Кемеровской области

1.6.1. Особенности номинации и парадигматики фитонимов в говорах Кузбасса

Говоры Кузбасса относятся к диалектам позднего образования, сложившимся не ранее конца XVII–XVIII вв. на базе разных материнских говоров в условиях сложных междиалектных и межъязыковых контактов.

Предметом настоящей работы является вопрос об особенностях номинации и парадигматики фитонимов, функционирующих в говорах Кузбасса.

По словам И.В. Бугаева, «человек всегда имел определенные взаимоотношения с растительным миром, в связи с чем за многовековую историю у различных народов сформировались собственные представления о растениях и свои названия» [Бугаев 2010, с. 6]. В основе наименования фитонимов, функционирующих в говорах Кузбасса, лежат совершенно различные явления реальной действительности,

совершенно разные отношения лексической мотивации. Не ставя перед собой задачи выявить и охарактеризовать в пределах этого параграфа все признаки, которые кладутся в основу диалектных названий растений, рассмотрим несколько фитонимов, для выяснения особенностей наименования которых решающим или верифицирующим является анализ семантики.

Немалую группу слов-фитонимов в говорах Кузбасса составляют те, в основе наименования которых лежит признак цвета: бордоголовник, белоголовник и др. Так, растение **бордоголовник** «травянистое растение кровохлёбка лекарственная. *Sanguisorba officinalis* L.» получило свое название из-за бордового цвета своего цветка. Ср.: *От животу бордоголовник помогает, цветок у него, как шишечки бордовы*. Белыми цветками, собранными на верхушке стебля в соцветие, мотивируется название фитонима **белоголовник** «травянистое растение тысячелистник обыкновенный. *Achillea millefolium* L.». Ср.: *Белоголовник, и он цвет бело, белоголовник называется*.

В говорах название растения может возникнуть на основе ассоциации с внешним видом определенного предмета реальной действительности либо какой-либо его части. Фитоним **баран** «травянистое растение алоэ. *Aloe arborescens* Mill» получил свое наименование на основе сходства с рогами животного. Ср.: *А вот этот алой, его звали бараном. У его вишь, каки листья, ага, как рога, его звали бараном. Вот в старину бараном звали, а час алоем называют*. Плоды, напоминающие собою мелкие калачи, легли в основу диалектного названия растения **калачики** «травянистое растение просвирник круглолистный. *Malva rotundifolia* L.». Ср. *В детстве все калачики собирали да ели*.

В основу номинации фитонимов в говорах могут лечь особенности места произрастания. Например, средой обитания растения **купальница** «травянистое растение калужница болотная. *Caltha palustris* L.» является болотистое место, отсюда и его название. Ср.: *Купальница больше по болотным местам растёт, поэтому и купальница*. **Подтынником** прозвали в говорах Кузбасса «травянистое растение чистотел большой. *Chelidonium majus* L.» за его склонность расти под тыном (забором), которым огорожены огороды и сады. Ср.: *Подтынник – это сорная трава, которая растет под забором*.

Наименование растения может опираться на характер его использования.

Так, фитоним **кровоавник** «травянистое растение тысячелистник обыкновенный. *Achillea millefolium* L.» получил такое название потому, что в народной медицине используется в качестве кровеостанавливающего средства. Ср.: *Кровоавник кровь хорошо останавливает. В лесу, в поле ли руку поранишь, надо листочек размять и приложить к ранке, и кровь остановиться.* **Золотушная трава** «травянистое растение череда трёхраздельная. *Bidens tripartita* L.» чрезвычайно популярна в народной медицине как эффективное противозолотушное средство. Ср.: *Золотушной травой болячки, которы на теле, лечат.*

В наименовании фитонимов могут отразиться характерные признаки вкуса и запаха растения. Например, **кислянка** «щавель. *Rumex acetosella* L.». Ср.: *Кислянку и крапиву ели.* Или **душичка** «травянистое растение душица обыкновенная. *Origanum vulgare* L.». Ср.: *Заварю чай с душичкой.*

При номинации фитонимов внимание может концентрироваться на характерных свойствах растения. «Травянистое растение крапива жгучая. *Urtica urens* L.» получило в говорах название **жгучка** за свойство вызывать ожог на теле или сильное ощущение жжения. Ср.: *Крапива, котора шибко жжется, она и есть жгучка.* За способность наносить жесткими острыми листьями небольшие резаные раны приобрел свое наименование фитоним **резун** «телорез алоэвидный. *Stratiotes aloides*». Ср.: *У резуна листья жесткие, с зубчиками, они и делают порезы человеку.*

Фитонимическая лексика говоров Кузбасса пополняется в основном за счет вторичной номинации, в основе которой лежит ассоциативный характер человеческого мышления, в связи с этим переосмысление значений протекает чаще всего с помощью образного метафорического переноса. При этом деятельность человека детерминирует факт языковой действительности, поскольку «в конечном итоге отношение знака к объекту может быть установлено только через практическую деятельность человека, активного овладения им предметом внешнего мира» [Серебренников, Уфимцева 1977, с. 133].

Разнодиалектное формирование и оторванность от материнских говоров кузбасской диалектной системы, потребность номинативного характера, связанная с указанием на существенные признаки реалии,

послужили основанием для образования дублетно-синонимических (**белоголовник – кровавник**) и вариантных (**душичка – душничка**) отношений в фитонимической лексике говоров Кузбасса.

1.6.2. Названия грибов в говорах Кузбасса

«Грибы, очевидно, больше, чем еда. Это лесная поэзия, особая философия и для многих даже в каком-то смысле образ жизни. Грибы – это праздник, который нам дарит лес. <...> Многовековой опыт общения человека с грибами – этим чудом природы, одним из самых совершенных и красивых ее творений – достаточно полно отразился в языке» [Грибы Прикамья в народных названиях и описаниях: словарь диалектных названий грибов под ред. И.А. Подюкова 2012, с. 3, 4].

Предметом описания данной статьи являются наименования грибов, функционирующих в говорах Кузбасса.

Белый гриб березовый – гриб с белой, светло-желтой или беловато-охряной шляпкой и бочонкообразной беловато-коричневой ножкой – в говорах Кузбасса называется **белянкой**.

Словарь русских народных говоров фиксирует слово **белянка** в значении «белый гриб» и локализует его архангельскими, пензенскими, липецкими и тамбовскими говорами [Словарь русских народных говоров 1966, вып. 2, с. 240].

В основу номинации данного гриба положен не цвет его шляпки, хотя она иногда может иметь молочно-белый цвет, а, как и для всех разновидностей белых грибов, его свойство: мякоть его на срезе, а также при термообработке и высушивании остается идеально белой.

Устойчивое сочетание **белянка березовая** в говорах Кузбасса обозначает волнушку белую. Это съедобный гриб с белой шляпкой, главное условие его произрастания – это растущие рядом березы.

Название указанного составного наименования имеет прозрачную внутреннюю форму, где субстантивный компонент указывает на цвет шляпки, а адъективный компонент – на место его обитания. Устойчивое сочетание **белянка березовая** с присущим ему значением не известно в диалектах европейской части России, а также в других говорах Сибири. Это дает основание полагать, что ареал названного диалектного составного наименования ограничивается исследуемыми кузбасскими говорами.

Среди диалектных наименований гриба подберезовика в говорах Кузбасса отмечено слово **обабок**.

Наблюдения показывают, что лексическая единица **обабок**, служащая для названия подберезовика, известна многим русским народным говорам. Так, Словарь русских народных говоров слово **обабок** в значении «подберезовик» локализует тверскими, архангельскими, вологодскими, смоленскими, брянскими, свердловскими, курганскими, красноярскими, томскими и другими говорами [Словарь русских народных говоров 1986, вып. 21, с. 340].

Несмотря на различные попытки выяснить происхождение слова **обабок**, его этимология все еще остается спорной и неясной.

В Кратком этимологическом словаре русского языка отмечается, что **обабок** – это слово собственно русского происхождения, образованное суффиксально-префиксальным способом при помощи присоединения приставки *о-* и суффикса *-ок* от слова **баба** в значении «пень» [Шанский 1961, с. 223].

У М. Фасмера находим: «**Обабок** – гриб «*Boletusgranulatus*», «масленок», арханг. (Подв.), «подберезовик», псковск., тверск., владим., вятск. (Даль), сюда же *абабок* – то же ряз. Производное с приставкой *-о* от *баба* «пень», потому что этот гриб растет кучками; ср. *опенок* от *пень*<...>» [Фасмер 1987, т. 3, с. 97].

В.А. Меркулова считает абсолютно неприемлемым предположение о происхождении и родстве лексемы *обабок* со словом *пень*, поскольку подберезовики не растут вокруг пней. Она полагает, что анализируемое слово образовано от *обабиться* «морщиться, дрябнуть» со значением «нетвердый, быстро раскисающий гриб», поскольку подберезовик – один из самых нежных грибов, легко теряющий свою твердость [Меркулова 1967, с. 177].

На наш взгляд, предположение В.А. Меркуловой заслуживает внимания, поскольку по мере старения подберезовика мякоть его шляпки становится дряблой, рыхлой и водянистой.

Лексема **обабок** в значении «гриб подберезовик» в говорах Кузбасса имеет морфологический вариант **обабка** и абсолютные синонимы **подберёзник** и **красноголовка**. Если слово **подберёзник** имеет прозрачную внутреннюю форму: гриб растет под тем деревом, которое указано в производящей основе; то в названии **красноголовка** присутствует определенная смысловая затемненность, «семантическая непрозрачность». Здесь не прослеживается внешняя аналогия,

сходство, метафорический перенос – все то, что определяет смысловую трансформацию слова при образовании номинации, мотивируемой цветом шляпки: в ботанической литературе отмечается серый, бурый, оливковый, коричневатый цвет шляпки подберезовика, но нигде не упоминается ее красный окрас.

Словарь русских народных говоров фиксирует употребление слова **обабка** в псковских, рязанских, тверских, владимирских, томских и др. говорах [Словарь русских народных говоров 1986, вып. 21, с. 339]; **подберёзник** – в архангельских говорах [Словарь русских народных говоров 1992, вып. 27, с. 335]; **красноголовка** – в новосибирских диалектах и в русских говорах Бурятии [Словарь русских народных говоров 1979, вып. 15, с. 181].

Темно-красный или красно-бурый цвет шляпки гриба послужил основой для образования в говорах Кузбасса лексической единицы **красноголовик**, обозначающей гриб подосиновик. Указанная лексема, как показывает материал Словаря русских народных говоров, функционирует в псковских, новгородских, тверских, владимирских, архангельских московских, уральских и других говорах [Словарь русских народных говоров 1979, вып. 15, с. 181].

Словом **масленник** и его словообразовательными вариантами **масляник** и **маслюшка** в говорах Кузбасса называют гриб маслёнок. Все эти образования обусловлены характерной для указанного гриба скользкой, маслянистой на ощупь кожицей шляпки. Здесь для процесса номинации существенными явились те связи, которые обусловлены предметно-логическими, а не собственно языковыми факторами.

Лексическая единица **масленник** в значении «гриб масленок», согласно материалам Словаря русских народных говоров, известна новгородским, вологодским, костромским, владимирским, вятским, пермским, томским говорам [Словарь русских народных говоров 1981, вып. 17, с. 383]; **масляник** – свердловским говорам [Словарь русских народных говоров 1982, вып. 18, с. 15)]; **маслюшка** – узко-локальное образование, свойственное говорам Кузбасса.

Для обозначения сыроежки в значении «гриб из рода пластинчатых с хрупкой шляпкой, имеющей обычно красную, розовую, зеленую или синюю окраску» в говорах Кузбасса функционируют абсолютные синонимы **сыроега** и **синявка**.

Слово **сыроега**, по всей видимости, представляет собою образование путем редеривации от **сыроежка**. В связи с этим в Кратком этимологическом словаре русского языка находим: «**Сыроега**. Обратное образование, возникшее в результате процесса усложнения основы, подобно *фляга, зонт, ехида* и т. д. от *сыроежка*» [Шанский 1961, с. 223]. Лексема **сыроега** известна во владимирских, ивановских, архангельских, алтайских диалектах и русских говорах Карелии [Словарь русских народных говоров 2010, вып. 43, с.160].

Можно полагать, что лексическая единица **синявка** в качестве названия сыроежки с любым цветом шляпки возникла в результате семантического расширения. Так, Л.С. Нечаева в статье «Наименования гриба «сыроежка» в русских говорах (на материале картотеки ЛАРНГ)» подчеркивает, что «не всегда мотивировочный признак цвета соответствует реальной окраске шляпки гриба. <...> На наш взгляд, это связано с тем, что в народной речи часто происходит трансформация родо-видовых отношений. Вследствие этого наименование, ранее являвшееся видовым и называвшее конкретный вид гриба, может выступать в качестве родового. Так, например, первоначальная семантика лексемы *синявки* – 'вид гриба сыроежка с синей шляпкой' расширяется до родового значения 'род сыроежка, объединяющий грибы с зеленым, красным, синим и др. цветом шляпки'». [Нечаева 2011, с. 335, 336]. Слово **синявка** в указанном значении зафиксировано в архангельских, вятских, костромских, новосибирских, тобольских, томских и других русских народных говорах [Словарь русских народных говоров 2003, вып. 37, с.341].

Для обозначения сухого груздя в говорах Кузбасса служит номинация **путик**. Относительно происхождения указанного слова необходимо подчеркнуть, что оно обладает достаточно ясными мотивационными признаками: этот гриб, как правило, растет на пути грибника и нередко его можно обнаружить, наступив на него. Ареал данной лексемы с названным значением ограничивается диалектной системой исследуемых говоров. Ср. Словарь русских народных говоров фиксирует слово **путик** в значениях «съедобный гриб» и «гриб волнушка», локализуя его вятскими, пермскими, вологодскими, свердловскими говорами [Словарь русских народных говоров 1999, вып. 33, с. 150].

Гриб свинушка в говорах Кузбасса обозначается словообразовательными вариантами **свинарь** и **свинух**, представляющими собою

суффиксальные производные от основы *свин-*. Как литературное слово **свинушка**, так и диалектные дериваты **свинарь** и **свинух** не имеет абсолютно надежной этимологии. В основу мотивации этих названий кладутся такие признаки, как форма шляпки и цвет гриба при повреждении, разрезании или отваривании. С одной стороны, шляпка этого гриба по внешнему виду схожа со свиным ухом, а, с другой стороны, при отваривании, а также на изломе или разрезе гриб становится черным, то есть «грязным», как свинья. Ольга Сенк-Шеленгевич по этому поводу пишет: «**свинушка** /**свинарь** – по форме напоминает кабаньи уши, а может оттого, что темнеют при повреждении, становясь 'грязными', как свинки» [Сенк-Шеленгевич 2016, с. 16]. Судя по лексикографическим источникам, дериваты **свинарь** и **свинух** в значении «гриб свинушка» имеют широкое распространение в русских народных говорах [Ширшаков 2011, с. 327].

Номинацией **грузель** в говорах Кузбасса обозначается один из самых крупных грибов – груздь. Этимология данного миконима спорна и не вполне ясна, однако более вероятным, на наш взгляд, является предположение о происхождении интересующего нас слова, представленное в словаре «Грибы Прикамья в народных названиях и описаниях: словарь диалектных названий грибов»: «Название связано с исходным ГРУЗДЬ, но развивает «тему» массивности, увесистости, грузности гриба (мякоть гриба действительно тяжелая, плотная)» [Грибы Прикамья в народных названиях и описаниях: словарь диалектных названий грибов под ред. И.А. Подюкова 2012, с. 47]. С указанной семантикой лексема **грузель** известна вятским, вологодским, пермским и уральским говорам [Словарь русских народных говоров 1972, вып. 7, с. 166.].

Для названия гриба волнушки в говорах Кузбасса бытуют такие наименования, как **волнинка**, **волнянка**, **волменка**. Сложно утверждать, что указанные номинации восходят к одному исходному слову.

Диалектные лексические единицы **волнинка**, **волнянка** имеют один корень *волн-* и, по всей вероятности, так же, как и литературное слово **волнушка**, этимологически связаны со старинным названием пряжи «*волна*» из-за ворсистости шляпки гриба [Фасмер 1986, т. 1, с. 340]. При этом необходимо заметить, что названные слова на современном этапе развития языка в связи с забвением слова **волна** в

значении «шерсть» утратили с ним мотивировочные отношения и в результате ремотивации актуализировали такой мотивировочный признак, как наличие у гриба шляпки с волнистыми краями и характерного волнистого рисунка на ее поверхности. Так, в Словаре современного русского литературного языка отмечается, что **волнушка** – «съедобный пластинчатый гриб с волнистой розовой или белой шляпкой» [Словарь современного русского литературного языка 1991, т. 1, с. 421]; также в Мотивационном диалектном словаре говоров Среднего Приобья зафиксировано: «ВОЛНУШКИ, шек, мн., ед. ВОЛНУШКА. Съедобные грибы с волнистой шляпкой» [Мотивационный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья) 1982, т. 1, с. 70]. Судя по материалам Словаря русских народных говоров, слово **волнянка** в значении «гриб волнушка» зафиксировано в пермских, псковских и смоленских говорах [Словарь русских народных говоров 1970, вып. 5, с.45]; лексическая единица **волнинка** с указанным значением локализуется говорами Кузбасса.

Номинация **волменка**, по предположению Ф.П. Филина, образовалась от слова «*вълм», «*вълма» – мелкая ива, ивовый кустарник, то есть так же, как и многие названия грибов, являющиеся производными от наименований деревьев: подберезовик, подосиновик, дубовик и т. п. [Филин 1958, с. 593]. С указанной семантикой это слово известно архангельским, вятским, пермским и свердловским говорам [Словарь русских народных говоров 1970, вып. 5, с. 42]

Рассмотренный материал показал, что большая часть названий грибов в говорах Кузбасса – мотивированные наименования, связанные с характерными чертами, особенностями или свойствами называемого гриба. Исследуемая лексика в большинстве своем охвачена вариантными и дублетно-синонимическими отношениями. При этом вариантные и синонимические ряды постоянно пополняются под воздействием экстралингвистических и интралингвистических факторов: разнодиалектное формирование говоров Кузбасса, потребности номинативного характера, связанные с указанием на существенные признаки реалии и др.

1.6.3. Названия гриба ВАЛУЙ в говорах Кузбасса

Гриб *валуй* – это съедобный пластинчатый гриб с желтовато-белой, покрытой слизью, слегка вогнутой шляпкой из семейства сыроежковых.

Для обозначения данного гриба в говорах Кузбасса бытует слово **бычок**, имеющее широкое территориальное распространение в диалектах европейской части России, Сибири и Дальнего Востока [Богачева 2011, с. 345].

Лексема **бычок** в названном значении в говорах Кузбасса вступает в дублетно-синонимические отношения со словами **коровяк**, **кульбик**, **кульпик**, **матрешка**, **сопливник**, **обабок**, поскольку указанные лексические единицы, имея разное звучание, полностью совпадают по значению и употреблению.

В основе народных наименований гриба *валуя*, функционирующих в говорах Кузбасса, лежат совершенно различные явления реальной действительности, совершенно разные отношения лексической мотивации.

Происхождение названия **бычок**, также сюда можно отнести и номинацию **коровяк**, некоторые исследователи связывают с этимологией слова *валуй*.

Так, в Этимологическом словаре русского языка, изданном под редакцией Н.М. Шанского, отмечается, что **валуй** – это восточнославянское слово, являющееся суффиксальным производным от корня *вол*, при этом отмечается, что «*волуй* буквально «воловий гриб» из др.-рус. *волоуи* «воловий» (ср. *коровьяк*). Написание **валуй** – результат отражения аканья на письме» [Этимологический словарь русского языка под рук. и ред. Н.М. Шанского, т. 2, вып. 3, с. 13].

В связи с этим М.Н. Богачева пишет: «Лексема [*валуй* – Н.Б.] этимологизируется, как восходящая к *валуй* «воловий, коровий», представляет собой субстантивированное притяжательное прилагательное от *вол* <...> Полагаем, косвенным подтверждением данной версии могут служить синонимичные единицы, апеллирующие к наименованиям коров: *бык*, *быкап*, *быковик*, *быковник*, *бычок*, *воловик*, *волы*, *корóветник*, *коровки*, *коровьи копыта*» [Богачева 2011, с. 343].

Однако можно предположить, что своему происхождению слово **бычок** обязано внешней форме шляпки, ассоциирующейся с круто-

лобой головой молодого животного. Ср. в Историко-этимологическом словаре русских говоров Алтая отмечено, что название грибов **бычки** «связано с *бык, бычок* (метафора)» [Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая под ред. Л.И. Шелеповой, 2007, вып 1, с. 292].

В основу номинации лексемы **коровяк** согласно народной этимологии могло быть положено место произрастания данных грибов: нередко их можно встретить на месте выпаса крупного рогатого скота. Ср. в речи диалектоносителя: – *Раньше эти грибы коровьяками называли, а теперь кто сопливниками, кто обабками зовут. Они растут там, где коровы ходят, пасутся. Поэтому их коровьяками зовут. Ну, а сопливники – у них шляпка всегда склизкая.*

Составители Словаря диалектных названий грибов говоров Прикамья предполагают, что номинация **кульбик** связана с тюркскими языками (из *кульбик* «седло») [Грибы Прикамья в народных названиях описаниях: словарь диалектных названий грибов под ред. И.А. Подюкова 2012, с. 63].

По поводу происхождения лексемы **кульпик** В.А. Меркулова пишет, что «это наименование, вероятно, связано со словом *кульпа* «безрукий, беспалый. Ср. название валуя *кулак*» [Меркулова 1967, с. 187].

Для наименования гриба *валуй* в говорах Кузбасса используется также лексема **матрешка**.

Поскольку данные грибы растут обычно большими семьями, то русская деревянная игрушка в виде расписной куклы, представляющая собою целую семью, могла послужить мотивом для номинации указанного гриба.

Для названия **сопливник** мотивационным признаком послужило большое количество слизи на шляпке гриба, особенно в дождливую погоду.

Судя по лексикографическим источникам, часть перечисленных названий, связанных с диалектными наименованиями валуя, имеет распространение как в говорах европейской части России, так и в сибирских диалектах; другая часть – диалектные кузбасские образования.

Так, Словарь русских народных говоров локализует слово **кульбик** пермскими, уральскими и красноярскими говорами, **кульпик** – псковскими, вятскими, прикамскими говорами [Словарь русских

народных говоров 1980, вып. 16, с. 73, 75]. Лексемы **коровяк**, **матрешка**, **сопливник** с указанной семантикой представляют собою локальные образования, ограниченные территорией Кузбасса, поскольку в других лексикографических источниках они не обнаружены.

Среди диалектных наименований гриба *валуя* также отмечено слово **обабок**, функционирующее в кузбасских говорах.

Наблюдения показывают, что данная лексическая единица известна многим русским народным говорам, но в большинстве диалектов она служит для названия подберезовика. Ср. Словарь русских народных говоров слово **обабок** в значении «подберезовик» локализует тверскими, архангельскими, вологодскими, смоленскими, брянскими, свердловскими, курганскими, красноярскими, томскими и другими говорами [Словарь русских народных говоров 1986, вып. 21, с. 340].

Несмотря на различные попытки выяснить происхождение слова **обабок**, его этимология все еще остается спорной и неясной.

В Кратком этимологическом словаре русского языка отмечается, что **обабок** – это слово собственно русского происхождения, образованное суффиксально-префиксальным способом при помощи присоединения приставки *о-* и суффикса *-ок* от слова **баба** в значении «пень» [Шанский 1961, с. 223].

У М. Фасмера находим: «**Обабок** – гриб «*Boletusgranulatus*», «масленок», арханг. (Подв.), «подберезовик», псковск., тверск., владим., вятск. (Даль), сюда же *абабок* – то же ряз. Производное с приставкой *-о* от *баба* «пень», потому что этот гриб растет кучками; ср. *опенок* от *пень* <...>» [Фасмер 1987, т. 3, с. 97].

В.А. Меркулова считает абсолютно неприемлемым предположение о происхождении и родстве лексемы *обабок* со словом *пень*, поскольку подберезовики не растут вокруг пней. Она полагает, что анализируемое слово образовано от *обабиться* «морщиться, дрябнуть» со значением «нетвердый, быстро раскисающий гриб», поскольку подберезовик – один из самых нежных грибов, легко теряющий свою твердость [Меркулова 1967, с. 177].

Грибы *валуи* можно встретить не только в лесу, но и рядом с пашней, вдоль лесных дорог, на месте пастбищ, но при этом необходимо подчеркнуть, что они не обладают свойством расти вокруг пней. Поэтому, вслед за В.А. Меркуловой, можно предположить, что

лексическая единица **обабок** в значении «гриб валуй» восходит к слову *обабиться* «морщиться, дрябнуть». При этом следует отметить, что данной особенностью, в отличие от подберезовика, характеризуется не шляпка гриба, а его ножка, структура которой у молодых валуев относительно крепкая, но по мере роста становящаяся очень рыхлой.

Рассмотренный материал позволяет сказать, что в состав исследуемой лексики говоров Кузбасса входят слова, известные многим русским народным говорам, а также имеющие узко региональное образование. Большая часть названий гриба *валуй* в говорах Кузбасса мотивируется на основе связи звучания с явлениями действительности, с которыми они соотносятся. Для анализируемых лексических единиц свойственны дублетно-синонимические отношения, что объясняется потребностью номинативного характера, связанной с указанием на существенные признаки реалии.

1.7. Некоторые аспекты парадигматики и варьирования в говорах Кузбасса¹

1.7.1. Полисемия и омонимия в говорах Кузбасса

В семантическом отношении в кузбасских диалектах слова неоднородны: кроме слов, выражающих одно значение, есть и слова, заключающие в себе два, три, а в ряде случаев и больше значений. При этом большинство широкоупотребительных слов в говорах Кузбасса имеют не одно, а два и более значений, то есть являются полисемантическими (греч. *poli* – «много», *sema* – «знак», *semantikos* – «означающий»).

В зависимости от признака, положенного в основу переноса названия с одного предмета на другой, в говорах Кемеровской области различают два основных способа переноса значений: метафору и метонимию.

Метафора (греч. *metaphora* – «перенос») – это перенос наименования с одного предмета на другой по сходству тех или иных признаков.

Основой для метафорического переноса в говорах Кузбасса могут быть:

¹ В параграфе использованы материалы статей Н.А. Баланчика: [Баланчик 2013, 2015(б)].

1. Сходство формы (**баба** «большой ручной молот; кувалда» и **баба** «орудие кедрового промысла в виде большого деревянного молота, которым бьют пол стволу кедра при сборе шишек»);
2. Сходство цвета (**бусый** «светло-серый» (о цвете) и **бусый** «седой (о человеке)»);
3. Сходство расположения (**болонь** «подкорковый слой сырой древесины» и **болонь** «жесткий подкожный слой говяжьего мяса»);
4. Сходство размера, количества (**изба** «деревянный дом из одной комнаты» и **изба** «одна комната в доме»);
5. Сходство степени плотности (**бусовой** «мелкий, просеиваемый через частое сито (о муке)» и **бусовой** «очень мелкий, частый (о дожде)»);
6. Сходство степени подвижности (**веретёшка** «веретено» и **веретёшка** «о подвижном, непоседливом человеке (чаще о детях)»);
7. Сходство звучания (**реветь** «громко кричать» и **реветь** «громко звать кого-либо»);
8. Сходство степени ценности (**гольный** «в чистом виде, без примесей» и **гольный** «истинный, настоящий, по рождению принадлежащий чему-нибудь – о человеке»);
9. Сходство функции (**вязка** «завязка-бечевка» и **вязка** «петля из гибкого прута, связывающая пару кольев в изгороди»);
10. Сходство впечатления, производимого отвлеченным предметом или свойством предмета, лица (**ботало** «колокольчик, привязываемый на шею пасущихся животных» и **ботало** «о человеке, говорящем много лишнего, не относящегося к делу, нередко вздор, чепуху»).

Метонимия (греч. *metonymia* – «переименование») – это перенос названия с одного предмета или явления на другой по смежности.

К метонимии в говорах Кузбасса относят:

1. Перенос названия сосуда, емкости на объем того, что содержится в сосуде, емкости (**топлёнка** «глиняная чашка для растапливания масла, кипячения молока» и **топлёнка** «топлёное молоко»);
2. Перенос названия вещества, материала на изделие из него (**колода** «ствол срубленного дерева» и **колода** «улей, выдолбленный из дерева»);

3. Перенос наименования помещения (части помещения) на того, кто в этом помещении находится (**колода** «улей, выдолбленный из дерева» и **колода** «пчелы одного улья»);

4. Перенос названия действия на предмет, при помощи которого оно происходит (**бутара** «работа по отделению золота от примесей земли» и **бутара** «приспособление для отделения золота от примесей земли»);

5. Перенос названия действия на наименование результата (**жнитво** «жатва» и **жнитво** «поле после уборки урожая»);

6. Перенос названия предмета на его часть (**боярка** «вид кустарника; боярышник» и **боярка** «ягоды боярышника»);

7. Перенос названия части тела на название части одежды, прикрывающей эту часть тела (**голяшка** «голень» и **голяшка** «голенище сапог»);

8. Перенос названия животного на мех или мясо животного (**алтайка** «светло-рыжая лиса, обитающая на Алтае» и **алтайка** «мех светло-рыжей лисы, обитающей на Алтае»);

9. Перенос названия процесса на название определенного промежутка времени (**паужин** «прием пищи между обедом и ужином» и **паужин** «время приема пищи между обедом и ужином»);

10. Перенос названия предмета на название обряда (**блины** «тонкие лепешки из жидкого теста, испеченные на сковороде» и **блины** «часть свадебного обряда, когда в доме жениха на второй день свадьбы делают подарки молодым (новобрачным) за угощение блинами и водкой»).

Как метафоры, так и метонимии различны по степени распространенности и выразительности и достаточно активно функционируют в кузбасских говорах.

Как и в литературном языке, одной из причин развития многозначности слов в говорах Кузбасса является действие закона экономии в языке, сущность которого заключается в противоречии между беспредельностью нашего опыта и ограниченностью ресурсов языка. Поэтому многозначность слова – это явление, порождаемое необходимостью малыми средствами языка обозначить множество явлений окружающей действительности. «Язык обогащается вместе с развитием идей, и одна и та же внешняя оболочка слова обрастает побегами новых значений и смыслов», – отмечает академик В.В. Виноградов [Виноградов 1972, с. 17].

Другая причина многозначности объясняется самим характером человеческого познания мира: обобщение, свойственное нашему мышлению, неизбежно отражается в языке, в том числе и в полисемии.

Таким образом, многозначность – не только экономный, но и удобный, обобщенный способ хранения языковой информации о мире.

В лексико-семантической системе говоров Кузбасса наблюдается и явление омонимии. Под омонимами в говорах понимается совпадение у слов лексем при полном различии семем, то есть это слова, тождественные по звуковой форме, но отличающиеся значением, например: **алтайка** ««светло-рыжая лиса, обитающая на Алтае» и **алтайка** «сорт картофеля, вывезенный с Алтая», **бык** «одно из бревен стропила» и **бык** «подводная скала на реке» и др.

По своему происхождению лексические омонимы в кузбасских говорах связаны с различными источниками, их появление обусловлено разными причинами, а именно:

1. Результатом распада полисемии: благодаря различным изменениям во внеязыковой действительности и отражающей ее лексической системе говора, а также изменению представлений о тех или иных предметах и явлениях прежняя смысловая связь значений многозначного слова может нарушаться: **бык** «одно из бревен стропила» и **бык** «подводная скала на реке» и др.

2. Совпадением в звучании слова исконно русского и иноязычного: слово **бот** в значении «приспособление в виде длинной палки с металлическим наконечником, которым во время рыбной ловли вспугивают рыбу и загоняют ее в сеть» является по своему происхождению общеславянским, а слово-омоним **бот** в значении «лодка, выдолбленная из дерева» заимствовано из английского языка (от англ. boat – «лодка») и др.

3. Совпадением в звучании слова общеупотребительного и диалектного: слово **парус** в значении «укрепленный на мачте кусок плотной ткани особой формы, надуваемый ветром и приводящий судно в движение» является общеупотребительным, а слово-омоним **парус** в значении «большой брезентовый зонт на три-четыре человека» – диалектным и др.

4. Омонимичными могут оказаться слова в результате совпадения просторечного слова и диалектного: слово **морда** в значении «лицо» является грубо-просторечным и слово-омоним **морда** в значении «рыболовная снасть, сплетенная обычно из ивовых прутьев, в виде круглой корзины с воронкообразным входом» – диалектным и др.

5. Результатом словообразовательных процессов, в частности путем присоединения к одной и той же основе аффиксов с разными значениями: слово **ветреница** «цветок подснежник» и слово-омоним **ветреница** в значении «связанные концами ветки молодых деревьев или палки, которые кладутся на стог, чтобы сено не разносило ветром» и др.

6. Результатом фонетических изменений: слово **дуплянка** в значении «дупло в стволе дерева» является производным от *дупло* и слово-омоним **дуплянка** в значении «рукавица из дубленой кожи» – производное от *дублёный* и др.

7. Результатом лексико-грамматической несовместимости, связанной с несовпадением (различием) по принадлежности к частям речи: слово **али** в значении «разве, неужели» является частицей (*Али ты не здешна?*) и слово-омоним **али** в значении «или» – союз (*Анбара два али три хлеба намолотишь.*) и др.

Таким образом, лексико-семантическая парадигма кузбасских диалектов включает в себя слова-омонимы, которые по своим семантическим признакам не взаимозаменяемы, а взаимно исключают друг друга в системе говоров Кузбасса. «Омонимы иногда называют «больными словами». Но против такой точки зрения возражают языковеды. Говорится, например, что защитники взгляда на омонимы как на «больные слова» были бы правы, если бы язык представлял собой математическую систему: одно слово – одно значение, одно звучание – одно слово. В действительности же язык складывается иначе, он имеет свою специфику, поэтому и омонимы являются вполне естественным и закономерным явлением» [Гвоздарев 2008, с. 53, 54].

1.7.2. Фонематические варианты, различающиеся гласными фонемами,

в ремесленно-промысловой лексике говоров Кузбасса

«Вариантность – естественное состояние развивающегося, живого языка, что наиболее ясно прослеживается в диалектах, не подвергающихся сознательному нормированию» [Волохнина, Попова 1981,

с. 138]. При этом «одним из важнейших критериев вариантности является лишь частичное различие в звуковой стороне слова или формы. Любые равнозначные слова или формы, если они не обладают частичным звуковым тождеством, должны рассматриваться не как варианты, а как синонимы (ср. *зубы* и *уста*)» [Граудина 1981, с. 39].

Под фонематическими вариантами понимаются лексемы, тождественные в плане содержания, но различающиеся одной или двумя фонемами в пределах морфемы.

Фонематическое варьирование в говорах прослеживается как в области вокализма, так и в области консонантизма.

В настоящей статье рассматриваются фонематические варианты в ремесленно-промысловой лексике говоров Кузбасса, различающиеся гласными фонемами, а также причины, породившие эти варианты.

В результате полидиалектного образования анализируемых говоров реализации фонем <a>, <o>, <e> в первом предударном слоге после мягкого согласного в них представляют собою некую сложность, неоднозначность и непоследовательность. На территории Кузбасса зафиксированы икающие говоры и говоры, характеризующиеся умеренно-диссимилятивным яканьем и диссимилятивным яканьем жиздринского типа. Однако под воздействием соседних икающих говоров и русского литературного языка якающие системы, активно разрушаясь, развиваются в направлении иканья через стадию еканья. Вместе с тем, по свидетельству О.А. Любимовой, «еканье ныне ещё не утрачено полностью, реликты его спорадически наблюдаются в говоре почти 1/2 лиц старшего и 1/5 среднего поколения» [Любимова 1969, с. 14]. В результате данного эволюционного процесса становятся возможными такие вариантные образования, как *фети'ль* и *фити'ль* с значением «рыболовный сетчатый снаряд на обручах, имеющий два полотна сети по бокам».

Для обозначения составной части орудия для сматывания пряжи с вороб – вьюхи в виде полого цилиндра, на который навивают нить, в говорах Кузбасса зафиксированы слова *тюри'к* и *тюрю'к*. Лексическая единица *тюри'к* внесена в сибирские диалекты носителями материнских говоров севернорусского происхождения. Ср.: в Словаре М. Фасмера лексема *тюрик* локализуется архангельскими говорами [Фасмер 1987, т. 4, с. 137], а в словаре В.И. Даля находим: «ТЮРИКЪ вост. и сиб. *тюрякъ, тюрячекъ* (отъ *турить, гнать?*) *турачка*

и *арх. турачекъ*, мотушка, кубышка (лубочная, гнутая, или дуплянка) на оси, которую быстро вертят, погоня ладонью, и наматывая на нея пряжу съ воробьевъ» [Даль 1956, т. 4, с. 451]. Фонематический вариант *тюрю'к* образовался в результате межслоговой прогрессивной ассимиляции, обусловленной влиянием тюркских языков коренного населения Сибири, имеющих такую закономерность, как сингармонизм гласных.

В фонематических вариантах *бо'тить* и *бу'тить*, имеющих значение «ударять по воде ботом, загоняя рыбу в сеть, в невод, в ловушку» гласный звук [о] подвергается сильной лабиализации, в связи с чем на его месте произносится [у]. По утверждению А.М. Селищева, «лабиализация в этом положении вызвана воздействием соседнего губного неслогового звука» [Селищев 1968, с. 227].

Произнесение [о] как на месте ударного, так и безударного [у] в вариантах *суту'нок* и *судо'нок* в значении «длинное толстое бревно, идущее на доски», а также *о'хлупень* и *о'хлопень* в значении «угольник из двух досок, прикрывающий стык плоскостей двухскатной или четырехскатной крыши с целью не допустить проникновения влаги между ними» объясняется частичной делабиализацией гласного [у], связанной в первом случае с межслоговой регрессивной ассимиляцией, а во втором – с межслоговой прогрессивной ассимиляцией.

Лексическими единицами *сново'лка* и *сно'волока* в анализируемых говорах обозначается сновальный снаряд, служащий для изготовления основы для тканья, состоящий из двух вертикально поставленных рам, плоскость которых взаимно перпендикулярна. Для русского языка, как и для всех славянских, нехарактерно стечение согласных звуков, поэтому эпентеза противодействует этому с помощью гласных звуков. Также эпентетический гласный в фонематическом варианте *сно'волока* обусловлен характерной для русской речи тенденцией к открытому слогу, поскольку, по словам Л.Л. Буланина, «... господствующим типом слоговой структуры в русском языке является открытый слог. Открытый слог СГ является эталоном, идеальной моделью слога. Его элементы характеризуются максимальной слитностью друг с другом, максимальным уподоблением друг другу» [Буланин 1970, с. 151].

Появлению вариантной пары *надалица* – *надальца* в значении «опавшая кедровая шишка» послужила редукция [и] в интерконсонантной позиции. Сильной редукции безударных гласных вплоть до

их полного исчезновения, то есть до нуля звука, по-видимому, в территориальных диалектах способствует высокий темп разговорной речи. При этом необходимо отметить, что редукция гласных до нуля звука в говорах является достаточно продуктивным процессом, поскольку диалектам свойственна свобода от многих ограничений, действующих в строго нормированном литературном языке. Ср., например, произношение слов *поужинать*, *говорить* в говорах как [нау'жнѣт'], [гвар'ѣ'т'].

Фонематические варианты *загне'тка* – *загнѣ'тка* «часть русской печи в виде небольшого углубления в углу шестка или около устья в самой печи, обычно с левой стороны, куда после топки сгребаются угли и зола», *ме'тчик* – *мѣ'тчик* «тот, кто, кидая, укладывает сено в стог» вызваны исторически обусловленным процессом изменения [е] в [о] в позиции под ударением после мягкого согласного перед твердым, имеющим общерусский характер.

В говорах Кузбасса представлена вариантная пара *це'нки* – *ци'нки* «две тонкие дощечки в ручном ткацком станке, одна – от бѣрда, другая – от навоя, разделяющие основу пополам», отражающая действовавшую (а по мнению диалектологов, еще действующую в севернорусском наречии) закономерность перехода фонемы <ѣ>-закрытое в <е>-открытое и <и>.

При выявлении причин, послуживших образованию данных вариантов, можно рассмотреть две гипотезы.

Во-первых, нивелируясь, фонема <ѣ>-закрытое в различных говорах европейской части России могла трансформироваться по-разному. Так, в ряде говоров северо-западной территории России фонема <ѣ>-закрытое совпала с фонемой <и>, во многих же говорах, как южно- и севернорусских, так и среднерусских, фонема <ѣ>-закрытое проявилась в фонеме <е>-открытое [Аванесов 1949, с. 57]. Таким образом, можно предположить, что данные вариантные образования, – результат полидиалектного формирования говоров Кемеровской области, то есть они могли быть принесены переселенцами из европейской части России, различными по своей диалектной принадлежности.

Во-вторых, можно полагать, что видоизменение фонемы <ѣ>-закрытое осуществлялось в сибирских условиях, так как, по свидетельству О.И. Блиновой, данное явление в сибирских говорах проис-

ходило достаточно недавно. Ср.: «Вариантные пары есть – исть, север – сивер и их производные отражают недавно действовавшую в говорах Сибири... фонетическую черту – переход ударенного Е (из ê) в И» [Блинова 1973, с. 104]. Таким образом, в отдельных говорах Кемеровской области фонема <ê>-закрытое могла реализоваться в виде дифтонга [ие]. В связи с этим видоизменение фонемы <ê>-закрытое можно объяснить разным характером дифтонга: в одних говорах слоговой являлась первая часть [ие], в других – вторая часть [ие]. Впоследствии неслоговая часть дифтонга ослаблялась и утрачивалась, в результате чего в одних диалектах Кемеровской области на месте фонемы <ê>-закрытое функционирует фонема <и>, а в других диалектах – фонема <е>-открытое.

Варианты *набе'лки* – *анабе'лки* в говорах Кузбасса имеют значение «деталь ручного ткацкого станка, состоящая из двух параллельно расположенных подвижных висячих узких рамок, в которые вставляется бёрдо». Вариантность в русских говорах, обусловленную наличием протетического гласного в лексеме *ана'белки* и в подобного рода словах, Ф.П. Филин связывал, однако не настаивая на своём предположении, с воздействием соседних тюркских языков [Филин, 1966, с. 31, 32]. Необходимо отметить, что в говорах Кузбасса вероятность развития подобного рода образований достаточно велика, поскольку вторичные по своему образованию кузбасские говоры в процессе своего формирования находились в тесных взаимоотношениях с коренным населением Сибири, говорившим на наречиях уйгурской группы тюркских языков.

Исходя из сказанного можно полагать, что появлению фонематических вариантов в ремесленно-промысловой лексике Кузбасса способствовали полидиалектное образование анализируемых говоров и непосредственное контактирование с тюркоязычным коренным населением Сибири, воздействие на указанные говоры литературного языка и отсутствие литературно-нормированной лексикографической фиксации, а также относительный профессионализм диалектных терминов, благодаря чему они известны широкому кругу носителей говоров, понятны многим и в случае необходимости могут свободно модифицироваться и вводятся в разговорную речь.

1.7.3. Словообразовательное варьирование в диалектной терминологии говоров Кузбасса

К понятию варьирования слова, то есть к модификациям одного и того же слова, обладающим тождественным лексическим значением, имеющим одну денотативную соотнесенность и характеризующимся взаимозаменяемостью в одном или сходных контекстах, в общеязыковом плане относятся неоднозначно. При этом на факт существования вариантности в языке в лингвистике присутствуют полярные точки зрения.

С одной стороны, вариантность слова рассматривается как несовершенство языковой системы, поскольку противоречит тенденции экономии языкового выражения, так как одно из фундаментальных свойств языка заключается в том, что ограниченный набор знаков языка способен передавать неограниченное число смыслов.

С другой стороны, вариантность слова не противоречит принципу асимметрии языкового знака и его означаемого, согласно которому «соотношения между планом выражения и планом содержания языкового знака являются асимметричными, т.е. один знак может нести несколько означаемых, и одно означаемое может выражаться несколькими знаками... Таким образом, не в знаковой стороне языка следует искать объяснение огромных возможностей номинации, обозначения; эти возможности заложены в развитии человеческого сознания, отражающего окружающую действительность, в непрерывной работе человеческого мышления. Постоянно возрастает экстралингвистический опыт человека, растет число мысленных образов в концептосфере. Лингвистический опыт помогает человеку создавать новые знаки – лексемы и новые структуры для их связи» [Попова, Стернин 2007, с. 178, 179]. Кроме того, вариантность – «естественное состояние языка как конкретно-исторического явления...» [Горбачевич 1978, с. 9], при этом «возможности вариантности заложены в самой природе языка, в особенностях его структуры» [Степанов 1968, с. 227].

В области терминоведения к вариантам, как и к другим парадигматическим явлениям, отношение категорически запретительное. Это вытекает из особенностей самого термина: точность, однозначность, соотнесенность с понятием, систематичность в пределах определенной сферы деятельности и др.

В то же время, по словам Т.С. Коготковой, разработчики ГОСТов «допускают видимую непоследовательность, используя эти же, ими самими запрещенные слова на других страницах этого же терминологического стандарта» [Коготкова 1991, с. 65]. И далее «... в ГОСТе («Лесосплав» – Н.Б.) не вызывает доверия соотношение терминов *топляк* и *утоп*. В первом случае – *топляк* ндп. *утоп* затонувшее бревно, а *утоп* ндп. *топляк* лесоматериалы, затонувшие при сплаве в связи с потерей плавучести. При сходстве денотативного наполнения (а оно несомненно) выделение обоих терминов в сфере фиксации выглядит искусственным. Не убеждают в необходимости выделения двух терминов для сходной реалии и дефиниции каждого из них: затонувшее бревно, также можно распространить через сочетание «потеря плавучести». Все это – неизбежные издержки стандартизации, подобно таким, какие встречаются и при выборе стандартизуемой ТЕ (терминологической единицы – Н.Б.) вообще» [Коготкова 1991, с. 65].

Кроме того, «нередки случаи, когда в терминологии сосуществуют оба тождественные по значению образования, но одно (в данных примерах – первое) выступает как более употребительное: *металлоидный* и *металлоидальный*, *циклоидный* и *циклоидальный*, *коррозийный* и *коррозионный*, *тембровый* и *тембральный*» [Словообразование современного русского литературного языка 1968, с. 58].

Если фонетические (*м[о]дернизм* – *м[ъ]дернизм*), фонематические (*аблатив* – *аблятив*), акцентологические (*клаксон* – *класон*), орфографические (*диэреза* – *диереза*) и морфологические (*бурлеск* – *бурлеска*) варианты признаются всеми (или почти всеми) лингвистами, то вопрос о явлении словообразовательного варьирования до сих пор остается спорным.

Ф.П. Филин считал слова с одним и тем же корнем, но с разными аффиксами самостоятельными единицами: «Назначение словообразовательных морфем – создание новых лексико-семантических единиц ... При определенных (различных) обстоятельствах словообразовательные аффиксы как бы десемантизируются, ... но не теряют своей словообразовательной функции» [Филин 1963, с. 132, 133]. Данной точки зрения придерживаются К.С. Горбачевич, Р.П. Рогожникова и ряд других лингвистов. Так, К.С. Горбачевич по этому поводу пишет: «Соблюдая принцип морфологического тождества и отвергая понятие «словообразовательные варианты» слова, мы должны будем отнести

к разным словам весьма сходные в звуковом отношении образования, где различие в словообразовательном аффиксе не обусловлено фонетическими причинами» [Горбачевич 1978, с. 16].

Другая точка зрения, представителями которой являются О.С. Ахманова, О.И. Блинова, Л.К. Граудина, А.И. Смирницкий и другие, гласит: если аффиксальные морфемы не выражают никакого лексико-семантического различия, которое препятствовало бы отождествлению слова, если они являются, согласно терминологии О.С. Ахмановой, «пустыми», то в таких случаях имеется дело со словообразовательными вариантами одного и того же слова, то есть тогда, когда одна из входящих в его состав морфем оказывается лишенной того значения, которое она нормально имеет при различении разных слов [Ахманова 1957, с. 214].

О.И. Блинова, выделяя словообразовательные варианты, при этом отмечает: «Следует максимально использовать функциональную нагрузку термина и бережно относиться к фактору его мотивированности. Ибо удачно избранная при создании термина внутренняя форма может служить орудием познания и развития научного понятия (примером тому может быть термин *внутренняя форма слова*, предложенный А.А. Потебней), в то время как внутренняя форма термина, неточно выражающая суть научного понятия, может отразиться на квалификации обозначаемого термином явления (примером тому может быть судьба термина *словообразовательный вариант слова*, предложенного А.И. Смирницким, вызвавшего дискуссию по поводу квалификации обозначаемых термином однокорневых образований с идентичным значением типа *волчиха, волчица*; при создании названного термина мотивировочный признак – служащий для образования новых слов – одного уровня (уровня морфемы) был приписан другому уровню (уровню слова), в итоге «гипноза внутренней формы», отразившей эту противоречивость, квалификационный вопрос решался не на основе изучения соответственных лексических единиц, а на основе анализа самого термина *словообразовательный вариант*» [Блинова 1984, с. 113].

Вслед за лингвистами, придерживающимися второй точки зрения, мы под словообразовательными вариантами понимаем однокорневые лексемы, различающиеся аффиксами при сохранении семанти-

ческого тождества, так как «единство слова организуется прежде всего его лексико-семантическим стержнем» [Виноградов 1975, с. 36].

Среди существительных различных тематических групп диалектной терминологии в говорах Кузбасса можно выделить словообразовательные варианты, представленные в виде чередования слов с непроизводной основой и основой с суффиксами субъектной оценки:

-/- // *-ушк-*: **балда** – **балд-ушк-а** «орудие кедрового промысла в виде большого деревянного молота, которым ударяют по стволу кедра при сборе шишек», **морда** – **морд-ушк-а** «плетеная из ивовых прутьев или алюминиевой проволоки рыболовная ловушка, обычно округлой формы, в виде бочонка с воронкообразным входом для рыбы»;

-/- // *-ок-* (с морфонологическим чередованием в корне): **бык** – **быч-ок** «одно бревно стропила; стропилина», **обух** – **обуш-ок** «тупая, противоположная лезвию, сторона косы»;

-/- // *-ышк-*: **горло** – **горл-ышк-о** «часть плетеной рыболовной снасти (верши, вентера, морды и т.п.) в виде воронки, через которую рыба попадает в ловушку»;

-/- // *-очк-*: **колода** – **колод-очк-а** «приспособленный под жилище пчел обрубок бревна с выдолбленной серединой»;

-/- // *-иц-*: **игла** – **игл-иц-а** «большая деревянная, костяная или металлическая игла с вырезкой для намотки ниток, служащая для вязания рыболовных сетей»;

-/- // *-к-* (как с морфонологическим чередованием в корне, так и без указанного чередования): **игла** – **игол-к-а** «большая деревянная, костяная или металлическая игла с вырезкой для намотки ниток, служащая для вязания рыболовных сетей»; **куделя** – **кудель-к-а** «пучок вычесанного льняного или конопляного волокна, приготовленный для прядения; кудель, мочка», **корчага** – **корчаж-к-а** «плетеная из ивовых прутьев или алюминиевой проволоки рыболовная ловушка, обычно округлой формы, в виде бочонка с воронкообразным входом для рыбы», **кулёма** – **кулём-к-а** «охотничья ловушка на мелких пушных зверей в виде огороженного колышками дворики, в котором находится приманка, с открытым входом, над которым расположено давящее устройство типа бревна, тяжёлой доски и т.п., при срабатывании бьющее зверя вдоль туловища», **петля** – **петель-к-а** «охотничья ловушка на мелкого зверя в виде веревочной или провололочной затягивающейся петли; силок»;

-/- // **-чик-**: **зуб** – **зуб-чик** «один из коротких полусогнутых металлических крючков, расположенных по обеим сторонам деревянной дугообразной детали самопрялки и служащих для направления нити на катушку»;

-/- // **-ечк-**: **куделя** – **кудел-ечк-а** «пучок вычесанного льняного или конопляного волокна, приготовленный для прядения; кудель, мочка»;

-/- // **-ёнк-**: **морда** – **морд-ёнк-а** «плетеная из ивовых прутьев или алюминиевой проволоки рыболовная ловушка, обычно округлой формы, в виде бочонка с воронкообразным входом для рыбы».

Вариантность данных существительных в говоре обусловлена утратой отмеченными суффиксами значений уменьшительности, увеличительности, ласкательности, непринужденности, фамильярности, так как «слова, в которых уменьшительные по происхождению суффиксы, выражают стремление говорящих (чаще пожилых женщин) выразиться негрубо, показать свое расположение и симпатию к собеседнику, создать в беседе душевную обстановку» [Коготкова 1991, с. 187].

Также десемантизацией суффиксов с уменьшительным, ласкательным, уменьшительно-ласкательным значениями вызвана словообразовательная вариантность в диалектной терминологии Кузбасса у существительных, образовавшихся вследствие вторичной суффиксации производного первой ступени деривации: **брод-ник** – **броднич-ок** «небольшой невод с двумя шестью по бокам, которым ловят рыбу в мелководных местах, идя вброд; бредень», **налич-ин-а** – **наличин-к-а** «накладная планка вокруг окна, двери, часто украшенная резьбой; наличник».

Кроме того, утрата субъектно-оценочного значения приводит к появлению в говорах суффиксальных вариантных пар, возникших в результате параллельного образования от одних и тех же основ: **баб-к-а** – **баб-очк-а** «небольшая переносная наковаленка для выпрямления и заострения лезвия косы», **гребён-к-а** – **гребён-очк-а** «продолговатая деревянная пластинка с частым рядом зубьев с одной стороны, служащая для вычёсывания костры из волокна льна, конопли», **столб-ик** – **столб-очек** «одна из двух стоек самопрялки, которые образуют ее остов и между которыми закреплено колесо».

Среди имен существительных в диалектной терминологии говоров Кузбасса обнаружены словообразовательные варианты с нулевым и материально выраженными суффиксами типа **оклад** – **оклад-ник** «нижний ряд бревен в срубе», **примёт** – **примёт-ок** «небольшой стог, копна, куча сена, сложенные вплотную к уже готовому стогу». Наличие материально выраженных суффиксов в данных вариантных парах объясняется стремлением к конкретизации предметов, поскольку существительные с нулевым суффиксом обладают неконкретной семантикой, что мешает необходимой однозначности диалектного термина.

Стремление к конкретизации значения слова обуславливается тенденцией к структурно-семантической мотивированности слова [Блинова 1973, с. 123]. Известно, что суффиксальные образования в языке обладают большей выраженностью признаков за счет морфем по сравнению с непроизводными словами. Так, сыграло немалую роль то, что в паре **зуб** – **зуб-ец** в значении «один из коротких полусогнутых металлических крючков, расположенных по обеим сторонам деревянной дугообразной детали самопрялки и служащих для направления нити на катушку» вариант с производной основой за счет суффикса *-ец-* более отчетливо выражает значение «предмет в виде острого выступа на чем-л. (на инструменте, орудии и т.п.), производящий действие или предназначенный для его выполнения», чем вариант с идентичным значением, состоящий из непроизводной основы.

Появлению словообразовательных вариантов, вероятно, способствовало проникновение в говор слов литературного языка, что позволило при уже существующих лексемах с диалектным суффиксом образовывать новые слова с тем же значением по моделям, которые наиболее продуктивны в общенародном языке. Так, суффикс *-лј-* с значением «лицо женского пола – производитель (субъект) действия» ограничен говорами, а суффикс *-льщиц-* с аналогичной семантикой – общенародный, ср.: *прядильщица*, *полольщица* и др. В связи с этим в говорах Кузбасса функционируют словообразовательные варианты **тка-л[ј]-я** – **тка-льщиц-а** в значении «женщина, умеющая ткать на ручном станке».

Вариантность в анализируемом говоре может быть вызвана отсутствием четкой функционально-экспрессивной противопоставленности, поэтому вариантные слова в потоке речи употребляются, как правило, с нейтральной окраской и без каких-либо эмоционально-

характеризующих определений. Например, лексемы с суффиксом *-к-* стилистически нейтральны (*жатка, лейка* и др.), а идентичные образования с суффиксом *-ух-* имеют просторечную окраску (*скрипуха, свистуха* и др.). Однако в кузбасских говорах в ремесленно-промышленной лексике отмечаются такие равноценные варианты, как **бит-к-а** и **бит-ух-а** – «глинобитная русская печь».

Образованию словообразовательных вариантов содействует наличие синонимичных суффиксов, благодаря чему в анализируемом говоре появляются словообразовательные варианты типа **верхн-ик** – **верхн-як** «верхний брус оконной и дверной коробки», где суффиксы *-ик-* и *-як-* служат для образования слов, характеризующихся признаком, названным мотивирующим словом; **тес-нин-а** – **тес-нищ-а** «одна доска теса; тесина», где суффиксы *-нин-* и *-нищ-* имеют общее значение единичности; и др.

Словообразовательное варьирование в диалектной лексике говоров Кузбасса может быть обусловлено фонетическими причинами.

Появлению вариантной пары **падал-ищ-а** – **падаль-щ-а** в значении «опавшая кедровая шишка» послужила редукция [и] в интерконсонантной позиции. При этом необходимо отметить, что редукция гласных до нуля звука между согласными в говорах является достаточно продуктивным процессом. Ср.: произношение в диалекте слова *милиционер* как [м'ил'цан'е'р].

Особую группу составляют пары, в которых вариантность возникает вследствие присоединения суффикса к разным производящим основам. По этой причине в говорах образовались словообразовательные варианты **сбор-щик** (от *собирать*) – **подбор-щик** (от *подбирать*) «участник кедрового промысла, собирающий сбитые с кедра шишки», **спыт-ок** (от *спытать*) – **опыто-ок** (от *опыт*) «небольшой пучок льна или конопли, взятый для пробы, чтобы определить их готовность к последующей обработке» и др.

Исходя из сказанного, можно полагать, что появлению словообразовательных вариантов в диалектной терминологии могут способствовать относительная свобода словообразовательной системы, процесс нивелировки словообразовательных типов под влиянием литературного языка, относительный профессионализм диалектных терминов, благодаря чему они известны широкому кругу носителей гово-

ров, понятны многим и в случае необходимости могут свободно модифицироваться и вводиться в разговорную речь.

1.7.4. Морфологические и морфолого-словообразовательные варианты имён существительных в говорах Кузбасса

Под морфологическими вариантами мы понимаем лексемы, тождественные в плане содержания, различающиеся только морфологическим оформлением.

В отличие от литературного языка, где круг слов-существительных, имеющих морфологические варианты, весьма невелик (*зал – зала, плацкарт – плацкарта, ставень – ставня* и т.п.), в кузбасских старожильческих говорах явление морфологического варьирования имен существительных представлено довольно широко, что непосредственно связано со своеобразием категории рода и системы падежных окончаний имен существительных.

Необходимо отметить, что мы будем рассматривать как варианты собственно диалектных слов, так и диалектные варианты слова в противопоставлении к литературному варианту слова, то есть в сопоставлении с литературной нормой, так как оба варианта являются функциональными единицами данных говоров и модифицируются в плане выражения в границах одной диалектной системы. В этом отношении мы придерживаемся взглядов академика Ф.П. Филина, который писал: «Различия слов в грамматическом роде имеют формально грамматическую функцию, поскольку они теснейшим образом связаны с группировкой слов по типам склонения и больше ничего другого не выражают» [Филин 1982, с. 316, 317]. Поэтому можно сделать вывод, что такие единицы являются вариантами слова, а не самостоятельными лексемами.

Мы постараемся определить причины (естественно не все, так как это практически невозможно), которые привели к морфологическому варьированию имен существительных и которые в какой-то степени объясняют это явление в диалектной системе говоров Кузбасса. При изучении данного явления анализ должен быть проведен на всех уровнях языковой системы.

Широко распространенные в говорах Кузбасса морфологические варианты непосредственно связаны с таким явлением в диалектах, как колебания в форме грамматического рода. Главной причиной этого, несомненно, является «общая незначительность категории рода

как в литературном языке, так и в говорах» [Русская диалектология под ред. Н.А. Мещерского 1972, с. 123], потому что в большинстве случаев признак рода существительных смысловой основы не имеет. Однако кроме этого необходимо определить частные причины, приведшие к родовому варьированию.

Во-первых, родовое варьирование в составе имен существительных обуславливается определенными фонетическими процессами.

В большинстве случаев это слова, имеющие варианты среднего/женского рода типа **мясо – мяса, сало – сала, стадо – стада, бало – бала** «деревянный станок, на котором гнут санные полозья, дуги и т.п.», **пасмо – пасма** «количество пряжи от тридцати до девяноста нитей в мотке» и т.п. Вариантность, связанная с соотношением среднего/женского рода, выражается и на морфологическом, и на синтаксическом уровнях. Морфологически они различаются флексиями исходной формы, имеют падежные окончания, свойственные склонению существительных среднего и женского рода, например: **мясо, мяса, мясу, мясо** и т.п. и **мяса, мясы, мясе, мясу** и т.п. Синтаксически они различаются в согласовании, то есть прилагательные, неличные местоимения и глаголы в форме прошедшего времени согласуются с такими существительными по среднему и по женскому роду: **скотское мясо – скотская мяса; люблю салу, мясу** и т.п.

Чем вызвано такое варьирование в говорах Кузбасса? Подобное явление в составе имен существительных в южнорусских говорах связано прежде всего с разрушением категории среднего рода. В говорах Кемеровской области, как и в русском литературном языке, различаются три грамматических рода имен существительных: мужской, женский и средний. Причем они выражаются и в словоизменении, и в словообразовании, и в синтагматике.

Причиной, приведшей к данному родовому варьированию, является редукция безударных гласных в окончаниях существительных в акающих говорах, каковыми являются говоры Кузбасса. Так, например, слово **мясо** фонетически характеризуется таким же окончанием, что и слова типа **рыба**, то есть [ъ]. В связи с этим подобные слова среднего рода начинают употребляться и как существительные женского рода, в результате чего такие варианты получают различие и в исходной форме, и в принадлежности к разным типам склонения.

Наличие вариантов мужского/женского рода типа **кедр – кедра, литр – литра, ревматизм – ревматизма** и т.п. объясняется также фонетическими преобразованиями. Присоединением флексии -а, в результате чего ликвидируется сочетание согласных со слоговыми сонорными, образуются такие вариантные родовые формы.

Во-вторых, родовое варьирование в составе имен существительных обуславливается словообразовательными процессами. Вариантность слов мужского/женского рода типа **заулок – заулка** «перелук», **обабок – обабка** «гриб подберезовик», **биток – битка** «большой деревянный молоток, с помощью которого делают русскую печь, набивая глину в специально приготовленную из досок форму», **печурок – печурка** «небольшое углубление в боковой наружной части русской печи, через которое идет тепло в избу», **подтопок – подтопка** «небольшая кирпичная печь, сложенная вплотную к русской печи и имеющая с ней одну трубу» объясняется тем, что суффикс мужского рода -ок и суффикс женского рода -к- исторически восходят к древнерусскому суффиксу -ък-, который в древности был общим для слов мужского и женского рода

В-третьих, появление родовых вариантов в составе имен существительных в старожильческих говорах Кузбасса связано с сохранением старых родовых форм. Например, в морфологических вариантах **бересто (ср. р.) – берёста (ж. р.), ужина (ж. р.) – ужин (м. р.)** слово **бересто** с древних времен принадлежало к среднему роду, а слово **ужина** – к женскому роду. Эти слова имеют исконную родовую принадлежность, а у слов **берёста, ужин** род не является исконным. Появлению таких инноваций, несомненно, послужило воздействие на говоры нормализованного литературного языка.

В-четвертых, вариантность грамматического рода в именах существительных обуславливается наличием в говорах Кузбасса слов, принадлежавших в прошлом такому типу склонения, который включал в себя слова и женского, и мужского рода. Здесь следует отметить варьирование существительного **путь**, которое, имея одну и ту же исходную форму, что и в литературном языке, в говорах Кузбасса употребляется и как существительное женского рода, и как существительное мужского рода, различаясь, естественно, и системой падежных форм, например: И. п. **путь**, Р. п. **пути** или И. п. **путь**, Р. п. **путя**, и согласованием, например: **мой путь, моему путю, моим путём** или **моя путь, моей путью**.

В общеславянском языке это слово относилось к склонению с основой на гласный *-i* (ь). Когда в древнерусском языке на смену многочисленным различителям склонения – тематическим суффиксам пришел обобщенный различитель склонения – сложившаяся категория рода, имена существительные стали объединяться в типы склонения в зависимости от того, к какому роду они относились. В результате в именах с прежней основой на *-i* (ь) остались только существительные женского рода, которые составили современное третье склонение. Только существительное мужского рода **путь** сохранило окончания старого типа, в связи с чем в современном русском литературном языке оно относится к разносклоняемым существительным.

В отличие от литературного языка говоры знают более последовательный путь развития: в южнорусских говорах слово **путь** вместе с другими словами мужского рода переходит во второе склонение, приобретая при этом падежные формы этого типа склонения (**путь, путя, путю** и т.п), в севернорусских же говорах это слово смыкается со словами женского рода и начинает склоняться по третьему типу склонения (**путь, пути, пути, путь, путью, о пути**).

В говорах Кузбасса слово **путь** выступает в различных морфологических разновидностях, что объясняется, на наш взгляд, процессом междиалектного взаимодействия. Говоры Кузбасса – это говоры территории позднего заселения, сформировавшиеся на полидиалектной основе, что и обусловило, видимо, возможность широкого распространения существительного **путь** как по мужскому, так и по женскому типам склонения в пределах одной диалектной системы. Несомненно, колебание в роде существительного **путь** связано с его книжным характером. Говоры же «как языковые системы стилистически более однородны, чем литературный язык, и, следовательно, более однородна их лексика в стилевом плане» [Лукьянова 1983, с. 20]. В результате чего в говорах вместо слова **путь** наиболее часто функционирует его синоним – **дорога**.

Морфолого-словообразовательные варианты – это однокорневые лексемы, различающиеся аффиксами и морфологическим оформлением при сохранении семантического тождества.

Причиной образования морфолого-словообразовательных вариантов является стремление провести смысловую дифференциацию между наименованием предмета с значением «предназначенный для

осуществления действия» для более отчетливого выражения конкретности предметов, например, **трепало – трепалка** «ножевидная с острыми краями деревянная пластинка для выбивания костры из мятых льна и конопли», **чесало – чесалка** «щетка с металлическими зубьями, предназначенная для первого чесания льна». Здесь имеет место стремление провести определенную грань между именами существительными **трепало, чесало** и соответствующими глаголами прошедшего времени среднего рода **трепало, чесало**.

Возникновение морфолого-словообразовательных вариантов в диалектной терминологии может быть связано с заимствованием в говоры иноязычной лексики. В связи с этим возникает необходимость выразить частные, видовые понятия словами чужого языка, выражающими общие, родовые понятия, которые уже известны носителям говоров и имеют в диалектах свои, национальные средства выражения. Например, слово **байдон**, заимствованное из языка коренных народов Сибири в значении «орудие кедрового промысла в виде большого деревянного молота, которым ударяют по стволу кедра при сборе шишек», в говорах Кемеровской области имеет морфолого-словообразовательный вариант **байдонка**, образовавшийся в связи с законом аналогии по типу слов **мялка, чесалка** и т.п. с суффиксом -к- с значением «предмет, предназначенный для осуществления действия».

Итак, наблюдения показывают, что процесс варьирования в говорах является закономерным. Говоры обнаруживают тенденцию к более широкому диапазону варьирования по сравнению с литературным языком, что непосредственно связано с такими особенностями диалекта, как устная форма его существования, специфика языковой нормы в диалекте (стихийность, недостаточная осознанность, отсутствие кодификации), воздействие литературного языка и некоторые другие.

Выводы к главе 1

Говоры Кузбасса относятся к говорам позднего образования, сложившимся не ранее конца XVII–XVIII вв. на базе разных материнских говоров в условиях сложных междиалектных и межъязыковых контактов.

Рассмотренный языковой материал показал, что лексика и фразеология, функционирующая в кузбасских говорах, с точки зрения ее

становления не имеет единства, так как здесь присутствуют диалектные слова, известные на территории европейской части России, а также имеющие урало-сибирский характер распространения и узко региональное образование.

Таким образом, становление и развитие лексико-фразеологической системы кузбасских говоров – это результат своеобразного сосуществования севернорусских, среднерусских, южнорусских, сибирских и иноязычных диалектных лексических и фразеологических элементов.

Анализ слов и фразеологизмов в говорах Кузбасса показал, что многие из них имеют вторичное значение, образовавшееся в результате метафорического и метонимического переноса, что связано с действием закона экономии в языке, а также самим характером человеческого познания мира: обобщение, свойственное нашему мышлению, неизбежно отражается в языке, в том числе и в полисемии.

Для лексических и фразеологических единиц кузбасских говоров свойственны дублетно-синонимические, родо-видовые и варианты отношения.

Наличие таких отношений обусловлено спецификой диалектной речи, то есть устной формой бытования, повышенной избыточностью выражения языковых средств, номинативным свойством языка, когда несколько слов называют одну и ту же реалию, но соотносят ее с различными понятиями, вскрывая тем самым различные свойства реалии; десемантизацией суффиксов, связанной с лишением эмотивности и не нарушающей тождества значения вариантов; междиалектным взаимодействием, полидиалектным формированием говоров Кузбасса, воздействием на говоры литературного языка и отсутствием литературно-нормированной лексикографической фиксации.

Также необходимо отметить, что диалектными терминами, функционирующими в кузбасских говорах, свойственен относительный профессионализм, благодаря чему они известны широкому кругу носителей говоров, понятны многим и в случае необходимости могут свободно модифицироваться и вводятся в разговорную речь.

ГЛАВА 2. ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАЗГОВОРНОГО МОНОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТНОЙ И ГОРОДСКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ЮГА КУЗБАССА)

В данной главе объектом исследования являются монологические тексты разговорной речи. Понятие «разговорная речь» рассматривается нами как то, что противопоставлено кодифицированному литературному языку, как особая языковая система, имеющая свою специфику на всех уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и др. [Земская 2004, с. 240]. Разговорная речь – это «устная речь..., протекающая в условиях непосредственного общения, при отсутствии официальных отношений между говорящими, в большинстве случаев не являющаяся заранее подготовленной» [Сибирякова 1996]. Под этим понятием мы объединяем диалектную речь и городскую устную речь, в свою очередь представленную разговорным литературным языком и городским просторечием.

В изучении разговорной речи важное место занимает вопрос о тематической организации диалектных текстов и текстов городской устной речи. Именно тема как факты и события окружающей действительности, находящиеся в фокусе внимания говорящего, позволяет приблизиться к пониманию жизненных установок, жизненных ценностей – к особенностям мировосприятия говорящего [Косицина 2013, с. 9]. Предметом данного исследования является тематическая организация текстов разговорной речи.

В конце XX – начале XXI вв. появляются научные труды, представляющие анализ тематики текстов диалектной речи в различных аспектах: жанровом [Казакова 2007, Волошина 2008 и др.], лингвоперсонологическом [Королёва 2008, Лютикова 2007, Иванцова 2002, Гынгазова 2009 и др.], лингвокультурологическом [Гольдин 1997, 2001, 2002(а), 2002(б), 2009; Гольдин, Крючкова 2008(а), 2008(б), 2010, Крючкова 2009, Белякова, 2005 и др.] и в собственно тематическом [Гольдин, Крючкова 2006; Крючкова 2007; Летучий 2005; Юрина 2011; Юрина, Толстова 2011; Косицина 2013].

Исследование тематической организации разговорных текстов связано с деятельностью лингвистических школ: московской [Земская 2004, Китайгородская 1988 и др.], саратовской [Сиротина 1994,

Кормилицына, Сиротина 1999, 2001 и др.], уральской [Матвеева 1990(а), 1990(б), 1994, Сибирякова 1996, Борисова 1996, 1999, 2009 и др.].

В лингвистике тема понимается как предмет речи или как «то, о чем сообщается, говорится в тексте» [Матвеева 1990(а)]. При лингвистическом подходе тема исследуется в трех аспектах: формальном, семантическом, коммуникативном.

В формальном аспекте тема определяется как «категория слов, встречающихся в тексте и организованных подобно тезаурусу» [Смит 1980, с. 337], что выражается в «регулярной повторяемости одних и тех же единиц и их комбинаций» [Барт 1989, с. 258], в «референтно или сигнификативно объединенных группах лексики» [Матвеева 1990а, с. 46–47].

Семантический аспект раскрывает связь понятия «тема» с такими понятиями, как «денотат», «значение», «содержание», «смысл». Определить тему текста – значит понять его денотативное (ситуативное, предметное) значение, указывающее на отнесенность языкового содержания к действительности. Тема в данном аспекте определяется как «смысловое ядро текста, его конденсированное и обобщенное содержание» [Москальская 1981, с. 17], как «денотатная структура в свернутом виде, ее обобщение, имплицитно включающее в себя все содержание текста» [Новиков 1983].

В коммуникативном аспекте тема определяется через связь с понятиями «ситуация», «речевое сознание говорящего», «фокус внимания говорящего». Ситуация как составляющая речевого сознания обуславливает обращение говорящего к определенному объекту действительности, определяет выбор этого объекта из ряда других и его обработку вниманием – фокализацию [Ван Дейк 1980, с. 315].

В данном исследовании тема рассматривается в формально-семантическом и коммуникативном аспектах и определяется следующим образом. В формально-семантическом аспекте тема – *это последовательность (цепочка) номинаций, объединенных логико-семантическими отношениями и лексико-грамматическими средствами связи*. В коммуникативном аспекте тема – *это факты и события окружающей действительности, выбранные говорящим и находящиеся в фокусе его внимания, т.е. прошедшие обработку*

вниманием в речевом сознании (фокализацию).

Рассмотрение темы в двух указанных направлениях предполагает анализ тематической организации текста в двух аспектах – в статическом и в динамическом.

В первом разделе данной главы представлено исследование тематической организации диалектного монологического текста. Второй раздел посвящен изучению тематической организации монологических текстов городской устной речи. В рамках каждого раздела тематическая организация рассматривается с точки зрения статики, как тематическая структура, и с точки зрения динамики, как тематическое развитие.

2.1. Тематическая организация диалектного монологического текста

В данном разделе представлено исследование тематической организации диалектного монолога, выполненное на материале говоров Кемеровской области (Беловский, Ленинск-Кузнецкий, Мариинский, Новокузнецкий, Прокопьевский, Промышленновский, Топкинский, Юргинский районы). Основным источником работы послужили записи диалектной речи из фонотеки и текстотеки кафедры русского языка Кузбасской государственной педагогической академии, представляющие материалы диалектологических экспедиций разных лет (1952–2010 гг.). Некоторая часть этих записей представлена в: [Косицина 2019].

При отборе диалектных текстов как основных источников исследования не учитывались следующие факторы: гендерный (авторами текстов являются как женщины, так и мужчины), возрастной (возраст информантов от 30 до 90 лет), культурно-образовательный (носители диалекта имеют различный уровень образования – от полной неграмотности до шести классов средней школы), временной (исследуемые тексты принадлежат как к старожильческим, так и к новосельческим говорам Кузбасса).

2.1.1. Тематическая структура диалектного монологического текста

В диалектологических исследованиях представлено два подхода к тематическому членению диалектного текста – тематической

разметке. При первом подходе, называемом широкой тематической разметкой, корпус диалектных текстов делится на тематические блоки по принципу тематической рубрикации [Гольдин, Крючкова 2006]. При втором подходе, называемом узкой тематической разметкой, отражается тематическая структура широких предметных областей текста, обнаруживается различная степень их детализации, конкретизируется смысловой объем широких тематических блоков [Там же].

При исследовании тематической структуры диалектного текста в данной работе применяются как широкая, так и узкая тематическая разметка. В качестве единицы тематического анализа представлен отдельный целостный диалектный монологический текст, принадлежащий одному информанту. Определение темы основывается на линейном принципе, отражающем процесс текстообразования. Принцип линейности связывается с выделением номинационной (тематической) цепочки – «набора обозначений некоторого предмета речи..., представленного на некотором протяжении текста» [Матвеева 1990(б), с. 21].

Таким образом, тематическая цепочка определяется как последовательность номинаций, являющаяся языковым выражением того или иного факта или явления действительности в речевом сознании говорящего. Членом тематической цепочки может быть словоформа (...*Работали кристьянску работу/ жали врушнУ/ касили врушнУ/ и сеили врушнУ*), словосочетание (...*Три внука у миня/ двОи внучат в армии служат*), предложение (...*СяЛО наше существует уже как аНО начаналась здесь строить/ триста трицать лет*).

Проанализируем следующий фрагмент диалектного текста с целью выявления тематических цепочек.

...СнапЫ/ снапЫ визАла/ у нас самавЯска былА/ машины касИли самавЯскай/ и ста-вили ф снапЫ/ а патом малатели/ вот/ хлЕба намалОтишь вОрах/ веишь иво/ и возишь гасу-дарству/ а малако/ карОф дОишь/ на маслазавот нисёшь/ а деньги палучаишь/ кирасИну вазьмёшь/ пастухи пасут/ пастухам заплатишь/ малако сдашь эта фсё/ хлеп тожи атвизёшь/ налОх заплотишь// а атец мой был / ветинАр/ типерь ветинары/ ну вот/ фставали рАна/ чуть свитАт/ фстаёшь/ а вЕчирам ахота паиграАца схадить/ там гармОни играют/ эта дифчонки эта/ а каровы пришили/ штук пять/ карОф нАда даИть/ малоко надОишь/ нАда ат-вистИ на маслазавот/ здать иво...

Данный текстовый фрагмент представляет собой первое вхождение в тему работа, открывается следующей тематической цепочкой: *снопы – снопы вязали – самовязка – машины косили самовязкой – ставили в снопы – молотили – хлеба намолотишь – веешь – возишь – молоко – коров доишь – хлеб отвезешь*. В тематической цепочке выделяются номинации, выражающие подтемы *работа в поле* (члены тематической цепочки *снопы – снопы вязали – ставили в снопы – молотили – хлеба намолотишь – веешь – возишь – хлеб отвезешь*), *уход за скотиной* (*молоко – коров доишь*), *добыча пропитания* (*на маслозавод несёшь – деньги получаешь*). Номинация *налог заплатишь* указывает на появление темы *жизненные трудности* / микротемы *налоги*.

Номинация *отец* выражает намеченную тематическую цепочку с первым вхождением говорящего в тему *семья* / микротему *отец*, которая сменяется цепочкой, представляющей первое вхождение в тему *жизнь села* / подтему *сельские обычаи* (*вставали рано – вечером поиграться сходить – гармони играют*), а затем вторым вхождением в тему *работа* / подтему *уход за скотиной* (*коровы пришли – коров доить – молоко надоишь – отвезти на маслозавод*).

Независимо от количества членов (номинаций) тематическая цепочка представляет собой единицу вхождения в тему. В некоторых случаях можно говорить о намеченной тематической цепочке, представленной одной номинацией, одним упоминанием об определенном явлении действительности.

Тематическая структура диалектного монологического текста, представлена следующими тематическими уровнями: гипертематическим (единицей уровня является гипертема), тематическим (тема), подтематическим (подтема), микротематическим (микротема).

Под *гипертемой* понимается, во-первых, единица гипертематического уровня, во-вторых, тема, объединяющая все тематические уровни текста, в-третьих, тема, общая для значительной совокупности текстов. Гипертема диалектного монолога является объектом повествования и формулируется как *жизнь диалектоносителя и его окружения*. Гипертема вводится диалектологом фразами «Как вы жили?», «Расскажите о своей жизни» и выражается словоформами *жили, пережили, жизнь* и т.п., а также

местоимением *мы*, указывающим на связь носителя диалекта с окружением (родными, односельчанами): ...*Вот и такая вот жизнь-та/ Очинь многа пережили-та...*; ...*Щас бы вот пажили/ пасматрели бы/ как Эта жили...*; *Вот такая маЯ жизнь была...*

Если гипертема представляет собой объект повествования с точки зрения речевого сознания говорящего, то тематический, подтематический и микротематический уровни текста, конкретизируя гипертему, связаны с предметом повествования: представляют различные факты из жизни диалектоносителя. *Тема* выявляется на основе своего отношения к гипертеме как части к целому, как конкретного к общему. В диалектном монологе выделяются следующие темы: *прошлое и настоящее, семья, работа, дорога, превратности судьбы, я-говорящий, жизненные трудности, жизнь села.*

Отношения части и целого характерны также для *подтемы* и *темы, микротемы* и подтемы. Микротема является минимальной, далее не делимой единицей тематической структуры диалектного монолога.

Тематическая структура диалектного монологического текста имеет четырехуровневый (гипертема – тема – подтема – микротема) и трехуровневый (гипертема – тема – микротема) вид. Анализ диалектных монологов позволяет выделить девять тематических структур, одноименных указанным темам. Тематические структуры «Работа», «Дорога», «Превратности судьбы», «Я-говорящий» включают четыре уровня. Тематические структуры «Жизненные трудности» и «Жизнь села» имеют как четыре, так и три уровня. Тематическая структура «Семья» имеет трехуровневый вид. Исключением являются тематические структуры «Прошлое» и «Настоящее», специфика которых заключается в отсутствии подтем / микротем.

Анализ тематической организации диалектного монологического текста позволяет представить классификацию тем по следующим основаниям. По характеру возникновения выделяются темы *фиксированные* (задаются собеседником в форме вопросов и просьб) и *спонтанные* (возникают без какого-либо воздействия извне, без внешних импульсов). Фиксированные темы могут быть прямыми (воспроизводят заданную собеседником тему) и косвенными

(связываются с заданной темой логико-семантическими отношениями и лексико-грамматическими средствами связи). По частоте появления выделяются темы *частотные* и *нечастотные*. По степени независимости от других тем представлены темы *самостоятельные* (выступают как особый предмет высказывания) и *фоновые* (выступают в качестве фона для развертывания других тем). По характеру развития темы бывают *активные* (развиваются в сюжетный рассказ) и *пассивные* (не имеют сюжетного развития, представлены единицей вхождения в тему – тематической цепочкой или намеченной тематической цепочкой).

Темы *прошлое* и *настоящее* могут быть самостоятельными, выражая оценку одного времени по сравнению с другим (...*МОладась была/ ни та/ што щас/ мОладась-та/ што дЕвачки сами за рибятами ходят-та/ тагда рибЯты хадИли за дЕфками...*), и фоновыми. Они также характеризуются как пассивные, являются как фиксированными, так и спонтанными.

Тема *работа* включает подтемы *строительство дома* (микротемы *заготовка леса, покрытие крыши* и др.), *работа в поле* (микротемы *посев, уборка урожая, сенокос, молотба* и др.), *работа в огороде* (микротемы *посадка, прополка, уборка урожая* и др.), *работа по дому* (микротемы *приготовление еды, шитье, стирка* и др.), *добыча пропитания* (микротемы *продажа вещей, обмен на еду, сбор ягод и грибов* и др.), *уход за скотиной* (микротемы *уход за коровами, свиньями, курами* и др.), *работа на производстве* (микротемы *работа на маслозаводе, работа в стройартели, работа на шахте* и др.) и т.п. (...*Мы и пошли/ лес наготовили.../ на сАни/ апшкУрили и фсё сделали...; ...Вот приехали/ а тОжи сЕна на сибЕ вазили...*). Эта тема часто функционирует как прямая фиксированная, самостоятельная, пассивная.

Тема *дорога* выражается подтемой *переселение* (микротемы *переселение «из Расеи» в Сибирь, переезд в другое село, переезд в город*), (...*Вот мне атъижжАть ужЕ/ атъижжАть наДа ф Сибирь...; ...Я с систой приехала ф Сибирь...*). В большинстве случаев эта тема функционирует как прямая фиксированная, пассивная, может быть как самостоятельной, так и фоновой.

Тема *превратности судьбы* представлена подтемами *болезнь* (микротемы *рак, инсульт, паралич, ранение* и др.), *смерть* (микротемы *убийство, самоубийство, внезапная кончина, несчастный*

случай и др.) (...У нивО навЕрна **рак горла был/ он ни мог глатАть...**; ...Три года он **лижАл парализованный/ маЯ** жись так **прашА...**). Чаще всего она является спонтанной, самостоятельной, активной.

Тема *я-говорящий*, характеризующаяся как спонтанная, фоновая и пассивная, связана с тематической цепочкой говорящего, выделяемой лишь в тех фрагментах текста, в которых рассказ диалектоносителя о самом себе соотносится с моментом речи, что выражено местоимением **я**, глаголами 1-го лица настоящего времени, а также (в ряде случаев) наречиями **сейчас, сегодня**. В данной теме выделяются следующие подтемы: 1) физическое состояние диалектоносителя, выражаемое в микротемах *болезнь, повседневные состояния и занятия* (**И вот я щас так и балЕю мУчусь-та/ мУчусь...**; ...**А вот щас приключилась ноги/ с сЕрцем плОха...**); 2) душевное состояние диалектоносителя, представленное микротемами *одиночество, страх* (...**И вот/ сёдни** день такой тижЕлый/ **я ни магУ/ фсё баЮсь/ у минЯ** фсё **свЯзана с нЕрвам...**); 3) ментально-эмоциональное осмысление жизненного пространства, представленное микротемами *память, знание, эмоциональная оценка* (...**Ну да вайнЫ я щас ни помню/ налоги платили или нет...**; ... **Вот дураки/ тоже/ я щас даже думаю/ нАда бЫла/ пусть бы он ехал...**).

Тема *жизненные трудности* реализуется в подтемах *война* (микротемы *Первая мировая война, гражданская война, Великая Отечественная война*), *жизненное неустройство* (микротемы *нехватка земли, жилищное неустройство, голод*) и микротемах *репрессии, коллективизация, налоги* (...**И вот такая жизнь/ трудная жизнь тагда была/ гОря бОльна мнОга...**; ... **А там вайна/ гирманская/ пАпу взяли на вайну; ...; ...А жить нЕчим бЫла/ гОлад был/ алиноЕ** (льняное) **семя талклИ да Ели замЕста хлЕба/ нЕчива бЫла ись...**; ...**Када нас раскулачивали/ нас раскулачивали харашо/ нас фсё/ фсё забрали...**; ...**На нас налажили/ нАда бЫла налОх платить/ хлеп/ налОх же накладывали...**). Как правило, тема представлена как косвенная фиксированная, может быть как самостоятельной, так и фоновой, как активной, так и пассивной.

Тема *жизнь села* реализуется как в подтемах *история села* (микротемы *первые поселенцы, место заселения, время заселения*), *природа* (микротемы *животные, птицы, рыбы, растения* и др.),

сельские обычаи (микротемы устройство дома, приготовление пищи, орудия труда, свадьба и др.), жители села (микротемы соседи, председатель, кулаки и др.), так и в микротемах колхоз, совхоз (...Раньше кАтку наварят/ хмЕлю напарят/ накроют/ вот и фся гульБА была/ и фсе подрЯт Эта пИва дУли...; ...А калхозы организовывали тОжи/ предлагали фсем... кто сразу-та паилИ/ дак анО вить тем лУччи...). Данная тема может быть фиксированной (как прямой, так и косвенной) и спонтанной, активной и пассивной, выступает как самостоятельная.

Тема *семья* представлена микротемами *дети, муж, мать, отец, свекровь, свекор, бабушка, дед, сестра, племянники, внуки и правнуки, замужество, сватовство* и др. (*...Забрали мы с мужем/ такой лес...; ...Туда утром уйдём с рибитишками/ ну и вот так и мучились мы с рибитишками-та са свайми...*). Данная тема может быть как фиксированной (прямой и косвенной), так и спонтанной. Она является самостоятельной, часто функционирует как активная.

Если тематическая структура текста представляет инвариант тематической организации – условно обозначенные гипертему, темы, подтемы и микротемы, то тематическое развитие имеет варианты, которые обусловлены *локализацией, или точкой наблюдения* (локусом фокализации), в речевом сознании говорящего.

2.1.2. Тематическое развитие диалектного монологического текста

Исследование тематической организации текста в динамическом аспекте предполагает обращение к речевому сознанию говорящего. В ходе анализа тематического развития различаем объект и предмет фокализации внимания. Объектом фокализации в диалектном монологе является жизненное пространство, обозначенное в тематической структуре диалектного текста как гипертема *жизнь диалектоносителя и его окружения*, на которое в ходе порождения и развития текста направлено внимание говорящего. Предмет фокализации – это различные факты и явления жизненного пространства (темы, подтемы и микротемы), то, на чем говорящий фокусирует свое внимание в объекте, что входит в обработку вниманием.

Фокализацию внимания связываем с вводимым нами понятием локализации внимания в речевом сознании говорящего. *Локализация*

в речевом сознании – это точка наблюдения над объектом фокализации (жизненным пространством). Именно локализация определяет варианты тематического развития текста.

В тематическом развитии диалектного монолога выделяются три типа локализации:

1. Точка наблюдения находится рядом с жизненным пространством диалектоносителя (*внешняя локализация*);

Рис. 1

2. Точка наблюдения находится в значительной степени удаленности от жизненного пространства диалектоносителя (*удаленная локализация*);

Рис. 2

3. Точка наблюдения находится внутри жизненного пространства диалектоносителя (*внутренняя локализация*).

Рис. 3

Текущее тематическое развитие (ТТР) как проявление **внешней локализации** представляет собой ряд сменяющих друг друга тем (подтем, микротем). В данном ряду выделяется **тематическое разворачивание** – развитие определенной темы (подтемы, микротемы), выраженное последовательностью номинаций. Рассмотрим данное понятие на примере следующего текстового фрагмента.

...Я уш старА стАла/ вот Ели двигаюсь/ я фсю жисть так пражилА/ свету ни вИдила/ я жилА-та на лЮдям/ гадаВА ат МАтири асталась/ атец пьяница был у нас/ фсё где-та пУтался/ фсё прОпил/ каДА уш я была набольше/ так рассказали мне/ што ивО праважали женицины и он уехал/ мы а нём ни слуху/ ни духу ни слыАли/ дЕ он/ так и павырасли адни/ нас четвира асталась ат МАтири/ патом уш приехал/ каДА я выросла/ уш замуш вышла/ у миня уш четвира дитЕй бЫла таДА...

В данном фрагменте наблюдается тематическое разворачивание нескольких тем: *я-говорящий* (микротема *болезнь*), *жизненные трудности*, *семья*. Тематическое разворачивание темы *я-говорящий* представлено тематической цепочкой *я стара стала – еле двигаюсь*. Тема *жизненные трудности* разворачивается посредством тематических маркеров *свету не видела – жила-то по людям – годова от матери осталась – отец пьяница был – все путался – все пропил – о нем ни слуху ни духу – повыросли одни*. Тема *семья*, пересекаясь с темой *жизненные трудности*, представлена тематической цепочкой *мать – отец – он – нас четверо – замуж вышла – четверо детей было*.

Внешняя локализация преобладает в большей части диалектных монологов. Указанную точку наблюдения можно обозначить как исходную в тематическом развитии текста: жизнь диалектоносителя и его окружения предстает как констатация жизненных фактов, каждый из которых реализуется в теме (подтеме, микротеме). Ключевым понятием, определяющим специфику данного варианта тематического развития, является понятие темы, так как именно с темы, как правило, начинается текущее тематическое развитие диалектного монолога. С точки зрения тематической структуры ТТР представлено единицами всех тематических уровней: гипертемой, темой, подтемой, микротемой.

Дифференцирующим признаком ТТР является его

принадлежность к информативному регистру повествования, который «предлагает сообщения о фактах, событиях, свойствах..., отвлеченные от конкретной длительности единичного процесса...» [Золотова 2004, с. 29]. В.Е. Гольдин, анализируя диалектный текст, отмечает, что повествование в информативном регистре «рисует самую общую ситуацию определенного периода... жизни, состоящую из цепи... простых, достаточно общих ситуаций-событий: работала в няньках, их раскулачили, они уехали, пошла на производство работать и т.д.» [Гольдин 2001].

ТТР условно представляем в следующей схеме в виде однонаправленного вектора речевой цепочки с непрерывным рядом точек, которые являются знаками определенных тем (подтем, микротем).

Рис. 4

Когерентность ТТР составляют логико-семантические отношения между темами (подтемами, микротемами), основанные на различных типах логических оппозиций (тождества, включения, пересечения, контрарности, исключения).

При отношениях *тождества* текущая и предыдущая подтемы (микротемы) принадлежат одной и той же теме (...*Патом мужика забрали/ там и пагИп гаварят в брЯнском лисУ (1)/ сын ф трутАрмии был (2)*...). В данном примере (1) – предыдущая микротема *муж / тема семья*, (2) – текущая микротема *сын / тема семья*.

При отношениях *включения* текущая и предыдущая единицы тематической структуры соотносятся друг с другом подобно видовому и родовому понятиям, относясь к различным тематическим уровням текста: гипертема – тема, тема – гипертема, тема – подтема, подтема – тема (...*Ф симье у нас бЫла/ я шиснАцатая/ самая малинькая (1)/ Если ф атец живой был/ так ицо б были// атец Умир ф сОрак третьим гадУ/ он был кантужинный (2)*...). В приведенном примере (1) – тема *семья*, (2) – микротема *отец / тема семья*.

При отношениях *пересечения* текущая и предыдущая темы

(подтемы, микротемы) объединены общим значением, а выражающие их тематические цепочки имеют общие номинации. Появление новой темы на основе пересечения с предыдущей связано с законом ассоциативного присоединения (...*Я замуш выхадИла в двАцать фтарОм гадУ/ ф цЕрькви винчались (1)/ а тут цЕрькавь была/ на вот Этам мЕсти ермак (универмаг) стаИт/ анЕ ермак наставили/ а цeрькву сняли (2)...*). В данном примере (1) – тема семья / микротема замужество, (2) – тема жизнь села.

При отношениях *контрарности* текущая и предыдущая темы (подтемы, микротемы) противопоставлены по различным основаниям: прошлое – настоящее, настоящее – прошлое, благополучие – неустроенность (это характерно для тем *семья* и *жизненные трудности*), личное – общественное (тема *семья* – тема *жизнь села*) и др. (...*СилО бЫла хорошее/ большое/ вЕсила бЫла жить/ гармошка гурАла/ песни пели/ плисАли (1)/ сичАс маладѣжи нет/ аднИ писсанЕры (пенсионеры) живѣм (2)...*). В представленном примере (1) – тема *прошлое*, (2) – тема *настоящее*.

При отношениях *исключения* когерентная связь между текущей и предыдущей единицами тематической структуры отсутствует: возникновение новой темы не зависит от внешних (контекстуальных и конситуативных) импульсов (...*РибитИшик мнОга ф школу хадИла/ два класса в аднОм/ первый и третий (1)/ кагда вайна канчАлась/ у нас малаказавОт/ малОчный завод в дирЕвни аткрыли (2)...*).

Когезия ТТР определяется характером связи тематических цепочек, позволяющей выделить последовательный и параллельный типы текущего тематического развития.

При последовательном типе ТТР две тематические цепочки, представляющие две темы (подтемы, микротемы), связаны по принципу зацепления с помощью различных когезивных средств: лексического повтора, анафорических слов, полных и частичных (контекстных) синонимов и др. В следующем примере представлены темы (1) *семья* и (2) *работа*: ...*(1) РадилАсь ф КОтинай (Котино) // и радИтили маИ тОжи кОтинскии и дЕды-пРАдеды/ мы фсе в аднОй КОтинай тут/ (2) работали кристьЯнску работу// жАли врушнУ// касили врушнУ// и сЕили врушнУ// фсе мы делали...* (средство связи – лексический повтор).

При параллельном типе ТТР две и более темы (подтемы,

микротемы), каждая из которых представлена своей тематической цепочкой, одновременно проходят тематическое развертывание, при этом зацепления между цепочками не наблюдается. В следующем примере представлены темы (1) *семья*, (2) *жизненные трудности*, (3) *превратности судьбы*, тематические цепочки которых развертываются параллельно, независимо друг от друга: ...**(1) Муш был на (2) трёх войнах/ (1) он на (2) Озири ХасАни был/ а (2) фтарА была фИнска-та/ вот на (2) ей (1) был он/ а уш (2) нОсли фИнскай-та на (2) Этай (1) был пять лет/ на (2) той-та (1) он как-та (3) цел астался/ а патОм (3) рАнила (1) ивО и (3) кантУзила...**

В диалектных монологах также наблюдается смешанный (последовательный и параллельный одновременно) тип текущего тематического развития.

Тематическое удаление (ТУд) как проявление удаленной локализации представлено микротемой, которая прерывает текущее тематическое развитие, соотнося текущую тему (подтему, микротему) с различными смысловыми контекстами. ТУд – это косвенный возврат к гипертеме, к жизни в ее целостности, это вписанность конкретного факта или события из жизни диалектоносителя в смысловой контекст.

Эти контексты составляют *когерентность* тематического удаления. По отношению к ТТР, отражающему факты и события жизни диалектоносителя, они выступают как общее к частному, общекультурное к конкретно-ситуативному. Выделяются следующие типы смысловых контекстов (в текстовых примерах подчеркнуты):

– **экзистенциальный** контекст соотносит текущую тему (подтему, микротему) с темой *превратности судьбы* / подтемами *болезнь, смерть*. (...Эта уш я ни знаю // жись так слажИлась што ничО ни знАишь// радители маИ уижжАли ф Сибирь);

– **культурный** контекст соотносит текущую тему с темой *жизнь села* / подтема *сельские обычаи* / микротемы *праздники, одежда, приготовление пищи, устройство дома, орудия труда, язык* и др. (...Спрячься/ гаварит/ на печку мальчик/ там чувАлы такИи были на печках/ за печку хоп/ а там такой чувАл назывАица/ лезь гаварит/ на галбИцу...);

– **временной** контекст реализует тему *прошлое*, представленную маркерами *раньше, тогда* и т.п., и тему *настоящее*, выраженную

номинациями **сейчас, теперь** и т.п. (...Была у них чтырѣхлЕтня дЕвачка/ а вить раньше скатИны мнОга бЫла и за дитЯми мАла сматрели/ а он иѐ с печки сталкнул...);

– **социальный** контекст соотносит текущую тему с темами *жизненные трудности и жизнь села* (...ТартЫшынца была ф сільсавЕти присидАтилем в МарОзавай/ еѐ фамИлие такое бЫла/ ТартЫшынца/ анЕ приЕжжыи какии-та были/ ну вот анА взяла ивО туда...);

– **локальный** контекст относит текущую тему (подтему, микротему) к определенному топосу, географическому пространству (...Адин рас как я набижала ф школу/ а бабушки гаварю/ анА на агрАди тут жила/ баба/ вы схади/ хлеп вынь ис печки...);

– **семейный** контекст представляет тему *семья / микротемы дети, муж, семейные обычаи* и др. (...Мать пашла на схОтку/ как рас на пЕрвае мАя/ ужЕ у минЯ Витя радился/ я замужем была/ мать ушла на схотку...).

В некоторых случаях в ТУд происходит совмещение двух, реже трех контекстов: семейно-культурного, культурно-локального, культурно-временного, культурно-социального и др.

Значение обобщения в тематических удалениях в некоторых случаях имеет формальное проявление. Данный вариант тематического развития может представлять собой односоставные предложения: неопределенно-личные (...На стале хлеп/ эта гаварять/ стол-пристол), обобщенно-личные (...А ф складачка складѣшь/ да как хлеп с печки **вытащишь**), безличные (...А закону-та **нЕ** была/ штобы на стале табак рубить). Другой формой выражения общекультурного контекста в тематическом удалении является смена номинации субъекта действия: личное местоимение **я** меняется на местоимение **мы**: «...Ну я патом/ падали мне чулки/ сама визала чулки/ визали **мы** биспятыи/ в лапти/ што сѣдни на адин бок/ зафтра на другой/ штобы ни прадырjавились скОра/ ну/ я патом эти чулки надела...»

ТУд как один из вариантов тематического развития представляем в следующей схеме.

Рис. 5

С одной стороны, ТУд – это проявление центробежного закона текстообразования, при котором наблюдается тенденция к текстовой расчлененности, «разрушению» ведущих тем: тема распространяется сверх меры, происходит переход на эпизоды, лишь косвенно связанные с развиваемой темой. С другой стороны, ТУд – это отражение процесса интеграции, создания различных уровней обобщения – всего того, что позволяет говорить о проявлении центростремительного закона текстообразования.

Описание ТУд в *когезивном аспекте* включает определение характера связи между ТУд и породившей его темой (подтемой, микротемой), а также выявление средств данной связи.

По характеру когезии выделяются следующие типы ТУд (они подчеркнуты): **1) ТУд в экскурсии**, т.е. отсылающее к предыдущему тематическому развитию (ТТР и ТУг) (...Мы фсе слышали/ што ты сказала/ што пайдёшь зАмуш/ ну давайти/ **сват/ сватья/ уж маИх систру и зятя сватАми называють**// но патОм/ ну чо/ выпили...); **2) ТУд в рекурсии**, т.е. отсылающее к последующему тематическому развитию (...Нас распрадали/ карову взяли/ быкА взяли/ патОм взяли/ ну он скрипки фсё эта сам дед делал/ **скрипку взяли/ гитару взяли**...); **3) ТУд в экскурсии и в рекурсии**, т.е. отсылающее к предыдущему и последующему тематическому развитию (...Мать/ **КатирИнка замалчИ/ Еслиф я Катя/ а анА/ Катиринка/ Катиринка замалчи**...); **4) ТУд, не связанное с текущей микротемой в экскурсии и в рекурсии**, т.е. не имеющее средств отсылки к последующему или предыдущему тематическому развитию (...Ну мать минЯ тагда схватАла/ и/ на печку/ вот Марфа была старшая/ Марья...я там/ печка-та вот примЕрна...).

ТУд соединяется с текущей темой (подтемой, микротемой) следующими средствами связи: а) лексическими повторами (...Вот анА тут капризничала/ над ними/ вазьмёт **свЕчи патУшит/ тагда свЕчи гарЕли/ такИи/ лИли из сала/ делали**/ ну и вот/ так свЕчи

наставили/ аНА падайдётъ/ вазьмётъ/ фУкнит...); б) однокоренными словами (...Бильё утапИла в эту/ в речку/ **паехала** паласкАть я/ раньши ездили/ целую карзинку бильЯ утапИла...); в) анафорическими словами (...Я стану касИть/ свикрофка сабирАть сразу эти гусЯнки/ знайти эти **гусянки**/ ну аНА (трава) растёт высокая/ ну вот аНА (свекровь) их **выбирАить** эти гусянки/ ачистить...); г) полными и контекстными синонимами (...ПакОйник радИтиль скажит/ ты надень **брючИшки-та** маИ/ шаравАры раньши/ звали шаравАры/ хахатАли бы люди-та нада мнОй...; ...Вот в **воду** залезишь / вить тагда мы бис канцА в **рикЕ** вот фсё вазились/ вот аНИ ЗА наги тибя прОста вот кусают эти вот пискарИ...); д) гиперонимами (...БыЛА у них читьрёлЕтня **дЕвачка**/ а вить раньши скатины мнОга бЫла и за **дитЯми** мАла сматрели / а он иё с печки сталкнул и аНА ушибла нОшку...).

Тематическое углубление (ТУг) как проявление внутренней локализации – это развивающийся из темы (подтемы, микротемы) сюжетный рассказ со всеми композиционными элементами: завязкой, развитием действия, кульминацией, развязкой, что позволяет рассматривать ТУг как диалектный нарратив.

...(Завязка) Фсё лЕта бЕгал/...ну и стал гаварить/ знАишь што Катя/ ты пайдёшь за минЯ взАмуш/ ну а пачимУ ни пайду/ ну он/ ты напрАвду скажи/ я приду с аццОм/ с матирью/ и ну там кавО прихватить/ систру или там/ мужа иённава/ (**развитие действия**) ну и аНИ пришли...а я басикОм быЛА/...за печку залезла...а он/ ну чо ты Катя на пЕчки лижИшь/ а я гаварю/ я басикОм/ лапти сОхнуть// ну иди/ гаварить/ чо-нибуть/ чулкИ какИи надень/ да и слесь/ а я гаварю/ галаВА видНА и лАдна/ ...он/ слесь/ скажи/ што ты пайдёшь за миня/... а я ф сваЕй систре спрашиваю /(**кульминация**)... я пайду/ за Фетьку замуш/ а аНА мне гаварить/ нА/ фИгу мне дала/ выбирай сама/ и думай сама галаВОй/ итти тибе или ни итти/ ну и я падумала-падумала/ ну чо ты малчишь/ ...а я иму гаварю/ пайду/ скажи им/ што аНА за миня саглашАица/ нет ты скажи сама/ (**развязка**) ну я патом эти чулки надела/ вышла да и гаварю/ ну прастИти миня/ што я дОлга на печки грелась/ пайдУ/ гаварю...

С точки зрения тематической структуры ТУг представляет собой микротему. Одним из дифференцирующих признаков ТУг является наличие чужой речи: в этом варианте тематического развития находят выражение такие принципы диалектного повествования, как совмещение ситуации-темы с ситуацией текущего общения [Гольдин 1997] и изобразительность [Гольдин 2001]. Данные принципы имеют различные способы языкового выражения: фонетические, грамматические, лексические. К фонетическим относятся частое

использование звукоподражаний, передача интонационных характеристик голоса цитируемых говорящих, особая эмоциональная напряженность речи. В грамматике эти принципы выражаются в отсутствии косвенной речи, а также в различных средствах синхронизации события, относящегося к прошлому: использование форм настоящего времени для описания прошлых событий и ситуаций, частое употребление указательной частицы «вот» и междометий. В лексике данные принципы проявляются в лексическом повторе, отображающем повторяемость, интенсивность или длительность действия.

ТУг как вариант тематического развития представляем в следующей схеме.

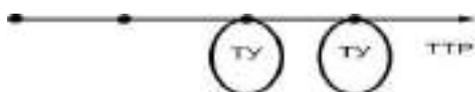

Рис. 6

По способу возникновения ТУг могут быть *фиксированными* и *спонтанными*. Фиксированные ТУг возникают под воздействием внешнего фактора. Они могут быть *прямыми* (развиваются из темы, сформулированной диалектологом) и *косвенными* (связываются с фиксированной темой различными логико-семантическими отношениями).

Между ТУг и ТТР устанавливаются те же логико-семантические отношения, что и между темами (подтемами, микротемами) в самом ТТР. Вместе с тем *когерентность* данного варианта составляет именно *сюжет*, под которым понимается последовательность событий [Веселовский 1989]. Сюжеты ТУг можно определить как концентрические [Хализев 2007]: в их основе лежит одна жизненная ситуация, одна событийная линия. Ситуации, на которых основаны сюжеты ТУг, связаны с такими активными темами, как *семья, жизнь села, жизненные трудности, превратности судьбы*. В свою очередь концентрический сюжет имеет свои разновидности, выделяемые с точки зрения ординарности / неординарности лежащей в их основе ситуации (ср. с сюжетами разговорного нарратива у И.Н. Борисовой [Борисова 2009]). В диалектных монологах выделяются следующие сюжеты, *основанные на неординарных ситуациях*.

1. Сюжеты ТУГ, связанные с темой *превратности судьбы*, основаны на следующей ситуации: в жизнь диалектоносителя вторгаются враждебные силы (болезнь, смерть), которым он не может противостоять.

(Завязка) *Вот када он Умир/ а я с систой паехала на шахту за арбузами/ питнацатава синтибря/...ана grit/ ты здесь даждёшься/ а я мош трактар или машину приганЮ/ штоп арбузы увистИ// (развитие действия) стаИм/ ф три чисА магазин аткрОица/ хоп/ прадавец идёт/ тут жєницины гаварят/ прадавец-та абмАнываит/ и грю/ ПалИнка была п с нами/ ана граматная/ знАит скОлька за килаграмм/ а анИ гаварят/ да сматри вон анА-та идёт/ (кульминация) идёт да плачит// ана патходит/ я грю/ што здЕлалась-та/ ана grit/ да Михаил Умир// прихажу дамОй/ он правда умир/ рибитишки плачут/ гаварят/ папка умир/ (развязка) ну пашли мы ф сильсавет сказать што умир...мне нАда бЫла адбИть тилиграммы матери/ дачирЯм/ сєстрам/ ф ПракОписк (Прокопьевск)...*

2. Сюжеты ТУГ, связанные с темой *жизненные трудности*, строятся на основе следующей ситуации: в жизнь диалектоносителя вторгаются враждебные силы (люди, обстоятельства), которым он пытается оказывать внешнее или внутреннее противодействие, в результате чего побеждает или терпит поражение.

(Завязка) *А тада фсё забирали ф трИцать симОм гадУ/ он бОйню там залИл/ и ивО ф сильсавет ТартЫшынца вызывала/ он ни пашил/ нильзя бЫла ад бОйни/ ат мАсла бросить/ штобы бойню збить/ а ТартЫшынца была ф сильсавете присидАтилем в МарОзавай... (развитие действия) ну вот ана взилА ивО туда/ он бойню збил мАсла/ пашил туда ф сильсавет/ ана на нивО написАла/ што он вридИтиль/ такой/ сикОй/ што иво вот-вот нАда забрать/ и в Ленинск иво атправляла/ в Ленинск/ штобы он паехал с этими дакументами/(кульминация) а он пришол дамОй с сильсавета/ а я гаварю/ давай распичАтаим/ пасмотрим што там написана/ распичатали/ написАли/ а там я гаварю/ такая чушь написана была/ што и вридитиль и фсЯка иво признали/(развязка) патом он фсё-таки паехал/ ана гаварит/ он типерь ни приедит/ ФилютОвич/ аттУдава больше он ни вирнёца/ он приехал/ ана удивилась/ пачимУ эта он так эта астался...*

3. Сюжеты ТУГ, связанные с темами *семья* (микротемы *замужество, сватовство*) и *жизнь села* (подтема *сельские обычаи / микротемы свадьба, праздники* и др.), основаны на неординарной ситуации, связанной со значимыми событиями жизни диалектоносителя, или с необычными эпизодами из детства.

(Завязка) *УчИтиль был адин/ я начанАл у нявО и кончил у нявО же/ славный был учитиль...Ну и мы раз дадумались/ был у нас сын псаломщика/ он такой забитый был/ он атстал ат нАс/ са слабИнкай манЕнька был/ ну мы и давай давадИть явО/ была рУска печка ф класси/ мы ямУ/ палезишь ф печку/*

как толька учить будит захадить/ ты и кричи/ мы здесь / **(развитие действия)** ну сели/ ждём/ учить тОка атварил/ он и скричал/ мы здесь// учить Иишет/ фсе сядЯт/ он за вешалку/ нет никавО... а он апять скричал/ я здесь/ ну тут апять и дагадался/ што чалавЕк-та ф пЕчки сидит / **(кульминация)** вот вБлис тот чалавЕк/ ну ни кожи/ ни рожки/ как леший/ учить/ как папАл/ ну он гаварит/ так и папАл/ ШАлеф (Шалев)/ ГрИбаф (Грибов) да БилькОф (Бельков) зблзнилИ/ учить/ аниИ тибя талкали/ не/ я сам залЕс/ ну учить/ иди сынок/ адявАй чИсту рубаху да прихади / **(развязка)** ну а для нас гароху приготовили/ мы двянАцать часоф атстаяли и дяжурный с нами/ сётки дисциплина раньши лУччи была...

Сюжеты ТУГ, основанные на ординарной, повседневной ситуации, чаще всего развиваются на основе таких тем, как семья (микротемы мать, отец, сёстры, братья, дети и др.) и работа.

...(Завязка) Он тОжи учИтилим был/ аниИ с этой с Полей вмЕсти учились/ с систой/ и он фсё гаварил/ иво ни принимали ф тирЕнтьифские ф старшии классы/ взяли гот прибавили имУ/ и устроили иво учИца//**(развитие действия)** вот бывАла с лампай-та сидят/ на русскую печку сядут там/ мама к стЕнки ляЖит/ а аниИ сидят/ учат уроки-та/ наблИжи к свету/ **(кульминация)** скажит мама/ да лажитись уш/ лажитись/ аНА / пашли/ Федя/ спать/ Федя/ а он/ да/ щас прям набижал/ ты выучила/ а я ищо нет/ я фсю ночь буду сидеть учить/ **(развязка)** хателась учИца/ хателась/ так прилежна учились аниИ/ харашо// што харашо учились/ а жить ни пришлось/ двАцать семь лет...

Когезивный аспект в исследовании ТУГ связан с рассмотрением его композиции, которая понимается как форма организации сюжета, включающая такие элементы, как завязка, развитие действия, кульминация, развязка, а также с определением средств связи между данными элементами.

С точки зрения композиции ТУГ могут быть реализованными, представляющими собой самостоятельный сюжетный рассказ (примеры см. выше), и нереализованными. В нереализованных тематических углублениях не происходит полного погружения в жизненное пространство, наблюдается лишь указание на конкретную жизненную ситуацию, намек на нее. С этим связаны формальные особенности данной разновидности тематических углублений: чужая речь отсутствует или представлена незначительным фрагментом, полноценный связный текст не формируется. По способу возникновения нереализованные ТУГ являются нефиксированными. В исследованиях разговорного нарратива подобное явление квалифицируется как компрессированный рассказ, который «лишен

фабульной рельефности нарратива: все действия в нем равнозначны, нет кульминативного пуанта» [Борисова 2009, с. 220].

В представленных примерах нереализованные тематические углубления (НТУг) выделены.

*...У нас мАчиха слАвна была/ а атец строх/ у ней нЕ была сваих рибят/
накапИла анА мАсла/ и купила батинки с галошами/ вот ф праздник
атварила Яишык/ дастаёт/ атец/ быть ты прОклита/ стАра Яишерка/
скОлька дЕних/ издяржала/ он пьяница был...*

*...Умир мой мужик/ а на другой гот калхос стал/ а я ивдавЕла/ дочь тожи
маладА ивдавЕла/ внучку выдали взАмуш/ а мужик застрелился/ я так фсё ривУ
да ривУ/ пришол ка мнЕ/ а я сплю/ ты спишь баба/ я вазьму ружьё/ ну я и
адалА/ пирчатка прикипела к барадЕ/ патрашили ивО/ такО горе...*

Таким образом, тематическое углубление как порождение внутренней локализации в речевом сознании говорящего характеризуется не только количеством композиционных элементов и значительной линейной протяженностью, но выражением единичного, самоценного события, которое в некоторых случаях по значимости приравнивается к целой жизни.

По завершенности сюжетного развития выделяются следующие типы реализованных ТУг: 1) ТУг с полным сюжетным развитием, в которых имеются все композиционные элементы, обозначенный сюжет проходит все этапы развития (примеры см. выше); 2) ТУг с неполным сюжетным развитием, в которых сюжетное развитие не проходит всех композиционных этапов:

*...(Завязка) а нас чЕтвира сидит/ адЕть-та нЕчива на sibя// адни
чарткИ...вот анИ на читвирых у нас адни были// вот с иконами ходют/ нам
тОжа ахОта... // (развитие действия) я грю/ я малЕнька пабОльши/ у минЯ
шабУр был// анИ на миня/ как ты/ с чем ты// а я гаварю/ шабУр давайти/ я
надену да пайдУ// мамину шаль из Яишыку вытаишыли/ тёплу// эат я
шабУр надела... там чо/ рОстам Едака/ а вот какА талицина// шабУр-та
эат/ да шаль-та тёплая бальшая // (кульминация) а с иконами-та глидЯт
бабы/ да и гаварят// да эта чья жи такая палзёт// а мама/ да эта маЯ-та
караста-та...*

Когезивная связь между композиционными элементами ТУг может выражаться такими средствами, как лексический повтор, анафорические слова, единство видо-временных форм глаголов (в следующем примере средства связи выделены).

*(Завязка) Мы пашли вот с ШУрай за жырдями/ жерди вить на себе
тацили/ жерди бальшии/ ну идём аттуда краДучи/ (развитие действия) а
Женя/ дочка маЯ/ мне гаварит/ мама/ гаварИ слава богу/ чо я гварЮ апЕть
какая-нибудь нищастья/ ты вить ничо ни панимаишь/ я гварЮ апЕть какая-*

нибуть нищАстья/ **анА** гварит мамачка пляши/ а сын у **мяня** был на пиридавОй/ **я** гварЮ ну апеть или радость иль бяда/ **я** гварЮ чо/ (**кульминация**) **анА**/ вайна замирилась/ а я гварю ой **Женя**/ да тябя апеть кто-нибуть абманул/ мам/ ф клубе фсе весь нарОт/ мы чо/ жерди **бросили**/ адну там другу паближе/ па аднОй притащили да дОма/ ф кОлакал бренЯт/ гремЯт/ **я** грю иль замирилась/ иль фсё на свете прапАла/ (**развязка**) **прибежали** туда/ там гармонь/ старухи пляшут/ ну и **я** в этом случаи паплясала/ чо уи тут...

Что касается когезивной связи ТУг с порождающей темой / подтемой / микротемой, то она та же, что и в ТУд.

Анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что в диалектных текстах преобладают нефиксированные тематические углубления, находящиеся с ТТР в отношениях тождества. Что касается когезивной связи ТУг с ТТР, то в большинстве случаев ТУг имеют связь с текущей темой (подтемой, микротемой) в экскурсии или в рекурсии. Полное сюжетное развитие имеют ТУг, возникшие под воздействием внутренних факторов. Тематические углубления, заданные собеседником, как правило, невелики по объему, характеризуются неполным сюжетным развитием.

Кроме трех вариантов тематического развития (ТТР, ТУд, ТУг), в диалектном монологе выделяются *тематические включения* (ТВ) – текстовые элементы, при возникновении которых жизненное пространство является или косвенным объектом в речевом сознании говорящего (метаречевые и метатематические высказывания), или не входит в акт фокализации (обращения к собеседнику, конситуативные высказывания).

Метаречевые высказывания возникают в связи с затруднениями в языковом выражении гипертемы, тем, подтем и микротем (...*Кирпичики такИ вот/ литЫи/ та вот эти// как ани назывАюца тОжи// с Этай залЫ ли чё ли...*); *метатематические высказывания*, или *тематические затруднения*, связаны с трудностями, которые испытывает говорящий в выборе тем, подтем и микротем (...*Вот так вот// што ищО интирЕснава тибЕ рассказать...*).

Конситуативные высказывания подразделяются на: 1) *собственно конситуативные*, в которых фокус внимания говорящего перемещается с жизненного пространства на явления, окружающие диалектоносителя в момент речи (...*Я ни знаю да скалькИ их диржали тагда// Ленка праснулась...*); 2) *обращения к*

собеседнику, в которых фокус внимания говорящего перемещается с жизненного пространства на собеседника (...Там где-та / Окала// ой/ Света/ надажжИ...).

Тематическое развитие диалектного монологического текста, представленное тремя вариантами (текущим тематическим развитием, тематическим удалением, тематическим углублением), в целом можно отразить в следующей схеме.

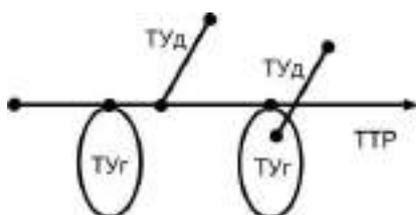

Рис. 7

2.2. Тематическая организация монологического текста городской устной речи

Данный раздел посвящен исследованию тематической организации монологических текстов городской устной речи.

Материалом исследования является разговорная монологическая речь жителей города Новокузнецка Кемеровской области, представленная городским просторечием и разговорным литературным языком. Записи данных монологов осуществлены в 2017–2019-е гг. с помощью записывающего устройства. Информантами являются представители разных социолингвистических групп – мужчин и женщин, старшего, среднего и младшего поколения (годы рождения – с 1930-х по 1990-е), с различным уровнем образования (от начального до высшего). При выборе информанта соблюдалось условие: человек должен являться жителем города Новокузнецка не менее двадцати лет. Разговорные монологи расшифрованы и записаны с аудиофайлов. Речь новокузнецчан отражена в орфографической записи с сохранением некоторых особенностей произношения и обозначением речевых пауз. Большая часть анализируемых текстов представлена в: [Говорит Новокузнецк 2018].

2.2.1. Тематическая структура монологического текста городской устной речи

Все тексты городской устной речи представляют собой связные монологические высказывания с фиксированной гипертемой – «жизнь говорящего и его окружения». Каждый монолог строится как ответ на просьбу рассказать о своей жизни. Причём собеседник практически не вмешивается в ход повествования, предоставляя информанту возможность самостоятельно выбирать темы и варианты их развития.

Указанная гипертема в речевом сознании говорящего является объектом повествования. Тематический, подтематический и микротематический уровни текста, конкретизируя гипертему, связаны с предметом повествования: представляют различные стороны жизни новокузнецчан. Таким образом, тематическая структура разговорного монологического текста имеет четырехуровневый (гипертема – тема – подтема – микротема) и трехуровневый (гипертема – тема – микротема) вид. Выделение единиц тематической структуры на подтематическом и микротематическом уровнях связано с наличием тематической цепочки, представляющей определенную подтему / микротему.

В текстах выделяются следующие тематические структуры: «Семья», «Работа», «Учёба», «Я-говорящий», «Новокузнецк», «Жизненные трудности», «Превратности судьбы», «Дорога», «Жизнь в России», «Жизнь села», «Природа», «Детство», «История России», «Жизнь за границей», «Прошлое», «Настоящее». На основе анализа разговорных монологов новокузнецчан представляем описание каждой выделенной тематической структуры, а также конкретизирующих ее подтем и микротем.

Наиболее частотными темами, которые выделяются во всех монологах горожан, являются темы *семья, работа, учёба, Новокузнецк, я-говорящий, прошлое, настоящее*. Темы *жизненные трудности, превратности судьбы* и *жизнь села* в первую очередь связаны с рассказами-воспоминаниями новокузнецчан старшего поколения.

Тема *семья* представлена микротемами *родители, бабушка, дедушка, братья, сёстры, муж, свекровь, сын, семейные традиции* и др. Отражение данной темы видим в следующих примерах: «...**Мама**

*одна была/ жили по карточкам/ когда чего-то не хватало/ мама завела козу... **papa** написал с фронта/ все мои вещи какие есть/ всё меняй...» (микротемы мать, отец); «...А **брат** у меня живёт/ с сорок шестого года **он**/ в Мурманской области/ там полярная ночь/ **он** работает в академии...» (микротема брат); «...С **мужем** рано познакомились/ в школе когда учились/ и я **его** конечно воспринимала как/ всё время над **ним** мы смеялись/ издевались немножко...» (микротема муж); «...И вот в те далёкие времена/ и жил мой **дед**/ **он** был тогда ещё совсем маленький/ **он** работал на земле...» (микротема дед); «...Я встала утром/ к обеду приехал ко мне **сын**/ я **его** покормила/ мы собрались с **ним** поехать по магазинам...» (микротема сын); «...Я помню как я/ сижу/ на столе на маленькой подушечке/ рядом сидит **бабушка** на стуле/ и читает мне сказки...» (микротема бабушка).*

Тема *работа* включает в себя следующие подтемы: *работа в поле* (микротемы посев, уборка урожая и др.), *строительство дома* (микротемы заготовка леса, покрытие крыши и др.), *добыча пропитания* (микротемы продажа вещей и их обмен на еду, сбор ягод и грибов и др.), *работа в огороде* (микротемы посадка, прополка, уборка урожая), *работа по дому* (микротемы приготовление еды, стирка, уборка и др.), *уход за животными* (микротемы коровы, собаки, свиньи, куры и др.), *работа на производстве и в сфере обслуживания* (микротемы работа на заводе, работа в детском саду, работа в школе и др.).

Подтемы *работа в поле*, *строительство дома*, *работа в огороде*, *добыча пропитания*, *уход за животными* прежде всего выделяются в текстах информантов старшего поколения, чьё детство прошло в сельской местности, или в тех монологах, где повествуется о жизни предков (прадедов и дедов): «...Ну вот она ходила с женищинами.../ собирали вещи/ везли/ туда/ привозили оттуда/ ну немного мяса оленьего/ тюлений жир/ ...и она морожену рыбу привозила...» (подтема добыча пропитания / микротема обмен вещей на еду); «...После двенадцати лет в колхозе работали/ колоски ходили собирать/ на колосках/ а потом уже постарше/ в бригаду пошла работать/ там уже сено загребали/ и косить училась...» (подтема работа в поле / микротемы уборка урожая, уборка сена); «...Копали/ сажали/ ну огород большой был/ пятьдесят соток/ всё лопатами копали// сажали картошку/ морковку/ и огурчики...» (подтема

работа в огороде); «...У бабушки с дедушкой было очень много **скотины/ коровы/ овцы...** и они шли/ **ухаживать за скотиной...**/ дедушка **чистил в стайках/** бабушка **наливала овцам и коровам поило...**» (подтема уход за скотиной / микротемы коровы, овцы).

Подтемы *работа по дому, работа на производстве и в сфере обслуживания* встречаются практически во всех разговорных монологах: «...Много вещей/ **приходится прибираться/** не так давно **помыл окна и//** ну и начал **наводить шорох/ порядок/ приводить в порядок/** отдельные уголки...» (подтема работа по дому); «...У меня **подготовок много/...** то есть там у меня же и **ДПУ/ подготовка/ и курсы по выбору подготовка/** я **готовлюсь** очень серьёзно/ **сизжу** **пря**м досконально **готовлюсь...**» (подтема работа в сфере обслуживания / микротема работа в школе); «...Потом он стал **руководить стройкой/** ну потом... стали **строить дома/** ну что вот на улице Веры Соломиной/ моим дедом **дома построены/** бригадой/ он не один конечно/ **управление/ трест/ работал/ строил дома эти...**» (подтема работа на производстве / микротема работа на стройке); «...Пошла **работать в «Домремонт»/** ... а мама моя **работала / в ЦРМП/ цех по ремонту/ металлургических печей...**» (подтема работа на производстве / микротема работа на заводе); «...Устроили меня **работать в институт/ научно-исследовательский/** и ... я очень много лет **проработала в институте** сначала **исследовательском...**» (подтема работа в сфере обслуживания / работа в НИИ).

Тема *учёба* раскрывается с помощью подтем *школа* (микротемы *одноклассники, учителя, мероприятия и др.*), *училище* и *институт* (микротемы *преподаватели, учебные предметы, однокурсники и др.*). Примеры раскрытия данной темы наблюдаются в следующих фрагментах.

«...И пошла в **школу/ в первый класс//** о-очень хорошо помню свой **первый класс/** меня привели в **школу/** оставили там... и так/ и ходила в **школу//** и **пя-ятый класс** хорошо помню// **перекличку/** и нашу **Галину Евгеньевну//** и так мне её платье запомнилось/ такое серое/ с красивым/ кармашеком/ с кружевным...» (подтемы *школа / микротема учителя*); «...После/ **девятого класса** мы ездили в **трудовой лагерь...**/ и шили мы/ себе сами **штаны/** к этому **трудовому лагерю//** **Ирке Полюшке** сшили штаны/ по-моему даже в ателье/ а

Ира Лобанова сделала/ выкройку с них...» (подтема школа / микротемы мероприятия, одноклассники); «...Переехала сюда и как раз набор в **педучилище**/ я туда **поступила**/ без проблем/ **в школе** у меня было/ туго шла **математика**/ а тут **математики не было**/ я с такой охотой **училась**/ прямо как на одном дыхании всё/ нравилось мне/ **закончила с отличием**...» (подтема школа / микротема учебные предметы, подтема педучилище); «... **Семь/ семь классов** было тогда образование/ **семь**/ а в Инской там уже до девяти/ до десяти/ до девяти тогда/ и я тогда **четыре/ в пятый** пошла и бросила потом...» (подтема школа); «...Потом проучилась на **историческом факультете**/ как раз именно **исторический факультет** подарил очень много в моей жизни/ ...мы были **волонтерами**/ **участвовали в студенческих вёснах**/ **писали статьи**/ **занимались журналистикой**/ то есть абсолютно во всех сферах по-разному были интересы...» (подтема университет / микротема мероприятия).

Тема *Новокузнецк* проявляется в ряде подтем: *основание города* (микротемы *Кузнецкий острог, Кузнецкстрой*), *строительство заводов и зданий, промышленные предприятия* (микротемы *КМК, алюминиевый завод, ферросплавный завод, ЗСМК*), *культурные и торговые организации* (микротемы *ДК Металлургов, ДК Алуминщиков, «Сити-Молл», «Эдем» и др.*), *достопримечательности* (микротемы *Кузнецкая крепость, бульвар Героев и др.*), *учебные заведения* (микротемы *СМИ, КемГУ, медицинское училище, художественная школа и др.*), *улицы*. В большинстве текстов данная тема является фоновой, развиваясь параллельно с темами *работа, семья, учёба, я-говорящий*. Примеры проявления данной темы представлены ниже.

«...**В город эвакуировали несколько предприятий**/ в основном с Украины/... и с Запорожья **эвакуировался** как раз/ ну как бы местный **ферросплавный завод**/ ... также в тысяча девятьсот сорок втором году дал алюминий **алюминиевый завод**/ который собственно говоря **планировался**/ но из-за начала войны позже/ **вступил в строй**...» (подтема *строительство заводов*); «...**А главный проспект города так и назывался проспект Сталина**/... потом этот **проспект был переименован в проспект Молотова**/ и потом был **переименован в проспект Металлургов**...» (подтема *улицы* / микротема *проспект Металлургов*); «Он даже **танцевал в ансамбле песни и пляски**/ **ходил в ДК Металлургов** в своё время/ и выступал с этим/ с **Владимиром**

*Шубариным...» (подтема культурные и торговые организации / микротема ДК Металлургов); «...Съездили в один магазин/ потом/ там ему ничего не понравилось... вот/ приехали на **рынок на крытый**/ там обошли все павильоны...» (подтема культурные и торговые организации / микротема крытый рынок); «...Ходил в **музыкальную библиотеку**/ где можно было интересные взять какие-то пластинки... и одновременно читать какие-то книги/ которые в **музыкальной библиотеке** тоже были редкие интересные...» (подтема культурные и торговые организации / микротема библиотека им. Н.В. Гоголя); «...А ещё мы ездили в **Кузнецк**/ и в **парке ДК Алюминищиков** рисовали/ за ним там получается/ небольшой частный сектор/ и мы там рисовали...// уже за **Чертов мост** тоже ходили// в общем много пейзажей у нас тогда было// а и **Кузнецкая крепость** точно/ туда мы тоже ходили...» (подтема культурные и торговые организации / микротема ДК Алюминищиков; подтема достопримечательности / микротемы Кузнецкая крепость, Чёртов мост); «...Сказали/ что мы поступили на архитекторов в **наш вуз в СибГИУ**/ что вот учимся/ можно сказать/ по творческой специальности получается/ и **художка** нам в этом очень пригодилась// она обрадовалась/ сказала/ что оказывается в **художественной школе** ведётся книга/ тех учеников/ кто поступили по творческому направлению...» (подтема учебные заведения / микротемы СибГИУ, художественная школа); «...Ну закончила школу/ закончила **медучилище**/ кстати попала туда чисто случайно...» (подтема учебные заведения / микротема медицинское училище).*

В текстах городской устной речи, по сравнению с текстом диалектным, важное место занимает тема *я-говорящий*. Содержание данной темы связано с субъективным отношением говорящего к осознаваемым объективным явлениям, с самохарактеристикой информанта. Предметом самохарактеристики может быть «любой аспект деятельности говорящего, его эмоциональное и физиологическое состояние, интеллектуальные и эмоциональные предпочтения» [Борисова 1996]. В теме *я-говорящий* выделяются следующие подтемы: *физическое состояние говорящего* (микротемы повседневные занятия, болезни), *духовное состояние говорящего* (микротемы увлечения, чувства и настроения, осмысление жизни).

Тематическая цепочка представлена местоимением **я** и глаголами **думать, помнить, знать, понимать, казаться**, связанными с восприятием и осмыслением жизненного пространства говорящего, а также номинациями **мечты, желания, цели, внутренний мир** и др.

Подтема *физическое состояние говорящего* представлена в следующих текстовых фрагментах: «...**Собственно говоря это и на данный момент моя любимая дача/ куда я стараюсь ездить** как можно чаще/ и с огромным удовольствием **провожаю время в тишине и в общении с природой...**» (микротема *повседневные занятия*); «...**Я** иногда когда **иду домой сажусь на лавочку и посижу/ несколько минут/ ну хотя бы минут десять-пятнадцать/ дух перевести/ то что у меня и нога больная/ так я даю ноге отдохнуть/ несколько минут/ и тогда я уже иду/ домой/ иногда иду пешком/ иногда еду/... потому что я до такой степени устаю...**» (микротемы *повседневные занятия, болезни*).

Подтема *духовное состояние говорящего* выявляется практически во всех разговорных монологах: «... **Я помню/ когда мне было/ двадцать лет/ нет мне было даже восемнадцать/ мне казалось/ что тридцатилетние это такие глубо-о-okie-глубокие старики... сейчас мне сорок два и я честно/ смеюсь над собой...**» (микротема *осмысление жизни*); «...**Ну и я вообще больше в своём мире каком-то находился жил/ у меня была музыка/ которую я слушал/ у меня были книги/ которые читал в огромном количестве/ и для себя создавал свой мир какой-то...**» (микротемы *осмысление жизни, увлечения*); «...**Мечта как бы/ цели/ они никуда не уходят/ они как бы так и остаются/ но может быть в дальнейшем/ всё возможно/ получится себя реализовать// ну а что касается вообще как бы желаний/ и какая-то мечта возможно/ конечно хочется посвящать себя не только педагогической деятельности...**» (микротема *осмысление жизни*).

Темы *прошлое* и *настоящее* выражают два временных континуума, в рамках которых разворачивается жизнь новокузнецчан. Лексическими указателями прошлого в разговорных монологах являются слова **раньше, тогда**, указателями настоящего – **сейчас, теперь**. Темы *прошлое* и *настоящее*, как правило, функционируют в качестве фоновых, в «пространстве» которых развивается гипертема и характеризующие ее темы, подтемы и микротемы. Большинство тем развивается на фоне прошлого, так как представленные тексты с

точки зрения жанра являются рассказами-воспоминаниями.

«...*Детство советское было/ поэтому/ не было такого/ изобилия и разнообразия игрушек как есть **сейчас** у наших детей/ поэтому наверное/ все свои игрушки я помню и люблю до сих пор...*»; «...*Смертность детская там/ от инфекционных заболеваний/ **сейчас** конечно побороли но/ в реалии потеряли несоизмеримо больше...*»; «...*Потом двое стали мы работать/ одной же тяжело... пошли вечером/ **щас** страшно/ а **тогда** ничо/ идём/ три километра вдоль речушки...*»; «...*Ребята играли в городки/ в шарОвки/ шарОвки такие/ городки напилят/ ребятиники/ я вот помню ставили вот/ **щас** вот тока показывают/ и **тада** играли...*»

Тема *жизненные трудности* представлена следующими подтемами: *война* (микротемы *Первая мировая война, Великая Отечественная война*), *жизненное неустройство* (микротемы *жилищное неустройство, голод, недостаток средств и др.*), а также микротемами *коллективизация, налоги*. Данная тема выявляется преимущественно в монологах новокузнецчан 1930–1960-х годов рождения. Указанная тематическая структура отражена в следующих текстовых фрагментах: «...*Отец начал строить дом/ быстро как-то/ **место** нам дали какое-то **неудобное**/ потому что на самом берегу Белого моря/ и **наводнения**/ не **наводнения**/ а **приливы/ отливы...***» (подтема *жизненное неустройство* / микротема *жилищное неустройство*); «...*Вот так жили мы в **войну** там/ **трудно** жили/ мама одна была/ жили **по карточкам**/ когда **чего-то не хватало...**/ **перебивались** как-то/ потом она какое-то время ходила **меняла вещи...***» (подтемы *война, жизненное неустройство* / микротема *голод*); «...*И ему **дали комнату**/ в **бараке**/ когда туда пошла моя мама/ ... посмотрела на этот **барак**/ там живут цыгане и всякие живности/ пришла домой заплакала...*» (подтема *жизненное неустройство* / микротема *жилищное неустройство*); «...*Ой/ **раскулачивали**/... а чо **раскулачивать**/ возили столы деревянные/ койки деревянные/ какой комод там/ всё.../ возили **раскулачивали людей**/ а кавО там было **брать**/ **нищета** такая...*» (микротема *коллективизация*); «...*По **сорок килограмм** мяса **надо было сдать**/ **молока** **надо было**/ ... **двести литров надо было сдать**/... там рынок большой был/ и вот масла покупала **топлёного**/ и **сдавала** как вместо молока... **Яйцы**/ курей не было/ **Яиц** **надо было сто тридцать штук***

сдать...» (микротема налоги).

Тема *жизнь села* представлена подтемами *жители села* (микротемы *соседи, председатель, кулаки* и др.), *сельские обычаи* (микротемы *устройство дома, орудия труда, еда, праздники, церковь, свадьба* и др.), а также микротемами *колхоз, совхоз*: «...*Потом после двенадцати лет в колхозе работали/ колоски ходили собирать/ на колосках/ а потом уже постарше/ в бригаду пошла работать...»* (микротема *колхоз*); «...*Клуб был у нас/ библиотека там/ так какой-то домик там был/ в конце улицы/ туда собирались/ концерт со школы ученики приходили ставили/ собирались смотрели...»* (подтема *сельские обычаи* / микротема *клуб*).

Тема *превратности судьбы* связана с подтемами *болезнь* (микротемы *рак, инсульт* и др.), *смерть* (микротемы *убийство, самоубийство, несчастный случай*): «...*Война началась/ папу проводили/ потом в сорок третьем году брата старшего/ взяли на фронт/ а он и не пришёл домой// ни папа ни брат/ а сколько у папы братьев/ четверо/ ни один не пришёл/ все остались там...»* (подтема *смерть* / микротема *убийство*); «...*И отец/ он был слепой/ парализованный/ ну пришлось мне оставить работу/ я ухаживала за ним/ четыре года...»* (подтема *болезнь* / микротема *паралич*).

Тема *жизнь в России* выражается подтемами *Санкт-Петербург, Новосибирск, Березники, Салаир, Сочи* и др., которые раскрываются с помощью микротем *культурная жизнь, достопримечательности, предприятия, названия городских объектов, улицы* и др. В разговорных монологах данная тема в большинстве случаев развивается параллельно темам *семья, дорога, работа, учёба, история России*. Далее представлены примеры выражения темы: «...*Потом после школы я поступила/ уехала в Мурманск с подружкой/ в библиотечную школу/ при областной библиотеке были курсы/ годовалые...»* (подтема *Мурманск* / микротема *культурная жизнь*); «...*Ездил в Новосибирск/ там ходил по городу... там оказался кинофестиваль/ который будто бы был сделан для начинающих/...такое подобие семинара поэтического/ этих молодых писателей...»* (подтема *Новосибирск* / микротема *культурная жизнь*); «...*В том же Санкт-Петербурге.../ в советское время существовало два проспекта/ фактически один и тот же проспект/ который переходил один в другой/ проспект Карла Маркса/ и проспект Фридриха Энгельса/... потом/ ну один получался более старший/ а*

другой более новый...» (подтема Санкт-Петербург / микротема улицы).

Тема жизнь за границей связана с подтемами Америка, Израиль, Абхазия и др. с относящимися к ним микротемами условия жизни, климат, культурная жизнь, достопримечательности и др.: «...Сестра у меня в Америке/ в штате Огайо.../ живут хорошо/ нравится им// они по какой-то по седьмой программе уехали/ получили там квартиру...» (подтема Америка / микротема условия жизни); «...Я отдыхала в Абхазии/ мне о-о-очень понравилось/ мы отдыхали прекрасно... солнце/ воздух/ там воздухом питаешься/ там больше ничего есть неохота.../ замечательно вообще...» (подтема Абхазия / микротема климат).

Тема история России выражена подтемами исторические события (микротемами революция, коллективизация, денежные реформы, Великая Отечественная война, распад СССР и др.), исторические деятели (микротемы Ленин, Сталин, Карл Маркс, Шалыпин, Горбачёв и др.), микротема осмысление исторического процесса: «...Карла Маркса ну очень как-то любили/ признавали/ но это наверно с подачи Ленина/ ведь к Германии всегда испытывал пиетет...» (подтема исторические деятели / микротемы Ленин, Маркс); «...Все кто остался в живых уехали за границу/ первую/ вторую волну эмиграции/ цвет интеллигенции/ ...ну если б они остались/ они бы были терроризированы/ они были бы убиты...» (подтема исторические события / микротема революция); «...Как правило люди не шибко поменялись/ конечно/ поменялись такие вот понятия/ как там техника улучшилась/ то есть условия там жизни/ медицина/ смертность большая была конечно/ дети умирали...» (микротема осмысление исторического процесса).

Тема природа раскрывается с помощью подтем природные условия, природные места (микротемы реки, леса, озёра и др.), природные явления, микротемы красота природы: «...И мы ходили туда собирали/ переходили перед самым водопадом/ если оступиться/ то можно сразу в водопад туда/ переходили на острова...» (подтема природные места / микротема водопад); «...Такая природа здесь прекрасная/ такой уголок/ он как-то ухожен/ и деревья такие вот старые уже да/ и лиственницы там...» (микротема красота природы); «...Там перед пургой обычно

оттепель/ прям с крыши капает/ пахнет весной/ ветра нет/ тишина такая/ тепло...» (подтема природные условия / микротема Анадырь); «...Там же у нас было лето/ **нету ночи/ белые ночи/ солнце только опустится к горизонту и сразу поднимается...**» (подтема природные явления / микротема белые ночи).

Тема *детство* связана с микротемами *детский сад, игры, игрушки*: «...**Играли мячами/ играли в салочки/ в прятки/ игрушек не было/ почему-то у нас даже ни одной куклы не было/ а я так страдала оттого что куклы нет у меня...**» (микротемы игры, игрушки); «...Потом полтора года прошло/ меня отдали в **садик/ садик был/ далековато от дома...**» (микротема детский сад).

Тема *дорога* представлена микротемами *переезд из деревни в город, поездка в другой город, путешествия, командировки*: «...Я даже помню/ такую банку я брал с собой в **поездку на Урал/ ездили в Березники/ город Березники на обследование/ на предприятие...**» (микротема командировки); «...И **поехали** мы с Танькой Новиковой поступать/ **поехали в Новосибирск/ да я и не хотела ехать туда/ в этот институт/ но поехала** потому что что?/ Новикова позвала с собой...» (микротема поездка в другой город); «...Ну я даже **съездила в Болгарию/ правда за свой счёт/ ...но у нас была на участке женщина работала/ подсобной рабочей/ дак она/ через год ездила по этим/ путёвкам...**» (микротема путешествия).

Тематическая структура монологического текста городской устной речи отличается от тематической структуры диалектного текста широтой охвата жизненных явлений. Выделяются в качестве самостоятельных темы, отсутствующие в монологах деревенских жителей: *учеба, детство, природа, жизнь в России, жизнь за границей, история России, Новокузнецк*. Тематические структуры *работа, жизненные трудности, дорога, я-говорящий* характеризуются достаточной разветвлённостью, содержат большее количество подтем и микротем.

2.2.2. Тематическое развитие монологического текста городской устной речи

Тематическое развитие монологических текстов жителей города Новокузнецка, как и тематическое развитие диалектных монологов, связано с тремя типами локализаций в речевом сознании говорящего (внешней, удалённой, внутренней), каждому из которых

соответствует свой вариант тематического развития (текущее тематическое развитие, тематическое удаление, тематическое углубление). Однако монологи горожан по характеру тематического развития в ряде случаев отличны от диалектных монологов.

Тексты разговорной монологической речи новокузнецчан различаются с точки зрения отражения личности говорящего: выделяются два типа текстов – центробежные и центростремительные.

В *центробежном* тексте внимание говорящего в речевом сознании прежде всего направлено вовне: на внешний мир, на реалии окружающей действительности, на те или иные факты и события жизни. При этом тема *я-говорящий* имеет небольшое количество вхождений. Тематическое развитие с точки зрения вариантов представления той или иной темы (подтемы, микротемы) совпадает с тематическим развитием диалектных текстов.

В *центростремительном* тексте фокус внимания говорящего направлен внутрь сознания: в центре повествования находится личность самого информанта – его чувства, мысли, взгляды на жизнь. Жизненные явления, факты, события появляются лишь как повод для рефлексии о внутреннем мире говорящего. Поэтому ведущей темой является тема *я-говорящий*, в связи с чем в тематическом развитии появляется ряд отличительных особенностей.

Текущее тематическое развитие является основным, преобладающим вариантом тематического развития текстов городской устной речи.

...Я переехала сюда к сестре/ она здесь преподавала в институте/ математику/ переехала сюда и как раз набор в педучилище/ я туда поступила/ без проблем/ в школе у меня было/ туго шла математика/ а тут математики не было/ я с такой охотой училась/ прямо как на одном дыхании всё/ нравилось мне/ закончила с отличием// потом направили меня в детский сад/ с маленькими тоже/ от двух до трёх/ вот первую группу помню как сейчас/ они такие прямо были тихие/ очень такие покладистые/ внимательные такие вот не по возрасту/ мне нравилось очень/ потом вышла замуж/ сын родился...

Данный фрагмент открывается темой *дорога* (номинация *переехала*), которая развивается параллельно с темой *семья* / микротемой *сестра* (номинации *сестра – она*) и темой *работа* / подтема *работа в сфере обслуживания (преподавала в институте)* и переходит в тему *учёба* / подтема *училище* (номинации *набор в*

педучилище – туда поступила – училась – закончила с отличием). Затем говорящий последовательно называет основные, главные события своей жизни: появляется тема *работа (направили в детский сад – с маленькими – первую группу)* и тема *семья / микротемы муж и сын.*

Текущее тематическое развитие наблюдается в следующих текстовых фрагментах.

...Ну вот она ходила с жёнщинами/ собирались группой/ на санках/ собирали вещи/ везли/ туда/ привозили оттуда/ ну немного мяса оленьего/ тюлений жир/ там на северных деревнях занимались рыбной ловлей/ и она морожену рыбу привозила/ а мы ещё все маленькие/ старшей было одиннадцать лет/ второму было восемь/ и так вот/ они ходили летом на Белое море/ тут рядом у нас залив такой/ там ловили рыбу/ треску/ камбалУ/ кОрюшку/ колЮшка была маленька рыбка как тюлька... (параллельное развитие тем семья и работа)

...Папа работал учителем в сельской школе и вскоре по переводу его отправили работать в деревню Борисова / Удмуртской республики / где и прошло мое счастливое детство// как все деревенские дети я не знала/ что такое детский сад // все дети дружной гурьбой летом катались на велосипедах / ходили за ягодами / ловили рыбу и ждали родителей с работы // зимой было более интересно нам / мы катались на лыжах / санках // безмятежно проводили время // в семь лет/ я пошла в первый класс начальной школы этой деревни // а после окончания начальной школы/ нас всех перевели в школу интернат / соседней деревни // где мы учились шесть дней/ а в субботу шли домой / в воскресенье шли обратно/ это у нас был праздник побывать дом // по окончанию пятого класса родители переехали жить в город... (последовательное развитие тем семья, детство, учёба, дорога)

...После окончания школы я училась в Новокузнецком торговом доме/ училась на бухгалтера/ получила работу бухгалтера/ одиннадцать лет работала/ потом я перешла работать// в налоговую инспекцию Центрального района/ ну и там проработала старшим специалистом в сфере автоматической авторизации/ двадцать пять лет// так/ ну немного/ могу рассказать о семейной жизни/ в девятнадцать лет я вышла замуж и/ братья родились/ два замечательных сына... (последовательное развитие тем учёба, работа, семья)

...Моя мама/ работала акушеркой / потом часто / встречала людей / которые говорили / что моя мама принимала у них ребенка / я родилась восьмимесячной // поэтому / чуть не умерла при родах как позже оказалось // у меня не раскрылось одно легкое / но меня спасли / правда я потом стала очень часто / болеть болезнями связанными с легкими // когда мне было два года // мама уехала в место под названием Косой Порог это было за двенадцать

километров от Междуреченска... (параллельное развитие тем семья и работа, семья и дорога; последовательное развитие тем превратности судьбы, дорога)

В разговорных монологических текстах городских жителей, как и в диалектных монологах, наблюдается такой вариант тематического развития, как тематическое удаление. ТУд представлено в разных смысловых контекстах (в примерах подчеркнуто).

...Помню/ идёшь/ кирпичи на себе носили/ потом подпоры стали ставить/ несёшь/ чо они/ по пять с лишним килограмм/ а ночью/ в ночь работали/ в четыре смены была/ и вот иду/ глаза вот так закрываются/ и думаю/ я сёдни отработаю/ и завтра тогда ещё поживу/ во как работала/ иду с кирпичами/ на ходу глаза закрываются/ а каменщик кричит/ што ты делаешь/ ты щас ноги себе отшибёшь/ как крикнет нарочно на меня/ я тада вздрогну и тада иду/ заругается на меня/ чо/ в ночь работали/ отдыхать-то некогда/ надо и сварить/ и огород... (социальный контекст)

...Ой/ уж подросли/ ребята играли в городки/ в шарОвки/ шарОвки такие/ городки напилят/ ребяташки/ я вот помню ставили вот/ щас вот тОка показывают/ а тада играли// сильно-то некогда было играть/ работали... (временной контекст)

...А летом мы все проводили на улице/ у нас там залив был/ где мы вот жили/ там плавициИ плавили лес по реке/ река у нас Умна/ порожистая такая/ по ней сплавлили лес/ кошелИ называлось/ бревно к бревну как бусы завязывались/ завязывались/ и такой кошЕль получался/ а в середину насыпали насыпи/ и вот по этим брёвнышкам мы бегали на другой берег/ это примерно метров семьсот/ и вот такой кошЕль огромный по заливу плавает/ они на плавУ/ а мы по ним/ развлекались... (культурный контекст)

...Папа/ который любил фантастику/ и меня приучил к фантастике/ к братьям Стругацким приучил сначала/ потом к другой хорошей отечественной фантастике/ американскую великую фантастику/ и Айзек Азимова/ и Клиффорда Саймона/ и многих других/ их тогда покупали книги/ это не сейчас/ когда можно всё скачать/ какая-то книжка появлялась в магазине/ мы покупали/ а потом с отцом спорили/ кто первый будет читать эту книгу... (культурно-временной контекст)

...А летом /я уезжала с бабушкой и дедушкой на дачу/ как-то так получилось что занесло их в этот/ далёкий-далёкий уголок/ лесной/ на реке Мрассу/ в посёлке Тосс/ собственно говоря это и на данный момент моя любимая дача/ куда я стараюсь ездить как можно чаще/ и с огромным удовольствием провожу время в тишине и в общении с природой... (локальный контекст)

...Папа ложился и спал/ а я скакала вокруг него и гундела/ ну па-апа/ ну пора просыпа-аться/ ночь закончилась// в общем мне кажется воспоминания

детства/ они наверное/ самые приятные и самые нежные/ самые любимые...
(экзистенциальный контекст)

Тематическое углубление как вариант тематического развития также присутствует в монологах горожан. Однако нужно отметить, что в текстах городской устной речи, в отличие от речи диалектной, гораздо реже встречаются ТУг с полным развитием. Примеры подобных ТУг приведены далее.

ТУг «Часы продали за рубль»

...(Завязка) Когда вот мы сидели с моим братом Виктором дома/ мать ушла к соседке/ отец на работе/ а старший брат и сестра они в школе/ мы ещё в школе не учились/ сидели дома/ скучали/ и вдруг/ Виктор говорит/ Толь/ давай возьмём/ часы/ висят вот карманные/ отец недавно их отремонтировал/ ну и повесил там висят его часы/ на окне// (развитие действия) я согласился/ мы взяли эти часы// вышли на улицу/ и гордые такие с часами идём//встречается нам/ сосед/ далеко живёт/ старше нас он был/ посмотрел/ похвалил часы и предложил купить у нас их/ ну мы ему и продали/ за рубль/ а рубль в те времена это большие деньги были// можно было пойти и купить полкилограмма/ пряников/ ну мы так и сделали/ пошли купили пряников/ наелись их/ пришли домой/ полные карманы пряников ещё осталось// (кульминация) тут мама пришла/ спрашивает/ есть будете/ мы да не-е-т/ мы не хотим/ а что у вас в карманах?/ посмотрели/ там пряники/ где взяли?/ ну мы молчим// ну тут/ вечер уже подошёл/ отец приехал и говорит/ а где часы?/ нет часов/ мать говорит ах вот они где взяли пряники/ ну и естественно нас выстроили так сказать/ в шеренгу/ и давай допрашивать/ отец спрашивает/ кто?/ мы правда сознались конечно/ с братом/ куда дели?/ сказали/ и вот соседу продали/ (развязка) ну пошёл к соседу/ тот уже все пружинки/ все винтики у этих часов вытащил/ всё/ в общем сломал// вот так вот мы новые часы продали за рубль... (сюжет с неординарной ситуацией, темы детство, семья)

ТУг «Поступление в институт»

...(Завязка) И поехали мы с Танькой Новиковой поступать/ поехали в Новосибирск/ да я и не хотела ехать туда/ в этот институт/ но поехала потому что что?/ Новикова позвала с собой/ бухгалтерский учёт/ кооперативная торговля/ боже ты мой/ где мой пединститут и где кооперативная торговля// ну/ у папы был знакомый/ в городском совете/ заведовал/ ну не вспомню чем/ не важно/ и он мне дал письмо рекомендательное/ а это письмо считай стопроцентное попадание в институт народного хозяйства/ который был в Новосибирске/ (развитие действия) но я-то туда не пошла/ как же я пойду с этим письмом/ когда у меня подружка поступает просто так/ и я пошла просто так/ ну и не поступили/ короче/ даже зачисления не дождалась/ но я хорошо сдала/ сдала экзамены/ у меня была одна тройка/ по физике/ ну мне Новикова говорит/ у-уй да мы не

поступим с тройкой/ а у неё/ по-моему/ две даже тройки было/ ой нет/ надо ехать домой/ ну собрались и поехали/ вот две ду-уры-то были/ так ты дождись зачисления-то/ узна-ай всё хорошо/ а потом поезжай домой/ так ведь нет// и дали своим мамашкам телеграммы/ выезжаем/ приедем такого-то/ ага/ (кульминация) выхо-одим на перроне утром ранёхонько в Новокузнецке/ ба-атюшки/ а они стоят две мамашки-то наши/ цветочки принесла/ Тани Новиковой мама/ встречают дочку/ думали/ что поступили/ а мы им бум на перроне/ а они а-а/ ой-ой-ой/ что же делать/ да ничего/ будем поступать на следующий год// (развязка) и пошли мы с Новиковой работать в раздевалку смичовскую// ну что/ записались на подготовительные курсы// ходили/ учились/ работали мы посменно и курсы тоже были посменные/ и все девять месяцев работали/ и ходили на эти курсы// ну поступили...(сюжет с неординарной ситуацией, темы учеба, семья)

ТУ2 «Встреча с Бардиным»

...Вот всю жизнь дедушка на этой смётке/ (завязка) у него/ образование-то было/ курсы десятников/ которое он получил благодаря/ Ивану Палычу Бардину/ (развитие действия) который шёл мимо и увидел/ как мой дед/ на краю котлована/ на Кузнецкстрое/ сидит и высчитывает/ как лучше рыть/ подходит/ грамотный что ли/ он говорит/ да грамотный/ (кульминация) бросай лопату/ собирайся/ поехали/ учиться будешь/ (развязка) и вот так дедушка благодаря академику Бардину попал на эти курсы бригадиров...(сюжет с неординарной ситуацией, темы семья, учёба)

ТУ2 «Списал контрольную работу»

...Помню был один смешной случай когда одного мальчика Сережу/ хотели оставить на второй год именно из-за математики это было уже в конце года/ (завязка) и мы решали годовую контрольную работу/ и он ее у меня списал/ потому что решалась его оценка/ три или два/ и от этого зависело останется он на второй год или нет/(развитие действия) и потом когда нам раздавали эти работы он очень волновался вскрикивал где же моя где же моя/ а учительница/ она называла фамилии и оценки фамилии и оценки/ потом она сказала вот осталась последняя работа он сказал это моя это моя/ работа написана хорошо он так обрадовался / (кульминация) а вот я читаю / титульный лист / контрольная работа/ по математике/ ученицы/ четвертого класса а/ Полежаевой Оксаны / (развязка) мы так хохотали что/ по-моему некоторые попадали под парту но тем не менее он переписал работу/ и перешел в следующий класс...(сюжет с ординарной ситуацией, тема учёба)

ТУ2 «Первое занятие в художественной школе»

...(Завязка) Мне тогда было одиннадцать лет/ только исполнилось/ мы пошли в художественную школу// та-ам кстати// записались всё туда с мамой/ я на первое занятие пришла почему-то в октябре/ набор был так или просто

получилось// (развитие действия) было как щас помню занятие по рисунку// мы сели за мольберты/ всё так необычно//я-я// взяла с собой карандаши/ листы/ как потом оказалось не те которые нужны вообще/ и начала рисовать/ (кульминация) и за один урок/ там он длится полтора часа/ не как в школе/ я так нарисовала картинку/ да-а// конечно это было всё такое/ сырое/ не очень правильное/ но начало было положено// даже немного похвалили меня// (развязка) и дальше так пошло/ я поняла/ что это моё/ что мне это очень нравится...(сюжет с ординарной ситуацией, тема учёба)

Как правило, конкретное, единичное событие собственной жизни говорящий оформляет в виде нереализованного тематического углубления. Примеры НТУг представлены ниже (выделены полужирным шрифтом).

НТУг «Комната в бараке»

...Потом через какое-то время отец устроился на работу/ и ему дали комнату/ в бараке/ когда туда пошла моя мама/ я тогда ребёнком была/ не помню/ но всё время говорили/ посмотрела на этот барак/ там живут цыгане и всякие живности/ пришла домой заплакала...

НТУг «Ураган»

...А был последний звонок у нас/ и в этот последний звонок/ был такой ураганище/ это был семьдесят четвертый год/ двадцать пятого мая/ бо-оже мой какой/ мы пришли домой с этого последнего звонка/ мы успели домой добрались/ и была песчаная буря/ бо-оже мой// а мы жили в своём доме/ мы на следующий день вышли/ на крыльцо/ а огород почти/ песком припорошенный был/ какая-то песчаная буря-то была/ и в огороде даже песок был/ свету белого было не видно/ вот так запомнился мне мой последний звонок...

НТУг «Смерть деда»

...Сам был позитивный человек/ прожил девяносто два года/ и умер в полном здравии и сознании/ с сознанием того/ что человек просто уходит и всё/ он сказал/ Вадим/ ты не делай ничего мне/ я просто умру сейчас/ взял и умер/ вот это дед мой/ Григорий Александрович/ о нём и расскажу...

НТУг «В больничной палате»

...Одни из самых первых воспоминаний/ когда я лежал в больнице/ хорошо помню даже палату/ где я лежал/ мне было наверно год с чем-то/ первый раз я очень сильно заболел/ воспалением лёгких/ и хорошо помню/ как я лежал в этой палате/ хорошо помню/ как/ напротив меня сидела женщина и читала своему ребёнку «Мойдодыра»/ это я хорошо помню...

НТУг «Игра в «ночь»

...А ещё когда я приставала к папе/ ну пап/ ну давай поиграем/ ну пожалуйста/ папа ясное дело пришёл с работы уставший/ он всегда мне предлагал поиграть в ночь/ в чём заключалась/ игра/ папа ложился и спал/ а я скакала вокруг него и гундела/ ну па-апа/ ну пора просыпа-аться/ ночь

закончилась...

Далее рассмотрим особенности тематического развития в центростремительных текстах. Тема *я-говорящий*, которая в диалектных текстах и центробежных текстах горожан занимает незначительное место в текущем тематическом развитии, появляясь в рамках темы *настоящее*, в центростремительных текстах часто реализуется в особой разновидности текущего тематического развития – текущем тематическом Я-развитии. **Текущее тематическое Я-развитие (ТТЯР)** – это размышление говорящего о собственной личности, о своём внутреннем мире, реализующее тему *я-говорящий* и относящиеся к ней подтемы/микротемы. В ТТЯР предметом внимания могут быть 1) определённая черта личности говорящего, качество его характера; 2) тот или иной этап духовной жизни говорящего, внутреннее состояние. Причем ТТЯР может развиваться в рамках двух тем – *прошлого* и *настоящего*.

С текущим тематическим развитием ТТЯР роднит отнесённость к внешней локализации: говорящий находится рядом с жизненным пространством, помещая в фокус своего внимания различные события, факты, явления собственной жизни. Но если в ТТР обозначаются события внешней жизни, то в ТТЯР происходит обращение к событиям жизни внутренней, духовной.

ТТР и ТТЯР схематично можно изобразить в виде двух однонаправленных параллельных векторов, расположенных горизонтально по отношению друг к другу. Эти векторы находятся в отношениях взаимодополнения, представляя собой как бы два пути в одном направлении. Они равноправны, располагаются на одной плоскости, имеют общее жизненное пространство, по отношению к которому можно переместиться либо вверх, либо вниз. Следовательно, из ТТЯР, как и из ТТР, может развиваться тематическое удаление или тематическое углубление. В ходе тематического развития говорящий может также перемещаться по плоскости из ТТР в ТТЯР и обратно, попеременно обращаясь к внешним и внутренним событиям своей жизни.

Таким образом, тематическое развитие в ряде монологов городской устной речи происходит в пяти направлениях: вперед (процесс тематического развития в целом), вверх (тематическое удаление), вниз (тематическое углубление), влево и вправо (из

текущего тематического развития в текущее тематическое Я-развитие и обратно), что условно можно отобразить в следующем рисунке.

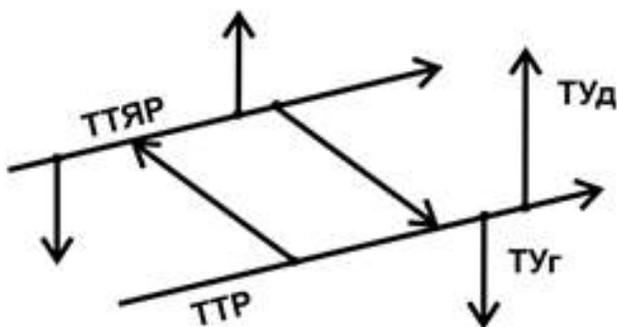

Рис. 8

Примеры текущего тематического Я-развития представлены в текстовых фрагментах (ТТЯР выделены полужирным шрифтом).

Пример № 1

*...Ну я так думаю/ что я вообще **неубедительный товарищ**/ в этом отношении/ да вот// наверно среди знакомых я не пользуюсь авторитетом/ легкомысленный в их глазах/ вполне возможно/ все по-разному воспринимают/ других людей/ я даже иногда пытался как-то выяснить/ некоторые вещи/ других людей спрашивал/ как они относятся ко мне/ ну в смысле не то что/ ну как они воспринимают меня/ ну/ не все конечно это могут сказать искренне/ ну я считаю/ что всё-таки наверно/ что-то во мне/ мне кажется/ есть такое/ что не располагает к доверию/ вот/ возможно// может быть/ вы знаете/ возможно я сам немножко не воспринимаю себя достаточно серьёзно/ почему?/ потому что мне всё время почему-то кажется/ что я немного/ ну/ не вырос/ не повзрослел/ вот такое у меня отношение/ по сравнению с окружающими/ даже своего возраста/ что вот они как-то повзрослевшие/ серьёзные/ а вот я как/ считаю/ что больно я/ ещё остался пацаном/ в какой-то мере/ кто его знает?/ вот я не ходил тоже в армию/ говорят/ что это тоже может повлиять/ в какой-то мере/ ну это причина не причина/ может просто характер у меня такой/ ну в частности может в какой-то мере/ что ещё в деда я в какой-то мере/ дело в том что/ мой дед по отцовской линии/ тоже как-то был немножко так сказать/ Ерником каким-то/ по отзывам моего отца там и матери/ которые знали его/ ну и я с ним немножко сталкивался будучи ещё в детстве/ к нам приходил в гости/ ну довольно-таки вот так вот/ не совсем может быть повзрослевший/ ну довольно-таки весёлым ну каким-то в общем таким товарищем/ ну немножко с шутовством/ я сам вот за собой это замечаю вот это вот/ маленько шутовство/ ну есть в характере шутовское/ вы знаете/ мне как-то/ мне это особо не смущает/ мне даже как-то не боюсь смешков над собой/ что кто-то надо мной смеялся/ мне это как-то так/ не очень*

меня так/ особо смущает/ и в какой-то мере это было будучи мастером/ позже это как-то немножко сказывалось/ что/ даже мне один однажды какой-то/ я-то строитель по специальности/ инженер-строитель/ поэтому как-то один из прорабов/ когда я ещё будучи мастером/ он как-то/ сказал мне/ что вроде/ как/ ну зачем ты собственно говоря позволяешь над собой смеяться/ да я как-то отношусь к этому попроще/ как-то не очень меня это заботит/ смеются и смеются/ значит/ такой у меня характер/ такое поведение/ что кому-то кажется смешным/ на чужой роток не накинешь платок и прочее// ну может в какой-то мере меня/ вот такой характер/ в какой-то мере мне даже помогает/ не даёт даже сильно впасть в какие-то депрессии/ меня не тяготит особо/ какое-то там одиночество/ ну как сказать одиночество?/ мы наверно все одинокие/ в общем-то каждый живёт своей жизнью/ так оно и должно быть/ каждый своей жизнью и живёт собственно говоря/ ну в общем-то даже это и хорошо/ что я не повзрослел/ мне это легче от этого...

Данный фрагмент открывается ТТЯР, реализующим тему *я-говорящий* / подтему *духовное состояние говорящего*. Информант размышляет об особенностях своего характера – несерьезном отношении к собственной личности, шутовстве. Говорящий подробно анализирует эту черту, пытаясь разобраться в её истоках и последствиях. ТТЯР прерывается три раза другими вариантами тематического развития: ТТР, НТУг и ТУд. ТТР, представляющее тему *семья* / микротемы *дед, отец, мать*, возникает в связи с попыткой говорящего разобраться в причинах подобного отношения к собственной жизни: данная черта личности передалась по наследству от деда. НТУг «Замечание прораба», отсылающее к конкретному событию из жизни, иллюстрирует отношение к информанту со стороны окружающих людей. ТУд «Все живут своей жизнью» экзистенциального контекста появляется в заключение ТТЯР как вывод о том, что обозначенная черта личности помогает пережить трудности и позволяет не бояться одиночества.

Пример № 2

...Ну и я вообще больше в своём мире каком-то находился жил/ у меня была музыка/ которую я слушал/ у меня были книги/ которые читал в огромном количестве/ и для себя создавал свой мир какой-то/ в котором и находился до определённого периода/ книг читал очень много всегда/ очень много/ очень быстро/ папу всегда это немножко/ ну не то что бы раздражало/ но видимо он не верил/ что я так быстро читаю/ и он периодически мне какие-то экзамены устраивал/ по поводу прочитанного/ но надо сказать/ что конечно я потом действительно читал быстро и/

внимательно читал/ всё равно/ а особо понравившиеся книги перечитывал/ по десятки раз/ у меня была как бы болезнь/ причём не просто через какое-то время/ а прочитаю книгу понравившуюся/ и тут же читаю заново/ и тут же читаю заново/ мог вот раз десять подряд читать// однажды мама взяла у своей подруги книжку/ собрание сочинений Стругацких/ из собрания сочинений Стругацких/ там было «Полдень. Двадцать второй век» и «Далёкая радуга»/ так я эту книгу так зачитал/ что маме потом было стыдно возвращать/ она долго ругалась на меня/ я читал её бесконечно/ была одно время любимейшая моя книжка/ вот так вот...

В данном текстовом примере говорящий повествует о том, как в детстве и в юности жил в особом внутреннем мире, где важное место занимали любимые книги. ТТЯР строится на основе темы *я-говорящий* / подтемы *духовное состояние говорящего* / микротемы *увлечения*. ТТЯР прерывается текущим тематическим развитием, реализующим тему *семья* / микротему *отец*, и ТУг «Зачитал чужую книжку». Эти варианты тематического развития дополняют и иллюстрируют ТТЯР, представляя его более ярко и выпукло.

Пример № 3

...А так жизнь-то довольно смешная/ я не могу привыкнуть/ к тому что я здесь живу и/ я долго привыкаю вообще/ ну учитывая/ что нет какой-то тишины/ так или иначе/ мама обращается/ батя смотрит можно сказать постоянно какие-то фильмы или передачи/ ну про политику и фильмы бесконечные/ и это всё звучит/ потому что зал в соседней комнате/ через дверь так или иначе слышно// мне как-то/ я привык к тишине/ мне сложно привыкнуть// ну как бы// ну я в принципе потому и съезжал/ от родителей/ потому что/ ну/ какие-то намерения мои/ как будто бы сбиваются/ по пути/ отвлекаюсь легко// мне это не нравится и/ ну я научился держать какую-то линию/ инициативу/ намерения свои собственно/ но когда есть какое-то воздействие стороннее/ стороннее воздействие/ мне сложно не реагировать/ сложно игнорировать/ мучит опять же/ ну работа там/ меня научили/ как-то сочувствовать ближестоящему человеку/ ну партнёру по сцене/ довольно много времени я провожу/ там/ на сцене/ работаю/ и/ я как будто к этому привык/ к тому что нужно реагировать на то/ что происходит вокруг тебя/ учитывая что коллектив там хороший/ и как бы/ ну там приятно шутить и разговаривать/ поэтому как-то/ не всегда/ ну/ почти не хочется не реагировать/ но раньше для меня это было/ нормой просто// ну и в связи с тем/ что многое переменялось/ дом/ какие-то обстоятельства/ которые довольно сильно влияют на самочувствие// я периодически впадаю в растерянность странную/ ну/ в принципе она пересиливается/ вопрос в том что/ я// я не чувствую какой-то свободы/ у меня есть/ необходимость последующего дня и так далее/ и/ если/ ты думаешь/ если я думаю/ что нет такой необходимости/ значит скорей всего

это не так/ ну как бы сказать/ я так думаю/ про себя/ когда такое происходит// в итоге я не очень далеко ухожу/ боюсь заняться чем-то что/ может отнять у меня довольно много времени// и без пользы/ которую можно совершить самому// опять же вся эта история с приборкой она/ в доме/ она очень связана с тем что я себя тут дома не чувствую/ то есть мне надо как-то/ тут всё/ как-то тут переделать/ обустроить/ чтобы мне было хорошо// чтоб жить какое-то время/ чувствуя себя довольно свободно// ну и опять же/ если/ есть необходимость менять обстоятельства/ то это нужно менять/ потому что/ отказ от этого ведёт к какому-то нытью в итоге// к нытью/ что всё не так/ я не могу на это подействовать/ как-то изменить/ как правило/ подобное нытьё это результат мнительности/ того что человек почему-то/ ну/ не чувствует в себе сил поменять обстоятельства вокруг// мало с кем общаюсь/ недавно вот Серёгу видел/ ну неплохо поговорили в принципе/ но всё равно как будто не хватает/ тишины/ всё какое-то колесо необходимости действует/ а смешно/ что я чувствую себя свободным не в каком-то действии конкретном/ ну кроме того/ чтобы наверно писать/ а в бездействии/ в какое-то время находишься в бездействии/ тогда становишься радостным// ну это даже не про лень/ а про то что/ можно как-то разглядеть мир вокруг/ понять/ что с тобой происходит/ чего ты хочешь/ это даже скорее/ ну деятельность/ это труд/ но при этом тяжёлый/ учитывая что/ опять же работает этот счётчик пользы и потери времени/ это болезнь какая-то// примерно так...

В данном примере ТТЯР посвящено размышлению о внутреннем состоянии говорящего, обусловленного невозможностью остаться наедине со своими мыслями, чувствами. Информант стремится оградить себя от жизненной суеты, но не в силах преодолеть «колесо необходимости» и «счётчик пользы и потери времени». ТТЯР на мгновения прерывается обращением к фактам внешней жизни, переходит в ТТР, раскрывающему темы *семья* и *работа*.

Текущее тематическое Я-развитие встречается чаще всего в речи младшего поколения (1970–1990-х гг. рождения), хотя наблюдается также и в ряде монологов новокузнецчан среднего поколения (1950-х гг. рождения).

Анализ тематического развития разговорных монологических текстов городской устной речи позволяет говорить о том, что эти тексты характеризуются особой «объёмностью», «стереоскопичностью». Образно говоря, их можно назвать 5D-текстами, что связано с пятью направлениями тематического развития (см. рис. 8).

Выводы к главе 2

1. Два подхода к понятию «тема текста» (формально-семантический и коммуникативный) обусловили рассмотрение тематической организации разговорного монологического текста в статике и в динамике. С формально-семантическим подходом связано рассмотрение тематической организации в статическом аспекте в виде тематической структуры. Коммуникативный подход определил рассмотрение тематической организации разговорного текста в динамическом аспекте в виде тематического развития.

2. Тематическая структура разговорного монологического текста выступает в качестве инварианта тематической организации, имеет уровни членения: *гипертематический, тематический, подтематический, микротематический*, – выделяемые на основании логико-семантических отношений целого и части, общего и конкретного между фрагментами текста. Единицами уровней являются, соответственно, *гипертема, тема, подтема* и *микротема*.

Тематическая структура монологического текста городской устной речи отличается от тематической структуры диалектного текста широтой охвата жизненных явлений, появляются темы, характерные только для речи горожан. Ряд тем отличаются большей разветвлённостью, в них выделяется большее количество подтем / микротем.

3. Тематическое развитие разговорного монологического текста вариативно: варианты (*текущее тематическое развитие, тематическое удаление, тематическое углубление*) определяются разновидностями локализации в речевом сознании говорящего (*внешней, удаленной, внутренней*), представляющими точки наблюдения над объектом повествования – жизненным пространством говорящего.

С точки зрения тематического развития тексты городской устной речи делятся на *центробежные* (варианты тематического развития названы выше) и *центростремительные*, в которых выделяется разновидность текущего тематического развития – *текущее тематическое Я-развитие*.

4. Выделенные варианты специфичны в плане когерентности и когезии.

Когерентность текущего тематического развития составляют логико-семантические отношения между темами (подтемами,

микротемами): тождества, включения, пересечения, контражности, исключения. Когезия проявляется в последовательном, параллельном, смешанном типах связи тематических цепочек.

Когерентность тематического удаления представлена определенными типами смысловых контекстов, с которыми оно соотносится: экзистенциальным, культурным, локальным, семейным и др. Когезия тематического удаления – это его формальная связь с текущим тематическим развитием в экскурсии / рекурсии / экскурсии и рекурсии одновременно.

Когерентность тематического углубления обусловлена наличием в нем сюжета, когезию составляет композиция как форма организации сюжета.

ГЛАВА 3. ПЕСНИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ФОЛЬКЛОРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В главе представлены результаты исследования становления жанра литературной песни в русской литературе XVIII–XIX вв. и формирования жанровых моделей песен литературного происхождения в фольклоре в результате фольклорно-литературного взаимодействия. Рассмотрены жанровые трансформации стихотворений и песен русских поэтов в народной песенной культуре на материале фольклора Кемеровской области; проанализированы эстетические принципы и приемы репродукции литературного источника в серии народно-песенных вариаций.

3.1. Жанр песни в теоретическом осмыслении и поэтической практике поэтов XVIII в.¹

3.1.1. Фольклорные источники литературной песни в поэзии А.П. Сумарокова

Народная песня была неотъемлемой частью быта всех слоев русского общества, о чем свидетельствуют документальные источники как русских, так и иностранных авторов: мемуары, письма, записки, дневники, семейные хроники. Так, описывая празднование именин помещика в 1752 г. в своих «Записках», А.Н. Болотов вспоминает, что крепостным оркестром «больше всего исполнялось русских плясовых песен, под которые можно было танцевать; кроме музыки, гостей развлекали дворовые девушки своими песнями» [Колпакова 1977, с. 98]. На вечерах и приёмах при дворах вельмож и цариц песнями развлекались совершенно так же, как на деревенских праздниках и молодежных вечерках. Народные плясовые, хороводные и протяжные песни составляли естественный художественно-эстетический фон воспитания дворянина. Но в силу своего простонародного происхождения песня не могла быть признана средством выражения высоких чувств дворянина и «не отвечала вполне на запросы новонарождающейся русской интеллигенции на западноевропейский лад» [Перетц 1900, с. 206]. В русской культуре назрела необходимость развития жанра литературной песни, которая, по справедливому замечанию О.Б. Лебедевой,

¹ В параграфе использованы материалы статей В.В. Трубицыной: [Трубицына 2009(б), 2013(а), 2013(б), 2014(б)].

представляла «удобную форму выражения непосредственного частного чувства, изгнанного из высоких жанров официальной литературной иерархии, но властно поощряемого персонализмом новой светской культуры России» [Лебедева 2000, с. 137].

Александр Петрович Сумароков (1717–1777) одним из первых почувствовал в народной песне – национальной лирической форме – огромный потенциал поэтических форм и языка русской лирики. По замечанию А.М. Новиковой, для народной поэзии XVIII в. «был характерен веками сложившийся поэтический стиль и язык, ей был доступен огромный арсенал самобытной поэтики, устоявшиеся жанровые и композиционные формы, с которыми соперничать массовой книжной лирике было не просто» [Новикова 1982, с. 9].

Сумароков, ощущая себя первопроходцем в создании литературной песни, теоретически обосновывает свое обращение к низкому жанру. Посвятив его описанию значительное место в своей «Эпистоле о стихотворстве» (36 стихов), он утверждает законное и равное положение песни в классицистической иерархии лирических жанров рядом с идиллией, эклогой, элегией, балладой. В статье «О стихотворстве камчадалов» поэт отмечает, что стихотворство, которое «чистейшим изображением естества назваться может», рождается «чувствием непросвещенным» и мыслями, «единым чувствием провождаемыми», а далее приводит в качестве «изрядного свидетеля» своих рассуждений народную «Камчатскую» песню [Сумароков 1787, ч. 9, с. 248].

В собственной поэтической практике Сумароков создает образцы жанра литературной песни на основе как западноевропейской поэтической традиции, так и русской народной поэзии, на тот момент более совершенной, чем произведения русской книжной лирики.

В песенном наследии Сумарокова можно выделить ряд текстов, в которых поэт сознательно обнажает фольклорный элемент. Так, в песнях «В роще девки гуляли» (№ 8), «Не грусти, мой свет» (№ 65), «Где ни гуляю, ни хожу» (№ 70) и «Прости, моя любезная» (№ 94) Сумароков первым вводит в авторскую лирику народный обряд (встреча весны и гадание на венке в праздник Ивана Купалы), который в дальнейшем станет темой многих лирических произведений (В.А. Жуковский, А.С. Пушкин и др.). Композиционно песня «В роще девки гуляли» представляет собой традиционное сочетание хоровой повество-

вательно-описательной части и монолога солирующего певца, сопровождаемого регулярным хоровым рефреном-припевом: «*Калина ли моя, малина ли моя!*». Припев песни в несколько измененном виде так же, как и запев, мог быть заимствован поэтом из песни «Во саду девки гуляли»: «*Во саду девки гуляли, / В саду красные гуляли, / Калина, малина. / И цветики срывали, / И венки свивали, / Калина, малина!*» и т.д. (из сборника П.В. Киреевского), на что указала А.М. Новикова [Новикова 1982, с. 58]. В акте заимствования Сумароков соблюдает уже сложившуюся в рамках народной песни традицию переноса «внешнего» припева из одной песни в другую. Такой припев легко переносится, поскольку является «сильно обобщенной, потерявшей свой исходный смысл формулой параллелизма» [Ерёмина 1978, с. 160], лишен индивидуальности, реального символизма и выражает оттенок уже закрепившегося за ним настроения. Для собственно литературной песни припев играет ритмообразующую роль и как повторяющаяся единица текста тесно связан с мелодическими повторами.

В зачине описан обряд встречи весны, в котором героиня не желает принимать участие по причине разлуки с «другом». В духе печальных «девичьих» песен о разлуке и измене Сумароков воспроизводит лирическую ситуацию: «приходит весна, но покинутой девушке нет радости ни в чем» [Пропп 2001, с. 225]. Этот лирический зачин Сумароков использует и в других – не «народных» – песнях: «*Прекрасная весна на паство возвратилась, / <...> / Но часть моя ещё и больше огорчилась*» (№ 14), «*Вся природа обновлена, / Неприятна мне весна*» (№ 54). Описание весеннего обряда Сумароков строит на последовательности ритуальных действий: гуляния в роще, прославление весны, вождение хороводов, плетение венков. В изображении страданий девушки-героини использует традиционные обращения к природе, при этом усиливая их императивный характер, чтобы передать драматизм душевного состояния героини: «*Вянь, трава чиста луга, / <...> / Не всходи, месяц ясный, / <...> / Не свети ты, день красный, / <...> / Не плещите вы, воды*» (№ 8). Аналогично в другой песне: «*Вы вяньте, розы, вяньте, валитесь прочь от лоз, / <...> / Престаньте, птички, песни в дубровах воспевать, / Престаньте сей забавой мне бедну досажждать, / <...> / Садися, красно солнце, скоряе за леса; / Закройте, густы тучи, от глаз мне небеса, / Ступайте, волки, в стадо, поешите всех овец, / Терзайте мое сердце и сделайте конец*» (№ 80). Драматич-

зируя лирическую ситуацию, поэт разрушает народно-песенный канон, демонстрируя «выделение» лирического героя из «хора» и самоощущение «я» «в мире» как независимого, но и неприкаянного: любовная тоска лирического героя впервые становится ещё и тоской неслиянности человека с космосом, отлучения его от всеобщей гармонии.

В песне «В роще девки гуляли» Сумароков использует типичные для лирических народных песен риторические фигуры клятвенных признаний в любви, мольбы или укора в неверности. Укор лирической героини в предполагаемой неверности своего «друга» выражается у Сумарокова в антитезе внешней красоты и «сердечности»: прекрасной, но непостоянной и легкомысленной сопернице противопоставляется сама героиня, внешне, возможно, менее красивая, но верная: *«Я любила сердечно / <...> / И любить буду вечно. / <...> / Та прекраснее будет, / <...> / Да тебя позабудет. / <...> / Ах, а я не забуду, / <...> / Сколько жить я не буду»* (№ 8). Последние строки являются широко распространенной фигурой любовной речи – «любовь до гроба», традиционной в фольклоре, в любовных виршах конца XVII – начала XVIII вв., во французской поэзии эпохи Возрождения, с которой был знаком Сумароков. Например, в народной песне «Туманно красно солнышко туманно» (из сборника М. Чулкова) девушка дает обещание долгой памяти о своём возлюбленном: *«Я в те поры мила друга забуду, / Когда подломятся мои скорые ноги, / Когда опустятся мои белые руки, / Засыплются глаза мои песками, / Закроются белые груди досками»* [Народные лирические песни 1961, с. 135]. Эта «клятвенная» формула любви станет постоянной в песнях Сумарокова: *«Ты так, как прежде мне была, / По смерть мою всегда мила»* (№ 77), *«Пленник твой, / Пока дух в теле»* (№ 78), *«Покорилась вся мысль моя, я по смерть уже твоя»* (№ 79), *«Никто мя не пленит другая, / Доколь продолится жизнь моя»* (№ 81), *«Ты до смерти будешь мил»* (№ 92) и т.п. При этом в своих уверениях героини Сумарокова нередко апеллируют к незыблемости естественных законов природы, уподобляя ей верность в любви. Так, в песне «В роще девки гуляли» убедительным аргументом верности героини становится образ неумолимого и постоянного течения реки: *«Не пойдут быстры реки / Ко источнику веки, / Так и мне неудобно / Быть неверной подобно»* (№ 8).

Сохраняет Сумароков в указанном тексте и народно-песенный 3-х ударный тонический стих. Но урегулированность рифмы и литературная обработка языка подчеркивают авторское происхождение песни.

Прототипом песни Сумарокова «Где ни гуляю ни хожу» (1765) А.М. Новикова считает народную песню «Грушица, грушица моя» (из сборника М. Чулкова) на основании общего в них обряда гадания. Более существенными представляются некоторые текстовые совпадения, позволяющие утверждать факт заимствования, но тем очевиднее те трансформации народной песни, которые производит Сумароков на пути к литературной лирике. В народной песне «Грушица...» два субъекта речи: автор-повествователь (термин Б. Кормана), эксплицирующий реалии исходной ситуации: «*Под грушей светлица стоит, / Во светлице девица сидит, / Слезну речь говорит...*», – и лирический герой, монолог которого содержит формульные обращения к «месяцу» и «солнцу» с просьбой о сочувствии его любовному страданию. Затем следует краткое описание душевного состояния в разлуке с «милым другом»: «*Грусть превелику держу / ... / Сколь жить на свете тяжело / Без милого друга своего!*», – после чего – характерное для хороводной песни детальное перечисление обрядовых действий гадания на венке: *пойду, сорву, совью, пойду, стану, брошу, погляжу: «Тонет ли, тонет ли венок? / Тужит ли, тужит мой дружок»* – и результат гадания, обосновывающий предположения о верности/неверности возлюбленного: «*Не тонет мой аленький венок, / ... / Знать-то, иная у него*» [Народные лирические песни 1961, с. 160–161]. Упоминание в песне «быстрого Дуная» указывает на ее происхождение от древнего общеславянского корня.

Сумароков формально модифицирует песню: заменяет 3-х ударный тонический стих с нерегулярной глагольной рифмой более регулярным 4-стопным хореем с перекрестной рифмой; ликвидирует хоровую повествовательную часть; заменяет обращенный монолог уединенным; в срединную часть вводит адресата – чистое «лирическое ты», – который едва выражен в народной песне; вместо традиционных метафор, коррелятом которых выступают природные стихии, использует бытовые действия и реалии: «*Где ни гуляю, ни хожу, / Грусть превеликую терплю; / Скучно мне, где я ни сижу; / Лягу – спокойно я не сплю*» (№ 70). Намеренность отталкивания Сумарокова от известного народного источника выдает иное разрешение обряда гадания: в «Грушице...» венок не тонет, и героиня сокрушается о неверности друга,

в песне Сумарокова веночек «пошел на дно», «потонул», утешая героиню знаком верности «миленького», «превеликая грусть» сменяется веселостью: *«Стала теперь я весела: / Знать что и я ему мила»* (№ 70).

Другим примером литературной обработки фольклорного источника можно назвать песню «Не грусти, мой свет, мне грустно и самой» (1770), восходящую к семейной бытовой песне, повествующей о тяжелой судьбе женщины, выданной против ее воли за нелюбимого: *«Муж ревнивый не пускает никуда; / Отвернусь лишь, так и он идет туда. / ... / Ах, несчастье, ах, несносная беда, / Что досталась я такому, молодца; / ... / Сокрушил злодей всю молодость мою»* (№ 65). Перенос лирической медитации из настоящего времени в прошлое и будущее создает в песне Сумарокова событийный ряд: несчастливое замужество – любовь к «другу» – тайные встречи – клятва верности: *«Хоть бы он меня и пуще стал губить, / Я тебя, мой свет, вовек буду любить»* (№ 65).

Сюжет любовного адюльтера, трактуемый в народном эпосе (былина «Смерть Чурилы», семейно-бытовые баллады «Князь Роман жену губил» или «Казак жену убил») трагически, а в семейно-бытовой народной песне (песни о «старом муже») сатирически, у Сумарокова разработан в сентиментально-лирической модальности. Подобная трактовка является отражением светского этикета XVIII в., предписывающего практически обязательное наличие у замужней женщины, по ироничному выражению А.Н. Радищева, «годовых, месячных, недельных или, чего боже упаси, ежедневных любовников» [Радищев 1971, с. 468]. Придавая светскому флирту высокий поэтический язык, Сумароков вольно или невольно способствовал «воспитанию чувств» в русском обществе.

Песня «Прости, моя любезная, мой свет, прости» (1770) тематически близка к народным солдатским песням (прощание с родными, тяготы военной службы и тоска по «родной сторонке») и воспроизводит ситуацию расставания молодого человека со своей возлюбленной по причине ухода на военную службу. Лирический герой обращается к «любезной» с прощальным словом, которое содержит размышление о будущей судьбе, о том, что ждет героя «назавтрее», и утешение плачущей возлюбленной: *«Не плачь о мне, прекрасная, не трать ты слез»*, – что соответствует эмоциональному комплексу народно-песенных

«плачей» и «причитаний» во время проводов рекрута в солдаты: *«Не ведомо мне то, увижусь ли с тобой, / Ин ты хотя в последний раз побудь со мной»* (№ 94). Сумароков рисует два возможных исхода военной службы для своего героя: возвращение домой с победой или героическая смерть. В первом случае он утешает возлюбленную обещанием щедрых подарков: *«что я оттоль с победою приду к тебе. / <...> / А если алебарду заслужу я там, / С какой явлюся радостью к твоим глазам! / В подарок принесу я шиты башмаки, / Манжеты, опахало, щегольски чулки»*. Во втором случае утешением должна стать смелость и отвага героя, с которою он защищался и разил, *«дрался с такой горячностью, с какой любил»* (№ 94).

В своих творческих исканиях Сумароков, несомненно, стремился опираться на «темы, образы, словарь и даже ритмику» [Гуковский 1941, с. 416] подлинных народных песен. Но обращение к фольклору не носило, на наш взгляд, характер подражания, стилизации, а было естественным поиском национальной формы нового лирического жанра. Тот факт, что «его произведения не стали близки народу», А.М. Новикова рассматривает как следствие неудачной попытки Сумарокова создать «русскую песню». Но Сумароков создавал именно литературную лирику, сознательно отталкиваясь от фольклорной песни, экспериментируя с её мотивами, образами, ритмикой и языком. И в этом его значение. Не случайно А.С. Пушкин, скептически оценивавший поэзию Сумарокова, отметил его песенное творчество и включил его имя (единственного из поэтов) в проект будущей статьи о русских песнях (1831).

3.1.2. Топография художественного мира любовных песен поэтов «сумароковской школы» в контексте фольклорной традиции

Законодатель жанра любовной песни, А.П. Сумароков ставил перед собой задачу дифференциации светской высокой поэзии от «низкого» народного искусства. Это привело, во-первых, к опустошению пространства любовной ситуации, а во-вторых, к попыткам его заполнения идиллическими и пасторальными ландшафтами западноевропейской поэзии, лишившими русскую лирику национального колорита.

Ко времени появления, формирования и развития жанра литературной любовной песни поэтическая система константных семиотизированных элементов любовного топоса уже сложилась в русском фольклоре. Возникновение и существование любви в народном представлении возможно только во временной перспективе и в пространстве окружающего человека мира. Как следствие, в народной лирической песне всегда обязательным является изображение пространства (реального или условно-символического).

Важнейшие акции лирической ситуации любви разворачиваются преимущественно в зоне пространства, культурно освоенного и структурированного в социально-бытовой и трудовой практике человека. Это, прежде всего, село (деревня): дом, крыльцо, двор, сад, огород, ворота, улица. Строгая последовательность бытового мира отражает динамику исхода лирического субъекта из пределов домашней семейной изоляции, обусловленной половозрастной зрелостью героев (красная девица, молодец) и в то же время выхода созревающего эротизма в поисках объекта как начала любовной ситуации: *«Что во светлой было светлице, / И во новой было горнице, / Под косящатым окошечком. / Тут сидела красна девица, / А пред нею стоял молодец, / Целовал её руки белые»* [Русские народные песни 1957, с. 197]. Обратное движение в том же порядке – с улицы в дом – означает конец любовной ситуации и переход последней в ситуацию сватанья, свадьбы, семейных отношений: *«Мой миленький очень рад, / Воротечки отворял, / Среди двора встречал, / За белы руки примал. / За белы руки примал, / Во горницу проводил, / Во горницу проводил, / За дубовый стол сажал»* [Русские народные песни 1957, с. 146].

Улица, широкая дорога, колодец – общественное, публичное пространство – место узнавания, знакомства, ухаживания, первой встречи героев любовной истории. Собственно любовная акция (свидание, ласки, разлука) разыгрывается в зоне природного пространства, но окультуренного и символизированного. Переходными из социального в природный мир образами служат периферийные элементы социальной структуры: переулок, тропинка, выполняющие функции утаивания, сокрытия от родных, соседей, друзей и подружек акта и места любовной встречи. Удаленность места свидания как сферы духовно-интимной жизни героев от социально-бытовой обусловлена стадией и

степенью любовных отношений: зеленый сад, цветущий луг, роща, берег реки: «По лугу я, девица, гуляла, / По лугу я, красная, гуляла» [Русские народные песни 1957, с. 151], «Я по бережку ходила, молода, / Белу рыбицу ловила не одна» [Русские народные песни 1957, с. 152], «Как мы с тобой миленький, / Совыкались, / Под белую березою / Расставались. / На этом-то местечке / Трава ль не растет» [Русские народные песни 1957, с. 182–183].

Традиционны растительные образы любовного ландшафта: названия деревьев и кустарников, травянистых, окультуренных и диких растений, ягод, активно наделяемые символической функцией. Символом девушки являются калина, малина, вишня, земляника, брусника, а мотив собирания ягод связан с развитием любовного чувства. Также незамужнюю девушку олицетворяют береза, ива, ель, и все манипуляции с ними («заламывают», «срубают под самый корешок») имеют эротическую семантику. «Печальной» символикой чаще наделены полынь, ольха, рябина, осина, сосна, ракета, предвещающие разлуку, измену или смерть.

Столь богатая семиотически структурированная топография любви в народных песнях тем не менее не стала поэтическим основанием и инструментарием в сотворении любовного ландшафта в литературной песенной лирике середины XVIII в. Топографию или дословно «описание места» можно рассматривать как один из методов создания художественного мира лирического произведения, а точнее пространства лирической ситуации. А.П. Сумароков менее чем в одной трети своих песен включает в пространство лирической ситуации ландшафтные элементы: «рощи», «дубровы», «леса», «луг», «горы», «берега рек», которые, однако, не имеют значения реального географического места, а являются поэтическими «общими местами». Эту тенденцию в целом подхватывают поэты «сумароковской школы», унаследовавшие от своего учителя помимо стилистической манеры и константы жанра любовной песни. Однако в некоторых песнях намечается тенденция к заполнению пространства, его обытовлению или символизации.

Поскольку в современной науке вопрос о полном перечне поэтов «сумароковской школы» остается открытым, а высказывания Г.А. Гукковского, А.В. Западова, В.С. Баевского, Л.Е. Татариновой и др. позволяют отнести к ученикам и последователям Сумарокова почти всех

поэтов-песенников второй половины XVIII века, мы рассмотрим развитие и трансформацию топографии любви на примере песен Е.И. Кострова, М.М. Хераскова, Ю.А. Нелединского-Мелецкого и Н.А. Львова.

Во-первых, природный ландшафт становится фоном, активно формирующим саму лирическую ситуацию, в то время как у А.П. Сумарокова природа была только молчаливой свидетельницей происходящего. У Н.П. Николева в песне «Душеньки часок не видя» (1798) [Поэты XVIII века 1972, с. 108–110] первое свидание состоится у реки на «песчаном бережке», когда в процессе рыбной ловли влюбленные выражают свою симпатию: *«И песчаный бережок, / Где душа для дорогого / Опускает поплавок, / Где бежит на удуды рыбка / К милой, к милой красоте, / На устах мне чья улыбка / Краше розы на кусте»*. Потом встреча переносится в пространство «лужка зеленого» и сопровождается плетением венков, что сближает влюбленных ещё больше: *«То цветочки я срываю / И плету веночек ей. / Я плету... она целует, / Что тружуся для нее»*. Или у Ю.А. Нелединского-Мелецкого в песне «Милая вчера сидела» (1795) [Поэты XVIII века 1972, с. 280] возникает традиционный любовный топос: «роща», «куст у ручейка», «вкруг шумящи дерева», где гуляет возлюбленная. Но именно природный шум мешает герою слушать голос любимой и приводит к пониманию его исключительности: *«Смолкни всё! Престань мешаться / Ты, завистный соловей! / Пусть один в душе раздастся / Голос милой лишь моей»*.

Во-вторых, природный топос конкретизируется и приобретает замещающую функцию. Так, Е.И. Костров в песне «Прости, любезный мой пастух» [Поэты XVIII века 1972, с. 185] развивает сумароковский контрастный топос «стороны» «здесь» как места рождения любви (аналог «родной сторонки» в фольклоре как места рождения героя) и «стороны» «там» (аналог «чужой сторонки»), куда герой помещается вынужденно и может испытывать только чувства тоски и одиночества в направлении конкретизации этого пространства. Героиня Кострова стремится оставить «здешний луг» – место любовных встреч (*«Где каждый день с тобой бывала, / Где восхищался страстью дух / И нежность с нежностью играла»*) и уединиться на «берег другой», как противоположное пространству любви место «томной скуки» и смерти от разлуки. А в песне Н.А. Львова «Солнышко садится» (1790-е) [Поэты XVIII века 1972, с. 250] природный ландшафт (горы, лес, ручей)

помогает воображению героя нарисовать образ ожидаемой, но не пришедшей на свидание возлюбленной, почувствовать её присутствие: *«Тень и шум, движеньи / Ниной я считал, / В каждом ощущеньи / Нину я встречал»*. Также у Ю.А. Нелединского-Мелецкого в песне «Ах! Тошно мне» (1791) [Поэты XVIII века 1972, с. 269] «любимый лесок», «все листочки и кусточки» «твердят» и напоминают герою о «милой», которой в данный момент нет. Получается, что природное пространство способно не только воссоздавать в памяти любовные переживания, но и в какой-то степени замещать собой и сам объект любви.

В-третьих, используется символичность традиционных топосов и создаются новые топосы-символы. Например, в песнях Н.П. Николева «Вечерком румяну зорю» (1792) и Ю.А. Нелединского-Мелецкого «Выйду я на реченьку» (1796) «бережок» «реки» становится для героини местом горестных переживаний. Поэты используют постоянный эпитет «быстрая реченька» из народной поэзии, актуализирующий семантику быстротечности, мимолетности любовного чувства и скорой разлуки. Однако прямое обращение к реке с просьбой донести слезы до милого самой же героиней нивелируются пониманием того, что *«напрасно в вас, потоки, / Погружаю голос мой; / Вам пути хотя широки, / Стон останется со мной! / Сколько чистых струй ни вьете / Быстрым бегом в берегах, / Слез моих не унесете — / Всё они в моих очах!»* [Поэты XVIII века 1972, с. 52–54]; или: *«Нет! унести с собой не можешь / Лютой горести моей, / Разве грусть мою умножишь, / Разве пищу дашь ты ей»* [Поэты XVIII века 1972, с. 283–284]. Таким образом, природе отказано в традиционной для фольклора функции соучастника лирического переживания, помощника в сердечных делах, но сохраняется функция адресата лирического переживания.

В песне «Птичка» (1796) М.М. Херасков рисует пространство любовного диалога между влюбленными, в процессе которого герой подобно птичке желает попасть в «силлок» из волос возлюбленной. Упоминание в песне этого бытового типично русского приспособления для ловли птиц в виде петли из конского волоса воспроизводит в воображении не называемые элементы реального природного ландшафта (лес, поле, луг), в кругу которых он может быть использован. В то же время силлок приобретает и символическое значение любовного плена.

Поэты «сумароковской школы» вносят коррективы в топографию любовного пространства песни, намеченного Сумароковым, обращаясь к огромному ресурсу народной поэзии. Это, в свою очередь, стало

почвой для продолжения обращения поэтов к корпусу традиционной лирики и возникновения жанра «русской песни» XIX в.

3.1.3. «Карманный песенник» И.И. Дмитриева: поиск новой формы лирической песни в её соотношении с фольклором

К концу XVIII в. жанр песни становится особенно популярным. Десятки поэтов известных и начинающих пишут песни, которые печатаются в журналах, авторских сборниках лирики, песенниках и распространяются в списках. В их числе оказывается Иван Иванович Дмитриев (1760–1837), первые песни которого появились в 1792 г. в «Московском журнале».

С 1792 г. Дмитриев стал готовить свой сборник под названием «Карманный песенник или Собрание лучших светских и простонародных песен», увидевший свет в 1796 г. Как отмечает Г.Г. Силинская, установившая практически полный круг авторов песен, помещенных в «Карманном песеннике» анонимно, Дмитриев «хотел продемонстрировать читающей публике новый репертуар лирических песен, пришедших на смену сумароковским» [Силинская 1982, с. 143]: около 30 % от общего количества авторских песен было опубликовано впервые [Силинская 1982, с. 146]. Помимо этого, соблюдая традицию предыдущих печатных песенников, Дмитриев публикует популярные народные песни. Усиление интереса к народной песне в поэтической среде конца XVIII в., с одной стороны, являлось логическим продолжением развития жанра литературной песни в контексте отечественной фольклорной традиции, наметившейся ещё в 1750-е гг., с другой стороны, было связано с новым взглядом на человека (идея внесловной ценности) и концепцией морального равенства, утверждавшимися сентименталистами. Как отмечает Г.П. Макогоненко, произошла легализация поэтического творчества «простого народа» — «в народных песнях тоже говорилось об испытаниях сердца, о страданиях души, о «природных чувствах»» [Макогоненко 1967, с. 27]. Естественно, что поэты-сентименталисты несомненно идеализировали отдельные стороны народной жизни и подвергали их эстетизации. Л.И. Емельянов считает, что в конце XVIII в. «народность стала осознаваться как один из главных признаков истинного искусства, как вполне определенный эстетический идеал» [Емельянов 1978, с. 185].

В качестве источников песенника Г.Г. Силинская называет собрания песен М.Д. Чулкова, М.М. Попова, современные журналы – «Московский журнал», «Приятное и полезное препровождение времени», «другие периодические издания конца XVIII века» и устное бытование песен [Силинская 1982, с. 146]. В «Карманный песенник» вошли 167 текстов, которые распределились следующим образом: в первой и второй частях – литературные песни, созданные русскими поэтами XVIII в., и песни, «подражаемые народным» и «во вкусе простонародных» (всего 109 текстов), в третьей части – собственно «простонародные» песни (58 текстов).

Ранее вышедшие сборники подобного смешанного типа (включающие литературные и народные песни), например «Собрание разных песен» М.Д. Чулкова (1770–1774), не имели жанровой рубрикации песенного материала. Этот пробел частично восполнялся полным перечнем жанровых разновидностей в названиях песенников: «Новое и полное собрание Российских песен; Содержащее в себе песни любовные, пастушеские, шуточные, простонародные, хоральные, свадебные, святочные, с присовокуплением песен из разных Российских опер и комедий» (переиздание сборника М.Д. Чулкова в 1780 г. Н.И. Новиковым); «Новый российский песенник или Собрание любовных, хороводных, пастушьих, плясовых, театральных, цыганских, малороссийских, козацких, святочных, простонародных и в настоящую войну на поражение неприятелей и на разные другие случаи сочиненных 145 песен» (1790–1791); «Российская эрата или Выбор наилучших российских песен по ныне сочиненных, любовных, нежных, городских, пастушьих, любовных на старинный вкус, простонародных, святошных, свадебных, караводных, маскарадных, малороссийских, сатирических, столовых, военных, театральных и нравоучительных. Собранные и частью сочиненные покойным Михайлом Поповым и с его предисловием» (1792). При этом каждый последующий песенник увеличивает количество номинаций жанровых форм песни.

В появившемся в 1790 г. печатном песеннике Н.А. Львова «Собрание народных песен» с приложением нот, подготовленных Иваном Прачем, при рубрикации разделов используется жанровая классификация, в основание которой положены музыкальный (форма исполнения), функционально-тематический и региональный принципы. Льво-

вым выделяются песни «протяжные», «плясовые или скорые», «свадебные», «хороводные», «святочные», «малороссийские», в отличие от российских.

Опираясь на опыт жанровой классификации народных песен, Дмитриев придает своему «Карманному песеннику» новаторский характер. Как составитель при классификации песен он стремится найти какие-то общие типологические черты, во-первых, указывая на «национальные корни песенного творчества русских поэтов» [Макогоненко 1967, с. 33], во-вторых, уравнивая народную и индивидуальную поэзию, и, в-третьих, развивая жанровую теорию песни.

Все песни классифицируются Дмитриевым по эстетическому и функционально-тематическому признакам. При этом заглавия разделов позволяют иногда провести параллель между народными и авторскими песнями. Так, некоторые из тех и других определяются как «песни нежные», т.е. любовного содержания, авторским «военным» песням соответствуют «воинские» народные. «Нежным» авторским песням противостоят песни «веселые», «сатирические», «застольные» из второй части сборника. Песни простонародные третьей части, не вошедшие в число «нежных» и «военных», делятся на «темничные», «былевые», «святошные», «свадебные» и «хороводные». Для номинации жанровых разновидностей песни Дмитриев в основном использует уже существующую терминологию.

В соответствии с данной классификацией Дмитриев дает жанровые определения и своим песням: четырнадцать текстов отнесено в разряд «нежных» песен, по две в разряд «веселых» и «сатирических», одна является «застольной». Ни одной собственной песни в раздел «песни, подражаемые народным» или «во вкусе простонародных» поэт не помещает, хотя ранее в комментарии к песне «Ах, когда б я прежде знала...» счел нужным предупредить читателя: «Эта песня есть точное подражание старинной народной песне».

Современные исследователи неоднозначно решают вопрос о соотношения песен Дмитриева с фольклором. Так, Д.Д. Благой утверждает, что «Сентиментально-любовные романсы самого Дмитриева о стенающих сизых голубочках, умирающих от тоски по своим голубкам («Стонет сизый голубочек»), или о крепостных Парашах, своим пением и пляской улаждающих чувства помещных эстетов («Пой,

скачи, кружись, Параша!)), так же далеки от подлинных народных песен, как далеки описания карамзинской «Бедной Лизы» от реального крестьянского быта» [Благой 1951, с. 673]. В свою очередь Г.П. Макогоненко отмечает, что «первые две песни Дмитриева — «Стонет сизый голубочек...» и «Ах, когда б я прежде знала...» — написаны в подражание народным. <...> «Стонет сизый голубочек...» явилась самостоятельной разработкой одного из мотивов «простонародной песни» «Ах, что ж ты, голубчик, невесел сидишь...» (напечатана в сборнике Прача в 1790 году)» [Макогоненко 1967, с. 28]. А.М. Новикова считает, что причиной популярности в народе романа «Стонет сизый голубочек» является именно глубокая и органичная связь с народной поэзией [Новикова 1982, с. 42–43]. Вслед за А.М. Новиковой современный исследователь Е.Г. Позднякова указывает на тесную связь с фольклорным источником «мотива грусти и самый образ голубка», лексики с уменьшительно-ласкательными суффиксами «пшеничка», «носик», «дружочек», «солнышко», «дороженька» и проч. [Позднякова 2006, с. 263–264].

Очевидно, что мотивы, образы, поэтические приемы и ритмы народных песен Дмитриев считал поэтическим арсеналом жанра песни вообще; используя этот ресурс, он создает литературные песни, не являющиеся вариантами народных песен. Об этом говорит, например, вольное использование приема психологического параллелизма в песне «Стонет сизый голубочек...», фактически остается только намек на прием – картина человеческой жизни сворачивается до двух строк: «Но... увь! прелестна Хлоя, / Не проснется милый друг!» [Дмитриев 1967, с. 129]. А.М. Новикова и Е.Г. Позднякова видят в этом недостаток песни Дмитриева: «С народно-поэтической точки зрения, в романсе Дмитриева не хватало второй части поэтической параллели, в которой вся символика «голубка» объяснялась бы человеческими переживаниями» [Новикова 1982, с. 43]; «И. Дмитриев допустил просчеты с точки зрения народной эстетики: <...> в романсе отсутствовала вторая часть поэтической параллели, в которой вся символика «голубка» объяснялась бы человеческими переживаниями (прием психологического параллелизма)» [Позднякова 2006, с. 264]. На наш взгляд, Дмитриев вполне сознательно обнажает фольклорный элемент через «минус-прием», отталкиваясь от него.

Среди причин внимания к этому произведению народных исполнителей можно назвать традиционную для лирических народных песен ситуацию разлуки влюбленных, зооморфность героев, намекающую на прием психологического параллелизма, и трагичность финала. Можно предположить, что сюжет и герои были заимствованы Дмитриевым из народной поэзии. Так, в Песеннике 1780 г. опубликована песня «Как на дубчике два голубчика», повествующая о гибели голубка от когтей «ясна сокола» и последующего безутешного страдания верной голубки по «своем голубчике». На предложение сокола голубушке выбрать другого голубя следует ответ: *«Не лети сокол, на сине море, / Не гони ко мне голубей стадо: / Ведь то мне будет уже другой венец, / Малым голубятушкам не родной отец!»* .

Дмитриев в контексте сентиментальной эстетики меняет ситуацию: голубка покидает голубка, отлетев «надолго прочь», голубок, не выдержав разлуки, погибает: *«Он ко травке прилегает, / Носик в перья завернул; / Уж не стонет, не вздыхает; / Голубок...навек уснул!»*, а прилетевшая голубка перенимает тоску и страдание: *«Вдруг голубка прилетела, / Приуныв, издалека, / Над своим любезным села, / Будит, будит голубка; / Плачет, стонет, сердцем ноя, / Ходит милого вокруг – / Но...увы! прелестна Хлоя! / Не проснется милый друг!»* [Русская поэзия XVIII века 1972, с. 517]. Упоминание имени героини античного романа привносит романс-песню в контекст пасторальной любовной лирики.

Две имеющиеся в фольклорном архиве НФИ КемГУ (Новокузнецк) версии «Голубка» наглядно показывают линии трансформации литературного источника.

Первый вариант записан от С.С. Ивановой, 1913 г.р., уроженки г. Москвы, переселенной в г. Новокузнецк Кемеровской области в 1938 г., имеющей среднее специальное образование. Первые два куплета дословно воспроизводят авторский текст, сохраняя четырехстопный хорей и перекрестную рифму, меняя только грамматическую форму одного слова «пшеничку не клюет» (было «пшенички не клюет») и повторяющуюся у Дмитриева лексему («Всё тоскует, всё тоскует») на глагольный синоним «горюет» («Все тоскует, все горюет»). Последующие три куплета, подробно живописующие страдание в ожидании и смерть голубка, в народном варианте опускаются.

Шестой авторский куплет, повествующий о внезапном появлении голубки, сохранен в точности. В последнем куплете первая строка «Плачет, стонет, сердцем ноя», усиливавшая эмоциональный фон произведения, исчезает, и на её смену приходит своеобразный повтор следующей авторской строки, также нагнетающей эмоцию страдания, только через передачу повторяющегося движения и повтор номинации носителя страдания: *«Ходит Хлоя, вокруг Хлоя / Ходит милого вокруг»*. Финальная фраза так же, как и зачин песни, являет собой устойчивость: *«Но... увы! прелестна Хлоя! / Не проснется милый друг!»*. Интересно, что исполнитель на вопрос, кто такая Хлоя, ответила, что это голубка. Можно предположить, что литературный прообраз с этим именем в сознании народного исполнителя утрачен.

Второй вариант записан от Н.В. Федосовой, 1906 г.р., родившейся в с. Краснотуранск Минусинского р-на Красноярского края, проживающей в п. Усть-Кабырза Таштагольского р-на Кемеровской области с 1929 г., неграмотной. Приведем текст полностью:

*Стонет, стонет, стонет голубочек,
Стонет бедный голубь день и ночь,
Он тоскует и горюет,
Потихоньку голубь слезки льет.*

*С одной он ветки, голубь, на другую
Перепархивает голубок.
Ждет он подругу к себе дорожую,
Ждет он со всех со дальних сторон.*

*А вдруг подруга к нему прилетает,
Начала она его будить.
Будит и будит его, не разбудит,
Знать и знать, навек он голубок заснул.*

*А в его щечке, щечке румяной его
Кроме солнышка они белеют,
Его глазки, глазки голубые,
На меня они не глядят.*

Метрико-ритмическая организация стиха изменяется. Содержание четырех первых авторских четверостиший соединяется в два, при этом константными становятся выражения «стонет голубочек», «стонет... день и ночь», «потихоньку (тихонько)... слезки (слезы) льет», «с

... ветки ... на другую...перепархивает», «ждет ... подругу (её)». Пятый и шестой куплеты трансформируются в один, в котором в сжатом виде передается финал истории. При этом сохраняются авторские «вдруг» и «навек», в совокупности тождественные по семантике образу смерти в народных обрядовых песнях. Это и порождает появление присоединенного куплета в фольклорном варианте (происхождение его нам пока неизвестно, возможно, это цитация другой народной песни, возможно, и оригинальный текст). Он усиливает драматизм финала и развивает мотив смерти голубка в контексте народного похоронного причитания. Тогда становится очевидной параллель голубь-парень, голубка-девушка, заявленная у Дмитриева и переосмысленная народным исполнителем.

Подобное развитие авторского текста наблюдаем в варианте, опубликованном в сборнике «Духовные стихи, песнопения и бытовые песни русских старообрядцев на Алтае (1953–1997)» (1997) [Духовные стихи, песнопения и бытовые песни русских старообрядцев на Алтае 1997, с. 12]:

*Стонет-стонет, мой сизый голубчик,
Помаленьку слезы льет.
Дорогая его голубушка –
Сидит будит своего голубка.
Сидит будет она его, разбуждает:
Навеки ты, мой голубь, заснул,
Бросил ты меня одну,
Меня горькую, несчастную позабыл.
Меня бросил, при горе позабыл.
С того-то большого горя
Пойду-выйду я на красное крыльцо,
Погляжу на три-четыре дальних стороны:
Как не идет ли мой миленький ко мне,
Не летит ли он ясным соколом,
И не летит ли он ясным соколом,
И не поет ли он песню соловьем.*

Здесь ситуация разлуки нивелируется, голубок также «стонет» и «слезы льет», но этот образ буквально сращивается с образом голубки-девушки, страдание которой трансформируется в полноценный плач-причет по умершему с традиционными упреками в том, что бросил-

позабыл, покинул в горе, и высказыванием готовности встретить и с любовью принять умершего.

«Застольная» песня «Други! Время скоротечно...» (1795) восходит, с одной стороны, к анакреонтической лирике (прославление вина и винопития: «*О арак, арак чудесный! / Ты весну нам возвратил*» [Дмитриев 1967, с. 300]), с другой стороны, к городской фольклорной песенной традиции. В ней, как в «застольных» фольклорных песнях, обобщенное «мы» («*Что же делать? Так и быть, / В ожиданьи будем пить*?»), широкий философский охват действительности («*Други! время скоротечно, / И не видишь, как летит! / Молодыми быть не вечно; / Старость вмиг нас посетит. / <...> / Посмотрите, как уныла / Вся природа на земли; / Осень роци обнажила; / Ах! и розы отцвели*») [Дмитриев 1967, с. 299–300]. В то же время в песне Дмитриева бытовая тема соединяется с исповедальной интонацией за счет субъективизации лирического героя: «Его речь не лишена грубости, исполнена прозаизмов, принципиально разговорна. Она передает и насмешку, и какую-то русскую удаль подгулявшего человека. Он решителен в своих суждениях: «Лучший способ дружно жить: меньше врать и больше пить». Он отвергает рецепты сентиментальных поэтов, учивших находить приятность в грусти» [Макогоненко 1967, с. 32]. В создании образа героя проявляется характер мировоззрения самого поэта. В лирической заметке «Время» он писал: «Так, друзья мои! Жизнь наша скоротечна... Будем стараться провождать ее с пользою для наших ближних... Будем стараться уменьшать наши грусти, жить весело, с удовольствием и для себя и для подобных нам. Будем сносить с терпением бедствия печального мира».

Таким образом, первая линия трансформации литературного романа-песни Дмитриева связана с сохранением лирической ситуации и основной сюжетной линии, но опусканием сентиментальной описательности. Вторая линия демонстрирует сохранение сюжета (или только финальной сюжетной ситуации, как в алтайском варианте) и присоединение компонента причитания, собственно обусловленного финалом авторского текста.

Развивает мотивы жизнелюбия песня «Пой, скачи, кружись, Параша!» (1795). В «Карманном песеннике» она помещена в раздел «веселых» песен, а ранее в сборнике Дмитриева «И мои безделки» (1795) печаталась под названием «На цыганскую пляску». Действительно,

припев песни «Ай, ай, ай, жги! припевай» [Дмитриев 1967, с. 130] характерен для так называемых цыганских песен, выделявшихся в XVIII в. особым образом пения и родом пляски, большей мелодичностью и веселостью, в отличие от русских плясовых. В акте заимствования Дмитриев соблюдает уже сложившуюся в рамках народной песни традицию переноса «внешнего» припева из одной песни в другую. Такой припев легко переносится, поскольку является «сильно обобщенной, потерявшей свой исходный смысл формулой параллелизма» [Ерёмина 1978, с. 160], лишен индивидуальности, реального символизма и выражает оттенок уже закрепившегося за ним настроения. Для собственно литературной песни припев является жанровым признаком и играет ритмообразующую роль: как повторяющаяся единица текста, припев тесно связан с мелодическими повторами. «Внешний» припев Дмитриев дополняет образом танцующей девушки: «*Пой, скачи, кружись, Параша! / Руки в боки подпирай!*» (впоследствии более детально изложенным в песне Г.Р. Державина «Русские девушки», 1799 г.) – и анакреонтическим обобщением: «*Мчись в веселии жизнь наша!*» [Дмитриев 1967, с. 130].

Таким образом, в своих творческих исканиях Дмитриев, опираясь на темы, образы, мотивы, словарь, поэтические приемы, ритмику подлинных народных песен, существенно трансформирует последнюю в литературный жанр, соединяя с анакреонтической традицией русской лирики. При этом, по замечанию Л.И. Емельянова, «подражаниями фольклору, ссылками на фольклор стремились узаконить свои эстетические, моральные, а нередко и социально-политические представления писатели всех направлений, в особенности же сентименталисты и романтики» [Емельянов 1978, с. 185]. Обращение к фольклору не носило, на наш взгляд, характер подражания, стилизации, а было естественным поиском «новой» национальной формы лирического жанра. В этом плане Дмитриев следовал за А.П. Сумароковым и поэтами сумароковской школы и создавал именно литературную лирику, сознательно отталкиваясь от фольклорной песни и экспериментируя с её арсеналом.

3.2. Влияние пасторальной поэзии на фольклор¹

3.2.1. «Пастушья» песня А. П. Сумарокова

В русской лирике XVIII в. жанр так называемой «пастушеской поэзии» появляется в связи с расцветом классицизма и связан, в первую очередь, с именем Александра Петровича Сумарокова (1717–1777).

«Стихи пастушьи» становятся первым видом поэзии, который описывает Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве» (1747), подобно тому, как вторая песня «Поэтического искусства» Н. Буало, посвященная лирическим жанрам, открывается характеристикой идиллии и эклоги. Переход от одного жанра к другому у французского теоретика не выражен отчетливо, так же как и нет указаний на существенные отличия двух жанров друг от друга. Сумароков также не разграничивает жанры «пастушеской поэзии» и выявляет их общий принцип, на основании которого происходит частная дифференциация. Прежде всего, поэт определяет предмет изображения – пастушка, украшающая «главу и грудь цветами», «любовна речь» или «пастуший спор». Далее Сумароков описывает эстетический модус пастушьей поэзии: *«Таков быть должен весь в стихах пастушьих склад. / В них гордые слова, сложения высоки / В лугах подымут вихрь и возмутят потоки. / Оставь свой пышный глас в идиллиях своих / И в паствах не глуши трубой свирелок их / <...> / Дай чувствовать мне пастушью простоту / И позабыть, стихи читая, суету»* [Сумароков 1787, ч. 1, с. 338]. Поэт очерчивает традиционный хронотоп идиллической поэзии, сформированный в античной лирике Вергилием: *«вспевай в идиллии мне ясны небеса, / Зеленые луга, кустарники, леса, / Бьющие ключи, источники и рощи, / Весну, приятный день и тихость темной ночи»*, и оговаривает стиль изображения, который должен соответствовать «простоте» и природной естественности предмета, но не приближаться к просторечной грубости: *«Любовну пишешь речь или пастуший спор, / Чтоб не был ни учтив, ни груб их разговор, / Чтоб не был твой пастух крестьянину примером / И не был бы, опять, придворным кавалером»* [Сумароков 1787, ч. 1, с. 338]. В поэтической практике Сумароков даёт образцы жанров идиллии (7 текстов, написанные в середине 1750-х гг.) и эклоги (77 текстов, созданные с конца 1760-х, по большей мере в

¹ В параграфе использованы материалы статей В.В. Трубицыной: [Трубицына 2009(а), 2011, 2019].

1771 году в Москве во время чумы). В предисловии к сборнику собственных эклог (1774) поэт подчеркивал желание облагородить эротическую тему, «слишком неблагородно бытовавшую в жизни его круга»: «В эклогах моих возвещается нежность и верность, а не злопристойное сластолюбие».

Утверждение Сумарокова относительно эстетической направленности его буколик сближает «пастушьи стихи» с его любовной лирической песней, также проповедующей искренность и естественность любовных взаимоотношений. Кроме того, требование к стилю песни в «Эпистоле о стихотворстве»: «Слог песен должен быть приятен, прост и ясен, / Витийств не надобно; он сам собой прекрасен; / Чтоб ум в нем был сокрыт и говорила страсть; / Не он над ним большой – имеет сердце власть» [Сумароков 1787, ч. 1, с. 346], – определенным образом дублирует требование «простоты» слога «пастушьих стихов».

Ряд любовных песен Сумарокова, опубликованных в восьмом томе (части) «Полного собрания всех сочинений, в стихах и прозе...», изданного Н. Новиковым в 1781 (1-ое изд.) и 1787 (2-ое изд.) гг. (№№ 33, 54, 63, 64, 80, 92, 110, 125), принадлежит к так называемым «пастушьим» песням, по собственному определению поэта. Н. Булич, обрисовывая закономерную популярность пасторальной поэзии во Франции XVIII в., отметил, что «эклоги и идиллии Сумарокова не имеют исторического смысла у нас, а по содержанию своему, суть только пересадка чужой формы в нашу литературу» [Булич 1854, с. 120–121]. Возможно, что искусственность жанров ощущал и сам Сумароков, поэтому делал попытки перевести содержание пасторалей в песню, начиная с середины 1750-х годов. В жанре песни, этой «природной» для русского читателя и слушателя форме (одновременно жанрово более свободной), «чуждые» буколические мотивы и идеальные образы «одомашниваются».

Пастух и пастушка в них главные фигуры, выступающие в качестве субъекта или объекта лирического высказывания. Специфический для буколической поэзии хронотоп организует лирический сюжет только в некоторых случаях. Свойственная эклоге и идиллии описательность привносится и в пастушью песню, вследствие чего в песне происходит частичная замена лирического переживания внешним физическим действием. Аналогичный процесс происходит и в так назы-

ваемых «народных» песнях Сумарокова, испытывающих непосредственное влияние русского фольклора. Отметим также, что жанр французской пастурели XII–XIV вв. «большинство специалистов <...> считают <...> оригинальным народным жанром» [Теория литературы 1964, с. 201], следовательно, влияние поэтики народных песен и литературных пасторальных жанров на лирическую песню Сумарокова в деталях может перекликаться.

В песнях №№ 110 («Пастух в любви згарая») и 125 («Пленив дух возмущенный и отдав любви под власть») лирический монолог героини не является обращенным к лирическому «ты» (традиционное построение песен Сумарокова). О возлюбленном пастухе героиня (отметим, что нет указания на то, что она сама пастушка) говорит в третьем лице, что характерно для идиллической формы. Указанные песни близки к идиллии так называемого «эпического» типа по способу организации текста: героиня рассказывает историю любви «как воспоминание о прошлом», чему соответствует прошедшее время глаголов [Алтухова, Сенчина 1996, с. 54] («захотел меня склонить», «начала его любить», «сам свою забаву оробея упустил», «мой разсудок <...> склонной быть <...> велел» (№ 110); «он <...> к забаве <...> пришел», «разсудок мой дорогу <...> к щастию давал» (№ 125). Обе песни разрабатывают типичную уже для жанра эклоги тему любовного соблазнения: «Пленив дух возмущенный и отдав любви под власть, / Пастух вспламененный во свою влечет мя страсть» (№ 125), «Пастух в любви згарая, / Захотел меня склонить, / Чтобы сладость я, узная, / Начала его любить» (№ 110). Однако «циническая свирель» (выражение Пушкина-лицеиста о пасторальной поэзии Сумарокова) в песне умолкает. Автор создает образ робкого влюбленного, который во время свидания «боится и трепещет» (№ 125), «боясь в страхе торопится / И не знает что начать» (№ 110), а потому «чрез робость многу смельств еще не предприял» (№ 125), «сам свою забаву, оробея, упустил» (№ 110). Характер героя Сумарокова на самом деле может быть следствием реального социокультурного статуса пастуха-«специалиста», владеющего особым знанием («отпуск» – особый обряд и заговор, исполняемый пастухом с целью защиты скота). В период пастбищного сезона поведение пастуха отличалось от поведения членов русской общины и маркировалось как необычное, что создавало мистический ореол вокруг его фигуры. Связано оно было с целым рядом запретов, в числе которых был запрет жить половой жизнью (мотивированный

требованием соблюдения пастухом ритуальной чистоты), а посторонним запрещалось даже трогать вещи пастуха (что подчеркивало статус посредника между «своим» и «чужим» мирами, придавало пастуху признаки потустороннего персонажа) [Мороз 2003, с. 42–44].

Отсутствие «нахальства» в сумароковском «пастухе» служит, с одной стороны, поводом к упреку уже готовой «склониться» героини, но, с другой стороны, доказывает искренность чувств и трепетный характер его отношений к возлюбленной, что подталкивает девушку вопреки «гордости» к первому шагу.

В пасторальной песне ученика Сумарокова И.Ф. Богдановича «Пятнадцать мне минуло лет» (1773) молодая пастушка в ожидании предстоящего свидания с пастухом также изъявляет готовность «явить любовь», сделать первый шаг, но неопытность заставляет героиню задуматься о том, что может являться «любовным задатком», доказывающим её благосклонность к пастуху. Она перебирает в мыслях следующие действия: «любовные слова», которых пастушка пока не знает, дарение посоха, свирелок и овечки, которые она рада дать, но они ей «надобны самой», поцелуй, в котором пастушка по наивности «ничего не видит» и, наконец, «я сердце дам ему в награду» [Богданович 1957, с. 161–162]. Невинность и чистота пастушки, отмечаемая в качестве особенности сумароковской любовной пасторальной лирики Г.А. Гуковским как воплощение мечты «о незапятнанной чистоте человеческих отношений, не испорченных денежными интересами, ложью и неправдой современного Сумарокову общества» [Гуковский 1941, с. 415], становится отличительной чертой и героини песни Богдановича.

«Мужские» пасторальные песни №№ 63 («Уже восходит солнце») и 80 («Разлейтися по рощам, потоки чистых вод»), получившие широкое распространение в рукописных сборниках и песенниках середины XVIII в. (например, № 63 в сборнике 1755 г. из собрания И.А. Вахрамеева), что свидетельствует о популярности их в читательской среде, допускают лишь намёки на «утехи». Намёк в лирическом тексте соотносится с возможностью реального нарушения целомудренности пастуха. Добавим, что в пастушеских быличках, представляющих собой часто рассказ о последствиях нарушения запретов, сообщаются способы их обхождения при видимости соблюдения. Так, А.Б. Мороз приводит в пример следующую этнографическую запись 1995 года из

с. Архангело: «А с женой любому пастуху [нельзя спать, пока пасёт]. Только пастуху можно бы что? В бане. В баню пришёл, пока не помылся, хоть ты што твори. Потворил, потом, знаешь, вымылся, все это, как говорят, смыло мыло. И только было вот пастуху можно так» [Мороз 2003, с. 45].

В песне «Уже восходит солнце» разрабатывается лирическая ситуация ожидания героем свидания с пастушкой, доминирует «эпическое» начало, которое, кроме описания картин природы, проявляется в наличии времени, имеющего определенную продолжительность и способность изменяться: «уже восходит солнце» – «на вечер сегодня» – «в сей вечер» – «пройди, скоряе <...> день» – «пусть кроет ночи тень» – «спеши, дражайший вечер, о время, пролетай» (№ 63). Можно отметить, что время приобретает эмоциональную окраску, определяемую душевным состоянием героя: время свидания – «дражайшее», а время разлуки «ненадобное». Покров ночи, очевидно, также является временем удобным и возможным для нарушения обрядовых запретов пастуха.

Песня «Разлейтиса по рощам, потоки чистых вод» являет собой жалобу пастуха в исходной ситуации безответной любви. В идиллиях Сумарокова жалоба героя чаще возникает по причине разлуки с возлюбленной пастушкой. Как содержание обращенного высказывания жалоба к лирическому «ты» типична для лирических песен уже начала XVIII в. и отмечается В.Н. Перетцом при тематическом описании песен сборника М. Грушевского 1727 года (песни заимствованы у поляков): «жалоба молодца на девушку, не обращающую на него внимания» [Перетц 1900, с. 213–214]. Очевидно, жалоба не получает у Сумарокова в песне идиллического разрешения, что может являться свидетельством серьезной семантической рецепции этого мотива. Здесь же Сумароков впервые конкретизирует пространство лирической ситуации упоминанием характерной для России растительности: «прекрасная пастушка» плетет венки и для этого «режет в рощах березки и кленки» (№ 80). Поэт прогнозирует ситуацию, сложившуюся к концу XVIII в., когда пасторальная поэзия, двигаясь по пути отказа от условного поэтического топоса, постепенно начинает «вписывать» подлинный национальный колорит и быт русского крестьянства. Это, в свою очередь, оказывает положительное влияние на распространение сюжетов пасторалей в народных песнях.

Песни №№ 33, 54, 92, написанные в форме обращенного монолога лирической героини к «пастуху», разрабатывают типичную песенную ситуацию – признание в любви, обрамляя её в пасторальный хронотоп. Условный природный пейзаж в античной буколке «слит» с настроением лирического героя (это можно наблюдать и в идиллиях Сумарокова). В фольклорной поэтике природная картина психологически параллельна картине человеческой жизни и служит для образного выражения последней. В песне «От чего трепещет сердце» (№ 54) сопоставление природы и человека по принципу противоречия становится сюжетообразующим приёмом. Стихотворение начинается идиллической картиной природы: *«Распустились деревья, на лугах цветы цветут, / Веют тихие зephyры, с гор ключи в долины бьют, / Воспевают сладки птички в рощах на кустах, / А пастух в свирель играет, сидя при речных струях»*. Пейзаж прогнозирует соответствующее настроение влюбленной в пастуха лирической героини. Но ожидание не оправдывается: эмоциональное состояние ее противоположно состоянию природы: *«Я ничем не веселюся, / Я во всех местах тиха, / И повсюду лишь крушусь, / Где не вижу пастуха»*. Контрастные картины связаны образом пастуха, упоминаемого в последней строке каждой части. Пастух должен бы снять возникшее противоречие, разделив чувства героини, и сделать идиллию полной. Но Сумароков нарушает жанровые ожидания читателя: его герой-пастух (опять же в традиции русской пастушьей обрядовости) равнодушен к девушке. Ситуация дисгармонии человека и природы сохраняется на протяжении всей лирической ситуации, позволяя обнажить новые психологические нюансы душевного самочувствия героини. В первой строфе героиня не может разобраться в смеси чувств, волнующих её: *«Коль не пламень то любовный, что ж за скорбь меня зажгла»*, – что отмечено в контрасте внутреннего и внешнего мира: *«Вся природа обновлена, / Неприятна мне весна»*. В центральной части стихотворения этот конфликт достигает своей кульминации (см. цитату выше). В последней строфе героиня выражает чувство стыда, мешающее ей признаться в любви к пастуху, не проявляющему инициативы, что, в свою очередь, логично завершается мольбой-призывом («приди», «премени печаль мне в радость»).

О значении такого пути развития народно-песенного параллелизма в литературной лирике писал А.Н. Веселовский: «Эта игра контрастами <...> указывает, что сопоставление весны = любви и т.д. уже сложилось; они естественны, их созвучия, их соответствия – ожидают, а его нет, и те же образы сопоставляются по идее противоречия; не на них лежит центр тяжести, а на анализе чувства, которому они дают виртуозное выражение» [Веселовский 1989, с. 127].

В песне «Не смущай вздыханьем дух» (№ 92) параллелизм внутреннего и внешнего мира мотивируется не объективным их совпадением, а субъективным восприятием героини, окрашивающим одни и те же элементы пейзажа в тона противоположных эмоций в её душе: *«Без тебя мне скучен день, / Не прохладна в рощах тень, / Почернеет цвет Лилей, / Неприятен шум ключей; / А когда со мною ты, / Те ж приятны мне цветы, / Тень прохладу мне даёт, / Ключ приятней с гор течет».*

Сумароков, отталкиваясь от литературной и своеобразно используя фольклорную традицию, демонстрирует неслиянность лирического субъекта с природой и миром, его выделенность из окружающей среды.

Песня «Успокой смятенный дух» (№ 33) интересна найденным Сумароковым продуктивным для русской лирики зачином с мольбой к объекту любви не нарушать душевного покоя своим видом или действием: *«Успокой смятенный дух, / И, кружась, не сгорай! / Не тревожь меня, пастух, / И в свирель не играй!».* Эту формулу поэт использует во многих других не пасторальных песнях: «Не спрашивай меня, что сердце ощущает» (№ 12), «Не прельщай уж меня, дорогая, боле» (№ 50), «Не вселяйся в томно сердце» (№ 61), «Не смущай, моя дух, стена» (№ 91) и т.д., предвосхищая будущие шедевры: «Не пробуждай, не пробуждай» Д. Давыдова, «Не искушай меня без нужды» Е. Баратынского, «Не пой, красавица, при мне» А.С. Пушкина, «Оставь напрасные заботы» М.Ю. Лермонтова и т.д.

Песня «Негде в маленьком леску» (№ 64), по указанию А.В. Позднеева, «весьма популярная», фиксируется в рукописных песенниках XVIII в. в сорока вариантах [Позднеев 1996, с. 385]. В отличие от предыдущих песен, «Негде в маленьком леску» относится к так называемой «забавной» песне и испытывает влияние эклоги. Датированная П.Н. Берковым 1755 г. [Сумароков 1957, с. 265] песня предваряет создание образцов эклоги самим Сумароковым, что подтверждает нашу

мысль о сознательном поиске более удобной формы для пасторальных мотивов. По характеру изображения лирического события «забавная» пасторальная песня и эклога похожи: в легкой форме изображается диалог-спор пастуха и пастушки, имеющий своей конечной целью любовное соблазнение. Сумароковские эклоги часто имеют ироничную концовку фривольного характера: «Подружкина любовь Милизу заражает, / Милиза дней чрез пять Кларисе подражает» («Кларисса», 1768); «Альципа искусить Калиста научила, / А, в верности нашед, себя ему вручила» («Калиста», 1768); «Пастушка сердится, но исполняет то, / И с Агенором тут пастушка ощущала / И то, чего она ему не обещала» («Мелита», 1774), предварительно разработанную в последних строках песни «Негде в маленьком леску»: «Только эхо по реке / Отвечало вдалеке: / Ай, ай, ай! – знать, они дралися».

Начало песни рисует пасторальную картину: «Негде в маленьком леску, / При потоках речки, / Что бежала по песку, / Стереглись овечки. / Там пастушка с пастухом / На берегу была крутом, / И в струях мелких вод с ним она плескалась». Обычное повествование со второй строфы переходит в комментированное: «Зацепила за траву, / Я не знаю точно, / Как упала в мураву, / Вправду иль нарочно. / Пастух ее подымал, / Да и сам туда ж упал, / И в траве он щекотал девку без разбору». Лирический субъект оказывается повествователем, который в шуточной манере в маске наивного, ничего не понимающего наблюдателя легко раскрывает истинный смысл происходящего. Рассказчик передает диалог пастушки и пастуха, который фактически является монологом, поскольку пастух отвечает пастушке не словом, но действием. На требование героини «не шути так», «дай мне встать пасти овец» и угрозу – «закричу», пастух «не внимает, никаких речей <...>, только обнимает». Краткое повествование о любовном свидании пастуха и пастушки (случайном падении, мнимом сопротивлении, податливости героини и настойчивости, ловкости героя) передает в то же время экспрессивную оценку и сопереживание повествователя. Характер этого переживания воссоздает образ самого лирического субъекта – добродушного балагура-шутника, типичного рассказчика из народа.

Введение пасторальной тематики, жанровых черт идиллии и эклоги Сумароковым в жанр песни и разработка ситуаций, образов и мотивов оказались, на наш взгляд, весьма продуктивными. Доказательством тому служит появление целого ряда текстов «пастушьих» песен

в творчестве известных поэтов (М.И. Попов, И.Ф. Богданович, Г.А. Хованский, И.И. Дмитриев, А.В. Кольцов, В. Кургушев, Н.М. Ибрагимов и др.) и текстов, авторство которых не установлено. Популярность литературных «пастушьих» песен, буквально переполнявших рукописные песенники и печатные сборники конца XVIII в., способствовала их влиянию на фольклор. Именно с XVIII в. и по настоящее время фольклористы фиксируют народные песни с элементами «пастушьей» тематики и сюжетики. Определенно можно сказать, что именно Сумароков стал законодателем пасторальной песни и органично ввел её в обиход русского человека.

3.2.2. Пасторальные мотивы и образы в песенном фольклоре Кемеровской области

Популярность литературных «пастушьих» или «пастушеских» песен в рукописных песенниках и печатных сборниках¹ конца XVIII в. способствовала появлению пасторальной образности в песенном фольклоре. Материал, записанный в Кемеровской области в 1980-х–2000-х годов и хранящийся в архиве НФИ КемГУ, содержит достаточное количество подобных песен, чтобы выявить устойчивые мотивы и образы, формирующие пасторальный канон в фольклорной поэзии, и проследить динамику жанра «пастушьей» песни.

Самым популярным в рамках пасторального контекста в записях Кемеровской области является жестокий романс сельского происхождения «Катя-пастушка» с типичным для романса драматическим сюжетом соблазнения девушки и последующего убийства ею своего соблазнителя. Номинация «пастушка» кажется случайной в подобном «жестоком» сюжете, однако, если рассмотреть функции отдельных мотивов «пастушьих» песен и их трансформацию в фольклорном сознании, то подобное явление становится закономерным.

Пастуший контекст прежде всего определяют устойчивые образы. Для маркировки образов героев лирических ситуаций используются, как правило, прямые номинации: *Ваня-пастушок, пастушок, Катя/Настя-пастушка*, иногда косвенные: *девка/девушка/крестьянка*, которая пасет гусей, коров, овец. Как правило, «пастуший» статус адресата лирического обращения или второго участника ситуации

¹ «Новое и полное собрание Российских песен» Михаила Дмитриевича Чулкова в переиздании Николая Ивановича Новикова (1780), «Новый российский песенник» (1790-1791), «Российская Эрата» Михаила Ивановича Попова (1792) и другие.

не обозначается или подчеркивается, что герой из другой социокультурной среды (барин, богатый, комсомолец). Внешность героини типична для фольклорной лирики и обозначается обычно эпитетом или оценочным существительным: *черноброва, черноокая, круглолица, белое лицо, млада, красotka*. Внешность героя не описана, исключение в романсе «Катя-пастушка» (*чернобровый красавец/красивый*). Второе, что выделяет пасторальный песенный фольклор, — это образ пространства и времени, или хронотоп: лесок/лесочек, полюшко/поле, долина, лужок и растительность (кусты, асотик зеленый); ручеек, пруд, вода, — при этом чаще используются уменьшительно-ласкательные формы. Время суток — утро, вечер, либо прямое указание (вечерком, вечер), либо восстанавливаемое косвенно (время, когда стадо гонят домой). Время года — весна/лето, как правило, косвенно определяемое (время, когда пасут скот, время активного роста растительности).

Устойчивая пасторальная образность заимствована песнями из литературных источников. Мотивами, которые были разработаны Сумароковым, а в дальнейшем и поэтами «сумароковской школы» в «пастушьих» песнях, становятся следующие: признание в любви, любовное соблазнение (героиня укоряет пастуха в нерешительности), жалоба (в ситуации ожидания свидания, безответной любви). При этом героиня обладает большей инициативностью и активностью, нежели робкий пастух. Мотив соблазнения допускается только в «пастушьих» песнях, тогда как остальные типичны и для любовных песен.

Из перечисленного ряда мотив соблазнения становится устойчивым маркером «пастушьей» песни и в фольклоре. Так, в песне «Вечер поздно из лесочка» (зап. в п. Усть-Кабырза Таштагольского р-на в 1987 г. Т.Л. Староверова от Н.В. Федосовой, 1906 г.р.) барин «бросает взор» на крестьянку и намекает ей на возможность лучшего варианта для женитьбы:

— Ты откуда будешь, красotka, из какого села?

Отвечала я ему, господину своему:

«Вашей милости, барин, крестьянка», —

Отвечала я ему, отвечала я ему.

— Не тебя ли, моя радость, Егор за сына просил?

У Егора сын, да недурен, но не стоит он тебя.

В этом варианте не сохраняется развитие ситуации до женитьбы или отказа барину и демонстрации верности девушки возлюбленному,

ситуация остается открытой. Диалог, однако, носит провокационный характер, безусловно, отражает жизненную ситуацию и порождает мотив соблазнения в ситуации встречи. Пастушка являет собой образец скромности и верности.

Аналогичную ситуацию и развитие мотива демонстрирует песня «Вечером красна девица» (зап. в п. Мундыбаш Таштагольского р-на в 1986 г. Л. Коваленко от Ф.И. Покатиловой, 1912 г.р.), которая восходит к стихотворению Николая М. Ибрагимова (1778–1818). Здесь утверждается классический литературный образ скромной пастушки, не склонной к богатству, и мотив соблазнения соединяется с мотивом сопротивления: *«Не ищи меня, богатый, / Ты не мил моей душе. / Что мне все твои палаты, / С милым рай и в шалаше»*. Одновременно этот образ и поведение пастушки соответствуют и народному отношению к мезальянсу.

В песне «Тега, гуси, тега, серы, до воды» (зап. в п. Верх-Чебула Чебулинского р-на в 1988 г. Е. Крылова от М.Н. Исоновой, 1930 г.р.) тот же мотив соблазнения в ситуации встречи реализуется с иным по статусу героем — «милым» дружкой: *«Начал шуточки пошучивать со мной, / За бело лицо похватывает»*. Скромность пастушки проявляется в формальном сопротивлении, которое встречается в эклогах и народных лирических любовных песнях:

*Не хватай меня за белое лицо,
Мое личико разгарчитое,
Разгорится, ой, не уймется.
Приду домой, догадаются,
С чего личико разгорается,
То ли с пива, то ли с зелена вина.
С зелена вина головушка болит,
С красной водочки на сон меня клонит,
С красной водочки на сон меня клонит,
С дружкой милым целоваться не велит.*

Финал ситуации встречи — «победа» дружка и склонность героини к любовным утехам (встречается в эклогах и шуточных литературных «пастушьих» песнях): *«А я с милым целовалася, / А я с милым миловалася»*. Уступчивость пастушки обусловлена взаимной любовью и равным социальным положением, поэтому не вызывает осуждения.

В песне «В чистом поле...» (зап. в п. Усть-Кабырза Таштагольского р-на в 1987 г. Т.Л. Староверова от Н.В. Федосовой, 1906 г.р.)

объектом соблазнения становится сам пастух. Диалог между девушкой и пастухом начинается с фривольного предложения: *«А ему ой девушка кричала, / Правой ру ой рученькой махала, / Ваня-пастушок, ходи ночевать»*. Свою «любовь» героиня предлагает пастуху в обмен на подарки: *«Чем будешь дарить, я буду любить, / На голо ой овушку платочек, / А на ру ой ручку перстенёчек, / Аршин кумачу, люблю как хочу»*. Активное поведение героини характерно для литературных «пастушьих» стихов, у Сумарокова, например, когда пастушком одолевает трепет и он не знает, что делать дальше, девушка выказывает нетерпение и требует продолжения: *«Почто еще тогда боле / Он нахальства не имел, / Мне рассудок поневоле / Склонной быть в тот час велел»* [Сумароков 1787, ч. 8, с. 303]. В фольклорной песне подобное поведение девушки вызывает осуждение, оно проявляется в оценке пастухом девушки: «глупая», «неразумная какая» – и некоторой пренебрежительности по отношению к ней: «за кусты запала, пускай отдохнет, часок подождет».

Пастух переносит время свидания на более позднее, ссылаясь на необходимость собрать стадо и загнать его в село, а также предупредить жену: *«Жена моя ба ой моя барыня, / Ох московская сударыня, / Не жди ночевать, я пошёл гулять»*.

Выше мы предполагали, что структура пасторального спора: один уговаривает, другой сопротивляется — и сумароковская модель «пастушьей» песни с инициативной героиней семантически совпадают с реальной обрядовой запретной практикой. Тогда в песне мы можем увидеть один из вариантов обхождения запрета: с женой пастух сохраняет целомудрие, но прелюбодействует под покровом ночи с «девкой».

В песне «Ничто в полюшке не колышется» (зап. в с. Сафоново Прокопьевского р-на в 2000 г. Е.А. Чупахина от И.П. Кознева, 1925 г.р.) рисуется литературная ситуация несчастной любви пастуха: *«Ничто в полюшке не колышется, / Только грустный напев где-то слышится. / Пастушок то напевал песню дивную, / В этой песне вспоминал свою милую»*. Причиной жалобы героя становится предполагаемая неверность возлюбленной: *«Как напала на меня грусть жестокая, / Изменила, верно, мне черноокая»*. В качестве решения ситуации пастух решается на ответную неверность: *«Я другую изберу себе милую, / Сарафан ей сошью ала бархата, / Уж я серьги ей куплю скатна жем-*

чуга, / *Уж я кольца закажу чиста золота*». При этом мотив одаривания, с одной стороны, влечет за собой контекст традиционной любовной песни, где подарок символизирует любовь героя, но, с другой стороны, пасторальный контекст «продажной», а значит непостоянной любви. Поэтому фраза *«Будем жить да поживать лучше каждого, / Будем друг друга любить лучше прежнего»* звучит как укор или даже угроза пастуха своей прежней возлюбленной, а новая «любовь» становится своеобразной мезью.

И наконец, в романсе «Катя-пастушка» (записано более десяти вариантов) мотивы соблазнения и одаривания соединяются и развивают сюжет в драматическом ключе. Герой уговаривает сменить деревенскую жизнь/жилье на «роскошную жизнь городскую» и обещает «разодеть» пастушку в «темно-синий костюм»/«шелкобархатный плюш» и обязательно купить «шляпу большую»/«дамскую»/«с полями» — своеобразные атрибуты городского женского гардероба. В одном варианте появляется «темно-синий кафтан» и «цыганская шаль пуховая», очевидно, переключка или указание на цыганскую версию песни о Кате-пастушке «По деревне с кнутом», где образ Андрея явно смягчен, он сам становится первой «жертвой» городской жизни: *«Стал он пить, стал кутить, / По шалманам ходить. / Доля горькая Кате досталась»* [Сказки и песни, рожденные в дороге 1985, с. 396–397, 486–487].

На ответную реакцию пастушки нет прямых указаний (прием умолчания) и собственно описание любовных пасторальных утех тоже отсутствует. Проходит один год, Андрей «не едет в деревню за Катей», у Кати рождается ребенок (иногда указание, что дочь), которого она берет с собой в город на поиски «мужа»/«жениха»: *«На дворе уж весенняя стужа. / И с ребёнком в руках / Катя едет разыскивать мужа»* (зап. в п. Кузедеево Новокузнецкого гор. округа в 1998 г. О. Ласковец от В.И. Томинкиной, 1936 г.р.). Пасторальный образ весны как поры цветения и зарождения любви героев трансформируется в нерадостную «весеннюю стужу».

Только в одном варианте есть указание на законность отношений Кати и Андрея: *«Поженились они, народилось дитя, / И уехал Андрюшка от Кати»* (зап. в д. Пьяново Промышленновского р-на в 1987 г. С.А. Щелокова от С.И. Цимфер, 1929 г.р.), что усиливает «подлость» героя. В остальных случаях лексема «муж»/«жених», скорее всего, указывает на восприятие пастушкой статуса отношений с Андреем после соблазнения, но вовсе не свидетельствует о реальности

этого статуса. В этом можно увидеть как пасторальную наивность героини, так и её глупость, неразумность. Неприспособленная к городской жизни, пастушка начинает «водку горькую пить», по трактирам/шалманам/базарам/бульварам ходить и, как следствие, теряет ребенка («и ребенок у Кати скончался»). Встреча с «мужем» строится как диалог, отдаленно напоминающий пасторальный спор, в котором сопротивление доводится до крайней формы — отказа от отношений: *«Здравствуй, муж, ты мой муж, здравствуй, муж дорогой, / Как давно я тебя не видала». / Посмотрел тут Андрей, покачал головой: / «Я тебя не видал и не знаю»* (зап. в г. Новокузнецке в 2002 г. Я.И. Черемисина от Е.В. Пантелеевой, 1933 г.р.).

Финал романса — убийство неверного возлюбленного: *«Закипело тут сердце ретиво в груди, / Катя быстро тут ножик схватила: / "За измену твою, за коварну любовь", — / Катя жизнь его погубила»* (зап. в п. Листвяги Новокузнецкого гор. округа в 1990 г. О. Тюпышева от В.Д. Болотовой, 1919 г.р.). В некоторых вариантах пастушка погибает и сама: *«Только нравится ей Волга-речка, река, / Где и жизнь свою Катя скончала»* (зап. в д. Пьяново Промышленновского р-на в 1987 г. С.А. Щелокова от С.И. Цимфер, 1929 г.р.) или: *«Из деревни в конец уж не гонит овец / Деревенская Катя-пастушка, / И понравился ей тот журчавый ручей, / Тот, в котором она утопилась»* (зап. в с. Котино Прокопьевского р-на в 1986 г. Н. Гензе от О. Хлебус, 1975 г.р.).

Натуралистическое изображение последствий любовной «слабости» пастушки выражает народную мораль, осуждавшую и девушку, не устоявшую перед соблазном лучшей жизни, и коварство «покорителя сердец». Соблазнитель в лице Андрюшки имеет вариативные социально-функциональные характеристики: «укротитель зверей» (самое частотное), «надзиратель зверят», «покоритель сердец» и промежуточное «укротитель сердец», иногда, в более поздних вариантах, — «городской/молодой комсомолец» — и устойчивое портретное описание: «чернобровый красавец/красивый». Первое образное определение героя может иметь литературные корни. Так, в песне А.П. Сумарокова «Разлейтесь по рощам потоки чистых вод», крайне популярной в песенниках, пастух в исходной ситуации безответной любви призывает диких зверей убить его: *«Ступайте, волки, в стадо, поешьте всех овец, / Терзайте мое сердце и сделайте конец»* [Сумароков 1787, ч. 8,

с. 272]. Пастух — укротитель волков, он может защитить от них стадо, а может призвать зверей уничтожить и стадо, и самого себя.

В песне ученика Сумарокова Ипполита Федоровича Богдановича Пятнадцать мне минуло лет (1773) молодая пастушка изъявляет готовность «явить любовь» в ответ на любовное признание пастуха и упоминает опасность, которую для пастушки и её стада представляют «звери»: *«Дала б ему я посох свой, — / Мне посох надобен самой; / И, чтоб зверей остерегаться, / С собачкой мне нельзя расстаться; / Мне посох надобен самой»* [Богданович 1957, с. 161–162]. Одновременно ощущение опасности переносится и на самого пастуха, которого пастушка любит, но не доверяет.

В романсе о Кате-пастушке «укротитель зверей» Андрей воспринимается наивной пастушкой как защитник, которому она доверяется, но в итоге он оказывается опасен для пастушки и разрушает и её, и собственную жизнь. Тогда можно говорить, что робкий пастух из литературных пасторалей в фольклорных песнях постепенно наделяется совсем иными качествами: способностью обмануть, воспользоваться наивностью девушки, покорить ее сердце и разбить его.

Итак, в исследуемых текстах можно выделить ряд обязательных компонентов, которые, по сути, формируют жанровую модель «пастушьей» песни в фольклоре. Это фигуры пастуха или пастушки, носители лирического чувства, вступающие в диалог с возлюбленным, хронотоп, обычно развернутый в описательно-повествовательной части, и ряд мотивов, среди которых самым продуктивным становится мотив соблазнения. Вместе с ним начинает появляться мотив одаривания, который в пасторальном контексте начинает приобретать оценочную функцию (позор не устоявшей перед соблазном девушки) и выражать моральную установку о бесценности и бескорыстности любви. Аналогичное смысловое значение мотива соблазнения и оценка поведения пастушки как непростительного греха и позора характерны для фольклорного варианта стихотворения Александра Сергеевича Пушкина «Вишня». Инициативность литературной пастушки в фольклорных текстах воспринимается как поведение, нарушающее нормы и влекущее за собой драматический исход. Именно это позволяет войти сюжетике «жестокоего» романса в пасторальный канон.

3.2.3. Рецептивные трансформации стихотворения А.С. Пушкина «Вишня» в русской культуре XIX в.

В 1820–1840-х гг. многие из ранних стихотворений А.С. Пушкина («Казак» (1814), «Романс» (1814), «Черная шаль» (1820), «Узник» (1820) и др.) были положены на музыку, а некоторые стали достоянием общности в качестве песен ещё до их публикации в печатных изданиях. Это определило особую судьбу большинства пушкинских текстов на границе между литературой и фольклором. Интерес в этом смысле представляет рецептивная трансформация стихотворения Пушкина «Вишня» (1815). По причине своего откровенно эротического содержания оно не публиковалось до середины XIX в. Б. Бродский, включая «Вишню» Пушкина в сборник «Эротика в русской поэзии» (1922, Берлин), отметил синтетизм поэта в развитии эротической темы, сочетавшего «полухолодную», «медлительную» эротику Е. Боратынского, эротику античного склада А. Дельвига и эротику, подчеркнута реальную, «непосредственную» Н. Языкова. Однако в отношении эротизма «Вишни» следует назвать более раннюю традицию, идущую от «пастушьих» песен А.П. Сумарокова и поэтов «сумароковской школы», в основе которой была собственно народная поэзия. Пушкин выстраивает своё стихотворение по типичной сюжетной схеме народных эротических песен: «небольшая зарисовка с натуры, житейская сценка, включающая диалог парня и девушки, и описание любовного соединения <...>, полная свобода девушки или женщины в выборе партнёра и <...> полное отсутствие какого-либо ригоризма или хотя бы оттенка морального осуждения» [Топорков 1995, с. 17]. В то же время «Вишня» очень близка стихотворению А.П. Сумарокова в жанре «пастушьей» песни «Негде в маленьком леску» (1755), где поэтически разработан сюжет соблазнения пастухом пастушки, весьма популярный в народной среде. Сумароковские мотивы, но в несколько иной и более детально разработанной ситуации, составляют пушкинский текст: прелестная пастушка ранним утром идет на рынок, проходя мимо вишенника, хочет полакомиться высоко висящими спелыми плодами», взбирается на дерево, видит неподалеку пастуха; засмотревшись на него, падает, зацепившись юбкой за сук, пастух спешит на «помощь».

Близость к песенной народной и литературной традиции привела к возникновению и распространению песенных вариантов пушкинского стихотворения в XIX в. В частности, о популярности и бытовании одного из них можно судить по рассказу «Старая барыня» (1857) А.Ф. Писемского: « – *Постой, садись около меня, – проговорил гуляка и, взяв Грачиху за руку, посадил рядом с собой. – Слушай, – произнёс он и начал заунывным тоном: «Туманы седые плывут к облакам, пастушки молодые спешат к пастушкам»* [Писемский 1959, с. 429–430].

Впервые «Вишня» была опубликована в 1857 г., но и тогда, по определению Главного управления цензуры (№ 151466, 1857 г.), из текста были исключены семь четверостиший откровенно эротического характера. Между тем, как следует из доклада цензора И.А. Гончарова, некоторые из стихотворений Пушкина, «хотя и не были напечатаны, но ходили по рукам в рукописях и давно известны в публике наравне с напечатанными» [Щеголев 1987].

Печатная публикация песенного варианта «Вишни» Пушкина под аналогичным названием выявлена М.Я. Мельц в сборнике «Альбом золотых мотивов» (1884) с пометкой «Выявленное искажение текста: не приведены первые 8 строк» [Мельц 2000, с. 94]. В действительности искажение авторского текста в «Альбоме» гораздо значительнее. В соответствии с песенным каноном стихотворение сокращено почти наполовину. Опущено подробное у Пушкина эротическое описание встречи пастуха и пастушки от момента ее падения с дерева до «окропления» травы соком раздавленной вишни. Происходит не только сокращение, но и перестановка отдельных частей текста: четвёртая и двенадцатая строфы стихотворения Пушкина переставлены на другое место в соответствии с новой логикой развития лирического сюжета, который, минуя поэтические описания природы и внешности персонажей, устремляется к основному событию. Фокусируя на нем внимание, песня устраняет поэтическое обобщение и конкретизирует ситуацию, заменяя множественное число на единственное: вместо «Пастушки молодые спешат к пастухам» – «Пастушка молодая спешит к пастухам». У Пушкина разница грамматического числа служит способом отличия героини: в то время как все прочие «пастушки спешат к пастухам», целомудренная «молодая пастушка на рынок спешит». Устранение этого различия создает в песенном варианте логическое противоречие: пастушка спешит одновременно и к пастухам, и на рынок. Но подобная

смысловая небрежность несущественна и незаметна в песенном исполнении, так же как и еще более грубая оплошность, возможно допущенная наборщиком: вместо «утеха страданий двух юных сердец» напечатано «успеха страданий двух юных сердец».

Меняется ритмическая и графическая организация оригинала: пушкинские катрены двухстопного амфибрахия заменяются двустопными четырёхстопного амфибрахия. Это перестроение, возможно, связано с переложением стихов на музыку, на что есть указание в конце «Альбома»: «Ко всем помещенным в настоящем «Альбоме» операм, <...> русским и цыганским романсам, цыганским, венгерским и народным песням – продаются ноты для пения и фортепиано во всех музыкальных магазинах» [Альбом 1884, с. 309]. Сравним зачин оригинала и песенной переделки:

А.С. Пушкин
[Пушкин 1937–1959, с. 326]

*Румяной зарею
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонек.*

*Росой окропились
Цветы на полях,
Стада пробудились
На мягких лугах.*

*Туманы седые
Плывут к облакам,
Пастушки молодые
Спешат к пастухам.*

*С журчаньем стремится
Источник меж гор,
Вдали золотится
Во тьме синий бор.*

*Пастушка молодая
На рынок спешит
И вдаль, припевая,
Прилежно глядит.*

«Альбом»
[Альбом 1884, с. 235]

<...>
*Туманы седые плывут к облакам,
Пастушка молодая спешит к пастухам.
Пастушка молодая на рынок спешит
И вдаль, припевая, прилежно глядит.
Румянец играет на полных щеках,
Невинность блистает на робких глазах.
Искусной рукою коса убрана,
И ножка собою прельщать создана.
С журчаньем стремится источник меж
гор,
Вдали золотится во тьме синий бор.*

<...>

*Румянец играет
На полных щеках,
Невинность блистает
На робких глазах.*

У Пушкина стихотворение начинается с традиционного для пасторального жанра описания места и времени события, то есть того, что, собственно, изначально представляет «пейзаж». Начало песни, напротив, упрощено до картины, близкой к фигуре образного параллелизма в народных песнях: *«Туманы седые плывут к облакам / Пастушка младая спешит к пастухам»*. В описании внешности героини исключаются строки, содержащие фривольный эротический намек (*«Корсетом прикрыта / Вся прелесть груди, / Под фартуком скрыта / Приманка людей»*). Оставшееся от пейзажа упоминание журчащего «источника» и «синего бора» сохраняется в качестве пасторального топоса, но переносится на место после описания красоты пастушки, логично предшествуя приходу героини в вишенник.

Пушкинская героиня, залезшая на дерево и, очевидно, успевшая сорвать вишню до того, как увидела пастуха, засмотревшись, падает, цепляясь платьем за сучок, и обнажает «всю прелесть» перед «удивленным» пастухом. Сорванная вишня позднее оказывается раздавленной, поскольку *«прельщенный красою / Младой пастушок / Горячей рукою / Коснулся до ног. / И миг зарезвился / Амур в их ногах; / Пастух очутился / На полных грудях»*. Мотив «окропления» при этом соединяет начало и конец стихотворения («росой окропились цветы» и «соком багряным траву окропил»), символизируя собой естественную жизнь природы и человека. В песенном варианте светского «Альбома» целомудренная пастушка сопротивляется искушению наслаждением, представшим в образе спелых вишен: *«путь к ним опасен, бедняжку страшит», «младая» «прилежно глядит», «невинность блистает на робких глазах», «бедняжка» «робко ступает ногой меж ветвей»*. В качестве искусителя выступает повествователь и, словно внимая его ободряющим словам *«Бери плод рукою – / И вишня твоя»*, героиня решается на действие: *«Уже достигает / Награды своей»,* но *«Вдали усмотрела, спешит пастушок, / Нога ослабела, / Скользит башмачок»*, – пастушка падает, зацепившись за сучок. Такое развитие ситуации создаёт ощущение незаконченного действия: вишня не сорвана. Появление и «помощь» пастуха также не лишают пастушку невинности, пастушок лишь прижимает ее к своей груди, и «страдания двух

юных сердец» заканчиваются не «утехами» в траве, а «успехом» целомудрия и ожиданием супружеского венца:

*Успеха страданий двух юных сердец,
В любви ожиданий супругам венец.*

Образ сорванной, раздавленной вишни, мотивы сокровенной «до времени» прелести пастушки, резвой игры Амура, «кипения крови», окропления земли «багряным соком» уходят из текста вместе с веселой авторской иронией по поводу «робости», «несчастья» пастушки, ожидания супружеского венца; торжество вольных природных жизнетворных сил приведено в светском романсе к моральному кодексу домо- строя.

Несомненно, что в народной среде, свободной от сковывающих норм светской морали и всегда включающей пласт эротического фольклора, пушкинское стихотворение трансформировалось иначе. Письменный опрос о бытовании сочинений Пушкина в сельской среде Ярославской губернии в 1898 г. выявил наличие трёх песен «Вишня» [Мельц 2000, с. 35]. К сожалению, не представляется возможным проследить этот путь детально по причине отсутствия публикаций народного варианта песни «Вишня». Жесткие запреты, как внешние, так и внутренние (сами собиратели фольклора не фиксировали «похабщину»), на публикацию фольклора обценного (непристойного) содержания налагались цензурой и в XIX, и в XX вв. Однако обнаруженная в фольклорном архиве НФИ КемГУ песня показывает один из вариантов трансформации «Вишни» Пушкина. Запись песни «Пастушка» (как назвала её исполнительница) была сделана студентками Н.А. Косолаповой и А.М. Егошиной в 1986 г. в с. Базанча Таштагольского района Кемеровской области от Черданцевой Е.П., 1929 г.р., имеющей образование 5 классов, проживающей в с. Базанча с 1955 г. (место рождения информантки, как и источник песни, к сожалению, не известен):

*Бежала пастушка по вешним садам,
За ней пробирался пастух по кустам.
Хотела пастушенька вишенку съесть,
Но надо пастушке на вишню залезть.
Ступила пастушка на первый сучок,
Сучок обломился, скользнул каблучок.
Сучок обломился, за юбку задел,
Пастух в это время всё зрелище зрел.
Он нежно и тихо пастушеньку снял,*

*Сам тихо и нежно к груди прижимал.
Он спелую вишню пастушке дарил,
Кровавую струйку на землю пустил.
Наевшись, пастушка домой поплела,
Пастушек кустами: хи-хи, да ха-ха.*

В народном варианте сохраняется сюжетная основа пушкинского стихотворения и его песенного варианта из «Альбома», но объем песни ещё более сокращается за счет выхолащивания поэтических деталей, выпрямления сюжета и опрощения лексики (изменения весьма традиционны и направлены по линии приближения текста к максимальной ясности и простоте в соответствии с законами фольклорной поэтики).

Пастушка «бежит» по «вешним садам». Весна, по указанию В.И. Даля, ограничивается сроком с 8 марта по 9 июня [Даль 1999, с. 186], когда вишня ещё не созревает. Следовательно, определение «вешние» (в значении «весенние») может быть условно. У Даля же встречается слово «вешня» – загородка, выдел в ближних к селению поёмных лугах, где не косят, а пасут скот; выгон [Даль 1999, с. 187]. Дикая вишня, как известно, растёт кустами (в которых и прячется пастух). «Сад» же используется в значении «вишнёвая роща», «вишенник» [Даль 1999, с. 209]. В таком случае «вешние сады» могут быть расположены рядом с выгоном скота, что делает уместным присутствие в них пастуха и пастушки. Таким образом, пасторальный хронотоп в народной песне максимально конкретизируется до «вешнего сада».

Пастух в песне изначально тайно преследует пастушку, что меняет характер сцены и самих героев: пастушка не «спешит» к пастушку и падает не от того, что засмотрелась на него, а по неосторожности. Поэтому нет необходимости предварительного упоминания её невинности («робкие глаза», «робко ступает» и т.п.), нет и фривольного портрета героини. «Башмачок» трансформируется в «каблучок», часто встречающийся в шуточных, плясовых песнях («Подвернулся каблучок, девка – хлоп на бочок. // Не видала, как упала, погляжу, пока лежу»). Момент «тихого» и «нежного» прижимания пастушки к груди пастуха, пожалуй, последнее, что сближает народный вариант песни с литературным источником. Новая ситуация – дарение спелой вишни – косвенно развивает мотив искушения. Символическое раздавливание вишни и окропление травы багряным соком в пушкинском тексте под-

вергается грубой натурализации, устраняющей метафорическую двусмысленность («Кровавую струйку на землю пустил»). В той же беспощадно натуралистической манере изображается и по-новому трактуется концовка стихотворения, выражая народную мораль. Не «утехи» пылкой беспечной молодости, как у Пушкина, не целомудренное «ожидание супружеского венца», как в альбомном песенном варианте, а непростительный грех, позор не устоявшей перед соблазном девицы («наевшись, пастушка домой поплела») и столь же непростительное легкомысленное коварство пастуха.

На основании сопоставительного анализа литературного текста и двух его песенных вариантов предположительно сделаем вывод, что народный вариант сформировался вне зависимости от альбомного. В действительности «Альбом золотых мотивов» относится к той серии полупесенников-полуальманахов, которые, по замечанию М.Я. Мельц, были ориентированы главным образом на высшие круги общества – «милых женщин», «прекрасных девиц», «любительниц пения», и «оказывались галантно-сентиментальным подбором песен, в большинстве своём совершенно непонятным простолюдинам» [Мельц 2000, с. 9]. Очевидно, что и песня «Пастушка» претендовала на изысканность и, по мнению составителей, могла понравиться утонченной публике. Вычищение эротики из пушкинского текста и создание более пристойного песенного варианта объясняется цензурными и этическими соображениями. Однако во втором издании «Альбома» от 1886 г. песня «Пастушка» отсутствует, возможно, по мнению составителей, менее востребованная, чем другие, в то время как иной пушкинский текст, а именно «Я помню чудное мгновенье...», сохраняется. Скорее всего, что «Пастушка» (возможно под иным названием) более активно распространялась в демократических рукописных песенниках или лубочных картинках (в лубке и устном бытовании ранние сочинения Пушкина пользовались большим успехом, чем его зрелые вещи) [Мельц 2000, с. 14, 25]; и народный вариант «Вишня» является продуктом этого направления трансформации авторского текста.

3.3. Семейная тема в литературной и фольклорной песне¹

3.3.1. Семейные ценности в традиционной народной лирической песне и их трансформации в литературной песне XIX в.

Семья в понимании крестьянина являлась непеременимым и важнейшим условием жизни каждого человека. Из этнографических записей конца XIX в. становится понятно, что холостой образ жизни воспринимался как отклонение от нормы: «Неженатый не считается у нас настоящим крестьянином. <...> На него смотрят отчасти с сожалением, как на нечто нецельное, отчасти с презрением» (Ильинская волость Ростовского уезда Ярославской губернии); «Холостому быть хозяином общество запрещает» (Болховский уезд Орловской губернии) [Громыко 1991, с. 170]. Подобное понимание значения семьи в жизни человека и ценности семейных отношений фиксируется и в народных песнях: *«На што было, к чему свивать тепло гнездо? / Нет у меня, у сокола-соколинушки, / У меня ли, у доброго молодца, молодой жены!»* [Русские народные песни 1957, с. 144].

Созданию семьи предшествовало понимание уровня собственной ответственности за проявленный интерес к противоположному полу и добрые отношения, как отмечает В.А. Кравчинская, «Народная мораль требует, чтобы любовь была закреплена браком» [Кравчинская 1955, с. 417]. Поэтому в любовных лирических песнях мотив брака свидетельствует о естественности течения событий, их правильности с точки зрения народной морали. Диалог влюбленных девушки «семнадцати лет» и молодчика «до двадцати лет» заканчивается следующим предложением: *«Милая, хорошая, садись, увезу!»* – / *«Миленький, хорошенький, куда увезешь?»* – / *«А вот, моя красавица, к венчанью увезу»* [Русские народные песни 1957, с. 194].

Традиционная установка «Не сосватавшись, красну девицу нельзя замуж взять» [Русские народные песни 1957, с. 184] намечает последовательность этапов взаимоотношения будущих супругов и одновременно налагает табу на «вольность» в проявлении чувств. Обращаясь к парню, девушка просит его «не ходить мимо сада», не порочить её честь, поскольку проявление любовного интереса не должно быть явным, иначе «худа славушка пройдет, никто замуж не возьмет». Для участия в любовном свидании героини нужно одобрение родителей:

¹ В параграфе использованы материалы статей В.В. Трубицыной: [Трубицына 2012(д), 2013(в)].

«Пошлю к другу служеньку молодую. / Сама б я млада, пошла, да боюся, / Пойду к батюшке да спрошуся, / Сударыне матушке доложуся» [Русские народные песни 1957, с. 164]. Помнит героиня и о своей сопричастности к чести всего рода: «Отцу с матери – бесчестье, / Роду племени – покор; / <...> / Мне – головушка долой!» [Русские народные песни 1957, с. 173].

Фигура отца выступает в качестве хранителя непорочности и нравственности девушки: «Что не знала красна девица, / Как пришел ее родимый батюшка; / Красна девица испугалася, / <...> / Ясны соколы разлетелися, / Черны соболи разбежались» [Русские народные песни 1957, с. 153–154]. При этом воля отца считается нерушимой и его требования выполняются неукоснительно. На приглашение парня прогуляться девушка отвечает обоснованным отказом: «Не кричи во весь народ; / Мой батюшка у ворот; / Зовет меня в огород / Чесноку, луку полоть» [Русские народные песни 1957, с. 140]. Значимость отца для героини просматривается и в самостоятельной семейной жизни. «Молодка» похвально себя своим трудом и способностью наладить хозяйство и мир в новой семье, заручаясь поддержкой и одобрительным мнением отца: «Сударь батюшка родимый / Будет по саду ходити, / Изюм-ягоду щипати, / Меня младу, похваляти: / Что горазда сад садити, / Что горазда поливати, / От морозу укрывати» [Русские народные песни 1957, с. 224].

Во взаимоотношениях молодой девушки с «батюшкой» и «матушкой», заботящихся о воспитании трудовых навыков и понятий о добродетели в своих детях, возможны две линии поведения: примирение с их волей, выполнение их требований: «Уж ты, матушка родимая моя! / Ты не лиха, ты не добра для меня, / <...> / Призаставила цветочки полоть, / Призаставила лазоревые! / <...> / Я полю цветы – не полются, / Перемены младой хочется» [Русские народные песни 1957, с. 153]; и протест, проявляемый в риторическом восклицании: «Что отец, да что за мать – / Не дают волю гулять» [Русские народные песни 1957, с.164] – или в прямой просьбе: «Пусти меня, матушка, погуляти» [Русские народные песни 1957, с.164]. В связи с запретом и представлением о целомудренности возникает и мотив тайного свидания, скрывающего любовные чувства от глаз родителей и посторонних: «Ты не улицей ходи, / Не прямой ко мне гуляй – / Переулками; / <...> / Ты не речью говори, / Не словами знать давай – / Соловьём

свищи, / Чтоб я, красна девица, / Лишь одна, твоя милая, / Догадалася» [Русские народные песни 1957, с.148].

Поскольку запрет на тайные гуляния связан с сохранением чести девушки, то нарушение запрета влечет, как правило, наказание от родителей: *«Меня батюшка бил-бил, / Родна матушка била-била, / <...> / Со этих побоев три неделюшки пролежала, / Со постелюшки не вставала»* [Русские народные песни 1957, с.167]. Если и это не останавливает своевольную дочь, то её жизнь оборачивается позором и несчастьем: *«Жалобу творит красна девица, / На заезжего добра молодца, / Что сманил он красну девицу / Что от батюшки и от матушки, / И завез он красну девицу / На чужую сторону, / На чужую дальну, незнакому, / Что завезши, хочет кинуть»* [Русские народные песни 1957, с. 173]; *«Что покинувши парень красну девицу, / В глаза насмеялся, / Обесчестил-то парень красну девицу / При всем при народе»* [Русские народные песни 1957, с. 174]. Таким образом, песня предостерегает девушек от ослушания родителей, неизменно ведущего к беде.

Родительские запреты, касающиеся добрачного поведения девушки, после брака начинают восприниматься как защита, забота. Именно родители и род-семья становятся для героини оплотом беззаботной девической жизни и адресатом жалоб в семейных песнях: *«Ах, да распроклятая жизнь замужняя, / Жизнь наша замужняя / Ах, да я у матушки, как цветок цвела, / Как цветок цвела / Ах, да я у батюшки жила, как венок плела»* [Русские народные песни 1957, с. 221]; *«Воля, воля красным девушкам гулять, / Нету волюшки молодушкам гулять»* [Русские народные песни 1957, с. 172]. Обращаясь к соловью, героиня просит его слетать к родной матушке и передать ей, «поклон до земли» и просьбу «чтоб не плакала» [Русские народные песни 1957, с. 224]. Функцию защитника может выполнять и брат, к которому героиня обращается с просьбой укрыть её «от темных ночи, от лютого зверя» [Русские народные песни 1957, с. 236]. Осознавание себя частью рода и значительности семейной поддержки-защиты часто встречается в так называемых «сиротских» песнях: *«Хорошо тому жить на сем свете; / У кого как есть и отец и мать, / И отец, и мать, и брат, сестра, / Ах и брат, сестра, что и род-племя»* [Русские народные песни 1957, с. 215].

Специфику семейных отношений крестьян формировал сложившийся патриархальный уклад жизни русских, отягощенный крепост-

ным строем. Насильственный брак являлся достаточно распространенным явлением в крестьянской крепостной России, поэтому целый ряд песен отражает страдания молодых людей, вступающих в брак против своей воли: *«Про тебя, мой друг, словечко слышала: / Тебя, миленький, женить скоро хотят, / Меня, девушку, засватали сейчас; / Тебя женят, меня замуж отдают»* [Русские народные песни 1957, с. 168]. В семейных песнях одним из частотных становится образ старого нелюбимого мужа: *«Меня замуж отдают / не за милого за друга – / За старого старика, / За старого, за седого, / За седую бороду, / За большую голову»* [Русские народные песни 1957, с. 166], ограничивающего личностное пространство героини: *«Ах, прошли, прошли веселые часы, / Миновала наша прежняя гульба – / Доставалась старому молода... / Не пускает стар на улицу гулять, / Если пустит – сам за ней вослед идет!»* [Русские народные песни 1957, с. 145].

Поэтому особенно ценным становится брак по взаимной любви парня и девушки, равных друг другу по возрасту и материальному положению. От брака со старым и малым девушка отказывается, хотя за ними дают богатые подарки («золоту гривну», «золоту парчу»), соглашаясь на брак с «ровнюшкой»: *«Еще хочет меня батюшка / За ровнюшку отдать. / А вон ровнюшка идет, / Пятьдесят рублей несет; / Пятьдесят рублей приму / И за ровнюшку пойду!»* [Русские народные песни 1957, с. 169]. В просьбе девушки к отцу звучит народное представление о браке, как союзе, основанном на моральных качествах человека: *«Не мечись на большое богатство, / Не гляди на высоки хоромы, / Не с хормами жить, с человеком, / Не с богатством жить мне, с советом»* [Русские народные песни 1957, с. 223].

Любовь ставится превыше богатства и дорогих подарков: *«Мне не дорог твой подарок – / Дорога твоя любовь. / Не хочу перстня носить, / Хочу так дружка любить»* [Русские народные песни 1957, с. 140]. Ценность «перстенечка» или «колечка» определяется только лишь его символической связью с замужеством, намеком на него: *«Кумачу я не хочу, / Китаечки не ношу. / Если любишь, душа, купишь / Золото колечко / Прижму ко сердечку»* [Русские народные песни 1957, с. 141], или напоминанием о верности в разлуке: *«Не забудь меня, задушевный друг! / Чаще взглядывай ты на перстень мой»* [Русские народные песни 1957, с. 209].

Молодой возраст жениха даже в браке по неволе воспринимается героиней как обнадеживающий фактор. Следуя поговорке «стерпится – слюбится» и народному пониманию, что женщина является источником, дарительницей и хранительницей любви, равный брак является хорошей основой для возникновения глубокой душевной привязанности супругов: *«Вдруг присватался молодчик молодой, / Принес девушке подарок дорогой! / <...> / Мне подарок принять хочется, / Молодца любить не хочется, / <...> / Я подарочек, наверно, приму! / Я молодчика, наверно, полюблю!»* [Русские народные песни 1957, с. 153].

В браке заступником и наставником молодой жены становится её муж: *«А я с милым другом в совете жила, / Научил меня милый друг, как свекру сказать, / Как свекру сказать, свекровье отказать»* [Русские народные песни 1957, с. 230]. Муж может защитить супругу от нападений своей родни (свекра, свекрови, деверьев, золовок): *«Он на лавочке лежит, одну речь говорит: / “Ой, полно вам, собаки, на мою жену рычать...”»* [Русские народные песни 1957, с. 232]. В конфликтной ситуации (жена – родня) от мужчины требуется разумность и гибкость. Вынужденный подчиняться воле отца и его советам о том, как надо плеткой «жену учить», но, в то же время, жалея жену, любящий муж находит выход, как батюшку «потешить» и жену «не сучечить»: *«Вдарю по стене, скажут: по жене, / Вдарю по подушке, скажут: по жenuшке»* [Русские народные песни 1957, с. 239]. В другой песне проговаривается, что нельзя мужу «жену бить», и рисуется раскаяние героя, нарушившего совет: *«Я уж бил жену часочек, / Сам плакал годочек; / Я проплакал ясны очи, / По четыре ночи / По четыре долги ночи / Крушил свое сердце, / Пойду жене покорюся, / В ноги поклонюся»* [Русские народные песни 1957, с. 240].

От жены также требуется разумное решение семейных ссор, только по-женски, посредством смирения: *«Уж я мужнину грозу в узелочек завяжусь, / В узелочек завяжусь, в уголочек положу, / В уголочек положу, а сама гулять пойду; / Где узел-то лежит, там угол задрожит»* [Русские народные песни 1957, с. 232]. Поощряется доброе отношение и уважение к родне мужа и запрет на «вынесение сора из избы». Мать дает совет дочери: *«Ты, родимое мое дитячко, / Ты носи платье, да не складывай / Ты терпи горе, да не сказывай!»* [Русские народные песни 1957, с. 223]. Молодая жена на вопрос о том, как к ней относятся в новой семье, отвечает: *«У меня свекор – / Ровно батюшка родимый; /*

У меня свекровь – Точно матушка родима, / Журит, бранит дома, / В чужих людях хвалит [Русские народные песни 1957, с. 243].

В ответ на любовь-защиту мужа жена проявляет любовь в виде признаний: *«Ой, я сама да ему напишу, / всю свою да любовь расскажу»* [Русские народные песни 1957, с. 243], *«Ой, и лучше б нам да уместити идтить / Да уместити идтить, да не розниться»* [Русские народные песни 1957, с. 244], и заботы: *«Стану с мужа кафтан скидovati, / <...> / Только стану, стану мужа разувати»* [Русские народные песни 1957, с. 241]. Сохранение верности в браке (*«Ввечеру меня помолвили, / Завтра будут поезжалые; / Привезут ко божьей церкви, / Я достануся иному, друг, / И верна буду по смерть мою»* [Русские народные песни 1957, с. 180]), запрет на любовь к женатому (*«Полюбить женатого – / Жена-то рассердится»* [Русские народные песни 1957, с. 170]) или замужней становятся реализацией представления о целомудрии человека и залогом сохранения семьи.

Взгляд крестьянства на возможность второго брака после смерти одного из супруга (обычно смерти мужа) двойок. Незавидная участь вдовы выражается в перечислении «кручин»: *«Первая кручина – нет ни дров, ни лучины, / Другая кручина – нет хлеба и соли, / Третья кручина – молода овдовела, / Четверта кручина – малых детушек много, / А пятое горе – нет хозяина в доме»* [Русские народные песни 1957, с. 254]. А положение вдовы приравнивается к сиротской доле: *«При муже жена / Славная госпожа; / без мужа жена – / Да горька сирота»* [Русские народные песни 1957, с. 253]. Возможность обрести счастье связана с правом на второй брак. Сюжет о смерти солдата на чужой стороне обычно сопровождается мотивом наказания жене, в котором ей «предоставляется полная свобода решения своей судьбы:

Молодой жене – своя воля.

Хоть вдовой сиди, хоть замуж поди.

Муж не связывает жену клятвой верности его памяти» [Кравчинская 1955, с. 417–418].

Отрицательный взгляд на второй брак, идущий от христианского мировоззрения, проявляется в создании образа вдовы, верной памяти мужа. Верность проявляется в отказе вдовы «холостому, не женатому»: *«Что не быть, не быть калинушке / Против ягоды-малины, / Что не быть тебе, холостому, / Против милого дружка»* [Русские

народные песни 1957, с. 255]. Аналогично, парню дается совет не жениться «на удювке», поскольку она *«Постелюшку стелет, сама плачет; / Изголовье воскладает – възрыдает, / Слово прежнего друга поминает»* [Русские народные песни 1957, с. 182].

Лирическое начало литературных песен XIX в. сопрягается с «простонародным» началом русской жизни и поддерживает традиционные семейные ценности. Ситуации брака по неволе была типична и для дворянской среды, в которой создавалась и бытовала литературная песня, а поскольку она давала мощный накал лирических эмоций, то и стала одной из самых популярных.

Ситуацию брака по неволе (*«В тереме девица горевала, / Девицу с милым разлучают, / Девицу с постылым обручают»*) использует Н.М. Ибрагимов в «Русской песне» (*«Во поле березонька стояла»*) (1815) для создания образа идеальной настоящей любви, которая проявляется «в жертвах добровольных, безусловных» и рождается в разговоре взглядов и сердец влюбленных: *«С милым мы глазами сговорились, / С милым мы сердцами подарились»*. Любви естественной искренней противопоставляется её отсутствие в браке по расчету: *«не в мешках любовь, не в родословных»*, дублирующее антитезу «милый» возлюбленный – «постылый» муж: *«Нелюб не умом взял, не приятством – / Взял большой роднёю и богатством. / Милый беспоместен, беспороден, / Он душой богат и благороден»* [Песни русских поэтов 1957, с. 94]. Вместе с тем в лирическом сюжете о неравном браке без любви возникает смещение ценностных планов: измена в браке становится естественным способом реализации потребности человека в любви, а взаимная любовь в «невольном» браке практически исключается.

Песня Земфиры из поэмы А.С. Пушкина «Цыганы» (*«Старый муж, грозный муж»*) (1824) утверждает свободу воли молодой жены в неравном браке, воспекает ее пылкие чувства к любовнику (*«Он свежее весны, / Жарче летнего дня; / Как он молод и смел! / Как он любит меня!»*) и ненависть, насмешливое презрение к старому мужу (*«Ненавижу тебя, / Презираю тебя»*, *«Как смеялись тогда / Мы твоей седине»*). Эти страстные чувства позволяют молодой цыганке преодолеть страх перед властью законного «грозного мужа», предпочесть смерть жизни с постылым супругом: *«Я другого люблю, / Умираю любя»* [Старинные русские песни и романсы 2006, с. 253]. Тем не ме-

нее, мотив супружеской измены неслучайно задан Пушкиным в романтическом изображении не русских, а цыганских нравов. Знаменательно в этом смысле поведение старого цыгана, который не мстит за убийство своей дочери русскому зятю, уважая его законное право, но изгоняет его из табора, живущего стихийной, вольной жизнью: «Мы дики; нет у нас законов...». Героиня реалистического романа «Евгений Онегин» Татьяна, выросшая «в глуши забытого селенья», «русская душой», в неравном браке, любя другого, хранит верность законам своего народа: «А я другому отдана и буду век ему верна».

Перифразом этого пушкинского завета можно считать песню Ф.Г. Голицына «Её здесь нет» (1820-е гг.). Из монолога лирического героя становится известно о браке его возлюбленной («И снова грустно повторила: / – Я не твоя, забудь меня») и его собственной несвободе («Я забываю, / Что слово сам другой уж дал...»). Ситуация брака без любви, с одной стороны, драматизирует положение женщины: «Зачем судьбою / Она другому отдана, / Зачем жестокой долей злою / Всю жизнь страдать обречена?», с другой, – дает надежду герою на возможность любовного счастья в измене: «Оставлю все я – и умчуся / В края чужие её вослед, / И там, быть может, я добьюся – Забудет свой она обет...». Желания героя питает и внутренняя душевная смута героини: «Мне образ милый / На память ею подарен; / Взгляните на него, унылый, / Борьбой души он омрачен». Однако краткость и целомудрие тайных свиданий не обещают осуществления надежд: «Я на прощанье / Желал её поцеловать, / Но не свершилось желанье, / Лишь ручку мне пришлось пожать; / Не долго жал, она спешила / С боязнью ручку оторвать». Исповедь лирического героя содержит намек на возможную причину измены – холодность брачных отношений, что является своеобразным уроком законным супругам: «А я её любил бы страстно, / Не расставался бы я с ней, говорит герой о своей жене. – / Но с сердцем я не совладаю / с тех пор, как я её узнал». Финал любовной истории утверждает власть «закона» над чувствами влюбленных: «Но я отвергнут» <...> «Супруга имя опорочить / Стыдится, бедная, она; / Не любит, нет! Но свято хочет / Сдержатъ обет и быть верна» [Старинные русские песни и романсы 2006, с. 117–118].

В традиции народного представления о защитной функции рода написана «Песня» М.Д. Суханова (1828). В ситуации неверности возлюбленного героиню утешают родные: *«Вспомни, девица, родные у тебя, / Они любят тебя более себя. / Ты одна как солнце красное у них, / Опечалишь ты тоской своих родных»* [Песни русских поэтов 1957, с. 175]. Ряд песен 1830-х годов включает традиционный образ матери девушки. А.И. Полежаев в песне «Сарафанчик» (1834) изображает мать, заботящуюся о чести дочери: *«Долго мать меня журила / И до свадьбы запретила / выходит за ворота»* [Песни русских поэтов 1957, с.156]. Н.Г. Цыганов песню «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан» (1834) строит в форме диалога девушки-невесты и матери. Мать успокаивает взволнованную перед свадьбой дочь и проговаривает очевидные для женской судьбы истины и их преемственность из поколения в поколение: *«Не век тебе пташечкой / Звонко распевать, / <...> / Прискучат забавушки, / Стоскуешься ты / <...> / И я молодешенька / Была такова, / И мне те же в девушках / Пелися слова!»* [Песни русских поэтов 1957, с. 165]. В «Русской песне» Ниркомского (1838) «матушка-голубушка» становится для героини адресатом лирического высказывания и лицом, которое утешает девушку в её любовном томлении: *«Что это, родимушка, / Сталось со мной? / <...> / «Знать приспело, дитяtko, / Времечко любить!»* [Русские народные песни 1957, с. 202].

Песни А.В. Кольцова сохраняют основополагающие народные семейные ценности: важность семьи для продолжения жизни взрослого человека («Раздумье селянина», 1837): *«Как на свете жить / Одинокому? / Нет у молодца / Молодой жены»* [Песни русских поэтов 1957, с. 238]; значение родительского благословения на брак («Последний поцелуй», 1838): *«Я поеду к отцу, / Поклонюся родной; / И согласие возьму / Обвенчаться с тобой»* [Песни русских поэтов 1957, с. 242]; трагические последствия любовного увлечения вдовой («Хуторок», 1839): *«И пошел с рыбаком / Купец песни играть, / Молодую вдову / Обнимать, целовать. / Не стерпел удалой, / Загорелась душа! / Растворилась изба... / И с тех пор в хуторке / Никого не живет»* [Песни русских поэтов 1957, с. 249]. В народном варианте одной из самых популярных песен Кольцова «Последний поцелуй» мотив родительского благословения замещается прямым обещанием уезжающего в «дальний путь» героя взять возлюбленную замуж: *«Я к тебе ворочусь, / Как к подруге моей, / На тебе я женюсь, / Ненаглядной моей»* [Новикова

1982, с. 191], тем самым усиливается счастливый исход ситуации разлуки. По мнению А.М. Новиковой, основой содержания многих народных вариантов этой песни «стал мотив самой женитьбы молодца» [Новикова 1982, с. 130].

Семейно-бытовой теме посвящена песня Кольцова «Ах, зачем меня силой выдали» (1838), выражающая жалобы женщины на «жизнь-бытьё горемышное» в замужестве за «немилым». Однако здесь нет мотива измены, а есть обобщение «семейных отношений в крестьянской среде» и переключка «со многими народными семейными песнями того времени» [Новикова 1982, с.124].

В песне-совете А.В. Тимофеева «Выбор жены» (1837) перечисляются типичные ошибки и их последствия, возможные при выборе супруги. В числе нежелательных критериев названы ум женщины («женишься на умнице – голову свернет»), вдовство («женишься на вдовушке – старый муж придет»), богатство («женишься на золоте – сам продашь себя»), престижный социальный статус («женишься на почестях – пропадай жена»). Лучшим выбором является девушка, сравниваемая с «певчей птичкой» из «Божьих лесов»: «Загоняй соловушку / В клеточку твою; / Выбирай из девушек / Пташечку-жену» [Старинные русские песни и романсы 2006, с. 297–298]. Значимым оказывается молодость, внутреннее ощущение легкости и радости, покорность и возможность будущей зависимости жены от мужа.

Ценность брака по любви воспевается С.И. Стромиловым в получившей известность песне «То не ветер ветку клонит» (1840-е гг.). В лирической ситуации разлуки с возлюбленной наивысшей формой страдания героя становится риторический вопрос: «Не житье мне здесь без милой: / С кем теперь идти к венцу?». Невозможность создать семью и продолжить жизнь в браке соотносится со смертью: «Расступись, земля сырая, / Дай мне, молодцу, покой. / Приюти меня, родная, / В тесной келье гробовой» [Старинные русские песни и романсы 2006, с. 289]. В фольклорных вариантах этой песни при возможных сменах обстоятельств и лица лирического высказывания связь «не с кем идти к венцу» – «могила» является устойчивой: «Не житье мне без милого, / С кем пойду-то под венец? / Он уехал в край далекий, / Пришел радости конец. / Расступись, земля сырая, / Дай мне, девице, покой, / Чтоб навек уснуть могла я / В темной келье гробовой» (зап. в

с. Бурлаки Прокопьевского р-на в 1984 г. Н. Юхнина от М.Ф. Осадчей, 1910 г.р.).

В 40-е годы XIX в. в литературной песне создается образ крестьянки, в которой способность любить проявляется только в молодости и подавляется в дальнейшем тяжким бытом или браком с нелюбимым.

Героиня «Песни» Е.П. Гребенки («Помню я ещё молодухой была») (1841) пронесла в душе образ мужчины, который вызвал у нее трепетные чувства в юности, через всю жизнь. Ситуация первой встречи обрисована предельно кратко: *«К воротам подъехал барин молодой, / Мне сказал: «Напой, красавица, водой!» / Он напился, крепко руку мне пожал, / Наклонился и меня поцеловал... / Он уехал...»*. Но этого было достаточно, чтобы в сердце девушки зажглась любовь: *«Долго я смотрела вслед: / Жарко стало мне, в очах мутился свет, / Целу ноченьку мне спать было невмочь. / Раскрасавец барин снился мне всю ночь»*. Вся дальнейшая жизнь героини укладывается в несколько слов: *«я вдовой уже была, / Четырех уж дочек замуж отдала»*, лишенных какой-либо эмоциональной окраски. А после возникает картина второго свидания с тем же героем: *«К нам заехал на квартиру генерал... / Весь простреленный, так жалобно стонал...»*. Его образ дополняется новыми деталями (красота, голос, огонь в глазах), которые в свое время и пленили героиню: *«Это он, красавец барин молодой! / Тот же голос, тот огонь в его глазах, / Только много седины в его кудрях»*. И эта встреча вновь оживляет в героине прежние чувства и ощущения: *«Я взглянула – встrepенулася душой / <...> / И опять я целу ночку не спала, / Целу ночку молодой опять была...»* [Старинные русские песни и романсы 2006, с. 120–121].

Ставшая популярной в народной среде песня Гребенки вариативна только в одном фрагменте, касающемся количества и пола детей героини: *«Пятерых я дочек замуж отдала»* (зап. в с. Атаманово Новокузнецкого р-на в 1989 г. Григорьева, Кузьменко, Столярчук от А.Л. Назаровой, 1918 г.р.), *«Четырех я дочек замуж отдала, / Не успела дочку пятую отдать»* (зап. в п. Ижморский Ижморского р-на в 2005 г. К.С. Подтероб, А.В. Баянова от П.И. Моисеевой, 1918 г.р.). *«Четырех сынов в солдаты отдала. / Не успела сына пятого отдать»* (зап. в г. Новокузнецк в 1999 г. М.С. Гришунина от Т.И. Егоровой, 1914 г.р.). Это свидетельствует о важности для народного исполнителя материнского этапа в жизни женщины и понимании громадности физического и душевного труда, который скрывается за краткостью этих строк.

Н.А. Некрасовым в стихотворении «Тройка» (1846), ставшем популярной народной песней, создается образ русской крестьянки – в молодости полной красоты, жизни, надежд и мечтаний, а в замужестве угасшей и «забитой». Некрасов, несомненно, ориентировался на более объемный свод традиционных семейно-бытовых песен, изображающих душевные страдания и бытовые трудности «молодки» в семье мужа. Более того, в реалистическом изображении женских страданий в семье видел возможность изобличить крепостническую систему в целом. В песне приводятся типичные черты патриархального уклада крестьянской семьи: побои мужа, нападки свекрови, утомительное деторождение и изнурительный быт. Все это превращает когда-то прекрасную молодую женщину с нарождающимся чувством любви и мечтой о молодом корнете в тупое существо, жену «неряхи-мужика», как во сне монотонно проживающую свою жизнь: *«И в лице твоём, полном движенья, / Полном жизни, – появится вдруг / Выраженья тупого терпенья / И бессмысленный, вечный испуг»* [Старинные русские песни и романсы 2006, с.216]. Несбыточность мечтаний о любви, иллюзия счастливой жизни сопоставляются с бешеной тройкой, вихрем промчавшейся мимо героини. В фольклорной интерпретации этой песни обычно опускается вторая часть (о замужестве) – таким образом сохраняется возможность реализации мечты о счастливой жизни.

Народное представление о плачевном для девушки исходе в случае побега с возлюбленным против воли родителей и несправедливого социального положения можно увидеть в песне А.Н. Плещеева «Я у матушки выросла в доле» (1860). Девушка-крестьянка полюбила барина, он же, пресытившись любовными утехами, «пошел под венец» с «дворянкой» [Песни русских поэтов 1957, с. 271].

К концу XIX в. в связи с общими свободными умонастроениями и возникновением нового пласта городской народной лирики, представленной «жестоким» романсом (наследовавшим сюжетику семейно-бытовых баллад), мотивы измены в браке, свободы в любви, власти любовной страсти над «законом» стали доминирующими в литературной песне.

Так, в песне Д.Н. Садовникова «Зазноба» (1882) реализуется сюжет о «чужемужней» жене и молодом любовнике. На любовное признание и притязание молодого атамана Стеньки Разина красавица Алена отвечает отказом: *«Уходи скорей отсюда! – / Шепчет молодцу»*

она. – / *Неравно старик вернется... / Чай, я – мужняя жена...*». Возможное свидание и измена воспринимаются героиней как «грех великий», однако, молодость, горячность, настойчивость и смелость любовника способствуют возникновению любовного трепета («У Алёны сердце бьется», «Как в тумане голова») и склонности героини «провести ночку»: «*Не успела «ах» промолвить, / Кто-то за руки берет; / Горячо в уста целует, / К ретивому крепко жмет...*» [Старинные русские песни и романсы 2006, с. 271–272].

Похожая ситуация создается С.Ф. Рыскином в песне «Удалец» (1882). Герой желает выкрасть свою «зазнобу» у старого мужа, возможно, даже ценой убийства: «*И выйдет мне навстречу, и хилый и седой, / Постылый муж зазнобы, красотки молодой, / И он не загородит собой дороги к ней! / <...> / Войдет тогда к желанной лихая голова, / Промолвит: будь здорова, красавица вдова!*». Планируемый побег должен увенчаться свадебным пиром «удальца»-атамана с «желанной» красоткой в «дремучих лесах» [Старинные русские песни и романсы 2006, с. 267–268].

В центре балладного сюжета о гибели молодого любовника от рук мужа песни М.И. Ожегова «Меж крутых бережков» (1893) описание ночного свидания влюбленных и побег жены-красотки: «*Как на том берегу / Красный терем стоял, / Там красотка жила, / Он её вызывал. / <...> / Дожидала краса / Молодца у окна, / Принимала его / По веревке она. / Погостил молодец – / Утром ранней зарей / И отправился в путь / Он с красоткой своей*». Молодость удальца («волны резал веслом», «соловьем просвистал») противопоставляется зрелости «лихого» мужа-воеводы, что, очевидно и решает трагический исход поединка: «*Волга в волны свои / Молодца приняла*» [Старинные русские песни и романсы 2006, с. 227–228]. В народных вариантах опускается трагический финал песни, сюжет обрывается на сцене встречи любовников: «*А на том берегу / Красный терем стоял. / А во том терему / Раскрасотка жила, / Раскрасотка жила, / Воеводы жена*» (зап. в п. Верх-Чебула Мариинского р-на в 1988 г. Т. Блинкова, Н. Корнилова, Т. Рыбакова от К.И. Тимофеевой, 1910 г.р.). Снятие драматизма за счет опущения трагического финала песен об измене супругу достаточно частое явление при переходе литературных песен в фольклор.

Из всего арсенала лирических песен, отражающих семейную тему, литературная песня конца XVIII – начала XIX вв. выбрала лирическую ситуацию брака по неволе и измены по любви. Очевидно, что эта тема

давала возможность продемонстрировать индивидуализм лирической героини в сентиментально-романтическом духе. В 30–40-х гг. XIX в., в период расцвета жанра «русской песни», наблюдалось явное увлечение традиционным восприятием семьи, брака и отражением народных представлений о семейных ценностях в литературной песне. Одновременно возник ряд песен, реалистически изображающих семейный быт крестьянства и показывающий его «темную» сторону. Интерес к драматическим сюжетам супружеской измены возобновился только в конце XIX в. и ознаменовал тенденции разрушения и утраты традиционных семейных ценностей в мещанско-городской и дворянской среде.

3.3.2. Сюжет о неузнанных родных, разлученных войной, в фольклорных и литературных песнях

Сюжет о встрече родных, разлученных войной и не узнавших друг друга, восходит к циклу народных исторических баллад и в современных исследованиях и публикациях русского фольклора получил название «Муж-солдат в гостях у жены». Так, А. Кулагина под этим общим заглавием включает в сборник «Баллады» (2001) две народные «военно-бытовые баллады»: «– Вы солдатики-уланы...» и «Все пташки мелки пели...», – отмечая, что в них «есть общие мотивы первоначального неузнавания, а затем опознания (по родинке, перстню, полотенцу) и, наконец, трагической необходимости новой разлуки», и указывает, что исследователи связывают их с Отечественной войной 1812 г. [Кулагина 2006, с. 6]. Историческая конкретика памяти этого события характерна для первой песни «– Вы солдатики-уланы...», где речь идёт о солдатах уланского полка, которые после боя под Можайском просят на постой к вдове. Старший солдат оказался мужем хозяйки-вдовы (опознание происходит по «перстенёчку»), он просит не будить малых деток, так как ему скоро снова уходить в поход.

Баллада «Все пташки мелки пели...» не имеет конкретных исторических деталей и могла быть привязана к любому другому военному событию русской истории, что способствовало ее широкому распространению по всей России и бытованию в различных вариантах до наших дней. М. Азадовский пишет, что «простой и вместе с тем драматический сюжет этой песни, близкий и понятный крестьянству, повидимому, является причиной ее популярности» [Азадовский 1935,

с. 435–436]. Известна цитация песни в рассказе И. Бунина «Косцы» (1921): «*Закатилось солнце красное за темные леса, ах, все пташки приумолкли, все садились по местам!*». В фольклорном архиве НФИ КемГУ хранится десять песенных вариантов указанного произведения, записанных в Кемеровской области.

Во всех вариантах песни константной является сюжетная ситуация: на закате солнца два солдата просят на постой к хозяйке, которая не сразу пускает их, оправдываясь сиротской своей бедностью; солдаты уверяют ее, что им ничего не нужно, кроме ночлега; в ходе встречи происходит узнавание мужа, жены, сына.

В вариантах песни меняется первая строка текста, по которой она называется: «Тихо пташки пели...», «Все мелки пташки спят...», «За лесом за дремучим...», «Где солнце закатилось...», «Закатилось солнце за темные леса...» и т. п.

Варьируются система персонажей и их характеристики: «два храбрые герои», «два солдатика», «два храбрых геркулеса», «один герой молоденький», «другой постарше», «герой военный», «хозяйка», «хозяйюшка», «вдова», «вдовушка». В соответствии с песенной народной традицией прием ступенчатого сужения образов динамично перемещает внимание от пространства (изменяющегося в деталях) к главной героине: «*А там за темным лесом избушка стояла, / А в той жилой избушке вдовушка жила*» (зап. в с. Кузедеево Новокузнецкого р-на в 1988 г. от М.С. Минаевой, 1928 г.р.), или «*А в том лесу под яблонькой избушечка стоит, / А в той глухой избушке там вдовушка сидит*» (зап. в с. Приметкино Мариинского р-на от А.Я. Парфеновой, 1909 г.р.), или «*На хуторе избушка – там вдовушка жила*» (зап. в г. Ленинск-Кузнецкий от П.М. Изотовой, 1917 г.р.).

Достаточно устойчивая причина, по которой «хозяйка» отказывает гостям в ночлеге, – «*Я печку не топила, гостей я не ждала*», – иногда дополняется и другими обстоятельствами: «*Я в поле работала, домой поздно пришла*» или «*И хлеба не пекла*».

Наиболее значимыми в исторической жизни этой песни являются вариации времени действия, приуроченного к той или другой войне. В опубликованных вариантах баллады встречаются приметы Отечественной войны 1812 года и Кавказской войны. Среди исследуемых нами текстов фольклорного архива есть песни, привязанные к Гражданской и Великой Отечественной войнам: «*С семнадцатого года, как*

началась война, / Я мужа проводила, сыночка родного» (зап. в с. Красные Орлы Мариинского р-на в 1989 г. от К.Ю. Ханиной, 1928 г.р.), «С сорок перва годика, как началась война, / Я мужа проводила и сына отдала» (зап. от А.Я. Парфеновой). Типичность и повторяемость драматических ситуаций частной жизни отдельного человека в период войны позволили тексту «подстраиваться» под более поздние исторические события вплоть до XX в., что собственно и обеспечило долготлетие и сохранность самой баллады.

Прямое обращение героев к вдове является кульминацией сюжета и общим местом всех текстов: «Признай, признай, хозяйюшка, / Да мужа своего, / Признай, признай, хозяйюшка, / Сыночка своего» (зап. в п. Спасск Таштагольского р-на от М.В. Санниковой, 1914 г.р.); «Прими, прими, хозяйюшка, ты мужа своего, / Прими ко белой грудочке ты сына своего» (зап. от М.С. Минаевой); «Принеси ко белой грудочке / Сыночка своего, / Прими скорее мужа / В хату свою» (зап. в с. Таргай Новокузнецкого р-на от А.Е. Поляковой, 1907 г.р.).

Варьируются песенные финалы сюжета, получая либо счастливую, либо трагическую развязку: «Сына признаваю по ласковым словам, / А мужа признаваю по черным по бровям» (зап. в п. Мундыбаш Таштагольского р-на в 1986 г. от А.М. Огневой, 1912 г. р.), «Мужа целовала, / Сыночка обняла, / Горючею слезою / Сыночка облила» (от М.В. Санниковой) или «Хозяйка узнавала, / Узнать их не смогла, / И бедная хозяйка / С досады умерла» (от К.Ю. Ханиной). Так по законам бытования фольклорного произведения происходит частичное присвоение текста исполнителем посредством наложения собственного жизненного опыта и индивидуальных переживаний.

В целом основу народной песни во всех случаях составляет бытовая семейная история, исполненная лиризма, редко поднимающегося до высоких гражданских, патриотических чувств. В случаях, где последние имеют место, возможно влияние литературных песен с подобным сюжетом.

Безусловная переключка вариантов народной баллады о двух солдатах и стихотворения Михаила Олешева «Свидание», которое было прочитано автором 5 июля 1802 г. на заседании «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» и, в числе прочих ранних произведений, опубликовано в 1803 г. во второй книжке литературного альманаха «Свиток муз», ставит вопрос о первичности авторского

текста по отношению к народным балладам на этот сюжет, связанным с войной 1812 года. Сложность установления этого факта усугубляется отсутствием записей или публикаций народной баллады до 1802 г. (впервые опубликована в нескольких вариантах в сборнике П.В. Киреевского в 1860–1874 гг.).

Олешев выстраивает свое стихотворение по традиционной композиционной схеме народной песни (описательно-повествовательная часть плюс диалог) и на типичном балладном сюжете. Первая строфа стихотворения «Свидание» (*«Лишь солнце закатилось / За темные леса, / Умолкли песни птичек, / Не слышно ничего»* [Поэты-радищевцы 1979]) объединяет и одновременно воссоздает два устойчивых запева народной баллады: *«Закатилось солнце за темные леса, / Там птички песни пели на разны голоса»* (от М.С. Минаевой) и *«Все мелки птички пели, / Чуть слышно голоса»* (зап. в Верх-Чебула Чебулинского р-на в 1988 г. от К.И. Мутановой, 1916 г.р.).

Дальнейшее сходство авторского произведения с вариантами баллады наблюдается в описании места действия: *«Под деревом ветвистым, / У хижины своей, / Задумавшись, сидела / Печальная вдова»*; в объяснении героини: *«Я печки не топила / И щи не варены»*; в обращении героев к вдове: *«Узнай, узнай, хозяйка, / Кого ты долго ждешь! Мы, слава богу, живы, / Я муж твой, это – сын!»* [Поэты-радищевцы 1979] и т. д. В стихотворении Олешева не названо конкретное историческое событие, война как таковая является причиной страданий героини: *«Но вдруг невзгода пала – / Послышим мы: война! / Тут мужа я лишилась / И сына! Охти мне»* [Поэты-радищевцы 1979]. Время разлуки героев определяется двадцатью годами: *«Коль сладостно свиданье / С родной чрез двадцать лет!»* (в народных вариантах: *«Семнадцать лет проходит, а слуха от них нет», «Ничо о них не слышно уже пятнадцать лет»*).

В целом сюжетная схема достаточно устойчива, но в авторском варианте развернутая в подробные описания и диалогические сцены, что увеличивает объем текста до жанрового канона лиро-эпической баллады (30 катренов), в отличие от народной песни-баллады, которая не читалась, а пелась (от 14 до 32 стихов). В этом плане баллада Олешева по сравнению с народными вариантами перегружена сентиментальной литературной риторикой.

Главное, что отличает литературный вариант от народных, – это военно-патриотическая, национально-государственная концепция

изображаемого события, определившая его несколько официальный оптимизм:

*Со службы возвратились
На родину свою,*

<...>

*И станем повсечасно
За белого царя
К всевышнему владыке
Молитвы воссылать».*

<...>

*Наплакавшись довольно,
Герои говорят:
«Мы много претерпели
Опасностей, трудов,*

*Но живы и здоровы,
Чего еще желать?»*

Коль сладостно свиданье

С родной чрез двадцать лет! [Поэты-радищевцы 1979]

Сравните с финалами народных песен, приведенных выше.

Мелодраматизм истории долголетней разлуки, встречи, узнавания стал предпосылкой переработки этого сюжета в духе ямщицких песен-романсов XIX в. Например, песня Григория Малышева «Свиданье через пятнадцать лет» («Звенит звонок, и тройка мчится...») (1848) получила известность в солдатской среде, с 1850-х гг. часто встречалась в песенниках и вошла в фольклор.

Сюжет, вошедший в литературу из фольклора, во многом обусловлен и самой жизнью. Приведем пример из воспоминаний А.В. Толстиковой, 1930 г.р., жившей во время войны с семьей в Вологодской области: «Сначала ее старшую сестру послали окопы рыть. Шестнадцать лет ей было... А потом она сбежала с этих окопов... Пришла как с войны, не кормили их там что ли на окопах... Пришла она, открывает двери и говорит: “Пустите ночевать”. Мама отвечает: “Ой, дитяtko, нам самим негде ночевать...”. Не узнала, значит, мать сестру. А я смотрю, слезы потекли, потекли у нее. Я все смотрела, смотрела, а потом говорю: “Мама! Так это же Гранька наша!” Ну что тут: слезы, крик...» (зап. в п. Каз Таштагольского р-на в 2001 г.).

3.4. Эстетизация неволи в традиционной тюремной песне и русской поэзии¹

3.4.1. Горизонты интерпретации литературного текста в фольклорных вариантах:

«Умиравший» В. И. Немировича-Данченко

Василий Иванович Немирович-Данченко (1848–1936) – русский писатель, очеркист, журналист, автор путевых очерков об отдаленных краях России, странах Европы и фронтовых репортажей с четырех войн. Традиционно относится к писателям демократической волны, начавшим свою литературную деятельность в 1877 г. и получившим высокую оценку своих произведений И.С. Тургеневым, Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым. Выезд в Берлин в 1922 г. для работы в архивах и дальнейшая миграция стали причиной долгого забвения писателя на родине. Но одно из стихотворений В.И. Немировича-Данченко стало жить самостоятельной жизнью в народной среде и получило статус народной песни:

*Отворите окно... Отворите!..
Мне недолго осталось жить;
Хоть теперь на свободу пустите,
Не мешайте страдать и любить!
Горлом кровь показалась...Весною
Хорошо на родимых полях –
Будет небо сиять надо мною,
И потонет могила в цветах.
Сбросьте цепи мои... Из темницы
Выносите на свет, на простор...
Как поют перелетные птицы,
Как шумит зеленеющий бор!
Выше, выше смолистые сосны,
Всё растет под сиянием дня...
Только цепи мне эти несносны...
Не душийте, не мучьте меня!..
То не песня ль вдали прозвенела,
Что певала родимая мать?
Холодеет усталое тело,
Гаснет взор, мне недолго страдать!
Позабудьте меня... Схороните...*

¹ В параграфе использованы материалы статей В.В. Трубицыной: [Трубицына 2012(а), 2012(б), 2012(в)].

*Я прощу вас в могиле своей...
Отворите ж окно... Отворите,
Сбросьте цепи мои поскорей!..* [Стихотворения В.И. Немировича-Данченко
1882, с. 87–88]

«Умиравший» (1882)¹ продолжает серию стихотворений поэта о неволе: «Узники» (1866), «Он на цепи в глуши темницы» (1879), «Вольтер в Бастилии» (1882). Но прежде всего включается в литературную традицию русской тюремной песни, получившей глубокую художественно-эстетическую разработку в романтической лирике поэтов-декабристов и продолженную в демократической поэзии XIX – начала XX в.

Первая строка текста «Отворите окно, отворите...» вызывает неизменную ассоциацию со стихотворением М.Ю. Лермонтова «Отворите мне темницу», судьба которого отразила усилившиеся в середине XIX в. тенденции взаимодействия литературы и фольклора в культуре России. Как известно, первая ранняя редакция стихотворения Лермонтова под названием «Желанье» (1832) была помещена в качестве автографа в личном альбоме А.М. Верещагиной и осталась, по сути, фактом салонной поэзии, почти неизвестным широкой публике. Мотив желанной свободы, ведущий в этой редакции, развёртывается в характерных для романтической поэтики картинах *сиянья дня, вольной скачки с черноглазой девицей на черногривом коне по синю поля, буйной удали одинокого пловца в борьбе с пучиной моря, райского покоя и роскоши высокого дворца, зелёного сада* и т.п. Вторая редакция стихотворения под заглавием «Узник», опубликованная в «Одесском альманахе на 1840 год», обозначила, по словам И.Б. Роднянской, «резкий перелом в лирическом творчестве Лермонтова. Мотив неволи, отчасти утратившей абстрактную широту и философичность («образованности цепи и вериги бытия»), превращается в житейски-общезначимую «арестантскую» тему. Переживание тюремной тоски выводится за пределы уединённой душевной жизни героической индивидуальности и включено в атмосферу парадно-бытовой вольницы» [Роднянская 1981, с. 389]. В «Узнике» главным мотивом становится не столько желание воли, сколько столкновение мечты и реальности, что нашло выраже-

¹ В 1900 г. возникла песенная редакция этого стихотворения М.И. Ожегова под названием *Птичка-невольница*, которое имеет свои фольклорные варианты.

ние в перемене названия текста. При этом картина желанной воли ограничена коротким свиданием с *красавицей* и скачкой на коне по степным просторам, а реальность представлена в безотрадной картине одиночного заключения арестанта в *голых стенах* при *умирающем огне тусклой лампы*. Более очевидна в новой редакции стилизация под народные песни (повторы, постоянные эпитеты: *добрый конь*, *зеленое поле*, вместо «*высокого дворца*» – «*пышный терем*») и, в частности, под «тюремные». Как справедливо отмечает А.Н. Лозанова, «общими местами содержания тюремных песен» являются описание «мрачной тюремной обстановки, изображение душевных переживаний молодца, его тоски по воле» [Лозанова 1955, с. 435]. Народно-песенная стилизация стихотворения, усиленная переложением на музыку А.В. Богатырёвым и П.П. Булаховым, стала условием фольклоризации литературного текста.

Отзвуками лермонтовского «Узника» в стихотворении В.И. Немировича-Данченко, кроме прямых реминисценций (*отворите...*, *сияние дня...*, *степи – поля*, *умирающий огонь – умирающий узник*), являются общая модальность мольбы, жалобы, антитезы *темницы – света*, *тесноты – простора* и пр., черты сентиментально-романсной эстетики (*сладкий поцелуй*, *пышный терем*, *добрый конь*, *тишина ночная* – у Лермонтова; *любовь и страдания*, *родимые поля*, *могила в цветах* – у Немировича-Данченко).

В то же время, «тюремный цикл» М.Ю. Лермонтова, в который входят «Желанье» и «Узник», сохраняет высокий модус литературной традиции романтизма, тогда как «тюремное» стихотворение В.И. Немировича-Данченко принадлежит низовой эстетике массовой демократической культуры, в рамках которой осуществляется семантическая перекодировка основных элементов жанра. Прежде всего подвергается дегероизации лирический субъект: романтического узника – молодца, исполненного жажды жизни, сильных страстей и желаний, – сменяет физически сломленный в неволе человек, решившийся на кроткий протест («Не мешайте страдать и любить»), на мольбу о свободе («На свободу пустите...», «Сбросьте цепи мои...») лишь в ситуации полной и окончательной безнадежности («Мне недолго осталось жить...»). Вместо отвлечённого романтического пейзажа (*вольная степь*, *пучина моря*, *зеленый сад*) – в стихотворении В.И. Немировича-Данченко – хранимые в памяти узника родные ме-

ста, куда стремится его душа (*родимые поля, сосновый бор, песня родимой матери...*). Физические муки («Горлом кровь показалась...»), «Холодеет усталое тело»), душевные страдания, мечта о покое могилы, утопающей в цветах, создают мелодраматический пафос, сводят тюремную романтику в жанровый модус народной «жалобной» песни.

Между тем в советских сборниках русских народных песен фольклорный вариант «Умиряющего» В.И. Немировича-Данченко помещён в раздел «Революционные и рабочие песни XIX – начала XX века» [Русские народные песни 1957, с. 488–489] в ряду таких песен, как «Вы жертвою пали» (конец 1870-х, неизвестный автор), «Замучен тяжёлой неволей» (Г.А. Мачтет, 1876), «Идёт он, усталый» (по стихотворению А. Архангельского «В дороге», 1878) и др. Данный контекст задает гражданский код интерпретации «жалобного» стихотворения, жертвенно-страдательный пафос которого как будто отражает, подобно другим текстам этого ряда, кризис революционного движения в конце 1870–80-х гг., вызванный разгромом народнического движения и ужесточением реакционной политики Александра II Николаевича. Текст В.И. Немировича-Данченко сближает с ними и «рыдающий» анапест стихотворного ритма, сменивший народный четырёхстопный хорей тюремных песен, и изображение физических мучений узника, смертельного исхода. Но, в сравнении с названными революционными песнями, собственно политическая, гражданская мотивация судьбы лирического героя в «Умиряющем» никак не проявлена. Его душевный порыв традиционно носит интимно-личностный характер, выражающийся в тоске по «малой» родине, родимой матери, в надежде обретения свободы и покоя через слияние с природой (*небо, поля, цветы, птицы, смолистые сосны*) и растворение в ней («потонет могила в цветах»). В противоположность характерному для революционных песен мотиву памяти о жертве тяжелой неволи, хранимой товарищами, чем определяется высокая ценность страданий и гибели героя, в стихотворении В.И. Немировича-Данченко умирающий узник молит: «*Позабудьте меня... схороните... / Я прошу вас в могиле своей...*», что ведет к редукции трагизма лирической ситуации, усиливая её «жалобный» модус.

Эта модальность, как и просторечная лексика, разговорный синтаксис, народно-поэтические клише и пр., обусловили активную фоль-

клизацию текста, а зоны семантической неопределённости в разработке образа лирического героя и лирической ситуации обусловили, в свою очередь, повышенную вариативность литературного текста в фольклоре и, соответственно, расширение поля его реинтерпретации.

У нас есть возможность проследить направления рецепции и варьирования «Умиряющего» В.И. Немировича-Данченко в фольклорной среде на материале записей песен жителей Кемеровской области. Население Кузбасса, крупнейшего угольного бассейна России, составляют в основном поколения переселенцев и ссыльных из центральной части России, Украины, откуда и была привезена песня об умирающем узнике. Записи четырех ее фольклорных вариантов были сделаны в конце XX – начале XXI вв., то есть почти через сто лет после создания литературного текста.

Общим для всех вариантов является значительное сокращение объёма стихотворения В.И. Немировича-Данченко. Собственно, опознавательным инвариантом последнего является его первое четверостишие, занимающее место зачина и в большинстве вариантов. Одним из приемов варьирования является контаминация литературного текста с двумя первыми куплетами народной разбойничьей песни «Любовь разбойника», известной по первой строке «Полюбил всей душой я девицу», развёртывающей на всём пространстве варианта едва намеченный любовный мотив стихотворения В.И. Немировича-Данченко: «Не мешайте страдать и любить». В песне, зап. в д. Пьяново Промышленновского р-на в 1987 г. от Е.С. Ратниковой, 1923 г.р., после указанной строки следует рассказ лирического героя о своей любви:

*Полюбил я ее всей душою
И хочу за ё душу отдать,
Бирюзой разукрашу светлицу,
Золотую поставлю кровать.
На кровать я – лебяжью перину
И ковер с раздушистым цветком,
Разодену её как картину,
И отдам это всё за любовь.*

Концовка песни, возвращающая лирическую исповедь героя из области мечтаний в реальность – «*Не цветёт в том саду сад зелёный,
Не поёт в том саду соловей*», – неожиданно актуализирует содержание претекстов произведения В.И. Немировича-Данченко – двух редакций лермонтовского стихотворения: «Желанье», с его картиной

роскошного дворца и зелёного сада, и «Узник», с его конфликтом мечты о черноокой в пышном тереме и реальности застенка.

Та же контаминантная конструкция в варианте, зап. в с. Бурлаки Прокопьевского р-на в 2004 г. от Т.Б. Борисовой, 1922 г.р. В нём «чужая» часть сокращена до одного куплета. Кроме того, первое четверостишие авторского текста перемещается на вторую позицию, уступая место зачина вольном перифразе второго четверостишия стихотворения В.И. Немировича-Данченко:

Авторский текст	Фольклорный вариант
<i>Отворите окно... отворите!</i>	<i>Дождь слезою прошёл</i>
<i>Мне недолго осталось жить;</i>	<i>На родимых полях</i>
<i>Хоть теперь на свободу пустите,</i>	<i>Будет солнце сиять надо мной,</i>
<i>Не мешайте страдать и любить!</i>	<i>И могила потонет в слезах</i>
<i>Горлом кровь показалась... Весною</i>	<i>Отворите окно, отворите</i>
<i>Хорошо на родимых полях, –</i>	<i>Мне недолго осталось жить;</i>
<i>Будет небо сиять надо мною</i>	<i>Ещё раз на свободу пустите,</i>
<i>И потонет могила в цветах.</i>	<i>Не мешайте страдать и любить.</i>

Концевые строки контамината отредактированы в сравнении с первым вариантом: вместо «*На кровать – я лебяжью перину / И ковёр с раздушистым цветком*» – «*На кровать дам лебяжью перину / И ковёр из душистых цветов*». Новая полная редакция народной песни по смыслу ближе к литературному тексту – устраняется любовный сюжет, но при этом резко смещаются акценты в сторону разработки темы обретения свободы и покоя после смерти. Во-первых, лирический хронотоп песни сосредоточивается на картине мечты умирающего узника, осуществленной в близком будущем: могила в родимых полях будет оплакана самим небом; в то же время семантика *пышного терема* возлюбленной в первом варианте оборачивается здесь метафорой «могилы-светлицы»: гроб – *золотая кровать*, застеленная *лебяжьей периной* – землёй и покрытая *ковром душистых цветов*.

В отличие от рассмотренных вариантов с тенденцией к усложнению поэтической структуры авторского текста, другие варианты песни, записанные со слов неграмотных информантов, демонстрируют противоположную тенденцию к упрощению, примитивизации литературного текста. Так, вариант, зап. в с. Васьково Промышленного р-на в 1985 г. от Н.В. Силаевой, 1933 г.р., отличается малым объёмом текста (11 строк вместо 24 авторских) и резкой сменой эмоционального состава: вместо жалобы-мольбы узника – гневный упрек неизвестным

виновникам его тяжелой судьбы, за которым следует короткая просьба, составленная из нескольких реминисценций авторского текста:

*Из-за вас, из-за вас я страдаю,
Из-за вас, из-за вас я иду,
Из-за вас я в могилу уйду.
Вы меня, вы меня хороните,
Где лежит моя родная мать,
Где поют перелётные птицы,
Там я буду спокойно лежать.*

Любопытна радикальная трансформация лирического сюжета и образа героя, призванная заполнить зону семантической неопределенности в авторском тексте, связанную с биографией героя и его виной как причины заключения, в четвертом варианте, зап. в г. Новокузнецке в 1995 г. от М.С. Мезенцевой, 1916 г.р. Песня содержит два куплета: первый – авторский инвариантный зачин, второй представляет «чужой» текст – покаянную речь арестанта, – отсылающий к разряду разбойничьих народных песен:

*Лежу я в больнице, болею,
Пулю вынули из груди.
Каждый знает меня на примете,
Что я налётчиком был на пути.*

Мотивы укора узника в адрес виновников заключения, обращение к ним с мольбой похоронить его в родном краю и конкретизация образа заключенного в последних двух вариантах характерны для жанра тюремной песни. При этом в переделках сохраняется намёк на авторский текст. Так, название «Умиравший» и упоминание о болезни («горлом кровь показалась») трансформируется в болезнь заключенного от пули; а описание просторов, в которые стремится герой стихотворения («поют перелётные птицы», «шумит зеленеющий бор», «все растёт под сиянием дня»), и воспоминание о песне «родимой матери» сужаются до пространства могилы.

Песенный потенциал стихотворения В.И. Немировича-Данченко подтверждает и факт практически дословного заимствования, встречающийся в другой сибирской тюремной песне, записанной в поселке Усть-Кабырза Таштагольского района в 1987 г.:

В голове моей мозги ссыхают,

*Сердце кровью моё облилось,
За измену неверного друга
Пострадать мне навеки пришлось.
<...>*

*С гор вода покатится весною,
Хорошо на родимых полях.
Будет солнце сиять надо мною,
Пусть могила потонет в цветах.*

При этом в народной песне описание могилы, помещенное у В.И. Немировича-Данченко в экспозиции, завершает сюжет о длительном и несправедливом заключении героя.

Таким образом, расширяющиеся горизонты модификации и реинтерпретации литературного текста в фольклорных вариантах представляют факт общенациональной культурной памяти, в котором отражается историческая динамика взаимодействия литературы, массовой культуры, фольклора, в целом сохраняющих и развивающих семантический потенциал наиболее устойчивых социально-нравственных концептов национального бытия.

3.4.2. Песни литературного происхождения в фольклорном репертуаре Кемеровской области (песни тюрьмы, каторги и ссылки)

Песни о людях, заключенных в тюрьму, отправленных в ссылку, и беглых каторжниках («бродягах») получили широкое распространение на территории Кемеровской области, что объясняется спецификой самого края. По территории Мариинского уезда (север Кемеровской области) проходил Сибирский тракт, по которому двигались в Восточную Сибирь служилые люди, купцы, переселенцы, ученые, путешественники, ссыльные и осужденные на каторжные работы. По указанию Л.А. Шкляева, ежегодно по Сибирскому тракту проходило более восемнадцати тысяч арестантов: «Усталые, оборванные, голодные, звеня кандалами, медленно шли осужденные на каторжные работы в Сибирь. Иногда они пели унылые песни, за ними на телегах ехали до ближайшей станции больные, ослабшие, умершие» [Шкляев. URL : <http://irbit.info/history/analytics/34/1240/>].

Приток арестантов в Сибирь увеличивается во второй половине XIX в. в связи со строительством каторжной тюрьмы под Иркутском

(Александровский централ), через которую стала проходить основная масса заключенных.

В 1930–50-е гг. именно в Кузбассе, по причине его промышленной значимости, была создана самая обширная в Сибири сеть лагерей (Горшорлаг, Севкузбаслаг, Южкузбаслаг, Сиблаг, Кемеровожилстрой, Кузбассжилстрой, Камышлаг). «До настоящего времени за Кузбассом сохраняется печать края лагерей и колоний, где наблюдается вредная для населения перенасыщенность колониями (до 10 тыс. человек ежегодно после освобождения остаются в городах и районах Кемеровской области)» [Принудительный труд 1994, с. 5]. Этим контингентом во многом обусловлен местный фольклорный репертуар, не менее четверти которого к концу XX в. составляли тюремные песни.

Наряду с народными песнями о неволе, так называемыми «тюремными», на территории Кемеровской области бытуют и песни литературного происхождения, чаще всего воспринимаемые информантами как народные и составляющие значительную часть современного фольклорного репертуара Кемеровской области. Среди них встречаются следующие: «Сижу за решёткой...» («Узник» А.С. Пушкина), «За Волгой шайка собиралась...» («Братья-разбойники» А.С. Пушкина), «Не слышно шуму городского...» («Песня узника» Ф.Н. Глинки), «По пыльной дороге телега несётся...» (автор не установлен), «Спускается солнце за степью...» («Колодники» А.К. Толстого), «Отворите окно, отворите...» («Умиравший» В.Н. Немировича-Данченко, «Птичка-невольница» М.И. Ожегова), «Славное море – священный Байкал...» («Думы беглеца на Байкале» Д.П. Давыдова), «Ах, ты доля, моя доля...» («Доля» А.Д. Клеменца), «По диким степям Забайкалья...» (И.К. Кондратьев), «Глухой, неведомой тайгою...» (автор не установлен). Записи вариантов указанных песен фольклорного архива НФИ КемГУ позволяют проследить процессы взаимодействия литературы и фольклора: миграцию народных песенных мотивов и образов в профессиональную поэзию и трансформацию литературных источников в народной песенной культуре.

Народная тюремная песня имеет достаточно устойчивый набор образов, мотивов и сюжетных ситуаций, которые в дальнейшем заимствовались поэтами XIX в. при создании стихотворений о неволе. Причина заключения героя в большинстве случаев не указывается. Типичные адресаты лирического обращения героя – мать, отец, жена или воз-

любленная девушка. Они могут навещать молодца, предпринимать попытки освободить (выкупить) невольника или, напротив, отказаться от преступника. Иногда герой обращается к природным стихиям (ветер, тучи, дождь, солнце) или птице (жаворонок, сокол, соловей, голубь), символизирующим свободу, волю, с просьбой об освобождении или сочувствии. В отдельных песнях возникают мотивы пути в тюрьму, к месту наказания, собственно казни и связанные с ними образы конвоира, жандарма и палача. Обращение героя к матери и жене в таком случае содержит просьбу задобрить палача подарками. Исход песни может быть благополучным: герой осуществляет побег из тюрьмы, хотя это порождает последующую цепь злоключений уже нового героя – бродяги.

Н.П. Колпакова в пределах тюремного цикла выделила две тематические подгруппы: тюрьма и ссылка, а в текстах каждой из подгрупп – основные ведущие сюжетные мотивы: «Тюрьма: 163. Быт и думы арестанта. 164. Возмущение, социальный протест. 165. Арестант и его семья. 166. Арестант и его любимая. 167. Девушка-арестантка. 168. Выкуп из тюрьмы. 169. Подкуп палача. 170. Казнь в тюрьме. Ссылка: 171 Каторга. 172. Бегство с каторги. Бродяжничество» [Колпакова 1977, с. 93].

Составители сборника «Русские народные песни Сибири и Дальнего Востока» С.И. Красноштанов и В.С. Левашов выделяют среди «старинных» тюремных песен «острожные» и «бродяжнические» циклы; в «острожных» песнях Сибири исследователи отметили те же мотивы, которые характерны для общерусских тюремных песен. «Бродяжнические» песни, посвященные «преимущественно изображению горемычной доли беглеца», по мнению составителей сборника, следует признать собственно Сибирскими [Кронштатов, Левашов 1997, с. 35–36]. Именно в этих песнях Сибирь прямо упоминается как место ссылки и становится постоянным топонимом песни.

В распространенных в Сибири со второй половины XIX в. песнях «нового склада», испытывающих влияние городского романса и книжной поэзии, проявляются мотивы социального протеста и бунтарства [Кронштатов, Левашов 1997, с. 37]. Именно книжная лирика поставила в стихотворениях о неволе на первый план идею борьбы за свободу как

таковую. После переработки лирических произведений в народе острая социальная направленность их, как правило, сохраняется, но преобразуется в поэтические формулы народной песенной традиции.

Стихотворение А.С. Пушкина «Узник» (1822), созданное в период южной ссылки, было написано под впечатлением некоторых конкретных событий действительности: арест друга Пушкина декабриста В.Ф. Раевского; беседы с арестантами в кишиневском остроге, о посещении которого поэт писал в дневнике 1821 г.; ночное бегство оттуда нескольких человек, один из которых намекал Пушкину о готовящемся побеге; и, наконец, личные ощущения самого Пушкина, находившегося три недели под домашним арестом. Положенное на музыку А.А. Алябьевым, А.Т. Гречаниновым, А.Г. Рубинштейном, стихотворение получило широкое распространение в среде интеллигенции и в фольклоре. Встречается оно и в Кемеровской области в четырёх вариантах. В первом случае это полное совпадение с оригиналом (зап. в с. Тарасово Промышленного р-на в 1986 г. от А.Р. Скороходовой, 1924 г.р., и Е.В. Шилиной, 1931 г.р.).

Во втором варианте (зап. в г. Новокузнецке в 1993 г. от Н.А. Страшниковой, 1920 г.р.) в первой строфе появляется указание на вольное положение орла («вскормленный на воле орел молодой»), что существенно упрощает лирическую ситуацию авторского текста. Во второй строфе авторский союз «и» заменяется местоимением «сам» («клюет и бросает, сам смотрит в окно»), что также актуализирует чувство самости, независимости от даровой пищи вскормленной на воле птицы. Информант не помнит третью и четвёртые строки второй строфы и начинает новый куплет со слов *«Зовёт меня взглядом и криком своим: / Мой верный товарищ, давай улетим»*. Здесь замена пушкинского субъективно-эмоционального эпитета «мой грустный товарищ» на постоянный «мой верный товарищ» отвечает традиционной фольклорной риторике и, кроме того, соответствует логике образа вольного орла. Исчезновение словосочетания «и вымолвить хочет» создает ощущение произнесенного, следовательно, более веского слова. Продолжается куплет строками из третьей строфы пушкинского текста: *«Туда, где за тучей белеет гора, / Туда, где гуляет лишь ветер да я»*.

Исключение из песни «морского» пространства означает ее региональную ассимиляцию. В то же время появляется особое дополнение к авторскому тексту, посредством которого литературный источник

окончательно трансформируется в сибирскую тюремную песню: узник отвечает орлу грустным отказом: «*Нельзя мне, товарищ, с тобой улететь, / И так суждено мне здесь умереть: / Тяжелые цепи висят на ногах, / Нет силушки больше в иссохших руках*». Похожий вариант упоминается А.М. Новиковой в сборнике «Русские народные песни» с пометкой «любопытен вариант, бытовавший в дореволюционное время в рабочей среде» [Русские народные песни 1957, с. 665].

Константный для тюремной песни мотив вечного заточения и смерти позволяет понять логику фольклорной интерпретации пушкинского «Узника» в третьем варианте (зап. в с. Красные Орлы Мариинского р-на в 1989 г. от Т.Н. Михайловой, 1911 г.р., и Е.Н. Балабашук, 1914 г.р.). Здесь варьирование литературного источника осуществляется на основе контаминации жанров тюремной и любовной песен. Прежде всего происходит персонализация лирического субъекта в пушкинском стихотворении: «*Сижусь я, мальчишка, в темнице сырой*». Орёл так же, как и в предыдущей песне, является вольным, так как «прилетает» к герою и «вымолвить хочет», призывая улететь «далёко, за дальние края». Однако образ пушкинской «свободной страны» кардинально изменяется: это «*дальние края / Где солнце не всходит, месяц никогда*». В варианте, зап. в п. Спасском Таштагольского р-на в 1983 г. от Е.Т. Ванцовой, 1908 г.р., вводится еще одна характеристика этой страны вечной тьмы: «*Там народ не робит / И празднует всегда*». Наконец, расположение этой страны «*за высокими горами, / За синими морями*» со всей очевидностью интерпретирует литературно-романтический ландшафт свободы как тот свет, потустороннее, загробное царство, которое тоже воля. Выход на волю узника обозначен неожиданной сменой лирического субъекта: точка зрения узника замещается точкой зрения появляющейся возлюбленной, которая видит, как «*По синему морю плывут корабли. / Два корабля белы, третий голубой, / Во этом корабле сидит милый мой*».

Все эти чужие для литературного источника мотивы и образы загробной страны переходят из народной любовной песни «Катя-Катерина купеческая дочь», бытующей в Кемеровской области в разных вариантах. В одном из них (зап. в п. Ленинский Яшкинского р-на в 1979 г. от П.М. Изотовой, 1917 г.р.) маркировка страны, «где люди не робят, гуляют завсегда» как страны смерти имеет прямую траурную символику:

*Стала Катерина плакать и рыдать,
Пришли пароходы, на море стоят.
Пришли пароходы, на море стоят:
Один парус белый, другой голубой.
Один парус белый, другой голубой,
А где парус чёрный, там мой дорогой.*

Вариант возникает, как отмечено выше, по принципу контаминации литературного текста и народной песни, которая позволяет восполнить недостающее у Пушкина звено жанрового комплекса тюремной песни. Ассоциативной связкой является морской мотив, который обычен для лирических песен и крайне редко встречается в сибирских «бродяжнических» песнях:

*Там, вдали за синим морем
Оставил родину свою,
Оставил мать свою родную,
Детей, любимую жену¹.*

Пушкинская поэма «Братья-разбойники» (1821–1822) получила значительное распространение в народе. По указанию А.М. Новиковой, «большой интерес к этому произведению со стороны народа зафиксирован был в народной драме (в двух её разбойничьих сюжетах: “Шлюпка” и “Шайка разбойников”)), в сборниках же народных песен «Братья-разбойники» не встречаются, однако В. Михневич в конце XIX в. «иронически писал о том, что в Петербурге “один неграмотный подмастерье” пропел: Нас было трое: брат, да я <...>» [Новикова 1982, с. 155].

Переходу произведения в народное творчество способствовал не только народный стиль и язык поэмы, но и сам сюжет: крестьяне, ставшие разбойниками от крайней бедности, заключение в тюрьму, жажда освобождения и побег. О его происхождении Пушкин сам писал Вяземскому 11 ноября 1823 г.: «Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В 1820 году, в бытность мою в Екатеринославле, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на островке, потопление одного из стражей мною не выдуманы» [Пушкин 1975, с. 450–451]. Несомненно, что Пушкин использовал и материал разбойничьих, тюремных народных песен, ко-

¹ Цитата из песни «Глухой неведомой тайгою» (33Д–28517/18 Забайкальский народный семейский хор [г. Улан-Удэ, худ. рук. Н. Дорофеев] – Мелодия. Б.г., № 1).

торые, по мнению исследователей, «оказываются включенными в художественную систему, весьма отличную от фольклорной, и в значительной мере ассимилируются ею» [Иезуитова 1974, с. 54].

В Кемеровской области распространена тюремная песня о Ланцове «Звенел звонок насчёт проверки, Ланцов задумал убежать...», часто записываемая в 1980–90-е гг. от информантов 1910–1928 г.р. Из имеющихся в нашем архиве вариантов этой песни пять текстов представляют укороченный вариант сюжета: Ланцов, не дожидаясь зари, ломает печь (иногда это действие исключается), пробирается на чердак, находит верёвку и, «перекрестясь», спускается по тюремной стене, где его замечает часовой (солдат) и даёт выстрел («на вольный воздух», «кверху»). Иногда песня заканчивается словами: «Солдат увидел – выстрел дал» или «Винтовку взял, да выстрел дал», что может подразумевать гибель Ланцова. В четырёх текстах сюжет развивается далее, причем нередко отмечен региональными деталями: Ланцов бежит по «трактовой дороге» или «Иркутским трактом» в «дремучий лес», скитается там три года («Чего он ел, чего он пил? / С травы росой он умывался, / Молится Богу на восток»), знакомится с «публичной барышней» или «крестьянской девой», желает взять её замуж, девушка сдаёт Ланцова правосудию («Ланцов опять в тюрьму попал»). Именно такой региональный сюжет представлен и в варианте, который начинается реминисценциями из «Братьев-разбойников» (зап. в с. Безруково Новокузнецкого р-на в 1989 г. от К.В. Латышевой, 1910 г.р.):

Пушкин А. С. «Братья-разбойники» Фольклорный вариант
[Пушкин, 1975, с. 120]

*Не стая воронов слеталась
На груди тлеющих костей,
За Волгой, ночью, вокруг огней*

*За Волгой шайка собиралась,
Двенадцать добрых молодцов.
Они стоят, они пируют,*

*Удалых шайка собиралась.
Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!
Из хат, из келий, из темниц
Они стеклися для стяжаний!
<...>*

*Но их добыча небольшая.
Добычу делят пополам.
Звенит звонок насчёт поверки,
Ланцов задумал убежать.
<...>*

В народном варианте сохраняется указание на место действия («за Волгой»), ситуация (раздел добычи, пир) и её участники («шайка»), од-

нако, в соответствии с народной традицией, происходит поэтизация героев («двенадцать добрых молодцов») с подчеркиванием такой черты их характера, как справедливость («делят пополам»). Далее сюжет о побеге братьев-разбойников заменяется сюжетом о побеге из тюрьмы Ланцова.

В событийном ряде пушкинского текста и песни о Ланцове есть ряд общих мест: желание освобождения и замысел побега (*«Тогда сильней / Взяла тоска по прежней доле; / Душа рвалась к лесам и к воле, / Алкала воздуха полей. /<...>/ И согласились в тишине // Исполнить давнее желанье»* – *«Ланцов задумал убежать, / Не стал зари он дожидаться»*), детальное описание самого побега; погоня за беглецами (*«Вслед за нами / Кричат: “Лови! лови! уйдут!” / Два стража издали плывут»* – *«Его заметил часовой, / А часовой, мальчишка славный, / Ружейный выстрел по нём дал»*); удачный исход побега и остановка в лесу (*«Мы берегов достичь успели / И в лес ушли»* – *«Ланцов из замка убежал. / Бежал Ланцов Иркутским трактом, / Потом свернул в дремучий лес»*). Найденный нами вариант может свидетельствовать о существовании и самостоятельной песни на базе пушкинской поэмы, которая стала причиной контаминации «Братьев-разбойников» и народной тюремной песни.

Таким образом, при переходе пушкинских стихотворений о неволе в фольклор намечается две тенденции: контаминация авторского текста с любовной и собственно тюремной народной песней.

Подобные модификации можно наблюдать в местных вариантах песни «Отворите окно, отворите...», восходящей к стихотворению В.И. Немировича-Данченко «Умиравший» (1882) (в 1900 г. возникла песенная редакция этого стихотворения М.И. Ожегова под названием «Птичка-невольница»), о чем говорилось в предыдущем параграфе.

На материале «тюремных» песен литературного происхождения можно наблюдать следующие три направления их фольклоризации. Первое – текст воспроизводится полностью (с небольшими изменениями в лексике), являя устойчивость, например, «По пыльной дороге телега несётся...», «Глухой, неведомой тайгою...» (неизвестных авторов), «Отворите окно, отворите...» (Птичка-невольница) (М.И. Ожегов), «По диким степям Забайкалья...» (И.К. Кондратьев). Это объясняется, во-первых, популярностью указанных песен в массовой советской культуре. Так, песни «Глухой, неведомой тайгою...», «По диким степям Забайкалья...» входили в репертуар известных исполнителей

народных песен Н.В. Плевицкой, Л.А. Руслановой, Ф.И. Шаляпина, П.К. Лещенко, К.С. Сокольского, Ж.В. Бичевской и народных хоров. Песни «По пыльной дороге телега несётся...» и «Отворите окно, отворите...» позиционировались как «революционные» и были известны населению по грамзаписям. Во-вторых, сюжетные песни «Глухой, неведомой тайгою...», «По диким степям Забайкалья...» отражают топонимику Сибири и скитания обездоленного человека, близкие и понятные большинству населения этого края. Протяжная мелодия песен позволила им перейти в разряд «застольных», следовательно, часто воспроизводимых в естественной для песенного фольклора среде и условиях. В-третьих, литературная песня в данном случае в качестве стилизации народной бродяжнической песни сохраняет все её жанровые элементы.

Второе – авторский текст подвергается сокращению, опрощению (исключаются индивидуальные описания, отдельные частные ситуации), как в «Песне узника» Ф.Н. Глинки, «Колодники» А.К. Толстого, «Думы беглеца на Байкале» Д.П. Давыдова.

Например, «Песня узника» (1826), состоящая из девяти четверостиший, в народном варианте «Не слышно шуму городского...» (зап. в г. Осинники в 1995 г. от А.А. Козырькова, 1944 г.р.) сокращена до трех строф. Первые две строфы (описание тюрьмы и узника) сохраняются с незначительными изменениями, вторая и четвертая сокращаются до одной. Часть песни, в которой у Глинки появляются размышления узника о собственной доле, обращение к царю в надежде на помилование и безответность этой мольбы, просто опускается, т.к. она наполняет текст конкретикой декабристского восстания. В сокращенном варианте сохраняются типичные элементы тюремной песни: картина места заключения, тоска молодого героя по воле и обращение к родным, – все в максимально обобщенной форме. Смена множественного числа на единственное способствует выражению «типичности»: одно как многое повторяемое.

Третье, рассмотренное нами более подробно на примере «Узника», «Братьев-разбойников» А.С. Пушкина, «Умирающего» В.И. Немировича-Данченко (в предыдущем параграфе), представляет собой контаминацию авторского текста с народной песней (тюремной, любовной). Тюремная народная песня добавляет типичные черты образа невольника, мотив неизбежности заключения, смерти. Любовная

песня – образ девушки и ситуацию разлуки, тоски влюбленных, которые отсутствовали в авторской лирике, но были достаточно типичны для традиционной народной тюремной песни (образ возлюбленной, к которой обращается тоскующий в неволе молодец).

3.4.3. Народные тюремные песни и их жанровые модификации в литературе XIX-XX вв.

Типология народных песен «неволи» обычно основывается на дифференциации пенитенциарных учреждений России: тюремные, острожные, ссыльнокааторжные. Однако существенной является, кроме того, типология по идейно-эмоциональному составу песен этого рода. На этом основании можно выделить песни-жалобы, песни-думы, песни утешные.

Лирический пафос первого типа направлен на то, чтобы вызвать у слушателей сострадание, жалость к герою: узнику («При долинушке...» [Русские народные песни 1957, с.73]), бродяге («Ой, да, откуль, бредёшь, да, бродяжка...» [Русские песни Восточной Сибири 2008, с. 126]), к красной девушке, оставшейся «сиротиночкой беззащитной», потому что «матушка во сырой земле», а «отец родной кандалами гремит» («Тёмна ноченька, что нахмурилася...» [Русские песни Восточной Сибири 2008, с. 122]). Нередко узник, «слёзно плача», изливает свои жалобы в письме к «молодой жене» или «любезной красной девице» («При долинушке...»), иногда присовокупляя к жалобе мольбу о выкупе его из неволи или подкупе палача, «чтобы молодой палач меня легче наказывал» [Русские народные песни 1957, с. 75].

Содержанием песен второго типа является дума-мечтание узника о свободе или чаще о побеге на волю. Помощниками в мечтах или планах на побег выступают природные стихии: «туча грозная», «батюшка силен дождь» («Ты размой-ка, размой, стены каменны, / Ты выпусти-ка нас на святую Русь!» – «Вы леса мои, лесочки...» [Русские народные песни 1957, с. 69]), подружка, безуспешно пытающаяся выкупить на волю дружка («Ах, что ж ты, мой сизый голубчик...» [Русские народные песни 1957, с. 73–74]), тюремный ключник, который «двери отворят: – Выходи-ка, брат, сюда / Поедем за синие моря» («Все бутылки шевелятся...» [Русские песни Восточной Сибири 2008, с. 123]).

Песни утешные граничат по своему эмоциональному строю с разбойничьими песнями. Узник, называя себя соколом, добрым молодцем, утешается воспоминанием о своей былой удали, о разбойничьих подвигах на суше и на море. При этом в песнях такого рода нередко используется приём высоко-ценностной атрибуции пейоративов: «золотая клеточка», «путечки шелковые», «занавесочки жемчужные», истинные значения которых разоблачаются в финале: «земляная тюрьма», «оковушки немецкие», «замки затюремные», «рогатки железные» («Как бывало мне, ясну соколу...») [Русские народные песни 1957, № 36]). Утешением узника могут быть мечты о свободе, степном приволье, метонимическими образами которых выступают птицы, например, жавороночек: беглые солдатики просят его «потешить их в земляной тюрьме» («Жавороночек размолоденький...») [Русские народные песни 1957, с. 69]). В песне «Ах, талан ли мой...» [Русские народные песни 1957, с. 70–71] узника – добра молодца – утешает красная девица, которая «довела его до гибели великой», утешает надеждой на скорое освобождение и свидание в чистом поле, где «разгуляем мы печаль свою».

Для описания тюрьмы (*крепости, темницы, одиночки*) народная лирика выработала устойчивый ряд эпитетов, характеризующих как внешнее устройство (*земляная, земляна, белая каменная*) и внутренние свойства (*темная, крепкая*) тюрьмы как помещения, так и эмоциональное отношение к ней (*клятая проклятая, злодейская*) как месту заключения. Обязательными являются детали тюремного быта (*железные двери, двери чугунные, двери дубовые, немецкие цепи, решетки железные, ограда каменная, высока*), подчеркивающие нерушимость, замкнутость пространства и привязанность к нему героя-узника.

Активная интериоризация и эстетизация пенитенциарного фольклора продолжалась в поэзии романтиков. Ключевая для тюремной народной песни оппозиция воля/неволя органично вписывалась в романтическое двоемирие: социальной и экзистенциальной несвободе человека в реальном мире, описываемой в образах замкнутого пространства тюрьмы, сырой темницы, решётки, оков, противопоставляется воля просторов небес, дикой степи, синего моря. Изначальная ориентированность на народные песни стихотворений А.С. Пушкина и Ю.М. Лермонтова одноимённого названия «Узник» стала основа-

нием их скорой и широкой фольклоризации. Волею исторических обстоятельств «тюремная» песня окончательно утверждается в русской лирике творчеством поэтов-декабристов (В.К. Кюхельбекер, А.И. Одоевский, В.Ф. Раевский, Ф.Н. Глинка), пополнивших и народный песенный репертуар.

Во второй половине XIX в. на фоне общей тенденции прозаизации лирики «тюремная» песня литературного происхождения восприняла жанровые черты баллады, такие как сюжетность, отрывистое повествование, драматический диалог, таинственность, нередко, трагическая развязка. В основе сюжета чаще всего история побега из тюрьмы, каторги, ссылки. Так, в песне на слова стихотворения Н.П. Огарёва «Арестант» (1850) («Ночь темна. Лови минуты...») таинственную обстановку исходной ситуации создают ночь, тяжелые замки ворот, чуть дрожащий «огонёк сторожевой». Драматический диалог, содержанием которого является побег из тюрьмы, ведут узник и часовой. Арестант просит стражника помочь бежать из тюрьмы, и тот, сочувствуя ему, как всякой «божьей твари» («Рад помочь!»), рассказывает о жестокой расправе («сквозь полк как проведут»), которая ждёт его за этот проступок. Трагизм повествования заключён и в готовности узника в случае удачного побега и встречи с родными уйти «в лес зелёный умирать», и в возможном смертельном исходе наказания часового («Только ком окровавленный / На тележке увезут!»), и в безнадежности тюремного существования («Будет вечно цепь надета / И конца нет, сколько жить!») [Русские народные песни 1957, с. 392–393].

С подачи поэтов-декабристов происходит локализация пенитенциарного пространства в Сибирском и Дальневосточном регионах, тогда как в старинных народных песнях местом заключения чаще всего была «каменна Москва», реже Петербург, иногда Астраханский острог («Как у нас было на тихом Дону, / Что на устье синя моря» [Русские народные песни 1957, с. 71]). Интересно, что в вариантах этих же песен, записанных в сибирском регионе, европейская топонимика элиминирована. В широко распространившейся в тюремном фольклоре песне Д.П. Давыдова «Думы беглеца на Байкале» (1858) («Славное море – священный Байкал») сибирская топография прописана особенно тщательно: горы Акатуя, Шилка и Нерчинск [Русские народные песни 1957, с. 393], в стихотворении И.К. Кондратьева «По диким степям Забайкалья...» (1880) – Байкал [Русские народные песни 1957, с. 441], в песне 2-ой половины XIX в. неизвестного автора «Глухой,

неведомой тайгою» – Сахалин [Русские народные песни 1957, с. 442]. Описание пути бегства несёт обязательные черты регионального ландшафта: горы, тайга, звериные тропы, степи Забайкалья, ветер, дующий со стороны города Баргузина – «баргузин», священные воды Байкала, омулевая бочка и т.п.

Сентиментально-лирический модус задаётся мотивом тоски героя – беглеца-бродяги – по своей родине, родному дому («Унылую песню заводит –/ Про родину что-то поет» [Русские народные песни 1957, с. 441]), по оставленным им матери-старушке, детям, любимой жене («Жена найдёт себе другого, / А мать сыночка никогда» [Русские народные песни 1957, с. 442]). Мотивы сиротства определяют положение этих текстов в ряду «жалобных» песен.

Балладная разработка тюремных песен по образцам литературных получает активное развитие в фольклоре. Примером фольклорной трансформации литературного жанра служит широко известная песня-баллада о московском разбойнике Ланцове, совершившем побег из неприступной башни московской тюрьмы. Как свидетельствуют авторы комментария к варианту этого произведения в сборнике «Русские песни Восточной Сибири», песня «приобрела широкую известность в Забайкалье, причём, действие её перенесено в Сибирь» [Русские песни Восточной Сибири 2008, с. 217].

Другой, близкой к балладе жанровой формой, в которую облачается тюремная песня в литературе и по её образцам в устном народном творчестве, является романс. В тюремном романсе сюжетобразующим мотивом выступает любовь-измена. Такова народная песня «Осыпаются листья осенние...» на стихи С.Ф. Рыскина «Бродяга» (1888). Узник бежит из тюрьмы, чтобы «обнять милую жёнушку», «заснуть у неё на груди», но «напрасны» все усилия побега: «милая жёнушка / У другого лежит на груди» [Русские песни Восточной Сибири 2008, с. 123]. Две стилевые линии скрещиваются в «тюремном» романсе, создавая лиро-эпическую модальность: картина осеннего леса, ночного пейзажа, описание судьбы узника («Я десятый годочек сижу»), его душевного состояния в заточении («Надоела стальная решётка, / Надоела стена кирпичей»), наконец, история побега несут черты литературного нарратива, тогда как уменьшительно-ласкательные лексемы *решётка*, *дальна сторонушка*, *жёнушка*, песенные повторы, рефрены

отсылают к народной песенной стилистике. Романсная форма проникает в народные тюремные песни предреволюционного времени: «*Зачем я встретился с тобою, / Зачем я полюбил тебя? / Ах, мне назначено судьбою / Идти в Сибирские края!*» [Русские народные песни 1957, с. 442]. Тюремный мотив включают ямщицкие песни, например, распространённая в России песня «*Это было давно, год примерно назад*» [Русские песни Восточной Сибири 2008, с. 127], которая содержит рассказ ямщика о трагической гибели девушки, бежавшей из тюрьмы.

Волна политических репрессий в конце XIX – начале XX вв. в связи с революционным народным движением обусловила новый подъём в истории «тюремной песни». В структуре последней происходят существенные изменения. Чётко обозначается мотив преступления узника тюрьмы, который в предшествующей традиции обычно умалчивался или подавался смутным намёком. Поскольку в новых песнях этот мотив был политическим («*Я от мира с челобитной / К самому царю пошёл*» – «*Ах, ты доля, моя доля...*» [Русские народные песни 1957, с. 478–479] («Доля» Д.А. Клеменца, 1873); «*За широкий, за смелый размах / Богатырскую силу хоронят*» – «*Полоса ль ты моя, полоса...*» [Русские народные песни 1957, с. 468]) («Полоса» Вс. Крестовского, 1861), то он корректирует образ узника как невинной жертвы. В песнях появляется развёрнутое описание сурового тюремного быта, в условиях которого героической, хотя и безуспешной представляется попытка бегства узника («*Как дело измены, как совесть тирана...*» [Русские народные песни 1957, с. 473]).

Появляется новый тип песен, который, в отличие от собственно тюремных, острожных, ссыльнокаторжных, можно определить как «песни этапа». В них называются маршруты этапов: «*...в кандалах / По Владимирке пахаря гонят*» [Русские народные песни 1957, с. 468] («Полоса» Вс. Крестовского), «*Путь сибирский дальний ... / <...> / Нашего товарища на каторгу ведут*» [Русские народные песни 1957, с. 485] («Колодники» А. Толстого, 1854), подробно описываются невыносимые страдания, тяготы бесконечного пути: «*полдневное солнце нещадно палит, / И дышится трудно от пыли. / <...> / Нагрелися цепи от жгучих лучей / И в тело впились змеями; / И льётся по капле горячая кровь / Из ран, растравлённых цепями*» [Русские народные песни 1957, с. 486] («В дороге» А. Архангельского, 1878). Натурализм описания физических страданий колодника имеет цель героизации борца

за «правду», «за веру святую», «за дело любви» к нищему «брату». Героическая риторика этих песен дала основания отнести их в разряд революционных народных песен литературного происхождения ещё и вследствие их доминирующего распространения в революционно-народнической среде, хотя границы ареала их бытования постоянно расширялись. Так что позднейшая рецепция этих песен в народной среде могла быть независимой от революционного контекста.

По тому же принципу типологизации на основании среды бытования песен в советской фольклористике «тюремные» песни XX в. отнесли к так называемым «блатным». По определению И. Ефимова и К. Клиноква, «блатные песни – песни на уголовную (блатную) тематику, бытующие в соответствующей среде» [Ефимов, Клинков. URL : <http://otblesk.com/vysotsky/i-blat-1.htm>]. А. Башарин справедливо указывает на ненадёжность этого принципа: «такое определение не будет учитывать возможности бытования блатных песен вне “соответствующей среды”». Достаточно вспомнить тот самый феномен 60 – 70-х годов: “интеллигенция поет блатные песни”» [Башарин 2005]. И, в свою очередь, выдвигает в качестве основания типологии «блатных» песен принцип тематический, на основании которого говорит о блатной песне как явлению культуры (социально-историко-поэтический феномен 20-х–80-х гг.), собственно блатной песне (тематическая группа авторских и фольклорных песен в устном репертуаре указанного периода) и песенном творчестве и фольклоре криминальных групп мест лишения свободы [Башарин 2005]. Развитием традиции «тюремных» песен, на наш взгляд, являются песни третьего типа и ориентированные на них литературные стилизации.

Однако, как мы показывали выше, тематический принцип дифференциации внутри типа также является недостаточным, так как не учитывает комплекса семантико-риторических средств и эстетических модальностей в той или иной тематическом группе. Так, в раннем творчестве В. Высоцкого, трансформация «тюремной» песни в «блатную», с одной стороны, сохраняет «память жанра», транслирующего такие модусы традиционной песни, как жалобы, думы-мечты о побеге, утешения воспоминаниями о жизни на воле и т.п. С другой стороны, происходит семантическая перекодировка этих мотивов. В жалобах узника воссоздаётся картина современной пенитенциарной системы, вследствие чего в песнях воспроизводится обстоятельная мотивация

преступления, история поимки преступника, элементы и фигуры судопроизводства: следователь, адвокат, прокурор. Так что история и образ узника переводятся из сферы экзистенциального бытия (моя доля, моя судьба) в сферу социально-государственного правопорядка, парадоксально обнаруживая некое тотальное безумие мира пенитенциария. Фермент безумия трансформирует традиционные в структуре «тюремной» песни мотивы. Так, побег из замкнутого пространства мотивируется не тоской узника по родине и родным, не готовностью пожертвовать жизнью ради мига встречи с женой, детьми, матерью-старушкой, а чувством мести к предполагаемому косвенному виновнику его заточения. Мечь укрепляет дух терпения и стимул выживания в тюрьме, предопределяя порочный круг рецидивизма как следствия общего безумия. Мотивом мести обусловлена негативная экспрессия угрозы в монологе героя, элиминирующая традиционный катарсис: *«Её, конечно, я простил, / Того ж, кто раньше с нею был. / Того, кто раньше с нею был, –/ Я повстречаю!»* [Высоцкий 1989, с. 20] (*«Тот, кто раньше с нею был»*, 1962). Или: *«Ты не радуйся, змея, –/ Скоро выпустят меня – / Отощу тогда без всяких схем; / Я тебе точно говорю, / Остру бритву наострю –/ И обрею тебя наголо совсем!»* [Высоцкий 1989, с. 21] (*«У тебя глаза – как нож»*, 1961).

В других случаях побег из тюрьмы выступает как форма протеста против тотальной обезлички человека в зоне, против уравниловки заключенных независимо от тяжести и мотивов преступления, где даже личное имя превращается в безличный условный знак «зэка»: *«Ну а начальству наплевать – за что и как, –/ Мы для начальства – те же самые зэка –/ Зэка Васильев и Петров зэка»* [Высоцкий 1989, с. 23] (*«Зэка Васильев и Петров зэка»*, 1962).

В старинной тюремной песне часовой, стражник нередко выступали в роли помощника побега на основании сознания равенства людей перед Богом. В песнях В. Высоцкого равенство «зэка» и «начальника» парадоксально оказывается следствием абсурдных отношений в мире без Бога – содомии и адской тьмы: *«А в лагерях – не жизнь, а темень-тьмущая:/ Кругом майданщики, кругом домушники, / Кругом ужасное к нам отношение / И очень странные поползновения. /<...>/ Нас каждый день мордуют уголовники, / И главный врач зовет к себе в любовники»* [Высоцкий 1989, с. 23].

В то же время В. Высоцкий трансформирует «утешные» песни, внося в них драматизм психологической рефлексии узника. Для героя

песни «Серебряные струны» (1962) утешением и способом сохранения внутренней свободы, за которую он готов претерпеть любые страшные муки («*Перережьте горло мне, перережьте вены – / <...> / Я заруюсь в землю, сгину в одночасье*» [Высоцкий 1989, с. 18–19]), является гитара, серебряные струны которой – образный параллелизм потаенного душевного лада. Эстетическим модусом песни становится мольба: «*Только не порвите серебряные струны!*». Порванные в финале лирической ситуации струны символизируют вторжение внешнего жестокого мира в пределы личностной экзистенциальной свободы.

Таким образом, современная «тюремная» песня в своих новых модификациях, формирующихся на границах низового фольклора, массовой литературы и литературы элиты, отражает, как всегда, глубокие процессы культуры общества на всех его уровнях.

3.5. Цыганский код в лирике и фольклорной песне¹

3.5.1. Быт цыган в песенной лирике русских поэтов XIX-XX вв. и народных песнях

Законодательные документы о цыганах в России датируют появление в нашей стране северной ветви цыган, пришедших из Германии и Польши и получивших название «русска рома», или русские цыгане, концом XVII – началом XVIII вв. [Бессонов, Деметер 2000]. Образ и условия жизни таборных цыган и цыганских хоров, их повседневный быт, цыганская экзотика невольно стали объектом внимания общественности и предметом поэтического изображения уже во второй половине XVIII века. М.Ф. Мурьянов объясняет причину того, что «гонимый народ оказался в фокусе художественных интересов эпохи», идеологическими веяниями предромантизма: «характерные для него обращение к чувству, поиски идеала вне цивилизованного общества, на лоне природы, интерес к таинственности и демоническим страстям – все эти устремления направились на цыган» [Мурьянов 1999].

Так, объектом лирической рефлексии в поэтическом диалоге И.И. Дмитриева и Г.Р. Державина стала сцена праздника с участием цыган в Марьиной Роще. Адепты русского классицизма, следуя тогдашнему представлению о египетском происхождении цыган, восприняли их хореографическое искусство как неожиданное послание

¹ В параграфе использованы материалы статьи: [Трубицына 2014(а)].

античности и описывают цыганские пляски в риторике дионисийства. При этом разные оценки этого анахронизма поэтами отражали двойственное отношение русской публики к цыганскому творчеству. Как замечает М.Ф. Мурьянов, «цыганофильство оставалось в России специфически московским явлением, Петербург этой страсти чуждался» [Мурьянов 1999]. Так, Дмитриев оценивает цыганские «вакханалии» как неуместное и опасное вторжение дикой древности в культуру цивилизованного, просвещенного общества, не способное вдохновить современного поэта:

*Тамо встречает на каждом он шаге
Рдяных сатиров и вакховых жриц
Скачущих с воплем и плеском в отваге
Вкруг древних гробниц
Гул их эвое несётся вдоль рощи,
Гонит пернатых скрывать в кустах;
Даже далече наводит средь ночи
На путника страх* («К Г.Р. Державину», 1805 [Дмитриев 1967, с. 17]).

И по сути, Дмитриев предвосхитил презрительное отношение к цыганскому музыкально-исполнительскому искусству как низкому массовому виду творчества, получившему во второй половине XIX–XX вв. наименование «цыганщины».

Напротив, Державину цыгане – потомки египтян – представляются наследниками древнего классического века, пронесшими сквозь тысячелетия его роскошное чувственное искусство, и он восторженно переживает экстатическое состояние, которое внушает ему цыганская пляска, горяча холодную кровь современного человека:

*Неистово, роскошно чувство,
Нерв трепет, мление любви,
Волшебное зараз искусство
Вакханок древних оживи.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.
<...>
Да вопль твой, эвоа! ужасный,
Вдали мешаясь с воем псов,
Льет повсюду гулы страшны,
А сластолюбю — любовь.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица* («Цыганская пляска», 1805 [Державин 1957, с. 306–307]).

Лирический герой Державина, утомленный неистовым движением плясуньи, молит ее остановиться и продолжать затем пляску в стиле и темпе русских танцовщиц, акцентируя разницу и национальных темпераментов, и уровней цивилизованности.

Русскую публику поражал в цыганском исполнении собственно русских знакомых всем песен и танцев неистовый темперамент представителей неведомого южного племени, совершенно не свойственный северному народу. По мнению Н. Львова, составителя сборника «Собрание народных песен» (1790), цыгане выбрали из русских песен «приличнейшие и, придав им пением своим более живости, сделали их <...> более выражающими страсти» [Львов, Прач 1955, с. 46]. Того же мнения придерживается современный музыковед М.С. Друскин: «в противовес изнеженным италянизмам аристократической верхушки, привнесение в крестьянские песни, усвоенные городом, большей динамики, более контрастных интонаций, более оптимистического жизнеощущения – есть результат деятельности цыганских хоров» [Друскин 1934, с. 101].

Русская лирика конца XVIII – начала XIX вв., вдохновляемая, главным образом, пением и плясками цыган, не коснулась социально-бытовой стороны их российского существования. Поэма А.С. Пушкина «Цыганы» (1824), написанная по следам близкого знакомства поэта во время южной ссылки с жизнью и нравами цыган, стала для русского общества откровением. Несмотря на романтическую идеализацию «мирной жизни» цыганского табора, образов цыган и их отношений, приметы цыганского быта описаны поэтом близко к реальности: бедность кочевых цыган, их ремесла, моногамные семьи, составлявшие табор и уютившиеся в кибитках во время кочевья и «изодранных шатрах» на стоянках. Но не эта сторона цыганской жизни волновала читателей поэмы, а романтические идеи гармонии человека и природы, свободы личности, не стесненной законами, приличиями, обязанностями и амбициями людей цивилизованного общества. Для нас важно, что поэма, созданная на народно-песенной основе, стала, в свою очередь, началом новой песенной традиции в изображении цыган. Два мотива пушкинских «Цыган» послужили основой лирической сюжетики нового песенного жанра «цыганского романса»: мотив свободной цыганской любви-измены и мотив бегства в цыганский табор светского человека в поисках воли, покоя, любви.

Н. Бессонов, рассматривая поэму Пушкина в историческом и этнографическом контекстах, развенчивает миф о цыганской свободе, ссылаясь на документы, освещающие почти рабское положение бессарабских цыган и довольно суровые законы брачных союзов в цыганском таборе [Бессонов 2000]. Большую роль в создании и популяризации этого мифа играли сами цыгане, адаптировавшие в качестве цыганского фольклора народные песни региона своего кочевья или обитания. Так, известно, что песня Земфиры о свободной любви цыганки «Старый муж, грозный муж» («Режь меня, жги меня») была молдавской, но распространялась в большом количестве музыкальных вариаций русских композиторов как цыганская. Точно так же подвергались фольклоризации песни и романсы о вольной цыганке, сочинявшиеся русскими авторами специально для цыганских хоров и уходившие в русское народное песенное творчество как цыганские. Таковы, например, романсы на стихи Ап. Григорьева «Любовь цыганки» (1857) и особенно – Я.П. Полонского «Песня Цыганки» («Мой костер в тумане светит...») (1853); цыганскими романсами стали «Андалузянка» (1862) В.В. Крестовского, воспевавшая отнюдь не цыганские любовные страсти, стихи Л. Мея «Ах, вы годы, мои годы...» (1856), С. Сельского «Ах, не спится, мне не спится...» (1850-е) и мн. др.

Второй мотив поэмы – о таборе как вольном приюте для русских изгнанников – также подвергся мифологизации. Н Бессонов, ссылаясь на книгу Т. Щербаковой замечает: «Пушкин знал отзывчивость цыган на чужую беду. Сюжет, по которому кочевой табор спасает русскую девушку и заботится о ней, совершенно реален. Цыгане всегда помогали тем, кто попал в беду — это часть национальной ментальности» [Бессонов 2000]. Но то, что это был вольный приют, не соответствует реальности. Оставшийся в таборе человек, независимо от своего словного положения, подчинялся общим таборным законам и должен был сам добывать средства на жизнь теми же способами, что и цыгане. Не случайно в поэме Пушкина старый цыган в первую очередь предлагает пришельцу заняться цыганским ремеслом: «Примись за промысел любой, / Железо куй, иль песни пой, / Иль сёлы обходи с медведем». Первый критик пушкинской поэмы П.А. Вяземский пенял поэту за то, что он выбрал для своего героя-дворянина такое низкое занятие как «водить медведя». По его мнению, пристойнее было бы дворянину заниматься торговлей и меной лошадей. Но Пушкин был ближе к правде. Старый цыган ограничил свободу выбора теми ремеслами, которые не

требовали торговой сметки, хитрости, склонности к обману и страсти к лошадям, которыми в полной мере обладали цыгане и к которым едва ли был бы способен русский дворянин.

К середине XIX в. таборный мотив приюта русского изгоя модифицировался в жанровых рамках цыганского романса в «кабацкий» мотив, содержанием которого стала лирическая исповедь героя – русского светского человека, разуверившегося в гражданских идеалах, семейных ценностях и ищущего забвения и утешения в хмельном трактирном загуле с пением и плясками цыган, с ласками чернооких цыганок. Этот мотив стал сюжетной основой драмы Л.Н. Толстого «Живой труп» (1900), а в песенной лирике шедевра «Цыганская венгерка» (1857) Ап. Григорьева на музыкальной основе «цыганочки», получившего огромную популярность и бытующего и в наше время в различных вариантах и перепевах как народный цыганский романс «Две гитары». С одной стороны, стихи Григорьева – это своеобразный музыкальный экфрасис: поэт, вслушиваясь в знакомый с детства напев «цыганочки», наигрываемый неведомыми музыкантами на двух гитарах, пытается описать словами лад, манеру исполнения, эмоциональное неистовство звуков цыганской мелодии: «Квинты резко дребезжат, / Сыплют дробью звуки... / Звуки ноют и визжат, / Словно стоны муки». С другой стороны, поэт возрождает поэтическую традицию начала века, описывая силу эмоционального воздействия на душу русского человека цыганского искусства. Нечаянно услышанный за стеной цыганский напев вызывает в сознании лирического героя устойчивые ассоциации с картинами «буйного похмелья», «горького веселья» и «лихого загула» с призывом: «Плюнь да пей! / Ты завей его, завей / Веревошкой горе! / Топи тоску в море!» [Григорьев 2006].

Бесчисленные подражания и варианты «Цыганской венгерки», как правило, опускали музыкально-поэтическое содержание стихов Григорьева и сводили их исповедальное начало к любовной ситуации, собственно породив эстетику «цыганщины», в которой мотив поиска воли и забвения страдающей души в цыганской среде звучал в банально-сентиментальной тональности, как например в известном «цыганском романсе» на слова А. Серполетто «Внемли моим мольбам» («Не уходи, мой черноокий»): «Мы поцелуем ухитримся / Раздуть пожар в своей крови / И в мир тот сладостный умчимся, / Где царство страсти и любви» [Серполетто. URL : <http://a-pesni.org/romans/vnemlimoim.htm>].

В романсе «Уйди, уйди, к чему мольбы и слезы» (1912) Е. Юрьева образ вольной, капризной, изменчивой «дочери полей», холодной «как лед» к «мольбам любви», становится воплощением непостоянства в любви и сравнивается с «грезами» поэта (возможно равными поэтическому вдохновению). Припев романса провозглашает идею свободы от обязательств и условностей общественной жизни: *«Зачем, зачем любить? / Зачем, зачем страдать? / Хочу я вольной жить, / Лишь песни распевать! / Пусть в шутках и цветах / Сон жизни пролетит; / Пусть песня на устах / Свободой звучит!»* [Юрьев 2007]. Песня цыганки, соединяясь с идеей воли-свободы, становится её отражением, а жизнь в своей стремительности и оторванности от реальности уподобляется сну.

Уход от изображения быта таборных цыган и перенос внимания на песни-пляски цыганских хоров в русской песенной лирике во второй половине XIX в. неслучаен. Как пишет М.Ф. Мурьянов, «необходимо подчеркнуть, что огромный успех цыганских музыкантов ни в коей мере не означал решения социальной проблемы, заключавшейся в ужасающих условиях существования таборных цыган Российской империи», – и далее цитирует документы николаевской эпохи: «Кочующие цыганы охотно едят животных, умерших от болезни. Они не знают нот, но, услышав однажды сонату Моцарта, исполняют ее лучше и отчетливее того, от кого ее слышали» [Мурьянов 1999]. Столь отталкивающая реальность, не содержащая ничего поэтического, обусловила устойчивость эстетических стереотипов, сложившихся в романтической и, главным образом, романсовой лирике.

Лишь в редких опытах поэтов можно встретить реальные картины жизни таборных цыган. Примечательны в этом плане два стихотворения И.А. Бунина. В одном из них, «Цыганка» (1889), Бунин рисует портрет молодой цыганки не в кабацкой пляске, а в своей среде таборного обоза, отправляющегося в кочевье после городских «гастролей». Юная цыганка еще опрятно и нарядно одета: «Сколько юбок! Ногу стройно / Облегает башмачок» – она, ловко щелкая семечки, еще лепечет шаблонные фразы из цыганских романсов («в сердце жало, / Яд горячий унесет»), но ее «яркий угольный зрачок» уже «играет солнцем», «бесстрастен и далек», как сама природа [Бунин 1987, с.47]. Однако в следующем стихотворении «Бродяги» (1902) Бунин обозначает реальный статус цыган в российском социуме и, словно продолжая историю цыганочки, рисует бедственную картину, ожидающую цыган в

пути. Перед нами цыганская девочка-подросток с больным отцом, дремлющим в «холщовой кибитке», «бродит кляча в путях» – отставшие от табора или последние выжившие из него в далеком странствии «на восток». Девочка-цыганка «в лохмотьях» смотрит «на солнце, уходящее за пашню, / На блеск лучей над темным косогором» не с надеждой, не с сиянием в угольных зрачках, а «равнодушно, с привычной скукой». «Какая глушь! Какая скудость жизни! / Какие заунывные напевы!» – восклицает поэт и, моля господу дать бродягам ночной покой, задумывается над бессмысленностью кочевой жизни цыган: «И снова в путь... А для чего, кто скажет? / Жизнь, как могила в поле, молчалива» [Бунин 1987, с.118].

В русской лирике 1920-х гг. цыганская тема разрабатывалась в литературном неоромантическом стиле (А. Блок, М. Цветаева, А. Ахматова). А в 30-е гг. вновь широкое распространение получил цыганский романс, нашедший свое классическое выражение в репертуаре таких певцов как И. Юрьева, В. Козин, П. Лещенко и др. Романсовая лирика этого времени актуализировала, главным образом, мотив веселой цыганской жизни, способной развеять тоску страждущей русской души. В условиях жестких ограничений духовной, творческой свободы личности, в атмосфере гнетущего страха перед лицом начавшихся массовых репрессий возродившаяся «цыганщина» означала бегство русской интеллигенции в пространство мифической цыганской вольности. В романсах, написанных для цыганских хоров, вновь культивируется образ вольной, «задорной цыганки», готовой «За коней, за пляс, за хор, / За гитарный перебор отдать любого» и забыть любого там, где «ждет ее и табор мой беспечный, / И в темноте ночной раскинутый шатер» (П. Григорьев «За гитарный перебор», 1930-е). В стихах В. Козина «Бирюзовые колечки» (1930-е), переложенных на народную музыку, также строится миф о беспечной бесшабашной цыганской жизни, не знающей ничего святого: «Пой, звени, гитара моя милая, / Разгони тоску-печаль. / Эх ты, жизнь моя цыганская, / Ничего теперь не жаль» [Козин 2004].

Ведущими мотивами поэзии середины прошлого века на цыганскую тему стали массовое истребление цыган в годы сталинских репрессий и фашистской оккупации (Н. Хонина, «Цыганка», 1998), героика подвигов цыган, участвовавших в Великой Отечественной войне,

приобщение цыган к оседлому образу жизни (С.Г. Островой, «Цыгане», 1982–1983). В современной лирике, бардовской, эстрадной песнях возрождается традиционная мифология вольной бродячей цыганской жизни.

Иначе развивалась история рецепции цыган в русском народном творчестве. С одной стороны, благодаря повсеместной музыкально-исполнительской деятельности цыган в народную среду проникали и подвергались фольклоризации песни и романсы литературного происхождения. С другой стороны, продолжавшаяся веками миграция цыган в Россию обусловила широкие межэтнические контакты двух народов, на основе которых создавались собственно фольклорные тексты о характере, нравах, быте русских цыган. Цыганские таборы, как правило, останавливались близ русских сел, деревень, на окраинах небольших городов. Часть цыган стала вести полуоседлый (на зимний период цыгане снимали дома у русских крестьян) и оседлый образ жизни. Поэтому русское население хорошо знало реальную жизнь цыган, что нашло отражение в народных песнях и частушках. Цыганская тема в русских частушках обстоятельно изучена И. Махотиной и Н. Бессоновым.

В нашем распоряжении имеется архив песен о цыганах на литературной и фольклорной основе, записанных от современных исполнителей Кемеровской области, который дает представление об эстетической рецепции в народно-исполнительском творчестве жителей Сибири быта и нравов русских цыган.

В народных песнях возникает собирательный портрет цыган, передающий роскошь и богатство их одеяния: «шубы меховые», «шали пуховые», «юбки шерстяные», «серьги золотые», – (см. варианты песни «Ой, мама, мама, люблю цыгана Яна», зап. в п. Базанча Таштагольского р-на в 1986 г. от Воробьевой Т.Е., 1929 г.р., и Гусевой Т.М., 1933 г.р.). В крестьянской среде, судя по песням, бытовало представление о том, что у цыган много денег: *«А богатые цыгане говорят: “Много денег у наших ребят, / У нас кони сторублевые, / Санки лаковые, / Наши женки наряжены / В пальто драповые”»* (зап. в г. Новокузнецке в 1999 г. от Д.С. Ворониной, 1919 г.р.). Более редкие песни с образом цыганки «в изорванных лохмотьях», восходящим к литературному источнику.

Приметы таборной жизни проявляются через ряд лексем, переходящих из песни в песню: «горит костер», «вдали у реки», «там за речкой», «дикие степи», «жизнь моя лесная», «гитара», «карты», «кибитка кочевая», «кибитка цыганская», «табор кочевой», «у табора все спят», «табором гуляют», «кочующий народ», «будем ездить по родной стране». В единичных случаях отражается промысел цыган, связанный с воровством, но всегда с некоторой иронией: *«Я цыган и ты цыган, / Оба мы цыгане, / Я ворую лошадей, / А ты воруеть сани. / ... / Я цыган и ты цыган, / Оба мы цыгане, / В землю ты и в землю я, / Обоих закопали»* (зап. в с. Лебеди Промышленновского р-на в 1986 г. от В. Гумачева, 1973 г.р.). Гораздо привлекательнее становится образ цыганки-ворожеи или гадалки: *«Ворожить ты гадать мастерица, / Ты цыганкой на то рождена»*, к которой герой или героиня обращаются за предсказанием судьбы: *«Разгадай мою грусть, мою скуку, / От бессонный ночей исцели»* (зап. в г. Осинники в 1985 г. от Н.А. Кособокова).

Устойчивой деталью в песнях становится упоминание о женской красоте: *«веселились молодые цыганки, красивые были они»*; *«в кибитке сидела цыганка, она очень красива была»*; *«красоты я такой никогда не видал»* и т.п. Свободная цыганская любовь воспринимается в народных песнях с опасением. На признание в любви цыгана русская девушка отвечает: *«Я любви цыганской не пойму, / А если любишь, потерял покой, / Оставайся же тогда со мной»* (зап. в п. Каз Таштагольского р-на в 2001 г. от Г.К. Железняковой, 1925 г.р.). Или любовь цыганки к русскому заканчивается охлаждением и изменой: *«Цыганку вольную я полюбил, / ... / Цыганка вольная с другим целуется, / ... / И тихо молвила свои слова: / “Я птица вольная, люблю цыгана я, / И за любовь всегда помру!”»* (зап. в с. Котино Прокопьевского р-на в 1986 г. от М.А. Бессоновой, 1919 г.р.). В ряде песен можно услышать интонации осуждения недолговечности и обманчивости цыганской любви: *«Цыгане вы, цыгане, / Холодные сердца, / Вы любите словами, / А сердцем никогда»* (зап. в с. Бурлаки Прокопьевского р-на в 1984 г. от А.В. Куликовой, 1938 г.р.) или *«Цыгане вы, цыгане, / Кочующий народ, / Когда же вас, цыгане, холера заберет»* (зап. в п. Чебалсу Междуреченского р-на в 1988 г. от Е.Н. Сташковой, 1932 г.р.).

Таким образом стремление к бытописанию и отражение реалий цыганской жизни в народных песнях приводит к трансформации от-

дельных литературных и появлению новых мотивов. Так, мотив свободной любви-измены подчеркнуто строится на межэтнической основе: цыганка и русский (с драматическим финалом), цыган и русская (возможен и благополучный исход). Литературная романтика таборной жизни и бегства в табор подменяется стремлением к оседлой жизни и бегством из табора (что наверняка отражает представление русского крестьянина о сложностях и тяготах кочевой жизни). Упоминание же промысла цыган (воровства и гадания) и мотив богатства и красоты отражают сформировавшееся в народной среде устойчивое представление о быте и нравах цыганской среды.

3.5.2. «Цыганские» песни в русском фольклоре Кемеровской области

Музыкально-исполнительская деятельность цыган в России создала давнюю и прочную традицию, начало которой относится ко времени проникновения этого народа на территорию Российского государства в конце XVII – начале XVIII вв.

Активному внедрению цыганской песни в русскую песенно-поэтическую культуру способствовала характерная особенность репертуарной тактики цыганских хоров. Цыгане, адаптируясь в чужой культуре, как правило, исполняли песни народов региона своего кочевья или обитания. Так, например, в одном из первых печатных песенников «Собрание народных песен» (1790) в списке «цыганских» песен числятся «Во поле береза стояла», «Мне мокротно молоденьке», «Земляничка ягодка», «Во лузях во лузях», «Ай по улице молодец идет», «Во Донских во лесах», «Ах сени мои сени». Составитель сборника Н.И. Львов в Предуведомлении ко второму и третьему изданию (1806 и 1815 гг.) уточняет при этом, что цыгане выбрали из русских песен «приличнейшие и, придав им пением своим более живости, сделали их несравненно удобнее для скорой пантомимной пляски, которая, если со вниманием рассматривать, не что иное, как русская Козельская пляска, ускоренная и оживленная быстрыми движениями, более выражающими страсти» [Львов, Прач 1955, с. 46]. Ссылаясь на рукописное собрание А.А. Панкова (представителя цыганской хоровой династии), И.Ю. Махотина отмечает, что «в нем романсы русских поэтов, песни литературного происхождения и жестокий романс составляют едва ли не больше двух третей» [Махотина 2011, с. 74].

Уже в XIX в. русскими поэтами специально для цыганских хоров сочинялись песни и романсы о цыганах, ушедшие в русское народное песенное творчество как «цыганские». Таковы, например, романсы на стихи Я.П. Полонского «Песня Цыганки» («Мой костер в тумане светит...») (1853), Ап. Григорьева «Любовь цыганки» (1857) и особенно – «Цыганская венгерка» (1857), более известная в народной среде под названием «Две гитары»; цыганскими романсами стали стихи С. Сельского «Ах, не спится, мне не спится...» (1850-е), Л. Мея «Ах, вы годы, мои годы...» (1856), «Андалузянка» (1862) В.В. Крестовского, воспевавшая отнюдь не цыганские любовные страсти, и мн. др.

Отталкивающая реальность жизни цыган, не содержащая ничего поэтического, обусловила устойчивость эстетических стереотипов, сложившихся сначала в романтической поэзии и далее в романсовой лирике. Постоянными стали образ красавицы-цыганки – страстной, вольной, изменчивой «дочери полей», и мотив табора как вольного приюта для русского светского человека, разуверившегося в гражданских идеалах, семейных ценностях и ищущего забвения и утешения в хмельном трактирном загуле с пением и плясками цыган, с ласками чернооких цыганок. Мотив веселой цыганской жизни, способной развеять тоску страждущей русской души, актуализировался в лирике первой трети XX в. В условиях жестких ограничений духовной, творческой свободы личности, в атмосфере гнетущего страха перед лицом начавшихся массовых репрессий возродившаяся цыганщина означала бегство русской интеллигенции в пространство мифической цыганской вольности.

В русском песенном фольклоре история рецепции цыган развивалась иначе. Продолжавшаяся веками миграция цыган в Центральную Россию (а позднее и в Сибирь), тенденция к полуоседлому и оседлому образу жизни обусловили широкие межэтнические контакты двух народов. Русское население хорошо знало реальную жизнь цыган (характер, нравы, быт), которая нашла отражение в создаваемых фольклорных текстах о русских цыган, в том числе в песнях и частушках. В то же время благодаря повсеместной музыкально-исполнительской деятельности цыган в народную среду проникали и подвергались фольклоризации «цыганские» песни и романсы литературного происхождения.

У нас есть возможность проследить направления рецепции и варьирования цыганской темы в фольклорной среде на материале записей песен жителей Кемеровской области, в культурной памяти которых сохранились песни о цыганах на литературной и фольклорной основе.

Так, повсеместно распространена в несущественных вариациях «Песня цыганки» Я. Полонского («Мой костер в тумане светит...») и песня из поэмы А.С. Пушкина «Цыганы» «Старый муж, грозный муж». Однако чаще в фольклорных песнях встречаются только следы «цыганского текста» литературного происхождения. Например, в песне «И расскажу я вам, как жил с цыганами...» (зап. в с. Котино Прокопьевского р-на в 1986 г. от М.А. Бессоновой, 1919 г.р.) содержится краткий пересказ фабулы пушкинских «Цыган», представленной как бытовая история:

*Однажды вечером что-то взгрустнулось мне,
И взял я нож, пошел к реке,
Цыганка вольная с другим целуется,
Блеснул и нож в моей руке.
Цыганка вольная вперед поддалась
И тихо молвила свои слова:
«Я птица вольная, люблю цыгана я
И за любовь всегда помру!»*

Пушкинскими реминисценциями начинается песня «Восток зарей покрылся, / Спит табор кочевой» (зап. в с. Бурлаки Прокопьевского р-на в 1984 г. от А.В. Куликовой, 1938 г.р.), повествующая о неверной любви цыган:

*Цыган ей отвечает:
«Я просто не любил,
Я просто посмеялся
И просто полюбил».
Какие быть могут шутки?
Какой быть может смех?
Семнадцать лет девчонке,
А счастья в жизни нет.*

Литературный след несет песня «Стаканчики граненые» (зап. в с. Карагайла Прокопьевского р-на в 1985 г. от А.И. Сериковой, 1935 г.р.), отсылающая к романсу Е. Юрьева «Зачем любить, зачем страдать» (1912). При этом народная песня радикально трансформи-

рует и оспаривает тему цыганского романса. Если героиней стихотворения Юрьева является вольная, капризная, изменчивая цыганка, холодная «как лед» к «мольбам любви» и утверждающая идею свободы от обязательств и условностей любовных отношений: *«Зачем, зачем любить? / Зачем, зачем страдать? / Хочу я вольной жить, / Лишь песни распевать! / Пусть в шутках и цветах / Сон жизни пролетит; / Пусть песня на устах / Свободой звучит!»* [Старинные русские песни и романсы 2006, с. 341], – то содержанием народной песни становится жалоба деревенской девушки, покинутой возлюбленным цыганом и сожалеющей о мирном сельском бытии без цыганских страстей:

*– Зачем было влюбляться?
Зачем было любить?
Не лучше бы расстаться,
Друг друга позабыть.
<...>
Жила бы я в деревне,
Доила бы коров,
Не знала бы на свете,
Что есть така любовь!*

Следует отметить, что, вопреки поэтической традиции, осуждение недолговечности и обманчивости цыганской любви, нередко принимающее характер инвективы, стало общим местом в народных песнях, например: *«Цыгане вы, цыгане, / Холодные сердца, / Вы любите словами, / А сердцем никогда»* (зап. от Куликовой А.В.) или *«Цыгане вы, цыгане, / Кочующий народ, / Когда же вас, цыгане, холера заберет»* (зап. в п. Чебалсу Междуреченского р-на в 1988 г. от Е.Н. Стариковой, 1932 г.р.).

Любопытно развитие в этом ряду мотива любви между цыганом и русской девушкой в песне *«Ехал цыган на коне верхом...»* (зап. в п. Каз Таштагольского р-на в 2001 г. от Г.К. Железняковой, 1925 г.р.). Песня имеет, скорее всего, литературный источник, т.к. слишком очевидна связь с политикой советской власти, направленной на приобщение цыган к оседлому образу жизни. В песне герой – молодой цыган, полюбивший русскую красавицу, зовет ее с собой: *«А будешь, девушка, моей женой, / Будем ездить по стране родной»*, на что девушка отвечает: *«Я любви цыганской не пойму, / А если любишь, потерял покой, / Оставайся же тогда со мной!»*. Песня заканчивается своеобразным эпилогом:

*Не уехал цыган из села,
До чего ж любовь-злодейка зла!
А цыган – первый на селе кузнец,
Вот уж песенке моей конец.*

В народной среде, судя по песням, записанным в Сибири, бытовало представление о том, что у цыган много денег: «*Цыганочка молодая, / Ворожейка не простая, / Беги домой поскорее, Бери ключи от комоду, / Раскрывай крышки дубовые, / Бери деньги золотые, / Купи коня вороного, / Для цыганенка молодого*» (зап. в п. Шерегеш Таштагольского р-на в 1985 г. от Л.И. Чурсиной, 1914 г.р.). Об этом же в песне «Мне немножко подрасти» (зап. в г. Новокузнецке в 1999 г. от Д.С. Ворониной, 1919 г.р.): «А богатые цыгане говорят: “Много денег у наших ребят, / У нас кони сторублевые, / Санки лаковые, / Наши женки наряжены / В пальто драповые”». СобираТЕЛЬНЫЙ портрет цыган передает роскошь и богатство их одеяния, связанного с суровым климатом Сибирского края: «шубы меховые», «шали пуховые», «юбки шерстяные», «серьги золотые», – (см. варианты песни «Ой, мама, мама, люблю цыгана Яна», зап. в п. Базанча Таштагольского р-на в 1986 г. от Т.Е. Воробьевой, 1929 г.р., и Т.М. Гусевой, 1933 г.р.).

Не обходят народные песни, в отличие от литературной традиции, вниманием промысел цыган, связанный с воровством и гаданием – основной источник богатства. О воровстве всегда говорится с долей иронии: «*Я цыган и ты цыган, / Оба мы цыгане, / Я ворую лошадей, / А ты воруеть сани. / ... / Я цыган и ты цыган, / Оба мы цыгане, / В землю ты и в землю я, / Обоих закопали*» (зап. в с. Лебеди Промышленновского р-на в 1986 г. от В. Гумачева, 1973 г.р.). Образ цыганки-ворожеи или гадалки выглядит более привлекательно: «*Ворожить ты гадать мастерица, / Ты цыганкой на то рождена*», поскольку помогает лирическому герою: «*Разгадай мою грусть, мою скуку, / От бессонных ночей исцели*» (зап. в г. Осинники в 1985 г. от Н.А. Кособокова); «*Цыганочка, цыганочка, / Развей мою печаль*» (зап. в с. Куртуково Новокузнецкого р-на в 1993 г. от Е.Н. Ушаковой, 1915 г.р.).

Насколько видно из вышеприведенных примеров, история рецепции цыган в русском песенном фольклоре развивалась как под влиянием литературной традиции, так и на реальной этнографической основе широких межэтнических контактов двух народов.

Выводы к главе 3

Обращение к фольклору в XVIII в. носило не характер подражания, стилизации, а являлось естественным поиском «новой» национальной формы лирического жанра. Литературная песня первоначально создается в сознательном отталкивании от фольклорной песни, при этом поэты экспериментируют с фольклорными мотивами, образами, ритмикой и языком. Безусловно, что литературная песня уже в начале XIX в. все более пользуется огромным ресурсом народной поэзии и одновременно начинает оказывать влияние на формирование жанровых моделей и тем фольклорной песни. Русская литературная поэзия становится постоянным источником для пополнения корпуса фольклорных песенных текстов, трансформируя поэтику и эстетику народной песни как таковой.

Песни литературного происхождения, ещё в начале XX в. отвергаемые фольклористами и литературоведами, как недостойный внимания материал, в современности все чаще становятся объектом научного осмысления. Рассмотренный нами фольклорный песенный материал безусловно разнороден. Мы обращаемся к записям фольклора архива факультета филологии Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета (ранее НГПИ, КузГПА) 1980–2010-хх гг. Спецификой фольклорной практики в педвузах было отсутствие установки на жанровую и тематическую избирательность, песни литературного происхождения воспроизводились информантами произвольно, поэтому нам представляется возможным увидеть естественную ситуацию бытования песенного фольклора литературного происхождения среди населения Кузбасса.

Анализ фольклоризации литературных произведений на материале песенного фольклора русских Кемеровской области, с одной стороны, представляется сложным процессом. Мы не всегда можем опереться на документальные источники: в какой среде, когда и при каких условиях возник тот или иной фольклорный вариант, насколько сильно информант-исполнитель изменил текст, является ли он создателем нового варианта или просто воспроизвел текст без изменений, какие тексты попали в поле зрения народного автора, каков был его кругозор. С другой стороны, часто анализ имеющихся вариантов и вариаций одного первоисточника выявляет череду повторяющихся явле-

ний, что позволяет нам предполагать наличие некоторых закономерностей в трансформации литературных песен и стихотворений, ставших песнями, в региональном фольклоре.

Среди всего корпуса песенных текстов нами выделено несколько жанровых моделей, названия которым мы даем весьма условно: «пастушья», «тюремная», «семейная», «цыганская». Каждая из этих моделей песни формируется на границе фольклора, литературы и массовой культуры при взаимном влиянии одного на другое и приобретает устойчивые жанровые признаки на определенный момент развития культуры общества в целом. Региональный материал включен нами в общерусский фольклорный контекст, что позволяет увидеть общие закономерности и специфику первого.

ГЛАВА 4. СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНОГО МЕДИАДИСКУРСА

Представляется целесообразным комплексное осмысление феномена регионального медиадискурса на основе взаимодействия подходов функциональной стилистики, дискурс-анализа и аксиологической лингвистики. Край в соответствии с традициями отечественного краеведения рассматривается как «носитель аксиологического ядра», «способ существования смыслонесущей доминанты российского социума – Родина» [Киселев 2013, с. 252]. «В последние два десятилетия в России наблюдается очередной рост интереса к истории краёв и областей, больших и малых городов, при этом активно идёт переосмысление прошлого, поиск собственной региональной идентичности» [Гуркин 2006, с. 3]. Отмечается резкое повышение частотности слова *регион* в публицистике: показатели частотности 1950–1960-х, 1970–1980-х и 1990–2000-х гг. соответственно – 0,0, 12,5 и 290,5 [Ляшевская, Шаров 2009], – что свидетельствует о значимости концепта «Регион» в медиадискурсе. Осмысление региональной идентичности является важным аксиологическим признаком регионального медиадискурса, нуждающимся в филологическом изучении.

Выбор в качестве материала для исследования регионального медиадискурса городской газеты обусловлен важной ролью данного типа СМИ в системе периодической печати: «городские издания представляют самую многочисленную группу газетной продукции, выходящей сегодня в России, – примерно треть по наименованиям и около 40 % по разовым тиражам», «средний их разовый тираж – около 30 тыс. экз.» [Воронова 2007, с. 61].

В главе рассматриваются этапы истории сибирской периодической печати, повлиявшие на специфику современного регионального медиадискурса, место городской газеты в типологии СМИ, коммуникативные принципы регионального издания, своеобразие мемориально-краеведческой функции медиадискурса, краеведческие доминанты городской газеты «Кузнецкий рабочий», своеобразие её рубрик и жанров.

4.1. Из истории сибирской периодической печати

В изучении истории сибирской журналистики XVIII – начала XX в. томский исследователь Н.В. Жилиякова выделяет четыре этапа: «“донаучный” (вторая половина XIX в. – 1917 г.), характеризующийся сбором фактических данных; “краеведческий” (1920–1930-е гг.), когда стали освещаться “закрытые” при самодержавии темы, продолжилось накопление местного материала; научный этап (1960–1990-е гг.), во время которого сибирская журналистика изучалась в рамках исследований по истории, литературе и литературной критике Сибири, а также деятельности политических ссыльных. После перехода страны к капитализму (2000-е гг.) начался “реформаторский этап”, который отличают “ревизия” прежних концепций, поиски новых научных методик для изучения сибирской журналистики» [Жилиякова 2011б, с. 130]. Исследователь говорит о «лакунах» в изучении сибирской журналистики в 1930–1950-х гг., связанных с «реалиями жизни советского общества (разгром краеведческого движения, Великая Отечественная война и пр.)» [Там же, с. 131], и отмечает, что «появление современных исследований, посвящённых развитию местной журналистики в разных регионах России, связано с актуализацией вопросов “локальной истории”, осознанием в обществе ценности региональных и местных изданий наряду с общероссийскими» [Жилиякова 2011а, с. 4]. «Центром <...> изучения дореволюционной периодики Сибири стал Иркутск» [Там же, с. 127], где вышли знаковые работы Л.С. Любимова (1985), С.И. Гольдфарба (2002) и др. Обратим особое внимание в обзоре истории сибирской журналистики на дореволюционную томскую периодическую печать: Кузнецк «в 1708 приписан к Сибирской губернии, в 1726 к Тобольской провинции, в 1783 к Колыванской губернии. При образовании Томской губернии в 1804 сделан окружным центром» (материалы «Сибирской советской энциклопедии» 1931 г. приводятся по электронному ресурсу: [Новокузнецк в энциклопедиях]).

«Первым по времени обобщающим исследованием томской журналистики стала работа В.М. Крутовского “Периодическая печать в Томске” (1912). Автор рассматривал вопросы возникновения сибирской журналистики, историю первых газет Сибири (“Амур”, “Сибирь”), но главным образом он останавливался на зарождении и развитии томской газетной и журнальной прессы. К числу обобщающих ра-

бот, охватывающих значительный период развития томской журналистики, относится также книга А.В. Адрианова (1919)» [Жилякова, 2011а, с. 5]. В истории сибирской журналистики XVIII – начала XX в. Н.В. Жилякова выделяет несколько этапов: зарождение сибирской журналистики (конец XVIII в.); «глухие годы» сибирской журналистики: рукописная журналистика, публикация в казанских изданиях, в специализированных журналах Г. Спасского (конец XVIII в. – 1857 г.); появление первых сибирских газет «Губернские ведомости» (вторая половина XIX в.); издание первых частных независимых газет «Амур», «Кяхтинский листок». «Сибирский вестник» (60-е гг. XIX в.); «появление союза печатных изданий Сибири, объединённого общей областной идеей, вместе работавшего над постановкой и решением вопросов сибирской жизни, выступавшего против изданий централистских позиций» (1870–1880 гг.); «период активизации газетно-журнального дела в Сибири» (с 1890-х гг.) [Жилякова 2011а, с. 12–34].

Возникновение сибирской журналистики связано с Тобольском, «областным культурным гнездом» (Н.К. Пиксанов): «Благодаря указу Екатерины II о “вольных типографиях” тобольскому купцу Василию Корнильеву удалось приобрести печатный станок, и в 1789 году он открыл первую в Сибири типографию. В этой типографии, кроме книг, издавался первый сибирский журнал – “Иртыш, превращающийся в Иппокрену”»; «В Сибири журналистика началась в частном порядке, и первым изданием стали журналы. Целью их было просвещение сибирского читателя и его эстетическое воспитание <...>» [Жилякова, 2011а, с. 13].

В 1857 г. в четырёх губернских городах – Тобольске, Иркутске, Красноярске и Томске – стали выходить первые сибирские газеты «Губернские ведомости», существование в которых «неофициального отдела» позволило отражать местную жизнь (см. об этом: [Жилякова, 2011а, с. 23–24]). Исследователи подчёркивают важную роль в развитии сибирской журналистики первой частной сибирской газеты «Амур» (Иркутск, 1860–1862 гг.), «первого “долгоиграющего” издательского проекта сибиряков» – газеты «Сибирь» (Иркутск, 1873–1887 гг.), «первой крупной частной газеты Западной Сибири» – «Сибирская жизнь» (Томск, 1881–1888 гг.), «Томского справочного листка», «который путём сложных трансформаций через три года превратился в газету “Сибирская жизнь”, крупнейшую сибирскую газету начала XX века» (Томск, 1894–1919 гг.) [Там же, с. 12–33].

Появившиеся в 1870–1880-х гг. независимые частные газеты «Сибирская жизнь», «Сибирь», «Восточное обозрение» представляют, согласно подходу Н.В. Жилияковой, особый тип изданий, выделенный Г.Н. Потаниным, – «идейную» областную газету, которая отличается от справочного издания: «Областная газета издаётся обыкновенно как-ким-нибудь местным патриотом по большей части себе в убыток, редактируется обыкновенно самим издателем; дело ведётся не для спекуляции, а в видах развития умственной жизни края. <...> Областная газета стремится быть органом интеллигенции края, а не печатной справкой торговых контор, она представляет собой общественное явление» (цит. по: [Жилиякова, 2011а, с. 31]). Г.Н. Потанин верил в важную роль периодики в воспитании сибирского патриотизма и именно поэтому «неоднократно делал критические замечания в её адрес» [Родионова 2007, с. 126]. «Областники в периодической печати настаивали на том, что Сибирь не только должна получить все права, которыми обладают провинции Европейской России, но и особенные льготы, поскольку сибиряки находятся изначально в худших условиях по сравнению со всеми остальными россиянами – отдалены географически, живут в почти экстремальных климатических условиях, малочисленны и так далее. С другой стороны, областники считали, что Сибирь заслуживает определённых преференций, поскольку является поставщиком природных богатств для всей Центральной России» [Жилиякова 2011а, с. 430].

Характеристикам «идейной» областной газеты, сформулированным Г.Н. Потаниным, соответствует газета «Сибирская жизнь», ставшая крупнейшей сибирской газетой начала XX в. (название газеты пришло на смену гемерониму «Томский справочный листок» благодаря усилиям её основателя и первого редактора-издателя П.И. Макушина, см.: [Жилиякова 2009]), о чём свидетельствует, в частности, ходатайство П.И. Макушина о расширении программы газеты отделами: «1) статьи по разным вопросам общественной жизни, русской и заграничной; 2) статьи и известия научного и практического содержания по разным отраслям; 3) исторические, бытовые, этнографические и географические очерки; 4) повести, рассказы и стихотворения и 5) обзор событий общественной жизни, русской и заграничной» (ходатайство было удовлетворено 4 декабря 1897 г.) [Жилиякова 2009, с. 104].

В «Кузнецком рабочем» представлен материал об иркутской газете «Сибирь»: приводится содержательный обзор номера за 11 декабря 1883 года и оценивается роль М. В. Загоскина как творца газетного дела в Сибири (Ю. Павлов, 27.01.1984).

Как уже отмечалось, в начале XX в. Кузнецк был уездным городом Томской губернии. «В городском музее сохранилось несколько номеров старых газет. Их выписывали из Томска грамотные люди. Сохранились сведения, что постоянно выписывал газеты В.П. Обнорский [организатор «Северного Союза русских рабочих» жил в Кузнецке под надзором полиции с 1909 г.]», – отмечает научный сотрудник Новокузнецкого краеведческого музея А.Ю. Огурцов («Кузнецкий рабочий», 06.02.1987).

Общественно-политические изменения в истории России, связанные с событиями 1917 г., определили специфику СМИ. После февральской революции 1917 г. в Кузнецке выходит первая газета – «Кузнецкий край». Как отмечает А.Ю. Огурцов, первый номер «беспартийной» газеты вышел 2 апреля 1917 г. («Кузнецкий рабочий», 06.02.1987)¹. Её редактором был Дмитрий Тимофеевич Ярославцев [Пузынин 2006, с. 301] (А. В. Пузынин опирается на сведения из «Календаря знаменательных и памятных дат по Кемеровской области на 2002 год»). «Газета-крошка» представляла позицию Временного правительства, «находилась под влиянием эсеров», предостерегала «обывателей, крестьян против пропаганды и агитации большевиков и рабочих»; «В то время, когда рабочие в Кольчугине, Гурьевске, Щегловске создавали свои рабочие Советы, крестьянские лидеры Кузнецка опасались проникновения советской агитации в деревню» (А.Ю. Огурцов, 06.02.1987). «Но уже в мае 1918 г. в связи с контрреволюционным мятежом белочехов она прекратила своё существование» [Пузынин 2006, с. 301].

С установлением советской власти центральные и местные периодические издания превращаются в органы агитации и пропаганды РКП(б). «21 декабря 1919 г. вышел последний номер “Сибирской жизни”, прекращённой навсегда после восстановления советской власти в городе. В типографии “Сибирской жизни” стала издаваться газета “Знамя революции” (с 1921 г. – “Красное знамя»)» [Жилякова 2009, с. 114]. Советская власть осознаёт и поддерживает важную роль местной периодической печати: «Общий недостаток почти всех наших

¹ В списке источников представлены публикации об истории газеты: с. 315–316.

партийных и советских периодических изданий – оторванность от местной, а нередко и от общей политической жизни. Провинциальная партийная и советская печать почти совершенно не освещает местную жизнь, а материал по общим вопросам подбирает крайне неумело» (резолюция VIII съезда РКП(б) 1919 г. приводится по: [Пузынин 2006, с. 301]).

«В основу развития местной периодической печати были положены решения XI, XII Съездов РКП(б), а также совещания секретарей губкомов при ЦК РКП(б) 27–29 декабря 1921 г., определившие пути развития печатных изданий разных уровней. В губерниях, областях и краях должны были выходить массовые ежедневные газеты, в уездах и основных индустриальных районах должны – газеты периодичностью 2–3 раза в неделю» [Андреев 2007, с. 93]. «На губернском уровне должны выходить массовая рабоче-крестьянская политическая и производственная газета, партийный еженедельник или двухнедельник. В уездах основной должна стать популярная политическая газета, рассчитанная на читателя-крестьянина или рабочего, выходящая 1–3 раза в неделю» (содержание резолюции совещания секретарей обкомов, оббюро и губкомов РКП(б) «Об усилении местной периодической печати» 1921 г. приводится по: [Пузынин 2006, с. 302]. Содержание партийно-советских изданий также определяется Специальным циркуляром ЦК РКП(б) – «предписывалось иметь следующие тематические разделы и специальные рубрики: сельская жизнь и кооперация деревни, городская жизнь и развитие промышленности, народное просвещение, коммунальное хозяйство и быт, партийная жизнь» [Андреев 2007, с. 93].

На судьбу региональных изданий повлияло и новое административно-территориальное членение страны. Для Кузнецка новыми административными центрами стали Новониколаевск (губернский город) и Щегловск (окружной, а затем областной центр). В 1921 г. Новониколаевск (современный Новосибирск) становится новым пролетарским административно-политическим центром: на части территорий Томской и Омской губерний образуется Новониколаевская губерния, в 1925 г. Томская губерния вошла в состав Сибирского края (с 1930 г. Западно-Сибирского края). «Сибирская советская энциклопедия» (1931) указывает, что «при районировании (1925) – окружной центр перенесен из Кузнецка в Щегловск [современный Кемерово]» [Новокузнецк в энциклопедиях].

Пресса Новониколаевска – Новосибирска развивается в соответствии с директивами РКП(б). «С окончанием гражданской войны начинается новый период развития печати Новониколаевска – Новосибирска, продлившийся примерно 10 лет до августа 1930 г. <...> Идёт формирование чёткой иерархической пирамиды советской прессы: центральные, уездные, губернские газеты, а также издания на национальных языках. <...> Наряду с центральными газетами, распространяемыми в регионе, создаются областные, городские и уездные газеты, начинают выходить журналы» [Лизунова 2007, с. 98]. Первой новосибирской общественно-политической газетой, распространяемой на огромной территории края, стала «Советская Сибирь» (с 1919 г. выходит в Челябинске, с 1920 г. в Новониколаевске) [Там же]. Рассматривая историю периодической печати Новониколаевска–Новосибирска, И. В. Лизунова отмечает, что «с 1922 г. в Новониколаевске создаются и крепнут различные журналы [в том числе краеведческий «Жизнь Сибири»]»; «в двадцатые годы при губернских и уездных газетах создаются активы корреспондентов, пробующих себя в очерке, рассказе, стихе», «при губернских газетах Новониколаевска создаются бюро по руководству корреспондентами» [Там же, с. 98–99]. Как переломный исследователь характеризует период конца 1920-х гг., когда «курс на всевластие однопартийной, максимально идеологизированной советской периодической печати означал включение печати, в том числе и новосибирской, в единую систему сталинского режима, со всеми вытекающими функциями: пропаганды, агитации и организации» [Там же, с. 100]. А.Г. Борин в исследовании роли городской газеты в процессе формирования горожанина подчёркивает, что «все газеты этого времени в Сибири были связаны с краевой газетой “Советская Сибирь”, издававшейся в Новосибирске огромным по тем временам тиражом – 46 тысяч экземпляров» [Борин 2006, с. 35].

7 января 1922 г. вышел в свет первый номер газеты «Кузбасс». «Это был орган Кольчугинского райкома ВКП(б) и рудоуправления, рудисполкома и райкома горнорабочих. Тираж первого номера газеты составлял около 1000 экземпляров. После образования в 1924 г. Кузнецкого округа районная газета “Кузбасс” была преобразована в окружную, а редакцию и типографию газеты перевели в город Щегловск – центр Кузнецкого округа. Осенью 1930 г. окружная газета “Кузбасс” стала органом кемеровского горкома ВКП(б), горисполкома и горпрофсоюза. После создания Кемеровской области в 1943 г. газета

«Кузбасс» становится областной» (данные из «Календаря знаменательных и памятных дат по Кемеровской области на 2002 год» приводятся по: [Пузынин 2006, с. 302]).

Говоря о развитии периодической печати горно-добывающих районов Западной Сибири, В.П. Андреев подчёркивает изменение характера подачи материала в конце 1920-х гг., когда «массовая печать стала рассматриваться, почти исключительно, как средство воздействия на массы, и в крайне незначительной мере – как средство выражения общественного мнения» [Андреев 2007, с. 95] (эти наблюдения совпадают с приведёнными ранее, в связи с историей печати Новониколаевска – Новосибирска).

Судьба Кузнецка коренным образом изменяется в связи со строительством Кузнецкого металлургического комбината: «За рекой против Кузнецка, в связи с постройкой гигантского металлургического завода растёт новый Город-Сад, насчитывавший в 1929 уже в пять раз больше жителей, чем в самом Кузнецке» («Сибирский энциклопедический словарь» 1931 г.: [Новокузнецк в энциклопедиях]); Кузнецк «в 1932 объединен с Сад-Городом в г. Новокузнецк, в том же году присвоено название Сталинск, с 1939 – райцентр Новосибирской области, с 1943 – Кемеровской области, с 1961 – переименован в Новокузнецк» («Историческая энциклопедия Сибири» 2010 г.: [Новокузнецк в энциклопедиях]).

В марте 1930 года выездная бригада новосибирской краевой газеты «Советская Сибирь» подготовила к печати первый номер кузнецкстроевской газеты «Сибирский гигант»: «Новосибирцы шефствовали над всенародной стройкой. Они стремились помочь кузнецкстроевцам и в выпуске первых номеров своей печатной газеты. Сами собрали материал, подготовили его для печати. Наборщик из Новосибирска вручную набрал весь номер, сверстал его» (В. Целищев, 28.03.2000).

Представим историю городской газеты «Кузнецкий рабочий», опираясь на публикации в ней и других изданиях города и региона («Кузбасс», «Кузнецкие вести»).

«Строители Кузнецкстроя не просто возводили металлургический гигант, они создавали и новую социалистическую идеологию, которая находила выражение и в модели строительства города, и на страницах периодической печати. Городская газета начиналась со стенной газеты, что вообще характерно для начального этапа индустриализации.

В первые месяцы на Кузнецкстрое выпускалась стенгазета строителей “Топор”. Она выходила 1–2 раза в месяц. Через некоторое время она стала называться “Боевой темп”» [Борин 2006, с. 35]. Первый номер городской газеты вышел на площадке Кузнецкстроя 30 марта 1930 года. Называлась она тогда «*Сибирский гигант*» («Городская газета...», 28.03.2000) и была «органом райкома ВКП(б), горсовета и стройкома» (В. Целищев 28.03.2000). Выбор гемеронима связан с идеологией строительства Кузнецкого металлургического комбината. Так, в книге об истории развития советской металлургии приведена характерная формулировка: «Одновременно с Магниткой шла напряжённейшая борьба за создание гиганта Сибири – Кузнецкого комбината» [В борьбе за советскую сталь... 1991, с. 134]. Гемероним свидетельствует о неразрывной связи газеты со строительством мощного металлургического комбината, о чём размышляют и журналисты конца XX в.: «Первое название газеты «Сибирский гигант», думается, понятно. Начиналось строительство Кузнецкого металлургического комбината, и газета была призвана помогать этому большому делу» (В. Коровина, 20.02.1990). «Ещё ничего по сути и не было весной 1930 года, всё главное было впереди. Но 30 марта две тысячи экземпляров газеты с гордым именем “Сибирский гигант” увидели свет. Журналисты сами разнесли их по рабочим местам строителей. Родилась газета, без которой уже не представлялась жизнь стройки, комбината и города» (Л. Савицкая, 20.01.2000).

К 70-летию газеты приурочена публикация отрывка из истории газеты «Нелёгким был путь», написанной старейшим журналистом города Василием Целищевым: «В ночь на 30 марта 1930 года в одном из временных тесовых бараков, что стояли в дни Кузнецкстроя на Нижней колонии по улице Орджоникидзе, до самого утра горел свет. <...> Привезённый бригадой новосибирцев нефтяной двигатель никак не хотел действовать. То ли было плохое топливо, то ли в помещении холодно, или другая какая-то была причина, но, сделав несколько оборотов, двигатель начинал “чихать” и останавливаться. У печатника была уже мокрая спина, но машина продолжала капризничать. <...> А потом вдруг как-то сам собой ещё раз зло фыркнул, и маховое колесо завращалось бесперебойно. Один отиск, второй, третий... Когда уже окончательно начало светать, тираж был полностью отпечатан. Сотрудники сами разнесли её по рабочим местам строителей. Так появи-

лась на площадке Кузнецкстроя первая печатная газета. Предшественником её была стенная газета “Топор”, которая выходила раз-два в месяц. Через некоторое время она стала именоваться «Боевой темп» и издаваться чаще» (В. Целищев, 28.03.2000). Сам Василий Иванович Целищев «пришёл в редакцию в 1932 году», «был литературным сотрудником, заведующим культурно-бытовым и примышленным отделами, выпускающим, ответственным секретарём, заместителем редактора» (из лида к публикации В.И. Целищева, 27.02.1968).

Газета возникла как рупор индустриализации: «С первых номеров “Сибирский гигант” становится боевым помощником партийной, профсоюзной, комсомольской организаций и хозяйственного руководства в мобилизации коллектива строителей всенародной стройки на борьбу за большой сибирский металл» (В. Целищев, 28.03.2000). «Выход газеты явился важным событием в жизни многотысячного отряда строителей, – пишет редактор газеты «Сталинское знамя» П.С. Канаев. – На страницах газеты публиковались статьи, письма, отражающие самоотверженный труд землекопов, плотников, монтажников, жизнь людей, пришедших в далёкую, таёжную Сибирь, чтобы выполнить почётное задание Коммунистической партии и Советского правительства – построить крупнейший металлургический комбинат и социалистический город» (П. Канаев, 31.03.1955). В приуроченной к 25-летию газеты статье её редактора П.С. Канаева отражается характерная для советской прессы чёткая иерархия изданий – место городской газеты соотносится с областной и общесоюзной газетами: «Вместе с тем необходимо отметить, что в работе газеты имеются серьёзные недостатки, на которые неоднократно указывали партийные организации, газета “Правда” и областная газета “Кузбасс”» (Там же).

Сначала газета выходила два раза в пятидневку малым форматом (В. Коровина, 20.02.1990). С 17 октября 1930 года «Сибирский гигант» начинает выходить ежедневно. 1 января 1931 года газета переименовывается в «Большевик Кузнецкстроя» (П. Канаев, 31.03.1955; «Городская газета...», 28.03.2000). Для А. Логинова, рассказывающего историю газеты в преддверии её 70-летия, такое название звучит *скромнее, конкретней и по-партийному* (А. Логинов, 03.07.1999). А. Г. Борин обращает внимание на идеологическую основу гемеронимов: «Переименование отражало направленность всей работы газеты в то время: все статьи, независимо от содержания, должны были получить санкцию райкома или горкома» [Борин 2006, с. 35]. С 1 января 1932 года газета

выходит под новым названием «*Большевицкая сталь*» и становится большеформатной (П. Канаев, 31.03.1955; Л. Савицкая, 27.01.2000; «*Городская газета...*», 28.03.2000). Как отмечает А.Г. Борин, «переименование было связано с пуском первой очереди и окончанием строительства всего завода» [Борин 2006, с. 35].

В 1930-е гг. газета формирует сознание горожанина – сознание кузнецкстроевца: «Особую роль в формировании новой идентичности, то есть в процессе осознания себя как горожан, сыграла общегородская газета. Она являлась не только новым способом передачи информации, но и создавала чувство сопричастности к общему большому и важному делу – строительству завода и города. Через газету в сознание всех проживающих в “городе”, а назвать городом то, что представлял собой Сталинск в начале 1930-х годов, можно было с большим трудом, внедрялась мысль о том, что главной задачей всех, живущих в городе, является строительство завода. Город и завод в этой модели сливались воедино, а город превращался в неотъемлемую часть завода» [Борин 2006, с. 35]. Городская газета Сталинска 1930-х гг. играет важную роль в создании символической составляющей нового города: «Газета поднимала и обсуждала проблемы, значимые не только для завода, но и для города, такие как строительство водопровода, канализации, пуск трамвая, озеленение и благоустройство. Эти объекты одновременно становились символами нового города – “соцгорода” и городского образа жизни» [Там же].

Сначала редакторы газеты «менялись каждые два-три месяца» (А. Логинов, 03.07.1999). «Приближение сроков пуска основных металлургических агрегатов ставило перед редакцией более сложные задачи, требовало более квалифицированные кадры. Уже нельзя было мириться с тем, что руководство газеты менялось чуть ли не каждые два-три месяца. По направлению ЦК на Кузнецкстрой приезжает старый большевик с опытом редакционной работы Александр Иванович Власов [в 1931 г.]. Его заместителем становится Дмитрий Иванович Смирнов, бывший до этого секретарём парторганизации Московского института журналистики. Тогда же появились в газете будущий писатель Борис Самойлович Ямпольский, будущий художник Николай Иванович Пильщиков, делавший для газеты зарисовки с натуры» (Л. Савицкая, 27.01.2000). А.И. Власов – «старый коммунист, с большим опытом журналистской работы», его трудовой путь закончился в

1937 году...» (А. Логинов, 03.07.1999). «В 1938–39 годах газету возглавлял инженер-металлург <...> Иван Григорьевич Демко», с приходом которого «поменялась тематика: если раньше в большинстве были статьи с промышленных объектов, то при Иване Григорьевиче стали глубже освещаться вопросы освоения техники, рационализации и изобретательства» (Там же). В экспрессивном заголовке очерка А. Берлина И.Г. Демко представлен как «*Воин, металлург, редактор*» (А. Берлин, 03.10.1989).

В годы Великой Отечественной войны «Большевицкая сталь» «как могла поддерживала моральный дух работников КМК и вновь прибывших эвакуированных заводов – алюминиевого и ферросплавного», «через газету организовывались сборы тёплых вещей бойцам Красной армии и сдача личных сбережений в фонд обороны» (А. Логинов, 03.07.1999). «Большинство журналистов и технических работников были призваны или ушли на фронт добровольцами в первые недели фашистской агрессии. Редактор газеты Георгий Антонович Доронин ушёл добровольцем на фронт [летом 1942 года], воевал в Сибирской добровольческой дивизии и погиб смертью храбрых. Андрей Фёдорович Сергеев, сотрудник промышленного отдела, погиб в 1942 году, при защите Воронежа» (А. Логинов, 03.07.1999). А. Берлин экспрессивно характеризует Г.А. Доронина в заголовке очерка о нём – «*Редактор, поэт, гражданин*» (30.03.1990). Из-за нехватки бумаги газета выходила половинным форматом, использовали даже обёрточную бумагу.

После Победы «главным стало залечивание ран, нанесённых войной, развёртывание социалистического соревнования за увеличение выпуска, улучшение качества и снижение себестоимости выпускаемой продукции, более полное удовлетворение культурно-бытовых потребностей населения» («Городская газета...», 28.03.2000). А. Логинов в приуроченном к 70-летию газеты материале отмечает, что после войны основными темами стали «производственные задачи и трудовые подвиги металлургов, шахтёров и строителей» (03.07.1999). С 1 мая 1953 года газета переименовывается в «*Сталинское знамя*», 1 июня 1956 г. обретает своё нынешнее имя – «*Кузнецкий рабочий*».

В 1960 году при первом послевоенном редакторе Павле Сергеевиче Канаеве при редакции создана школа рабкоров и начала работу первая общественная приёмная. В шестидесятые годы, достигнув столытичного тиража, «Кузнецкий рабочий» стал самой массовой газетой

в стране среди однотипных изданий (А. Логинов, 03.07.1999; «Городская газета...», 28.03.2000). «Юрию Дмитриевичу Баландину в 60-е годы “Кузнецкий рабочий” был обязан более современным лицом: новым дизайном, разнообразием жанров, свежим подходом к разработке тем» (Л. Савицкая, 30.03.1995). Л. Савицкая вспоминает своего первого редактора – Александра Михайловича Лисенко, который «учил пуще всего бояться неточностей, ошибок, вранья» (Там же). С 1960-х гг. любимая тема газеты – Западно-Сибирский металлургический завод [ЗСМЗ запущен в 1964 г.] (А. Логинов, 03.07.1999).

Старейшая городская газета Новокузнецка прошла путь от рупора индустриализации «Сибирского гиганта» до «идейной» областной газеты, тип которой выделил Г.Н. Потанин. Н. В. Жилиякова характеризует областничество как «ключевую идею Сибирского региона и сибирской журналистики, выделившую её на фоне остальных провинциальных изданий России» [Жилиякова 2011а, с. 430]. Представляя региональный медиадискурс, «Кузнецкий рабочий» конца XX – начала XXI в. наследует традиции «идейных» областных газет, в частности «Сибирской жизни».

Наследование традиций «идейных» областных газет связано не только с вниманием к событиям в регионе, но и с концептуальной основой подачи информации.

4.2. Городская газета в типологии средств массовой информации¹

Региональные СМИ исследуются в журналистике (М.В. Шкондин, О.А. Воронова, А.А. Кажикин, А.В. Винныйчук, С.Е. Паленков и др.), социологии (П.В. Бандаков, Ю.А. Дроздова, П.Н. Полосин и др.), лингвистике (Т.В. Чернышова, Л.В. Черепанова, М.В. Гречихин, О.В. Орлова, О.В. Фельде, И.И. Бабенко, Л.В. Дубина, Ю.А. Богомолова, Н.В. Камнева и др.). Важен диахронический аспект изучения региональных СМИ, представленный в трудах по журналистике (Л.С. Любимов, С.И. Гольдфарб, Ю.Л. Мандрика, Н.В. Жилиякова и др.) и истории. Так, в сборнике материалов региональной научной конференции, посвящённой 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.), представлены работы историков, раскрывающие вопросы возникновения и развития периодической печати в Сибири, отражения на страницах сибирской периодики социальной,

¹ В статье использованы материалы статьи: [Пушкарева 2018].

политической, экономической и культурной жизни региона [150 лет периодической печати в Сибири 2007]. Городская газета «Кузнецкий рабочий» (ранее – «Сибирский гигант», «Большевик Кузнецкстроя», «Большевицкая сталь») упоминается в статье В.М. Зиняковой о распространении периодической печати в рабочих районах Западной Сибири (1926–1932 гг.) [Зинякова 2006, с. 267], включена в источниковую базу исследования А.Г. Бориным – «для создания комплексной картины формирования города» [Борин 2010, с. 16].

Городская газета выделяется в типологии периодической печати по аудиторному признаку и, согласно подходу М.В. Шкондина, входит в группу изданий внутрироссийских и международных общностей, существующую наряду с группой общероссийских изданий [Типология периодической печати 2007, с. 41–42]. М.В. Шкондин отмечает, что «в региональной газетной периодике в постсоветский период востребованными оказались все традиционные типы изданий, прежде всего республиканские, краевые, областные, городские, районные и многотиражные (низовые) газеты», однако «пока типологические черты этих изданий медленно преобразуются в соответствии с требованиями общественных перемен» [Там же, с. 42]. Приведённые исследователем статистические данные о выпуске региональных газет позволяют отметить своеобразие динамики тиража городских газет: их годовой тираж, в отличие от других региональных изданий, вырос в период с 1989 г. до 2000 г. с 3,0 млрд экз. до 3,7 (тогда как, например, у краевых и областных газет снизился от 4,0 до 1,5) и сохранил самый высокий показатель (3,5) в 2004 г. (тираж краевых и областных газет в 2004 г. снизился до 0,8 млрд экз.); растёт число городских газет: в 1989 г. – 490 изданий, в 2000 – 2318, в 2004 – 2354 [Там же]. О.А. Воронова констатирует, что «городские издания представляют самую многочисленную группу газетной продукции, выходящей сегодня в России, – примерно треть по наименованиям и около 40 % по разовым тиражам», «средний их разовый тираж – около 30 тыс. экз.» [Там же, с. 61]. Отметим, что, согласно данным, приводимым на официальном сайте городской газеты «Кузнецкий рабочий», её средний тираж – около 40 тыс. экз., в декабре 2007 г. «Кузнецкий рабочий» в пятый раз получил приз Национальной тиражной службы «Тираж – рекорд года», в 2016 г. стал обладателем знака «Золотой фонд прессы – 2016» (наряду с 30 газетами и журналами России). По данным информационно-аналитической системы «Медиалогия» за 2011–2015 гг., «Кузнецкий рабочий» занимает

лидирующие позиции среди самых цитируемых изданий Кемеровской области: возглавляет рейтинг СМИ в 2011 и 2014 гг., возглавляет рейтинг газет в 2013 г. (третья позиция – после интернет-изданий *Gazeta.a42.ru* и *NK-TV*) и в 2015 г. (третья позиция – после интернет-изданий *Vse 42.ru* и *Sibdepo.ru*); в 2012 г. «Кузнецкий рабочий» занимает третью позицию, уступая областной газете «Кузбасс» и информационному агентству «Город новостей». Достойное положение «Кузнецкого рабочего» в медиaprостранстве связано с хорошей журналистской школой, с традициями издания, на протяжении многих десятилетий являющегося городской газетой крупного металлургического центра (*стального сердца Сибири*) и одновременно центра юга Кузбасса (*южной столицы Кузбасса*).

Известный исследователь сибирской прессы Л.С. Любимов, размышляя о специфике местных изданий, приводит мысли «замечательного земляка, мецената прессы, патриота прессы, основателя столичного журнала “Сибирские вопросы” Владимира Платоновича Сукачёва»: «На рубеже XX века он написал, что круг читателей органов местной печати не обширен, но читают они и не по обязанности, а по доброй воле – от доски до доски. “Укрепление в этой среде уважения к личности и правам человека, кто бы он ни был, участливого отношения к слабым, немощным и обиженным и убеждение в необходимости непрерывного служения окружающим людям – вот, по крайнему нашему разумению, воспитательная задача этих органов печати”» [Любимов 2007, с. 11]. О.А. Воронова говорит о важной коммуникативной роли городской газеты в информационном пространстве города и приводит данные опроса россиян: «Традиционная городская пресса обычно занимает прочные позиции в информационной структуре города и в качестве главного поставщика местной информации пользуется неизменным читательским спросом» [Типология периодической печати, 2007, с. 61]; лишь 27 % опрошенных россиян считают, что есть газета, которая полностью или почти полностью удовлетворяет их потребность в информации, «чаще других при этом назывались местные газеты (13 %)» [Там же, с. 60]. Итоги исследования в рамках семинаров для главных редакторов районных и городских газет, проведённого факультетом журналистики МГУ, позволили О.А. Вороновой сделать вывод о том, что «именно близость к читателю определяет “лицо” местной газеты» [Там же, с. 63]. Разнообразие городских газет

связано с их способностью изучать и отражать «местные условия, интересы аудитории», разрабатывать «оригинальную концепцию, способ подачи материала» [Там же, с. 67]. О.В. Орлова, изучая миромоделирующий потенциал медиаконцепта «Нефть» в районной прессе Томской области, подчёркивает «гипертрофированный фактор адресата, особую близость с целевой аудиторией» [Орлова 2012, с. 43].

Т.В. Чернышова исследует читательские предпочтения в сфере газетной коммуникации на экспериментальной основе и выявляет круг предпочитаемых и «раздражающих» изданий, причины их предпочтения и неприятия [Чернышова 2009, с. 73–88]. Из 45 участников опроса 39 (86,7 %) включили в круг своих предпочтений местные и региональные издания. В ответах респондентов о предпочтениях звучат мысли о региональном колорите издания: *Можно узнать более полную и подробную информацию о событиях в крае, столице, стране и мире* [Чернышова 2009, с. 75]; *Информация о последних событиях в регионе и стране* [Там же]; *Интересуют события, происходящие в г. Барнауле и в других местах* [Там же, с. 76]; *Широкое освещение жизненно важных проблем края, города, страны* [Там же]; *Информация о местных событиях* [Там же].

С другой стороны, Т.В. Чернышова отмечает, что 26 % опрошенных в качестве неинтересных для них назвали конкретные издания и «к числу газет, “раздражающих” читателей, относится ряд местных изданий, т.к. их отличает *низкий профессиональный уровень журналистов; “сухой” язык* [Чернышова, 2009, с. 86]. Среди отрицательных характеристик есть указание на региональный колорит: *не люблю [«Алтайскую правду»] вследствие <...> «провинциальной» (колхозной) направленности* [Там же].

О.В. Орлова отмечает важную роль масс-медиа, которыми изначально иницируются «все актуальные семантические доминанты региональной концептосферы» [Орлова 2011б, с. 9]. Исследования по журналистике в области региональных СМИ затрагивают вопрос об их содержательном своеобразии, подходя к его осмыслению в двух основных аспектах – со стороны анализа читательских предпочтений и со стороны информационной наполненности газетных материалов. Так, в ходе социологического исследования читательских информационных интересов А.Н. Винныйчук установила первостепенные задачи городской газеты: она должна «информировать о городских происшествиях и событиях; освещать и анализировать политические, экономические

и социальные процессы, происходящие в городе; отражать разнообразие мнений, настроений» [Винныйчук 2009, с. 25]; предпочитаемая горожанами (ростовчанами) тематика – «экономическая ситуация в городе, работа промышленных предприятий; здравоохранение, медицина, семья, быт, дом; состояние городского хозяйства; торговля, транспорт, бытовое обслуживание» [Там же, с. 26]. Согласно данным исследования «Газеты средних и малых городов России в 2010-х гг.», проведённого учёными факультета журналистики МГУ, самыми важными для опрошенных являются пять тем: состояние ЖКХ, деятельность жилищно-коммунальных служб; строительство, ремонт дорог, других коммуникаций; строительство, ремонт муниципального жилья; работа городских органов власти; сфера здравоохранения» [Медиа Тренды 2015, с. 3].

С.Е. Паленков, рассматривая информационную динамику в СМИ на материале региональной прессы, говорит о взаимодополнении в ней процессов глобализации и регионализации. Во-первых, региональный материал «выступает как необходимое пространство раскрытия общезначимых информационных феноменов и как условие центростремительной динамики в СМИ» [Паленков 2010, с. 15], эта тенденция, согласно наблюдениям исследователя, проявляется в актуализации в региональных СМИ темы роста преступности, усиления борьбы с ней, реформирования правоохранительных органов [Там же, с. 13]. Во-вторых, региональная специфика изданий отражается в двух выделенных С.Е. Паленковым «векторах»: экспертной оценки и позитивно-проблемного углубления [Там же, с. 15]. В выпуске издания «Медиа Тренды», посвящённом региональной журналистике, приводятся данные исследования учёных факультета журналистики МГУ «Газеты средних и малых городов России в 2010-х гг.» о тематическом своеобразии региональных изданий [МедиаТренды 2015, с. 3]. Согласно этим данным, «редакторы и журналисты отчётливо осознают проблемы своих городов, интересы местных жителей, их нужды, поэтому выстраивают доминанты в содержательно-тематической модели изданий в соответствии с наиболее неблагополучными сторонами средних и малых городов, их жителей» [Там же]. С другой стороны, в исследовании отмечаются стремление изданий средних городов «сохранить культурно-просветительское направление», немалое внимание к «культуре, истории, традициям городов, семье, воспитанию, в том числе патриотическому» [Там же].

Приведём данные о результатах анкетирования среди молодёжи Новокузнецка: студентов историко-филологического факультета НИФ КемГУ (37 человек, возраст – 17–20 лет; среди анкетированных было пять студентов-заочников, которые старше 20 лет) и Новокузнецкого индустриального колледжа (57 человек, возраст – 16–18 лет, одна девушка старше 20 лет), а также обучающихся 9-го класса средней общеобразовательной школы № 112 г. Новокузнецка (43 человека, возраст – 15–16 лет) (см. образец анкеты в приложении 1). Не вызывает сомнения положительное отношение к газете старшего поколения, сформированное ещё в соответствии с менталитетом XX в., поэтому была поставлена такая цель эксперимента, как исследование отношения к городским газетам (и другим масс-медиа) именно современной молодёжи, живущей в эпоху Интернета. Информантам был задан вопрос: *«Какую роль в жизни горожан должны играть городские газеты, городские информационные (информационно-аналитические) сайты?»*. Участники анкетирования могли выбрать несколько вариантов и предложить свой вариант ответа. Два информанта-школьника выбрали вариант ответа *«Городские газеты, городские информационные (информационно-аналитические сайты) не нужны»*. Приведём полученные данные в таблице:

Таблица 1

Данные эксперимента о роли городских масс-медиа

Варианты ответов	Количество информантов, %						
	общее количество	юноши (45 чел.)	девушки (49 чел.)	школьники	студенты	студенты-филологи	студенты-нефилологи
1	2	3	4	5	6	7	8
<i>Должны давать полезную информацию о жизни города и края</i>	79	30	49	23	56	26	30
<i>Должны воспитывать уважение к тому месту, где ты родился и живёшь</i>	47	15	32	13	34	16	18
<i>Должны включать горожан в обсуждение важных вопросов</i>	45	18	27	13	32	17	15

Окончание таблицы 1							
Должны давать полезную информацию о мире	39	21	18	12	27	7	20
Должны рассказывать об истории города и края	41	16	25	15	26	11	15
Должны давать полезную информацию о жизни страны	28	12	16	5	23	8	15
Должны знакомить с мыслями умных, интересных людей	21	7	14	6	15	6	9
Должны развлекать	14	9	5	5	9	2	7
Должны развивать вкус	13	7	6	4	9	3	6
Должны помочь понять, что такое хорошо и что такое плохо	9	4	5	2	7	3	4
Свой вариант ответа	«Рассказывать о мероприятиях, которые будут проходить в городе»		+		+	+	
	«Должны развивать патриотические чувства»	+		+			
	«Должны быть кроссворды=)»			+			

Отметим, что основной коммуникативный запрос информантов, связанный с городскими масс-медиа, сочетает установку на получение местной информации с представлением о краеведческой направленности городских СМИ, об их роли в патриотическом воспитании, а также с потребностью в интерактивных формах общения издания и адресата. Три первые позиции опроса связаны с гармоничным соотношением среди авторов ответов студентов-филологов, студентов-нефилологов и

школьников. Однако во всех трёх позициях преобладают ответы, данные информантами женского пола, которые в целом выбрали большее количество предложенных вариантов ответов. Дисбаланс в ответах студентов-филологов, студентов-нефилологов и школьников проявляется в менее частотных суждениях о коммуникативной роли городских масс-медиа, особенно при выборе формулировок «Должны давать полезную информацию о событиях в мире», «Должны давать полезную информацию о событиях в стране», «Должны развивать вкус», «Должны развлекать». В ответах студентов-филологов и школьников в этих случаях в большей степени выделено ядро коммуникативных задач городских масс-медиа. Наименее частотный коммуникативный запрос информантов – функция ценностной ориентации: участники опроса предпочитают формированию оценочной позиции информирование и включение в обсуждение, что позволяет сделать вывод о неприятии адресатом навязывания оценок.

Представим с помощью таблицы данные анкетирования о степени известности среди горожан газеты «Кузнецкий рабочий» (в таблице – КР; см. табл. 2).

Таблица 2

Данные эксперимента о степени известности среди горожан газеты «Кузнецкий рабочий»

Содержание ответов	Количество информантов, %								
	общее количество	юноши (45 чел.)	девушки (49 чел.)	школьники	студенты	студенты-филологи	студенты-нефилологи	коренные новокузнецкие	некоренные новокузнецкие
Городская газета КР названа среди известных	44	13	31	16	28	21	7	21	7
Названы другие городские и региональные издания	21	7	14	4	17	10	7	13	4
Городскую газету КР читает сам информант	15	3	12	2	13	9	4	10	3
Городскую газету КР читают члены семьи информанта и его знакомые	9	2	7	2	7	4	3	7	0

Как видим, нельзя сказать, что чтение городских газет является постоянным и любимым занятием молодых новокузнецчан. Однако «Кузнецкий рабочий» выделяется среди других читаемых газет. Отметим, что больше положительных ответов («знаю», «читаю», «читают») у студентов-филологов (и, соответственно, у девушек) и коренных новокузнецчан. Остановимся на некоторых ответах, интересных с точки зрения изучения коммуникативной роли городской газеты. Наряду с общей одобрительной оценкой газеты «Кузнецкий рабочий» (*хорошая* – 4 ответа, *отличная* – 1 ответ) в некоторых ответах (у 9 студентов-филологов, 2 студентов-нефилологов и 3 школьников) характеристика конкретизирована: *«Написано об успехах города, о театральных постановках, [изложены] политические и экономические новости, [содержится] реклама кино и концертов»; «самая информационно богатая газета»; «Описаны важные события из жизни города, есть телепрограмма, прогноз погоды»; «Манера подачи бывает скучновата, суха, хотя [газета] и затрагивает важные проблемы города»; «Знакомит с информацией о событиях, происходящих в городе»; «Интересно»; «Подача материала хорошая, даются разные советы и информация»; «Содержательные статьи, рассказывают о важных событиях как в городе, так и в области»; «Всё доступно изложено, много интересной информации»; «Узнать, что творится в городе»; «Мой дедушка любит читать газету “Кузнецкий рабочий”, он узнаёт таким образом новости и события нашего города»; «Новости, программа». Есть и другая мотивация чтения: «[Члены семьи читают], потому что папе дают их бесплатно на работе»; «Бабушка читает, т. к. не пользуется Интернетом». 11 информантов (студенты-нефилологи) и 5 информантов-школьников не осведомлены о чтении городских газет родными и знакомыми (ответы «Не знаю», «Не помню», «Не задавался этим вопросом»); 13 студентов-нефилологов отвечают, что родные и знакомые читают городские газеты, но не называют их (например, «Бабушка читает, но не знаю названия», «Бабушка читает; какие – не знаю», «Бабушка, дедушка [читают] только которые кладут в ящик»). В 4 ответах юношей (2 студента-нефилолога и 2 школьника) объясняется отрицательное отношение к чтению газет: «Потому что не актуально», «Потому что изобретён Интернет»; «Не читал. Пользуюсь своими источниками»; «Читают, потому что они [газеты], по их мнению, несут полезную информацию.*

Есть такие люди, но их очень мало». В одном ответе девятиклассника экспрессивно констатировано: «Никто не читает ваших газет».

В целом результаты анкетирования показали, что даже в эпоху Интернета городская газета «Кузнецкий рабочий» играет важную коммуникативную роль, что связано как с типологически обусловленным местом городской газеты в системе средств периодической печати, так и с традициями старейшей городской газеты Новокузнецка, с её местом в социокультурном пространстве города и региона.

4.3. Лингвоаксиологическое своеобразие городской газеты «Кузнецкий рабочий»¹

4.3.1. Коммуникативные принципы регионального издания

Анализ дискурса городской газеты позволил выявить коммуникативные принципы, определяющие специфику регионального издания и обуславливающие особенности реализации в нём мемориально-краеведческой функции. Реализация мемориально-краеведческой функции в городской газете опирается на три коммуникативных принципа: тесной связи со своим (местным) читателем, «градоцентризма» («региоцентризма») и краеведческого фокусирования. Названные принципы позволяют дать многоаспектную характеристику регионального издания, отражающую особенности адресата и связи с ним, содержательную специфику медиатекстов, своеобразие способов и приёмов выражения информации (*для кого, что и как изображается*). Данные принципы взаимосвязаны и дополняют друг друга.

Коммуникативный принцип тесной связи с читателем в городской газете соотносится с её местом в типологии СМИ, которое определяется именно по аудиторному признаку, и обуславливает роль «интерактивного кода текстов региональных печатных изданий» [Орлова 2011а, с. 378], хотя диалогичность характерна для коммуникативной природы газетного текста в целом [Дускаева 2012]. Городская газета «Кузнецкий рабочий» не только с самых первых лет своего существования публикует письма читателей, но и с 1960 г. организовала общественные приёмные. Газета придерживается позиции активного от-

¹ В параграфе использованы материалы статей: [Пушкарева 2017(а), 2017(б)].

клика на обращения читателей в редакцию, проводит собственные расследования и организует акции социальной направленности. Стилистически диалог с читателем воплощается в существовании специальных страниц и рубрик («Почта редакции», «Диалог: читатель – газета – читатель», «Трибуна – люду», «Прямая речь» и др.), в постоянной экспликации темы диалога с читателем в публикациях.

Коммуникативный принцип «градоцентризма» («региоцентризма») определяет центральную роль в издании содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации о городе и регионе¹. В городской газете город становится ведущей гипертемой и гипертекстовым центром издания. В межтекстовой тематической цепочке ведущая гипертема эксплицирована с помощью базовых и дополнительных номинаций. В роли базовых номинаций выступают соответствующий астионим и прямая номинация *наш город*, в роли дополнительных номинаций – референтно тождественные номинации (перифразы *южная столица Кузбасса, город металлургов, город-сад*). Ведущая гипертема конкретизируется с помощью краеведческих доминант – тем, круг которых формируется в региональном медиадискурсе. Краеведческие доминанты связаны с осознанием и выражением региональной идентичности, воплощают своеобразие, колорит региона, города, села и актуализированы системой стилистических средств и приёмов. Краеведческие доминанты городской газеты производны по отношению к гипертеме города, но в то же время играют ключевую роль в осознании региональной идентичности. В старейшей газете Новокузнецка «Кузнецкий рабочий» краеведческими доминантами являются темы «Новокузнецк металлургический», «Ф.М. Достоевский в Кузнецке», «Судьба шорского народа», особенности семантико-стилистического воплощения которых рассмотрены в данном исследовании.

Принцип краеведческого фокусирования предполагает, что отбор информации и её стилистическое воплощение нацелены на создание колоритного образа региона, подчёркивание его самобытности. Теоретической основой для выделения принципа краеведческого фокусирования являются концепция актуализации, разработанная Пражским лингвистическим кружком [Гавранек 1967, с. 355], и концепция фокусирования, связанная с изучением аттенциональности в языке и опирающаяся на понятие выделенности (салиентности) [Ирисханова 2014,

¹ В списке источников представлены публикации об истории города: с. 317–324.

с. 32]. В соответствии с коммуникативным принципом краеведческого фокусирования, «фигурами» региональных изданий, выделенными на «фоне», становятся факты из истории края, события местного значения и люди, живущие в городе, регионе.

4.3.2. Мемориально-краеведческая функция регионального медиадискурса

Представляя региональный медиадискурс, «Кузнецкий рабочий» конца XX – начала XXI в. наследует традиции «идейных» областных газет, что проявляется не только во внимании к событиям в регионе, но и в концептуальной основе подачи информации.

Согласно результатам предпринятого исследования, аксиологическая специфика регионального издания определяется мемориально-краеведческой функцией, которую успешно реализует городская газета «Кузнецкий рабочий». Г.Н. Швецова-Водка, опираясь на подход к документу и книге П. Отле (1934), характеризует мемориальную функцию как одну из функций документа, при этом документ толкуется исследователем многоаспектно, с выделением 8 значений, среди которых «наиболее широкое», «охватывающее остальные» следующее: «Это любой материальный (субстанциональный) объект, как искусственный, так и природный, который может быть использован для передачи информации в обществе» [Швецова-Водка 2009, 19]. Газетный текст соответствует более узкому значению слова документ: «это материальный объект, в котором зафиксирована любая запись информации, выполненная любым разработанным человеком способом» [Там же: 20]. Мемориальная функция документа связана с его назначением в системе социальных коммуникаций «быть “внешней памятью” человека и человечества в целом» [Там же, 92].

Мемориальная функция соотносится прежде всего с деятельностью музея и библиотеки [Тикунова 2006; Викулова 2008 и др.], где она является основной и реализуется системно и скрупулёзно. Мемориально-краеведческая функция в региональном медиадискурсе сопряжена с базовой для газетно-публицистического стиля функцией социальной оценки. Реализуется мемориально-краеведческая функция в городской газете через информирование и воздействие, связана с привлечением общественности к осознанию региональной идентичности, без которого невозможно решение сегодняшних проблем региона и определение его будущего.

Под влиянием мемориально-краеведческой функции в региональном медиадискурсе при сохранении ключевой роли общественных идеалов повышается значимость такой формы существования ценностей, как предметно воплощённые ценности, имена которых (различных природных объектов, городских топосов, предметов материальной и духовной культуры) становятся маркерами региональной идентичности (о видах ценностей см. : [Леонтьев 1996]). Среди лексических репрезентантов предметно воплощённых ценностей важная роль принадлежит именам собственным, создающим в медиатекстах колорит ономастического пространства города и региона. Например, вербальными знаками предметно воплощённых ценностей в городской газете «Кузнецкий рабочий» являются многочисленные эргонимы (*Кузнецкий металлургический комбинат, Западно-Сибирский металлургический комбинат, Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского, Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя* и др.), разнообразными топонимами и агоронимами (проспект *Металлургов*, проспект *Энтузиастов*, улица *Достоевского*, площадь *Маяковского*, *Театральная* площадь и др.), гемероним «*Большевицкая сталь*», экклезионим *Спасо-Преображенский собор*, ороним *Мустаг* (название священной шорской горы) и т.д. В репрезентации предметно воплощённых ценностей в региональном медиадискурсе участвуют также иконические элементы креолизованных текстов.

Успешная реализация мемориально-краеведческой функции определяет не только формирование в городской газете «Кузнецкий рабочий» гипертекстового центра информационно-оценочного пространства – образа города, который представлен в региональных медиатекстах эксплицитно и имплицитно, но и формирование краеведческих доминант.

Краеведческие доминанты связаны с влиянием на специфику регионального медиадискурса различных факторов, среди которых в качестве основного выступает фактор исторический. Краеведческие доминанты городской газеты «Кузнецкий рабочий» соотносят образ города с историей его возникновения, экономического развития, благоустройства («Новокузнецк металлургический»), с общенациональным культурным контекстом («Ф.М. Достоевский в Кузнецке»), с этническим своеобразием региона («Судьба шорского народа»). Краеведческие доминанты отражают политематичность информационного про-

странства медиадискурса и задают несколько направлений ценностного осмысления темы малой родины, основой которого являются любовь и уважение к родному краю, осознание связи настоящего и будущего с историей, необходимости хранить традиции, учитывать преемственность поколений.

4.3.4. Краеведческие доминанты городской газеты «Кузнецкий рабочий»

Семантико-стилистические аспекты динамики краеведческих доминант проявляются в различной степени, что определяется соотносённостью с ценностями надвременного характера или же с ценностями, актуализированными в определённый исторический период¹.

Динамика воплощения темы «Новокузнецк металлургический» прослеживается в связи с общественно-политическими и экономическими изменениями в жизни страны. Металлургическая тема в эпидейктическом дискурсе городской газеты конца XX – начале XXI в. проходит путь от воспевания советского человека труда до выхода за рамки торжественного красноречия – к личностному, рефлексивному изложению мыслей не только об уважении к профессии металлурга, но и о неблагоприятной экологической ситуации и тяжёлом экономическом положении, о драматизме отношений народа и власти. Идеологема *сталь* подвергается диверсификации на поздних этапах перестройки и в послеперестроечный период. Диверсификация металлургической темы в городской газете проявляется не только в профанации высокого официального значения и развитии его до крайней степени неодобрительной оценки, но и в усилении интеллектуально-духовного напряжения публикаций, в их концептуальном углублении, что приводит к формированию смешанного аксиологического модуса идеологемы. В стилистическом плане важную роль в этих изменениях играют ирония, языковая игра, субъективация изложения. Например, материалы круглого стола, посвящённого экологическим проблемам и перспективам города, озаглавлены «*Стальной хлеб Новокузнецка*» (М. Стахович, 14.12.1994). Метонимическое употребление эпитета *стальной* позволяет актуализировать проблемные вопросы: *Метал-*

¹ В списке источников представлены публикации, связанные с краеведческими доминантами «Кузнецкого рабочего»: с. 324–333. Список публикаций, связанных с темой «Судьба шорского народа» представлен во втором томе монографии.

лургические гиганты дают нам хлеб (экономика), но одновременно делают его горьким (экология). В 90-е гг. XX в. и в начале XXI в. в представлении металлургической темы важна роль социоморфной метафоры с понятийной сферой-источником «Война», что связано с актуализацией мыслей о дисгармоничном, драматичном положении не только экономики города, например: *А на войне, как на войне. Так, комбинат уже споткнулся на сертификации своей продукции* (С. Паутова, 21.08.1997); заголовок «*Битва за металл: “московский” залп*» (В. Прохоров, 26.06.1999), – но и современного человека, лишённого социальной защиты, а нередко и нравственного стержня. Так, тема передела собственности сопрягается с темой преступления в заметке о нападении на заместителя главы областной администрации по экономике и промышленности Д.З. Чиракадзе «*Люди гибнут за металл?*» (05.07.1997). Благодаря интертекстуальной связи с известной арией из оперы Шарля Гуно «*Фауст*» данный заголовок соотносится не только с денотативной информацией, но и с коннотативными смыслами, создающими инфернальное звучание темы власти денег.

В семантико-стилистическом воплощении темы «Достоевский в Кузнецке» ярко проявился коммуникативный принцип краеведческого фокусирования: 22 дня жизни Ф.М. Достоевского, связанные с Кузнецком, становятся предметом серьёзного осмысления, референтной основой для формирования темы «Кузнецк Достоевского», в воплощении которой значимы три «фигуры» – город Кузнецк, в единстве его прошлого, настоящего и будущего, М.Д. Исаева и Ф.М. Достоевский. В семантико-стилистическом воплощении рассматриваемой темы наблюдается наибольшая стабильность, в сравнении с другими краеведческими доминантами городской газеты.

Тема «Достоевский в Кузнецке» открыта в региональном медиадискурсе томской газетой «Сибирская жизнь», в значительной степени связана со статьёй В. Ф. Булгакова 1904 года «Ф.М. Достоевский в Кузнецке» [Булгаков 1904], хотя затрагивалась и в XIX в. Связь Кузнецка с жизнью Ф. М. Достоевского рассматривается авторами публикаций городской газеты «Кузнецкий рабочий» в контексте размышлений о чести быть приобщённым к судьбе великого русского писателя и об уважении к истории малой родины. Актуализирована этическая оценка, поскольку нравственной основой таких размышлений в публикациях разных лет является память; межтекстовый статус приобретает

антитеза *памяти* и *беспамятства*, *забвения*, например: *Новокузнецким по-особому дорога память о великом русском писателе* (В. Откидач, 17.03.1981); *Дом этот то обрекался на полное забвение, а то и выйдя из этого забвения и даже став памятником республиканского значения, претерпевал унижительные муки современной реставрации, производимой неквалифицированными и малограмотными организациями* (Н. Малькова, 02.06.1994). При осмыслении темы «Достоевский в Кузнецке» в период перестройки и в более поздних материалах 1990-х годов сделан акцент на общечеловеческих духовных ценностях, тогда как в начале XXI в. внимание переносится на культурную жизнь города. В период перестройки актуализируется пейоративная оценка *беспамятных потомков*, в которой доминирует этическое начало. Ключевая для публикаций 1990-х гг. тема, связанная с темой сохранения культурного наследия, – финансовое неблагополучие.

В материалах XX в. создан более яркий образ Кузнецка эпохи Достоевского, большее внимание уделяется образу музея, например: *Молчат часы. Из низкого окна открываются высокие сумрачные тополя над старым прудом. Когда шли часы, тополей ещё не было, на месте пруда шумела речка Иванцевка* (Ю. Некрич, 22.05.1980). Тогда как в материалах XXI в. акцент перенесён на роль «кузнецкого периода» в жизни и творчестве писателя, на создание образа «грозного чувства». Такой отклик газетных текстов связан не только с фактами и событиями (открытие музея в 1980 г.), но и с более активным обращением медиатекстов в период перестройки к дореволюционной истории Кузнецка, с расширением круга тем, представляющих малую родину, что важно для ценностной ориентации в эпоху перемен. Материалы XXI в. отражают акцент на истории любви и теме насыщенности культурной жизни современного города.

Городская газета представляет ключевые образы без документального лаконизма, приближаясь к манере художественного и филологического изложения, делая акцент на внутреннем мире человека, духовной основе взаимоотношений любящих. Образ Марии Дмитриевны Исаевой и вся история любви погружены журналистами городской газеты в бытийный дискурс (о бытийном дискурсе см.: [Карасик 2004, 289]), что воздействует на читателя эмоционально и эстетически, воспитывая любовь и уважение к малой родине, например: *Она была его Музой, судьбой и вдохновительницей, вдохнувшей жизнь во многих его*

женских героинь (11.11.2010); *Писатель видит образ Марии Дмитриевны в ореоле святости, бесконечной доброты и участия, братско-сестринской любви, преодоления смерти* (Е. Трухан, 14.06.2012). Двадцать два дня Достоевского в Кузнецке осмысливаются в надвременном плане. В целом среди лексических репрезентантов темы «Ф.М. Достоевский в Кузнецке» преобладают слова, характеризующиеся повышением частотности в газетной публицистике 1990–2000-х годов и эксплицирующие образ цивилизованного человека, стремящегося к сохранению культурного наследия, вечных ценностей (*возрождение, культура, наследие, сохранение, ценность, цивилизованный*), хотя, как и в проблемном представлении других краеведческих доминант городской газетой 1990–2000-х гг., значимо слово *деньги*.

Динамика семантико-стилистического воплощения краеведческой доминанты «Судьба шорского народа» отражает как ценности надвременного характера, так и общественно-политические процессы в стране и духовные искания общества, характерные для периода перестройки и 1990-х гг., характеризующегося идеологией возрождения малых народов. Основные темы первой половины 1980-х гг. – красивая природа, развивающаяся промышленность, интересная история. Новая интерпретация шорской темы впервые представлена в 1988 г. С этого времени главными становятся вопросы истории и культуры шорского народа в контексте размышлений о сохранении национальных традиций и природы Горной Шории. В материалах первой половины 1980-х гг. с шорской темой сопряжена только одобрительная оценка, будь то красота и величие природы (эстетическая оценка) или польза природных ресурсов (утилитарная и телеологическая оценка). В материалах конца 1980-х гг. ярко выражена оценочная программа, прежде всего пейоративный полюс, связанный с такими темами, как разрушение культуры, уничтожение природы. например: *Село это сейчас уже не существует, семьи переселены, род Амзоровых и по сей день живёт под Мысками, а реки горного края «Сибирской Швейцарии» тогда были ещё не замутнены, вода в них была кристально чистой. В деревне шорцы зимой охотничали, уходили на неделю, две, три и более в тайгу и возвращались с богатой добычей, летом – шишковали. Тайга кормила их, одевала и обувала* (Т. Михайлова, 02.02.1991). Мелиоративная же оценка отражает тему спасения, возрождения и приобретает этический характер, хотя телеологическое и эстетическое начала сохраня-

ются. Так, смысловые акценты позволяет расставить приём этимологизации: «Тазы-хан» с шорского переводится как «возрождение». По древнему преданию, Тазыхан – мать Ульгена, правителя добрых духов. Покровительница центру выбрана не случайно. Руководительница этнографического объединения Татьяна Тудегешева надеется, что «Тазыхан» возродит шорскую культуру, а в работе помогут добрые духи (И. Колпакова, 17.11.2001).

В публикациях городской газеты «Кузнецкий рабочий», посвящённых судьбе шорского народа, слово *возрождение* является ключевым в конце 1980-х и в 1990-х гг., но теряет ведущую роль в газете первого десятилетия XXI в. В рассмотренных материалах начала XXI в. акцент сделан на духовной культуре шорского народа – фольклоре и творчестве современных авторов. Материалы, посвящённые именно этому аспекту шорской темы, составляют основную часть публикаций начала XXI в. В целом в информационно-оценочном пространстве газетных материалов начала XXI в. о Горной Шории актуализируются два главных оценочных полюса – мелиоративный, связанный с темой сохранения и развития культурных традиций, и пейоративный, соотнесённый с темой культурного беспамятства. Однако газетные публикации теряют свой «набатный» характер, отличающий материалы конца 1980-х и 1990-х годов.

Наряду со словом *возрождение* в воплощении темы сохранения шорской культуры важны слова, частотность которых в газетной публицистике повышается в 1990–2000-е гг.: лексические репрезентанты духовной жизни общества (*культура, язык, имя, самосознание, сохранение, традиции*), внутренней национальной политики государства (*автономия, коренной, малочисленный, национальный*); экспликатором ведущей гипертемы и всех рассмотренных краеведческих доминант является эпитет *цивилизованный*, свидетельствующий об ориентации на общечеловеческие ценности и достижения мировой культуры.

Именно благодаря принципу краеведческого фокусирования адресат приобщается к гипертеме города и краеведческим доминантам.

4.3.4. Краеведческая концепция времени в региональном медиадискурсе

Одним из стилистических средств краеведческого фокусирования становятся в городской газете названия рубрик, которые отражают

концепцию времени, связанную с аксиологической спецификой регионального медиадискурса. Отметим две важнейшие особенности концепции времени, воплощённой в названиях рубрик городской газеты «Кузнецкий рабочий» и в семантико-стилистических особенностях представленных в рубриках текстов: во-первых, в соответствии с принципом «градоцентризма», ось времени в дискурсе городской газеты соотнесена не столько с событиями в мире и стране, сколько с локальной историей, настоящим и будущим города, что наиболее полно проявилось в публикациях со второй половины 1980-х гг.; во-вторых, в сравнении с общей установкой газетной публицистики на отражение исторического «сегодня», в дискурсе городской газеты повышается внимание к событиям прошлого, что объясняется специфической для аксиосферы регионального медиадискурса мемориально-краеведческой функцией.

В связи с общественно-политическими изменениями в стране, начавшимися с перестройкой, газета обрела возможность уделять основное внимание проблемам города и региона. Возрастание роли мемориально-краеведческой функции определило не только подбор газетных материалов, но и особенности рубрик. Рубрики, отразившие ключевую роль мемориально-краеведческой функции в региональном медиадискурсе, продолжают и обогащают традиции газеты первой половины 1980-х гг., воплощая два основных направления осмысления судьбы города, его неповторимого колорита, – история города и история семьи.

В первой половине 1980-х годов действуют рубрики «К 50-летию Новокузнецка» (самая насыщенная материалами об истории города), «Улица имени...» (например: М. Гревнёв, 13.03.1981; Е. Сущенко, 07.11.1986; А. Берлин, 13.04.1989), «Навстречу юбилею КМК» (например, А. Екимов, 21.01.1982; И. Чирков, 11.02.1982; Г. Сусакин, 26.03.1982). Рубрика «Истории строки» существует как в публикациях 1980-х, так и в публикациях 1990-х годов¹. История города представлена многочисленными публикациями краеведов – А.Б. Берлина, Ю.Ф. Мустафина, А.О. Кауфмана, В.Б. Паничкина, А.Ю. Огурцова,

¹ Например, Б. Шертман, 01.01.1982; В. Тендитная, 07.11.1982; Н. Мальковец, 07.02.1986; Н. Мальковец, 20.03.1987; А. Огурцов, 15.12.1987; Ю. Ширин, 25.12.1987; Л. Пащенко, 21.04.88; А. Бек, 03.12.1988; А. Огурцов, 12.01.1989; В. Леонидова, 15.02.1989; А. Берлин, 17.05.1989; Л. Фойгт, 27.07.1989; А. Огурцов, 07.11.1989; В. Девятяров, 03.07.1990; Ю. Мустафин, 08.08.1990.

С.Д. Тивякова, В.В. Тогулева, А.С. Шадринной и др. Со второй половины 1980-х гг. газета использует интересную изобразительную составляющую, реализующую мемориально-краеведческую функцию. Так, в рубрике *«Истории строки»* мы встречаем фотографию памятника первому паровозу, прибывшему на Кузнецкстрой (02.11.1989), в рубрике *«Ретро»* – любительские фотографии дома купца Фонарёва и Народного дома, сделанные в 1958 г. (Т. Минеева, 12.03.1991), в рубрике *«Листая памяти тетрадь»* – карту, показывающую расположение Кузнецкого острога в 1618 и 1620 годах (А. Кауфман, 07.05.1994), в рубрике *«Шаги в историю края»* – фотографии находок, сделанных во время археологических раскопок средневековых курганов на памятнике, известном под названием *«Есаулка»* (Н. Кузнецов, 15.10.1994) и т.д.

Мемориально-краеведческая функция со второй половины 1980-х гг. реализуется в многочисленных рубриках. Приведём примеры характерных названий рубрик, несущих концептуальную нагрузку, – и примеры помещённых в эти рубрики текстов: *«Наша история»* (А. Шадринна, 09.07.1988), *«Это наша история»* (А. Шадринна, 13.01.1990), *«Зарубки на память»* (В. Немиров, 04.05.1991), *«Из истории города»* (А. Берлин, 21.06.1991), *«Архив»* (Ю. Мустафин, 13.09.1991), *«Долги наши»* (В. Шмелёв, Т. Минеева, В. Тогулев, 07.05.1992), *«Имена на карте города»* (Н. Осокина, 17.06.1993), *«Как это было»* (Э. Степанов, 11.01.1994), *«Листая памяти тетрадь»* (А. Кауфман, 12.02.1994), *«Летопись края»* (Ю. Мустафин, 15.02.1994), *«Шаги в историю края»* (Н. Кузнецов, 15.10.1994), *«Помню имя своё»* (Т. Негода, 21.03.1995). Рубрика *«Наше наследие»* сохранилась с 1990-х до 2000-х годов¹. Интересно изменение названий рубрик, приуроченных к юбилею города. В 1987–1988 гг. в честь 370-летия Кузнецка действует рубрика *«К 370-летию города»*. Данный идеоним, благодаря указанию на возраст города и использованию апеллятива *город*, идеологически противопоставлен названию праздничной рубрики начала 1980-х годов *«К 50-летию Новокузнецка»*, поскольку отражает новое осмысление истории города, возводимой уже не к началу Кузнецкстроя, а ко времени основания Кузнецкого острога в 1618 г. На страницах газеты разворачивается дискуссия об истинном

¹ Например, В. Белобородова, 24.05.1994; Л. Никонова, 23.06.1994; Л. Никонова, 02.08.1994, Л. Никонова, 23.08.1994; С. Тивяков, 06.07.1995; С. Тивяков, 09.11.1995; В. Паничкин, 27.04.1996; В. Валиулин, 23.01.2001; В. Валиулин, 25.01.2001.

дне рождения города. Спустя пять лет в названии праздничной рубрики газета обращается к идеониму «К 375-летию Кузнецка», отразившему переход от этапа антитезиса, характерного для реформаторского духа эпохи перестройки, к этапу синтеза, делающему акцент на неразрывности связи времён и поколений, на нравственной ценности исторической памяти.

Особое место в воплощении исторической темы городской газетой занимают материалы, посвящённые истории семьи как части истории города и страны. В написании истории человека и семьи важны воспоминания горожан и огромный труд журналиста, стремящегося передать достоверную и целостную картину. Городская газета конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. убеждает читателя в необходимости знания родословной, в непреходящей роли семейных ценностей с помощью рубрик «Семейная реликвия», «Семейный альбом». Приведём характеристику рубрики «Семейная реликвия», открытой 1 января 1988 г.: <...> рубрика-поиск, рубрика-экспедиция – в прямом смысле этих слов. Мы обращаемся к читателям с просьбой: в свободное время перелистайте семейные альбомы, откройте папки с документами <...>. Старая фотография и газетная вырезка, Почётная грамота и нагрудный знак могут сказать иногда больше, чем страницы учебника истории, а в судьбах близких людей, в истории семьи можно услышать Время.

Инициатором и ведущим нескольких краеведческих рубрик стал Валерий Анатольевич Немиров. Для него важна идея запечатления истории города, сохранения памяти как основы культуры. «Кузнецкий рабочий» является участником краеведческого проекта, в который активно вовлекается и читатель. Так, В. Немиров делится своими мыслями о проекте запечатления истории города (городской репортаж «Дом моей памяти», 01.02.2003). В очерке о 2004 г. об одном из старейших репортёров города, фотолетописце Новокузнецка Александре Фёдоровиче Санарове вновь звучат мысли о необходимости сохранения памяти (В. Немиров, 31.07.2004). Название очерка «История города в фотографиях» практически совпадает с названием рубрики, открытой в 2009 г., – «История города в фотографиях». Рубрика не только позволяет узнать, как выглядело определённое место в городе раньше, но и соотнести старое изображение с современной фотографией. Лейтмотив рубрики – «музейное» внимание к деталям истории

города. Ведущий рубрики В. Немиров вовлекает читателей в интерактивный проект газеты. Неоднократно проводятся конкурсы, например конкурс «Отгадай, где это место». Вербальная часть материалов рубрики представляет собой текст, в котором соединяются описание метасобытия (информация о том, как удалось найти фотографии и информацию), исторические экскурсии, личные воспоминания и воспоминания других горожан, описательные фрагменты, размышления автора о связи прошлого и настоящего, о колорите города. Данные мысли, составляющие концептуальную основу рубрики «История города в фотографиях», неоднократно повторяются («Внуки просят сохранить на память», 18.02.2010; «Время непуганых пешеходов», 05.08.2012; «Методом глубокой дедукции», 14.01.2012 и др.). Постоянной является апелляция к читателю, который может поделиться информацией об истории города (например: «Нет слов, чтобы выразить нашу благодарность», 04.07.2009; «Время непуганых пешеходов», 05.08.2012). Характерным для рубрики является связанный с мемориально-краеведческой функцией приём параллельного размещения старых и современных фотографий.

В 2008 г. открывается рубрика «История города в улицах-лицах» (ведущая – Татьяна Александровна Эмих). Она продолжает традиции «Кузнецкого рабочего», в частности рубрики 1980-х гг. «Улица имени...». В текстах рубрики Т. Эмих раскрывается концептуальная роль топонимов, агоронимов и антропонимов, связанных с ономастическим пространством города. Ключевой является мысль о бережном отношении к истории города и её деталям (например, о проезде Флеровского рассказывает материал «Петербургский гость», 04.10.2008; об улице имени Клары Цеткин – материал «Спасибо Кларе», 07.03.2009).

В 2009 г. открывается постоянная рубрика «День в истории города», которую ведёт филолог Александр Эрвинович Шпрингер. Рубрика продолжает традиции хроник городской газеты второй половины 1990-х гг. Так, юбилею КМК посвящена «Хроника событий: с 1918 по 1932» (03.04.1997). В рамках рубрик, публикующих хронику из жизни города разных лет, формируется особая жанровая разновидность хроники «День (неделя) в истории города», которая позволяет совершить своего рода путешествие во времени: составители хроники берут ограниченный интервал дат и представляют события, произошедшие в городе в разные годы. В представлении событий во второй половине

1990-х гг. используется обратный хронологический порядок, создающий эффект углубления в прошлое, например: «Новокузнецк. Хроника событий» (20.04.1996), «На этой неделе...» (составитель – Ф. Ступкин, 06.09.1997, 27.09.1997). К 380-летию города приурочены хроники «На этой неделе...», составленные краеведом Вячеславом Борисовичем Паничкиным. В их оформлении используется старинная печать города Кузнецка (06.12.1997, 20.12.1997, 07.02.1998, 14.02.1998 и др.). А.Э. Шпрингер обращается к прямому хронологическому порядку. Закономерно, что в настоящее время А.Э. Шпрингер ведёт также блог, посвящённый истории и интересным местам города (URL : <http://nemologos.livejournal.com>).

4.3.4. Рубрика «Городской дневник» в «Кузнецком рабочем»

Особое место в истории «Кузнецкого рабочего» занимают рубрики «Городской репортаж» и «Городской дневник», в рамках которых формируется особый жанр городского дневника¹. Названия рубрик отражают сочетание «градоцентризма» и установки на отражение настоящего времени, на создание образа реального социального времени. Данные рубрики, в отличие от представленных ранее, сосредоточены на событиях сегодняшнего дня. Однако и в них с помощью многочисленных ретроспектив подчёркивается идея связи времён и поколений. Приведём несколько примеров из городских репортажей В. А. Немирова: *Первым директором цирка был назначен Юрий Самуилович Шелков. Ох, как он мечтал встретить двадцатипятилетие своего детища! Жаль, не дожил. Его заслуг в формировании и становлении коллектива организации дела, умалить невозможно* (15.07.1999); *<...> досоветский настоятель храма был красными бандитами повешен, а сам храм подвергся надругательству. Кстати, фамилия того настоятеля была Минералов. Его внук Юрий – ныне серьёзный учёный – периодически приезжает в родной город* (07.08.1999); *Около 200 лет назад, по сведениям И.С. Конюхова, в Кузнецк завезены первые пчёлы* (06.05.2000).

Рубрика «Городской репортаж» открылась в газете в 1992 г. Издание в это время уже существует как независимая городская газета, которая традиционно играет важную роль в формировании сознания горожанина. В эпоху перемен эта роль усиливается и приобретает

¹ В списке источников представлены рассмотренные городские репортажи и городские дневники: с. 333–336.

своеобразный колорит эпохи. По словам Я.Н. Засурского, «в 1991–1993 гг. журналистика пережила “золотой век” свободы <...>» [Засурский 2008, с. 5]. Свобода проявилась и в жанрово-стилистических поисках журналистов. Перестройка определила специфику мемориально-краеведческой функции городской газеты: доперестроечные публикации были сосредоточены прежде всего на создании образа советского Новокузнецка, со времени перестройки образ города приобретает новые акценты, отсчёт его возраста ведётся уже не от времени строительства КМК, а от времени основания Кузнецка в 1618 г. Уходит необходимость в стандартной подаче информации, обязательной для советской городской газеты: сначала о событиях в стране и в мире, в конце (на четвёртой странице) – о событиях в городе. Газета становится «градоцентричной». Новая рубрика «Городской репортаж», открытая в 1992 г. и представленная на первой странице газеты, отражает такую «градоцентричность». В период 1992–1994 гг. рубрика не является регулярной, в 1995–1998 гг. не выходит, в 1999 г. появляется серия публикаций В.А. Немирова, выдержанных в стиле данной рубрики, хотя название рубрики не используется, в 2000–2005 гг. рубрика возобновляется и становится регулярной (публикации выходят в субботних номерах газеты). Первым автором, пишущим тексты для рубрики «Городской репортаж», стала журналист Т.А. Негода, которая во многом определила стиль, характерный для современного городского дневника.

Изначальное название рубрики связано с такой важной «специализацией» автора-журналиста, как репортёр. Репортаж позволяет отразить жизнь города ярко и многоаспектно. Первые городские репортажи посвящены теме изменений в жизни города, связанных с перестройкой в стране. Например: *На улице Суворова некоторые преобразования – появились маленькие магазинчики, частные и арендные, в которых изобилие разномастного товара как-то склоняет изъясняться на «нерусском»* (Т. Негода, 23.04.1992). Именно образ города становится объединяющим началом для разнообразных городских репортажей, посвящённых изменениям в жизни современного города, в частности, такому новому социальному феномену, как бомж (Т. Минеева, 09.06.1992), проблеме роста цен и падения уровня жизни (Т. Шипилова, 10.09.1992), трудностям одиноких престарелых людей (Т. Шипилова, 26.06.1992) и жителей городских окраин (Т. Негода, 26.05.1992),

возможностям летнего отдыха в городе (Т. Минеева, 02.06.1992), работе новокузнецкого аэропорта (Т. Шипилова, 08.07.1992), будням дезинфекционной станции (Т. Шипилова, 10.08.1992), деятельности цветоческих центров (Т. Негода, 20.08.1992) и др. Журналисты дают читателю возможность лучше узнать жизнь города и горожан, побывав на городских свалках (Т. Шипилова, 18.09.1992) и на выставке кошек (Т. Негода, 05.11.1992), в отделе социальной защиты (Т. Шипилова, 10.12.1992) и на фабрике «Запсибобувь», работающей по итальянской технологии (Т. Минеева, 15.01.1995), в городском транспорте (Т. Негода, 14.04.1994) и во многих других местах. В рамках рубрики постепенно складывается устойчивый набор тематических, композиционных и стилистических признаков, которые свидетельствуют о формировании жанра городского дневника.

Изначально материалы, помещаемые в рубрике «Городской репортаж», стилистически разнообразны. Они представляют художественную публицистику, для которой характерны «повышенная требовательность к языку, художественная образность, эмоциональная насыщенность текстов, глубина авторского обобщения действительности» [20. С. 248]. На наш взгляд, наиболее близки к классическим репортажам тексты Т. Шипиловой. В целом опубликованные в рубрике «Городской репортаж» материалы не укладываются в жанровые рамки репортажа и основаны на соединении трёх начал – собственно репортажного, очеркового и эссеистического.

Репортажное начало городских репортажей связано с использованием метода наглядного изображения. Однако к городским репортажам нельзя применить следующую характеристику: «в репортаже наглядность несёт чисто информативную функцию, функцию сообщения о вполне конкретном событии, происшествии и пр.» [Тертычный 2006, с. 88–89]. В отличие от традиционных репортажей, городские репортажи «Кузнецкого рабочего» чаще всего не привязаны к определённому событию и его пространственно-временным характеристикам. Очерковая составляющая проявляется в соединении «репортажного (наглядно-образного) и исследовательского (аналитического) начала» [Тертычный 2006, с. 250]. Однако, в отличие от очерка, сфокусированного на определённом объекте изображения и исследования, городские репортажи охватывают различные объекты и поэтому реализуют стиль зарисовок, связанных с таким гипертекстовым центром, как об-

раз города. Свобода отражения мира внешнего и внутреннего в личностном рефлексивном потоке связана с эссеистическим началом городских репортажей. Эссе характеризуется исследователями как жанр, характерный для СМИ конца XX – начала XXI в. и отражающий «усиление личностной тенденции» в публицистическом общении [Дускаева 2003, с. 671]. Постепенно на основе соединения трёх начал – репортажного, очеркового и эссеистического – формируются черты особого жанра городского дневника, наиболее полно раскрывшиеся в работах В.А. Немирова. Эти воспроизводимые жанровые черты связаны с тематическим, композиционным и стилистическим единством публикуемых в рубрике материалов. Черта, определяющая жанровую специфику городского дневника, – его «двувершинность»: семантико-стилистическое доминирование двух образов – образа автора и образа города.

Синтез репортажного, очеркового и эссеистического начал на основе сильной субъективации изложения и связи с гипертекстовым центром – образом города – это те черты, которые нашли органичное отражение в новом названии рубрики, появившемся в газете 6 августа 2005 г. – *«Городской дневник»*. Это не просто название рубрики, а удачное жанровое имя, максимально точно отразившее устойчивый комплекс тематических, композиционных и стилистических признаков текстов, опубликованных в рубрике «Городской репортаж».

Как отмечает Е.И. Калинина, анализирующая внутрижанровое пространство гипержанра «дневник», «главное функциональное назначение личных дневников непосредственно связано с процессами становления человеческой субъективности, чем и объясняется широкое распространение практики ведения личного дневника в эпоху гуманизма» [Калинина 2012, с. 9]. Изменение названия рубрики свидетельствует о доминантах авторской интенции: сосредоточить внимание не столько на объективном плане изображения (жизнь города), сколько на субъективном преломлении, на личностном впечатлении от происходящего в городе. По словам В. Немирова, дневник – «это то личное, что сам пишешь; понимание многих вещей должно сначала пройти через себя» [Пантыкина 2006, с. 298]. Городские дневники В. Немирова, по сути, представляют собой печатный вариант блога, связанного с феноменом «публичной интимности» [Кронгауз 2009], и

созвучны духу времени. Городской дневник В. Немирова – персональный текст, отражающий авторские впечатления о жизни города за неделю (номер с городским дневником выходит в субботу).

Начиная со второго городского дневника (13.08.2005) обретает стилистическое воплощение важнейший композиционный принцип городского дневника, позволяющий передать ассоциативную «гирлянду» зарисовок автора, – фрагментарность. Тексты В. Немирова включают от 3 до 8 (чаще 5–6) фрагментов, отделённых друг от друга графически (знаком «звёздочки»). Тематически эти фрагменты соотносены как с действительностью, так и с миром мыслей и чувств автора, который является превалирующим. Изображение в дневнике не стремится к объективности и сопряжено с образом равнодушного автора, делящегося с читателем своими мыслями и чувствами. С помощью изобразительно-выразительных средств, насыщающих текст, усиливается акцент на роли образа автора, подчёркивается яркость его впечатлений, например: *Вчера, ожидая на остановке простуженный до последней шестерёнки трамвай, я вспомнил этот разговор и принялся наблюдать за проезжающими машинами, точнее, за дымами из выхлопных труб. И правда – вьются, как поросячьи хвосты. Даже потеплело на душе («И дым поросячьим хвостиком», 14.02.2009)*. Городской дневник отражает «персоноцентричность» как важное проявление изменений в языке и стиле постперестроечных СМИ и как одну из черт языковой картины времени – тяготение к описанию «личностного начала» [Яковлева 1995, с. 75], «внутренней жизни человека, его эмоций и настроений» [Яковлева 1994, с. 80].

В содержательном плане для городского дневника важны отражение концепта «Малая родина», значимого для регионального медиадискурса, и творческая индивидуальность автора. Именно в городских дневниках, реализующих жанровый синкретизм как форму проявления творческого начала автора, наиболее ярко раскрылась манера художественно-публицистического письма В. Немирова. Отметим, что в последние годы (с 2011 г.) городские дневники пишут другие журналисты (С. Штиль, А. Ночка, В. Глебова, Д. Черский, Е. Веселова и др.). И эти тексты не вполне соответствуют жанровым признакам городского дневника, сформировавшимся к началу XXI в. В них сохраняется лишь композиционная форма прежнего городского дневника: соединение в субботнем номере газеты нескольких фрагментов, разделённых знаком «звёздочки». Фрагменты передают информацию о событиях в

жизни города в соответствии с законами не художественной, а информационной публицистики, в стиле хроники и заметки. Из городского дневника исчезает его важное интегрирующее начало – эксплицированный образ автора. В результате применительно к «Кузнецкому рабочему» последних лет, на наш взгляд, можно говорить лишь о рубрике «Городской дневник», а не о жанре городского дневника.

Таким образом, в городской газете «Кузнецкий рабочий» существуют многочисленные рубрики, позволяющие реализовать мемориально-краеведческую функцию регионального медиадискурса, значимость которой возрастает в постперестроечный период. Названия и наполнение данных рубрик отражают влияние на концепцию времени в дискурсе городской газеты мемориально-краеведческой функции, определяющей лингвоаксиологическую специфику регионального медиадискурса.

Выводы к главе 4

Региональный медиадискурс представляет особую разновидность медиадискурса, семантико-стилистическая специфика которой обусловлена комплексом экстралингвистических факторов: исторических, географических, этнических, экономических, административно-территориальных. Лингвоаксиологическое своеобразие регионального медиадискурса основано на взаимодействии двух составляющих его аксиосферы – надрегиональной и собственно региональной.

Взаимодействие мемориально-краеведческой функции с основными функциями газетно-публицистического текста (информирования, воздействия, социальной оценки) определяет аксиологическое своеобразие регионального издания, формирует его место в социокультурном пространстве региона и страны. Динамика собственно региональной составляющей аксиосферы отражается в семантико-стилистическом воплощении ведущей гипертемы (темы региона, города) и краеведческих доминант – тем, которые формируются в региональном медиадискурсе, связаны с осознанием и выражением региональной идентичности и актуализированы системой стилистических средств и приёмов.

Мемориально-краеведческая функция регионального медиадискурса находит жанрово-стилистическое воплощение в формировании специфических рубрик и жанров городской газеты. Усиление краеведческих доминант в региональном медиадискурсе и логика жанрово-

стилистических изменений, произошедших в российском медиадискурсе конца XX в., проявляются в формировании в городской газете «Кузнецкий рабочий» специфического жанра регионального медиадискурса – городского дневника.

В концепции времени, реализованной системой рубрик городской газеты, значима и надрегиональная составляющая ценностной картины мира, однако лингвоаксиологическое своеобразие регионального медиадискурса определяется, на наш взгляд, именно ролью мемориально-краеведческой функции в формировании социальной оценочности. Рассмотренные в этом плане рубрики постперестроечной городской газеты «Кузнецкий рабочий» продолжают и обогащают традиции издания первой половины 1980-х гг., воплощая два основных направления осмысления судьбы города, его неповторимого колорита, – история города и история семьи. Лексические репрезентанты семантики времени, использованные в названиях рубрик городской газеты «Кузнецкий рабочий», и семантико-стилистические особенности представленных в рубриках текстов позволяют говорить о значимости краеведческой концепции времени в дискурсе городской газеты. В соответствии с этой концепцией ось времени соотносится не столько с событиями в мире и стране, сколько с локальной историей, с настоящим и будущим города, а в сравнении с общей установкой газетной публицистики на отражение исторического «сегодня» в городской газете особый акцент делается на прошлом, на идее тесной связи времён и поколений.

ЛИТЕРАТУРА

Введение

1. *Баланчик Н.А., Баланчик Н.С., Пушкарева И.А.* Опыт лексикографической фиксации русских говоров Кузбасса в начале XXI века // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 83–103
2. *Бандаков П.В.* Особенности политической массовой коммуникации в постсоветских региональных СМИ (на примере Н. Новгорода) : автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2005.
3. *Блинова О.И.* Лексикографические проекты томских диалектологов (2007–2017 гг.) // Вопросы лексикографии. 2017. № 12. С. 125–133.
4. *Буслаев Ф.И.* Преподавание отечественного языка. М., 1992.
5. *Винныйчук А.В.* Городские газеты: исторический, классификационно-типологический и содержательный аспекты (на примере городских газет г. Ростова-на-Дону и городов Ростовской области) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2008.
6. *Ворожбитова А.А., Зубцов А.С.* Дискурсивное пространство Сочинского региона как объект лингвисторического исследования. М., 2014.
7. *Воронова О.А.* Местная газета: модели и типы // Типология периодической печати : учеб. пособие ; под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. М., 2007. С. 60–78.
8. *Гольдфарб С.И.* Газетное дело в Сибири: первая половина XIX – нач. XX в. Иркутск, 2002.
9. *Диалектологическая практика* : методические рекомендации для студентов II курса факультета русского языка и литературы, обучающихся по специальности 032900 Русский язык и литература. Новокузнецк, 2008.
10. *Дроздова Ю.А.* Коммуникативные аспекты региональной идентичности: управленческо-социологический анализ : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Волгоград, 2006.
11. *Жилякова Н.В.* Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие ; науч. ред. Л.П. Громова, Н.М. Дмитриенко. Томск, 2011(а). 446 с.
12. *Жилякова Н.В.* История дореволюционной журналистики в Сибири: этапы исследования, новые направления // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011(б). № 3 (15). С. 126–132.
13. *Жилякова Н.В.* Цензурная история газеты «Сибирская жизнь» (1894–1919, г. Томск) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 3 (7). С. 102–115.
14. *Жураковская Н.В.* Василий Иванович Панов – «первооткрыватель кузнецких говоров» // Функциональный анализ значимых единиц русского языка: Язык и регионы : межвуз. сб. науч. ст. ; отв. ред. С.П. Петрунина. Новокузнецк, 2009. С. 8–13.

15. *Иванищев С.И.* Лексика горняков в русском языке XX века (1970-е – 1980-е гг.) / науч. ред. проф. В.Д. Бондалетов ; отв. ред. И.А. Пушкарева. Новокузнецк-Красноярск, 2019.

16. *Иванищев С.И., Баланчик Н.А.* История исследований говоров Кузбасса на кафедре русского языка Новокузнецкого пединститута (НГПИ, КузГПА) // XIV Чтения, посвященные памяти Р.Л. Яворского (1925–1995): к 80-летию высшего педагогического образования в Кузбассе : сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч. конф., г. Новокузнецк, 26 апреля 2019 г. ; редкол.: К.В. Герш (отв. ред.) [и др.]. Новокузнецк, 2019. С. 118–129.

17. *Иванищев С.И., Коростышевская А.М.* Изучение разговорной речи, просторечия и речевого этикета города Новокузнецка : методические рекомендации студентам I курса факультета русского языка и литературы для прохождения полевой практики. Новокузнецк, 1993.

18. *Иванищева О.Н.* Социолингвистические подходы к исследованию приграничного северного региона: подходы и методы исследования. Мурманск, 2008.

19. *Инютина Л.А.* Лексическое выражение пространства в картине мира носителей сибирского (томского) старожильского говора XVII–XVIII веков. Новокузнецк, 2012.

20. *Кажикин А.А.* Типология отечественной региональной прессы рубежа XX – XXI веков (на примере печатной периодики Воронежской области) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004.

21. *Крылов М.П.* Региональная идентичность в Европейской России. М., 2010.

22. *Костяшина Е.А.* Медиадискурсивные механизмы моделирования томского городского публицистического текста // Язык и культура. 2012. № 1 (17). С. 5–12.

23. *Кутина Н.А.* «Малая пресса» Урала: стилистические приметы и аксиологические предпочтения // Стилистика сегодня и завтра : материалы IV Междунар. науч. конф. «Стилистика сегодня и завтра» (28–30 апреля 2016 г.). М., 2016. С. 326–329.

24. *Кузбасская деревня* в рассказах её жителей : материалы диалектологической практики (1952–2012 г.г.) ; отв. ред. С.П. Петрунина. Новокузнецк, 2013.

25. *Латин Н.И.* Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социол. исследования. 2006. № 8. С. 25–34.

26. *Методические рекомендации* по проведению диалектологической практики (для студентов 1-го курса факультета русского языка и литературы) / под ред. Н.В. Жураковской, С.И. Иванищева. Новокузнецк, 1985.

27. *Методические рекомендации* студентам-заочникам 1 курса для выполнения контрольных работ по русской диалектологии ; сост. ст. преп. Иванищев С.И. ; ред. канд. филолог. наук Оксман Г.С. Новокузнецк, 1982.

28. Мишанкина Н.А., Филь Ю.В. Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: концепция и структура // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2015. № 12. С. 38–49.
29. Немировский В.Г. Массовое сознание жителей сибирского региона: представления о себе и о России // Социол. исследования. 2013. № 4. С. 54–60.
30. Новгородское медиаполе: опыты лингвистических исследований: коллективная монография ; под ред. Т.В. Шмелёвой. Великий Новгород, 2015.
31. Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. 2013. № 10. С. 20–37.
32. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материалах русской речи в Харбине). Благовещенск, 2009.
33. Орлова О.В. Нефть: дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта : монография. Томск, 2012.
34. Паленков С.Е. Информационная динамика в системе СМИ (на материале региональной прессы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2010.
35. Петрунина С.П. Грамматика говорящего и слушающего в сибирских говорах (на материале парных конструкций. Новокузнецк, 2008.
36. Печетова Н.Ю. Стилеобразующие факторы репрезентации события в региональных газетно-публицистических текстах (на материале газет Республики Саха) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2012.
37. Пронина В.А. Татьяна Леонидовна Староверова (к 70-летию со дня рождения) // Педагог-филолог : межвуз. сб. науч. ст. ; отв. ред. И.В. Шенцова. Новокузнецк, 2010. С. 23–34.
38. Полосин П.Н. Социальная ответственность масс-медиа в информационном обществе: региональный аспект : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саранск, 2011.
39. Резвухина Ю.А. Колымская региональная лексика 20-х – начала 30-х годов XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магадан, 2014.
40. Сверкунова Н.В. Феномен сибиряка // Социол. исследования. 1995. № 10. С. 90–94.
41. Сборник диктантов по орфографии и пунктуации (на региональном материале) ; сост. С.П. Петрунина, Ю.В. Косицина. Новокузнецк, 2009(а).
42. Сборник текстов диалектной речи : материалы для практических занятий по русской диалектологии для студентов факультета русского языка и литературы ; сост. С.И. Иванищев ; отв. ред. Н.А. Баланчик. Новокузнецк, 2009(б).
43. Словарь ремесленно-промышленной лексики говоров Кузбасса ; авт.-сост. Н.А. Баланчик. Новокузнецк, 2013.
44. Словарь русских говоров Кузбасса / под ред. Н.В. Жураковской, О.А. Любимовой (отв. ред.). Новосибирск, 1976.
45. Словарь русских говоров Кузбасса (дополнение) ; сост. Н.А. Баланчик, Н.С. Баланчик. Новокузнецк, 2015.
46. Словарь русских говоров Кузбасса (с дополнением) ; под. ред. Н.А. Баланчика, Н.В. Жураковской. Новокузнецк – Красноярск, 2018.

47. *Староверова Т.Л.* Народная культура и литература. 5 класс : учеб. пособие : в двух частях. Кемерово, 2005.

48. *Староверова Т.Л.* Научно-производственный отряд и школа. Формы деятельности (из опыта работы научно-производственного студенческого отряда «Русская сказка») // Традиции изучения фольклора, этнографии и диалектологии. Материалы науч. студ. фольклорно-диалектологической конф., посв. памяти известного сибирского диалектолога Василия Ивановича Панова. Новокузнецк, 1990. С. 43–46.

49. *Телякова В.М.* Электрон Федорович Чиспияков (1930–1989) // Чиспияков Э.Ф. Язык, история, культура тюрков Южной Сибири: собрание научных статей ; отв. ред.: к. филол. наук Ф.Г. Чиспиякова; к. филол. наук Н.С. Уртегешев. Новосибирск, 2004. С. 3–6.

50. *Теркулов В.И.* Региолект или национальный вариант: к постановке проблемы // Филология и культура. Philology and culture. 2012. № 2(28). С. 117–120.

51. *Трубицына В.В.* О роли фольклора в воспитании педагога-филолога (из опыта работы с фольклорным студенческим коллективом «Русская сказка») // Приоритеты развития высшего образования России : сб. материалов научных и методических трудов научно-педагогических работников. В 4-х ч. Современные технологии высшего образования Ч. 4. ; отв. ред. О.Ю. Елькина. Новокузнецк, 2014. С. 161–167.

52. *Учителями славится...* : в двух частях ; сост. Н.В. Орлова, Р.А. Лихачева, С.И. Иванищев. Новокузнецк, 2004. Ч. 1.

53. *Фельде О.В.* СВОИ и ЧУЖИЕ в языковом сознании // Актуальный срез региональной картины мира: культурные концепты и неомифологемы / О.В. Орлова, О.В. Фельде [и др.] ; под науч. ред. О.В. Орловой. Томск, 2011. С. 10–27.

54. *Чепкина Э.В.* Дискурс региональной прессы: конструирование наивного адресата // Стилистика сегодня и завтра : материалы IV Междунар. науч. конф. «Стилистика сегодня и завтра» (28–30 апреля 2016 г.). М., 2016. С. 592–595.

55. *Чернышова Т.В.* Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России ; науч. ред. и предисл. Н.Д. Голева. М., 2009.

Глава 1

(«Функционально-семантические и парадигматические особенности лексики говоров Кузбасса»)

1. *Абрамов Ф.А.* Деревянные кони // Собрание сочинений : в 3 т. Л., 1982.

2. *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949. Ч. 1.

3. *Аксаков С.Т.* Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах // Аксаков С.Т. Собрание сочинений в 5 т. М., 1966. Т. 5. С. 311–424.

4. *Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.

5. *Баланчик Н.А.* Вариантность в диалектной терминологии говоров Кузбасса // Человек и язык в коммуникативном пространстве. 2013. Т. 4. № 4. С. 234–237.

6. *Баланчик Н.А.* Особенности названий жилища и способов его возведения в говорах Кузбасса // Вопросы социально-гуманитарного знания : посвящается 85-

летию Сибирского государственного индустриального университета : межвуз. сб. науч. тр. Новокузнецк, 2015(а). Вып. 3. С. 27–32.

7. *Баланчик Н.А.* Семантические особенности рыболовецкой терминологии в говорах Сибири // Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте. 2010. Т. 1. № 1. С. 243–246.

8. *Баланчик Н.А.* Синонимичны ли слова *конёк*, *князёк*, *охлупень* в говорах Кемеровской области? // Функциональный анализ значимых единиц русского языка : межвуз. сб. науч. ст. ; отв. ред. С.П. Петрунина. Новокузнецк, 2007. Вып. 2. С. 16–21.

9. *Баланчик Н.А.* Системные отношения в лексике рыболовства в говорах Кузбасса // Функциональный анализ значимых единиц русского языка: Язык и регионы : межвуз. сб. науч. ст. ; отв. ред. С.П. Петрунина. Новокузнецк, 2009. Вып. 4. С. 14–22.

10. *Баланчик Н.А.* Словообразовательное варьирование в диалектной терминологии говоров Кузбасса // Человек и язык в коммуникативном пространстве. 2015(б). Т. 6. № 6. С. 155–161.

11. *Баланчик Н.А.* Составные термины, обозначающие наименования разновидностей мёда и процесс его добычи в говорах Кемеровской области // Функциональный анализ значимых единиц русского языка: Язык и семья : межвуз. сб. науч. ст. ; отв. ред. С.П. Петрунина. Новокузнецк, 2008. Вып. 3. С. 45–50.

12. *Баланчик Н.А.* Устойчивые сочетания, связанные с деревянным зодчеством в говорах Кузбасса // Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте. 2012. Т. 3. № 3. С. 59–62.

13. *Баланчик Н.А., Баланчик Н.С.* Наименования изделий из муки в говорах Кузбасса // Диалектологический альманах : сб. материалов и исследований ; науч. ред. А.Д. Черенкова. Воронеж, 2019. С. 7–12.

14. *Баланчик Н.А., Баланчик Н.С.* Наименования изделий из муки в речи жителей Новокузнецка // Сибирский город в фокусе гуманитарных исследований : к 400-летию г. Новокузнецка : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Новокузнецк, НФИ КемГУ, 25–26 октября 2018 г.) ; отв. ред. К.В. Герш. Новокузнецк, 2018. С. 403–408.

15. *Баланчик Н.А., Баланчик Н.С.* Наименования хлеба в говорах Кузбасса // Русский язык и литература в мультикультурном пространстве : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Комсомольск-на-Амуре, АмГПУ, 30–31 марта 2017 г.). Комсомольск-на-Амуре, 2017. С. 18–22.

16. *Белов В.И.* Лад. Очерки по народной эстетике. М., 1989.

17. *Белов В.И.* Повседневная жизнь русского Севера. Очерки о быте и народном искусстве крестьян Вологодской, Архангельской и Кировской областей. М., 2000.

18. *Беляева О.П.* Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.

19. *Блинова О.И.* Введение в современную региональную лексикологию : материалы для спецкурса. Томск, 1973.

20. *Блинова О.И.* Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Томск, 1984.
21. *Бломквист Б.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. Т. 31.
22. *Богачева М.Н.* Названия гриба валуй в русских говорах: структура и словообразование // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) / Ин-т лингв, исслед. СПб., 2011. С. 342–352.
23. *Бугаев И.В.* Научные и народные названия растений и грибов. Томск, 2010.
24. *Буланин Л.Л.* Фонетика современного русского языка. М., 1970.
25. *Бухарева Н.Т.* Системный характер лексико-семантических отношений в русских говорах Сибири // Лексика и фразеология русских говоров Сибири. Новосибирск, 1982.
26. *Васнецов И.М.* Материалы для объяснительного вятского говора. Вятка, 1907.
27. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1972.
28. *Виноградов В.В.* О формах слова // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
29. *Волохнина Г.А., Попова З.Д.* Соотносительное слово в изъяснительных сложноподчиненных предложениях в аспекте вариантности и нормы // Литературная норма и вариантность. М., 1981. С. 138–148.
30. *Гвоздарев Ю.А.* Современный русский язык. Лексика и фразеология. М. – Ростов н/Д, 2008.
31. *Гольдин В.Е.* О языковом выражении тематических связей названий построек и их частей в русских говорах // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Саратов, 1965.
32. *Горбачевич К.С.* Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.
33. *Граудина Л.К.* К истории нормализации вариантов в грамматиках (нач. XX – 60-е годы) // Литературная норма и вариантность. М., 1981. С. 39–69.
34. *Грибы Прикамья в народных названиях и описаниях: словарь диалектных названий грибов ; под ред. И. А. Подюкова ; сост. Л.А. Пермякова, И.А. Подюков; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2012.*
35. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1956.
36. *Дидковская В.Г.* Фразеологическое сочетание и фразеологически связанное значение как объект словарного описания // Проблемы русской и общей фразеологии : межвуз. сб. науч. тр. Новгород, 1990.
37. *Евгеньева А.П.* Синонимические и парадигматические отношения в русской лексике // Синонимы русского языка и их особенности. Л., 1972.
38. *Ивашко Л.А., Мжельская О.С.* Имена существительные с уменьшительно-оценочными и увеличительно-оценочными суффиксами в псковских говорах и их лексикографическое описание // Псковские говоры. Псков, 1973. Вып. 3. С. 181–193.

39. *Иойриши Н.П.* Продукты пчеловодства и их использование. М., 1976.
40. *Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая* ; под ред. Л.И. Шелеповой ; сост. Л.И. Шелепова, Ю.И. Гамаюнова, Т.И. Злобина, И.М. Камова, И.Г. Рыгалина, М.О. Сорокина. Барнаул, 2007–2013. Вып. 1–7.
41. *Карпов А.Н.* Диалектные названия жилищ медоносной пчелы // Проблемы региональной лексикологии, фразеологии и лексикографии. Орел, 1994.
42. *Карпов А.Н.* Пчеловодческий словарь. М., 1997.
43. *Коготкова Т.С.* Русская диалектная лексикология. М., 1979.
44. *Коготкова Т.С.* Национальные истоки русской терминологии. М., 1991.
45. *Кодухов В.И.* Общее языкознание. М., 1974.
46. *Костомаров Н.И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1993.
47. *Котков С.И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII веков. М., 1970.
48. *Кузнецов П.С.* Русская диалектология. М., 1960.
49. *Куфтин Б.А.* Материальная культура русской Мещеры. М., 1926.
50. *Лукьянова Н.А.* Лексика современных говоров как объект изучения. Новосибирск, 1983.
51. *Лутвинова И.С.* Слово о пище русских: (К истории слов в русском языке). СПб., 1997.
52. *Любимова О.А.* История и современное состояние мунгатского говора (Фонетико-морфологический очерк) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1969.
53. *Маркова Е.М.* Сходство номинационных моделей лексем славянских языков как проявление языковой конвергенции // *Opera Slavica*. 2011. Vol. 21. Iss. 2. Pp. 1–11.
54. *Мельниченко Г.Г.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
55. *Меркулова В.А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды. М., 1967.
56. *Мотивационный диалектный словарь* (говоры Среднего Приобья): в 2 т. / под ред. О.И. Блиновой. Томск, 1982.
57. *Нечаева Л.С.* Наименования гриба «сыроежка» в русских говорах (на материале картотеки ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) / Ин-т лингв. исслед. СПб., 2011. С. 330–341.
58. *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956.
59. *О правильной охоте и рыбной ловле* в Кемеровской области; справочное пособие с приложением основ охотминимума, законодательных актов и лоции р. Томь в окрестностях гг. Новокузнецк и Кемерово ; авт.-сост. П.В. Баранов, В.Б. Надеждин. Таштагол, 2012.
60. *Ожегов С.И.* О структуре фразеологии // Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.
61. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1986.
62. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997.

63. *Оссовецкий И.А.* Лексика современных русских народных говоров. М., 1982.
64. *Острецова Л.М.* Тематическая группа «орудия лова» в говорах Среднего Приишимья // *Материалы и исследования по сибирской диалектологии.* Красноярск, 1981.
65. *Попова Г.И.* Лексика охоты (к системным отношениям) : учеб. пособие. Якутск, 1986.
66. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Общее языкознание. М., 2007.
67. *Потанин Г.Н.* Привоз и вывоз товаров города Томска в половине 17 столетия // *Вестник РГО.* СПб., 1859. Ч. 24.
68. *Похлебкин В.В.* Тайны хорошей кухни. Новосибирск, 1993.
69. *Похлебкин В.В.* Кулинарный словарь. Новосибирск, 1994.
70. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка : в 2 т. М., 1986.
71. *Прокопович П.И.* Избранные статьи по пчеловодству. М., 1960.
72. *Радченко Е.С.* Материальный быт населения Воскресенского уезда в некоторых видах производства и промысла. Ткачество. Рыболовство. Воскресенск, 1928.
73. *Русская грамматика.* М., 1980.
74. *Русская диалектология ;* под ред. Н.А. Мещерского. М., 1972.
75. *Сабанеев Л.П.* Рыболовный календарь. СПб., 2000. (Печатается по изданию «Охотничий календарь» в 2-х частях. Составлен Л.П. Сабанеевым. Типография А.А. Карцева, Москва, 1885.).
76. *Селищев А.М.* Диалектологический очерк Сибири // *Избранные труды.* М., 1968. С. 223–486.
77. *Сенкевич В.А.* Проблемы сибирской и уральской диалектологии. Челябинск, 1975.
78. *Сенк-Шеленгевич О.* Структурно-семантическая организация и функционирование номинаций грибов. Poznań: WydziałNeofilologii UAM w Poznaniu, 2016.
79. *Скворцова А.А.* Основные задачи изучения говоров Западной Сибири : Труды ТГУ. Томск, 1955. Т. 129.
80. *Словарь брянских говоров ;* отв. ред. В.А. Козырев, В.И. Чагишева. Л., 1980. Вып. 2.
81. *Словарь орловских говоров ;* под ред. Т.В. Бахваловой. Ярославль – Орел, 1989 –2016. Вып. 1–17.
82. *Словарь промысловой лексики Северной Руси.* СПб., 2003–2005. Вып. 1–2.
83. *Словарь русских говоров Алтая : в 4 т. ;* под ред. И.А. Воробьевой, А.И. Ивановой. Барнаул, 1993–1998.
84. *Словарь русских говоров Кузбасса ;* под ред. Н.В. Жураковской и О.А. Любимовой. Новосибирск, 1976.
85. *Словарь русских говоров Новосибирской области ;* под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1979.

86. *Словарь русских говоров Среднего Урала* : в 3 т. ; под ред. П.А. Вовчок. Свердловск, 1964–1981.
87. *Словарь русских говоров южных районов Красноярского края* ; отв. редактор В.Н. Рогова. Красноярск, 1988.
88. *Словарь русских народных говоров* ; под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. М.; Л., 1965–1966. Вып. 1–2; Л., 1968–1990. Вып. 3–26; СПб., 1992–2012. Вып. 27–45.
89. *Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби*: в 3 т. ; под ред. В.В. Палагиной. Томск, 1964–1967.
90. *Словарь русского языка* : в 4 т. ; под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
91. *Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в.* ; сост. Л.Г. Панин. Новосибирск, 1991.
92. *Словарь синонимов русского языка* : в 2 т. ; гл. ред. А.П. Евгеньева. Л., 1970–1971.
93. *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. М.; Л., 1950–1960.
94. *Словарь современного русского литературного языка*: в 20 т. ; гл. ред. К.С. Горбачевич. М., 1991–1993. Т. 1–4.
95. *Словообразование современного русского литературного языка // Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование* ; под ред. М.В. Панова. М., 1968.
96. *Советский энциклопедический словарь* ; гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1984.
97. *Сороколетов Ф.П.* Диалектная лексика в ее отношении к словарному составу общенародного языка // *Слово в русских народных говорах*. Л., 1968.
98. *Сороколетов Ф.П.* История военной лексики в русском языке XI–XVII веков. Л., 1970.
99. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики // *Труды по языкознанию*. М., 1977.
100. *Справочник столяра* ; авт.-сост. А. Лидин. Ростов-на-Дону, СПб., 2007.
101. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. М., 1958.
102. *Степанов Г.В.* Основы языкознания. М., 1968.
103. *Толковый словарь русского языка* : в 4 т. ; под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.
104. *Толстой Н.И.* Диалектология в этнолингвистической перспективе // *Системные отношения в лексике севернорусских говоров*. Вологда, 1982.
105. *Трубачев О.Н.* Формирование древнейшей ремесленной терминологии в славянских и некоторых других индоевропейских диалектах // *Этимология. Исследования по русскому и другим языкам*. М., 1963.
106. *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.
107. *Туркин В.Н.* Об отграничении общественных терминов от научно-технических // *Вопросы прикладной лингвистики*. Днепропетровск, 1976. Вып. 6.
108. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1986–1987.

109. *Филин Ф.П.* О древнерусском слове «волмина» // Труды отдела древнерусской литературы / АН СССР Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) ; отв. ред. В.И. Малышев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. XIV. С. 590–594.
110. *Филин Ф.П.* О слове и вариантах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963.
111. *Филин Ф.П.* О лексикализованных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах // Лексика русских народных говоров. М. ; Л., 1966. С. 27–34.
112. *Филин Ф.П.* Очерки по теории языкознания. М., 1982.
113. *Холодович А.А.* Опыт теории подклассов слов. Вопросы языкознания. 1960. № 1.
114. *Черных П.Я.* Русский язык в Сибири. Москва – Иркутск, 1934.
115. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1993.
116. *Шанский Н.М.* Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская; под ред. С.Г. Бархударова. М., 1961.
117. *Шанский Н.М., Боброва Т.А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1994.
118. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. М., 1969.
119. *Шелегина О.Н.* Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1992.
120. *Ширшаков Р.В.* Названия гриба свинушка в русских говорах (по материалам ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) / Ин-т лингв. исслед. СПб., 2011. С. 326–329.
121. *Шмелев Д.Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
122. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
123. *Этимологический словарь русского языка* ; под рук. и ред. Н.М. Шанского. М., 1968. Т. 2. Вып. 3.
124. *Этимологический словарь русского языка* ; под рук. и ред. Н.М. Шанского. М., 1982. Т. 2. Вып. 8.
125. *Этимологический словарь славянских языков* ; под ред. О.Н. Трубачева. М., 1987. Вып. 14.
126. *Этнография восточных славян: Очерки народной культуры* ; гл. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1987.
127. *Языковая номинация (общие вопросы)* ; отв ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. М., 1977.

Глава 2

(«Тематическая организация разговорного монологического текста (на материале диалектной и городской устной речи жителей юга Кузбасса)»)

1. *Барт Р.* Семиотика. Поэтика : избр. работы. М., 1989.
2. *Белякова С.М.* Образ времени в диалектной картине мира (на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области). Тюмень, 2005.
3. *Борисова И.Н.* Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры ; под ред. Т.В. Матвеевой. Екатеринбург, 1996. С. 21–48.
4. *Борисова И.Н.* Прототипические тексты в структуре разговорного диалога // Русский язык в контексте культуры ; под ред. Н.А. Купиной. Екатеринбург, 1999. С. 152–171.
5. *Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог: Структура и динамика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
6. *Ван Дейк Т.А.* Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1980. С. 259–336.
7. *Веселовский А.Н.* Поэтика сюжетов // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989. С. 300–305.
8. *Волошина С.В.* Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008.
9. *Говорит Новокузнецк* : сборник текстов разговорной монологической речи жителей Новокузнецка ; сост. Ю.В. Косицина ; под ред. Н.С. Баланчик. Новокузнецк – Красноярск, 2018.
10. *Гольдин В.Е.* Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения Р.И. Аванесова ; отв. ред. Н.Н. Пшеничнова. М., 2002(а). С. 58–64.
11. *Гольдин В.Е.* Изобразительность диалектной речи // Бюллетень фонетического общества. №7. Бохум, 2001. URL : <http://sarteorlingv.narod.ru/Articles/Izobrazitel.htm>
12. *Гольдин В.Е.* Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. 2009. Т.9. Сер. Филология. Журналистика. Вып.1. С. 3–6.
13. *Гольдин В.Е.* Понятийное ядро традиционного сельского общения // Предложение и слово : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2002(б). С. 716–719.
14. *Гольдин В.Е.* Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : дис. в виде науч. доклада, представленная на соиск. уч. ст. докт. филол. наук. Саратов, 1997.
15. *Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю.* Тематическая разметка и тематический анализ диалектного текстового корпуса // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования : материалы междунар. науч. конф. : в 2 ч. Ч.1. Самара, 2006. С. 71–80.
16. *Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю.* Мультимедийный диалектологический корпус – важнейший ресурс сохранения и изучения народно-речевой культуры //

Повестка дня для России. Аналитические материалы фонда «Единство во имя России» за 2008–2009 годы. М., 2009. С. 612–622.

17. *Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю.* Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты. Саратов, 2010. 120 с.

18. *Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю.* Текст и знание в диалектной коммуникации // Материалы и исследования по русской диалектологии ; отв. ред. Л.Л. Касаткин ; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М., 2008(а). С. 398–413.

19. *Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю.* Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2008(б). С. 268–273.

20. *Гынгазова Л.Г.* «Полный словарь диалектной языковой личности» как отражение индивидуальной картины мира // Дискретность и континуальность в языке и тексте : материалы Междунар. конф. «Континуальность и дискретность в языке и речи» ; под ред. Т.А. Трипольской. Новосибирск, 2009. С. 309–317.

21. *Земская Е.А.* Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М., 2004.

22. *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка : коллективная монография ; под общ. ред. Г.А. Золотовой. М., 2004.

23. *Иванцова Е.В.* Феномен диалектной языковой личности : монография. Томск, 2002.

24. *Казакова О.А.* Диалектная языковая личность в жанровом аспекте : монография. Томск, 2007.

25. *Китайгородская М.В.* Наблюдения над построением устного просторечного текста // Разновидности городской устной речи: сб. науч. тр. ; отв. ред. Д.Н. Шмелев, Е.А. Земская. М., 1988. С. 156–182.

26. *Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б.* Еще раз о структуре разговорного текста // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. ст. памяти В.А. Белошапковой. М., 2001. С. 312–321.

27. *Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б.* О структуре разговорного текста // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1999. Вып. 28: Антропоцентрические исследования. С. 92–103.

28. *Королева Е.Е.* Русская диалектная языковая личность: мужчина-старовер // Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет : тез. докл. IV Междунар. науч. конф. Uniwersitet Warszawski, 2008. С. 111–112.

29. *Косицина Ю.В.* Исследование разговорной речи: региональный компонент в обучении русскому языку и литературе : пособие для учителя ; отв. ред. Н.С. Баланчик. Новокузнецк – Красноярск, 2019.

30. *Косицина Ю.В.* Статико-динамическая модель тематической организации диалектного монологического текста: автореф. дис. ... канд. наук. Кемерово, 2013.

31. *Крючкова О.Ю.* Коммуникативные нормы традиционного сельского общения // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2009. Вып. 9. С. 142–147.
32. *Крючкова О.Ю.* Электронный корпус русской диалектной речи и принципы его разметки // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. Т. 7. Вып. 1. Саратов, 2007. С. 30–34.
33. *Летучий А.Б.* Корпус диалектных текстов: задачи и проблемы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. URL : [http:// www.ruscorgo.ru](http://www.ruscorgo.ru)
34. *Лютикова В.Д.* Языковая личность и идиолект : монография. Тюмень, 1999.
35. *Матвеева Т.В.* Непринужденный диалог как текст // Человек – Текст – Культура ; отв. ред. Н.А. Купина, Т.В. Матвеева. Екатеринбург, 1994. С. 125–140.
36. *Матвеева Т.В.* Тематическое развертывание разговорного текста // Языковой облик уральского города : сб. науч. тр. Свердловск, 1990(а). С. 46–54.
37. *Матвеева Т.В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк : монография. Свердловск, 1990(б).
38. *Москальская О.И.* Грамматика текста : учеб. пособие. М., 1981.
39. *Новиков А.И.* Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
40. *Сибирякова И.Г.* Тематическое структурирование разговорного диалога: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 1996.
41. *Сиротинина О.Б.* Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи /// Человек – текст – культура : монография. Екатеринбург, 1994. С. 105–124.
42. *Смит Дж. Б.* Тематическая структура и тематическая сложность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. М., 1980. С. 333–355.
43. *Хализев В.Е.* Теория литературы : учебник. М., 2007.
44. *Юрина Е.А.* Томский диалектный корпус: в начале пути // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2. С. 58–63.
45. *Юрина Е.А., Толстова М.А.* Проект диалектного корпуса старожильческих говоров Среднего Приобья // Русская устная речь. Материалы международной научной конференции «Баранниковские чтения. Устная речь: диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвузовского совещания «Проблемы создания и использования диалектологических корпусов» ; отв. ред. О.Ю. Крючкова. Саратов, 2011. С. 270–277.

Глава 3

(«Песни литературного происхождения в фольклоре Кемеровской области»)

1. *Азадовский М.* Русский фольклор. Эпическая поэзия. Л., 1935.
2. *Алтухова Т., Сенчина Л.* Жанр идиллии в творчестве А.П. Сумарокова // XVIII век: язык, жанр, стих : сб. ст. Донецк, 1996. С. 53–56.

3. *Альбом золотых мотивов* для любителей и любительниц пения ; сост. П.П. Бобков и А.К. Дипнер. СПб., 1884.
4. *Баширин А.С.* Блатная песня: terra incognita // Массовая культура на рубеже веков : сб. ст. М.-СПб., 2005. С. 176–192. URL : <http://a-pesni.org/dvor/piter/a-terrainc.php>
5. *Бессонов Н., Деметер Н.* История цыган России (конец XVII – XX вв.) // История цыган – новый взгляд. Воронеж, 2000. URL : <http://www.gypsy-life.net/history17.htm>
6. *Бессонов Н.* Истоки мифа о цыганской женщине // История цыган – новый взгляд. Воронеж, 2000. URL : <http://www.gypsy-life.net/history12.htm>
7. *Благой Д.Д.* История русской литературы XVIII века. М., 1951.
8. *Богданович И.Ф.* Стихотворения и поэмы. Л., 1957.
9. *Булич Н.* Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854.
10. *Бунин И.А.* Косцы. URL : http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2020.shtml
11. *Бунин И.А.* Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. М., 1987.
12. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М., 1989.
13. *Высоцкий В.С.* Поэзия и проза. М., 1989.
14. *Григорьев А.* Цыганская венгерка // Антология русского романса. Золотой век ; под ред. В. Калугина. М., 2006. URL : <http://a-pesni.org/romans/2gitary.php>
15. *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991.
16. *Гуковский Г.А.* Сумароков и его литературно-общественное окружение // История русской литературы : в 10 т. Т.4. Литература XVIII в. Ч. 1. М.-Л., 1941. С. 349–420.
17. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1. М., 1999.
18. *Державин Г.Р.* Стихотворения. Л., 1957.
19. *Дмитриев И.И.* Полное собрание стихотворений. Л., 1967. URL : <https://rvb.ru/18vek/dmitriev/toc.htm>
20. *Друскин М.* К вопросу об изучении «цыганщины» (По поводу работы Б. Штейнпресса «К истории "цыганского пения" в России») // Советская музыка. 1934. № 12. С. 95–105.
21. *Духовные стихи, песнопения и бытовые песни* русских старообрядцев на Алтае (1953–1997) ; записаны К.В. Маеровой. М., 1997.
22. *Емельянов Л.И.* Методологические вопросы фольклористики. Л., 1978.
23. *Ерёмина В.И.* Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978.
24. *Ефимов И., Клинков К. В.* Высоцкий и блатная песня. URL : <http://otblesk.com/vysotsky/i-blat-1.htm>
25. *Поэты-радищевцы.* Л., 1979. URL : http://az.lib.ru/o/oleshew_m/text_0020.shtml
26. *Иезуитова Р.В.* «Жених» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974.
27. *Козин В.* Бирюзовые колечки // Очи черные: Старинный русский романс. М., 2004. URL : <http://a-pesni.org/romans/biruzkol.htm>

28. *Колтакова Н.П.* Песни и люди. О русской народной песне. Л., 1977.
29. *Кравчинская В.А.* Лирическая песня // Русское народное поэтическое творчество Т. II. Кн. 1. Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII – первой половины XIX века. М.-Л., 1955. С. 408–433.
30. *Красноштанов С.И., Левашов В.С.* Русские народные песни Сибири и Дальнего Востока // Русские народные песни Сибири и Дальнего Востока ; сост. С.И. Красноштанов, В.С. Левашов, В.М. Щуров. (Серия: Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 14). Новосибирск, 1997.
31. *Кулагина А.* Балладные песни // Баллады. Т. 6. М., 2001.
32. *Лебедева О.Б.* История русской литературы XVIII века : учебник. М., 2000.
33. *Лозанова А.Н.* Тюремные песни // Русское народное поэтическое творчество. Том II. Книга 1. Очерки по истории русского поэтического творчества середины XVIII – первой половины XIX века. М.-Л., 1955.
34. *Львов Н., Прач И.* Собрание русских народных песен с их голосами. М., 1955.
35. *Макогоненко Г.П.* «Рядовой на Пинде воин» (Поэзия Ивана Дмитриева) // Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений. Ленинград, 1967. С. 5–68. URL : <http://www.rvb.ru/18vek/dmitriev/03article/intro.htm>
36. *Махотина И.Ю.* Песни литературного происхождения и жестокий романс в репертуаре русских цыган // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 3. С. 73–82.
37. *Мельц М.Я.* Поэзия А.С. Пушкина в песенниках 1825–1917 гг. и русском фольклоре. Библиографический указатель (по материалам Пушкинского Дома). Т. 18. СПб., 2000.
38. *Мороз А.Б.* Пастушеская обрядность в восприятии пастуха и крестьянской общины // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. М., 2003. С. 42–52.
39. *Мурьянов М.* Пушкин и цыгане // Мурьянов М.Ф. Пушкин и Германия. М., 1999. С. 399–415. URL : <http://www.philology.ru/literature2/muryanov-99.htm>
40. *Народные лирические песни.* М., 1961.
41. *Немирович-Данченко В.И.* Стихотворения. СПб., 1882.
42. *Новикова А.М.* Русская поэзия XVIII – первой половины XIX в. и народная песня. М., 1982.
43. *Григорьев П.* За гитарный перебор // Говорите мне о любви: Песенник. Песни и романсы. Для голоса и гитары (фортепиано, синтезатора). СПб., 2005. URL : <http://a-pesni.org/romans/hajt/zagitarn.htm>
44. *Перетц В.Н.* Историко-литературные исследования и материалы. Т. 1. Из истории русской песни. Ч. 1. СПб., 1900.
45. *Песни русских поэтов ;* вступ. ст., сост. и прим. И.Н. Розанова. Л., 1957.
46. *Писемский А.Ф.* Собрание сочинений. В 9 т. Т. 2. М., 1959.
47. *Позднеев А.В.* Рукописные песенники XVII–XVIII вв. (Из истории песенной силлабической поэзии). М., 1996.

48. *Позднякова Е.Г.* Песни И.И. Дмитриева: фольклорная и литературная традиции // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.) : труды и материалы : в 2 т. Казань, 2006. Т.1. С. 262–265.
49. *Поэты XVIII века* : в 2 Т. ; вступит. ст. Г.П. Макогоненко. Л., 1972. Т. 2.
50. *Принудительный труд*. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30–50-е гг.) ; отв. ред. Л.И. Гвоздикова. Т. 2. Кемерово, 1994.
51. *Пропи В.Я.* Сказка. Эпос. Песня. М., 2001.
52. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений в 16 т. Т.1. М.-Л., 1937–1957.
53. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 3. Поэмы. Сказки. М., 1975.
54. *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву // Русская проза XVIII века. М., 1971.
55. *Роднянская И.Б.* Узник // Лермонтовская энциклопедия ; гл. ред. В.А. Мануйлов. М., 1981.
56. *Русская поэзия XVIII века*. М., 1972. Т. 57.
57. *Русские народные песни* ; вступ. ст., сост. и прим. А.М. Новиковой. М., 1957.
58. *Русские песни Восточной Сибири* : сборник ; сост. В.П. Зиновьев. Иркутск, 2008.
59. *Русские песни и романсы* ; вступ. статья и сост. В. Гусев. М., 1989.
60. *Серполетто А.* Внемли моим мольбам. Цыганский романс. URL : <http://a-resni.org/romans/vnemlimoim.htm>
61. *Силинская Г.Г.* «Карманный песенник» И.И. Дмитриева // Русская литература. 1982. № 3. 1982. С. 143–149.
62. *Сказки и песни, рожденные в дороге*: Цыганский фольклор. М., 1985.
63. *Старинные русские песни и романсы* ; сост. О.И. Федотов. М., 2006.
64. *Сумароков А.П.* Избранные произведения ; вступ. ст., подготовка текста и прим. П.Н. Беркова. Л., 1957.
65. *Сумароков А.П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. 1–10. Москва, 1787 (2-е издание).
66. *Теория литературы*. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. М., 1964.
67. *Топорков А.* Эротика в русском фольклоре // Русский эротический фольклор. М., 1995.
68. *Трубицына В.В.* Быт цыган в песенной лирике русских поэтов XIX – XX вв. и народных песнях // Poetik des Alltags. Russische Literatur im 18. – 21. Jahrhundert. Поэтика быта. Русская литература XVIII – XXI вв. München, 2014(a). P. 91–100.
69. *Трубицына В.В.* Горизонты интерпретации литературного текста в фольклорных вариантах: «Умиравший» В.И. Немировича-Данченко // Folia Litteraria Rossica 5: Знаки обращения к литературной традиции – в творчестве классиков и современных авторов. ŁÓDŹ, 2012(a). С. 48–54.

70. Трубицына В.В. Жанр песни в теоретическом осмыслении и поэтической практике И. И. Дмитриева. Молодая филология Сибири – 2012 : сборник научных статей ; отв. ред. С.П. Петрунина. Новокузнецк, 2013(а). С. 79–84. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24738274>

71. Трубицына В.В. Народные тюремные песни и их жанровые модификации в литературе XIX–XX веков // Пушкинские чтения – 2012. «Живые» традиции в литературе: жанр, автор, герой, текст : материалы XVII международной научной конференции ; под общ. ред. В.Н. Смирнова ; отв. ред. Т.В. Мальцева. СПб., 2012(б). С. 59–65.

72. Трубицына В.В. Пасторальные мотивы и образы в песенном фольклоре Кемеровской области // Przegląd rusycystyczny (Русское обозрение). Katowice ; Uniwersytet Śląski. 2019, nr 1 (165). С. 161–169.

73. Трубицына В.В. «Пастушья» песня А.П. Сумарокова // Сибирский филологический журнал. 2009(а). № 3. С. 16–22.

74. Трубицына В.В. Песни литературного происхождения в фольклорном репертуаре Кемеровской области (песни тюрьмы, каторги и ссылки) // Филология и человек. 2012(в). № 3. С. 61–72.

75. Трубицына В.В. Региональные трансформации литературных песен (на примере фольклора Кемеровской области) // Алтайский текст в русской культуре : сборник научных статей. Вып. 5 ; под ред. М.П. Гребневой. Барнаул, 2013(б). С. 127–134.

76. Трубицына В.В. Рецептивные трансформации стихотворения А.С. Пушкина «Вишня» в русской культуре XIX века // Филология и человек. 2011. № 3. С. 186–194.

77. Трубицына В.В. Рецепция цыганских мотивов в русском песенном фольклоре // Народная культура Сибири : Материалы XI научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору ; отв. ред. Т.Г. Леонова. Омск, 2012(г). С. 269–275.

78. Трубицына В.В. Семейные ценности в традиционной народной лирической песне и их трансформации в литературной песне XIX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013(в). Выпуск 2 (130). С. 9–15.

79. Трубицына В.В. Сюжет о неузнанных родных, разлученных войной, в фольклорных и литературных песнях // Россия в зеркале военной истории (к 200-летию Отечественной войны 1812 года) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. В 2 т. Т. 2. Секции 3–5 ; отв. ред. Е.Ю. Волкова. Кострома, 2012(д). С. 89–92.

80. Трубицына В.В. Топография художественного мира любовных песен поэтов «сумароковской школы» в контексте фольклорных традиций // Народная культура Сибири : материалы XXII науч.-практ. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2014(б). С. 104–109.

81. Трубицына В.В. Фольклорные источники литературной песни в поэзии А.П. Сумарокова // Филология и человек. 2009(б). № 3. С. 73–79.

82. Шкляев Л.А. Сибирский тракт. URL : <http://irbit.info/history/analyt-ics/34/1240/>

83. Щеголев П.Е. Первенцы русской свободы ; Вступ. ст. и коммент. Ю.Н. Емельянова. М., 1987. URL : http://az.lib.ru/s/shegolew_p_e/text_0290.shtml

84. Юрьев Е. Зачем любить, зачем страдать // Тени минувшего: Старинные романсы. Для голоса и гитары ; сост. А.П. Павлинов, Т.П. Орлова. СПб., 2007. URL : <http://a-pesni.org/romans/zatchemlub.htm>

Глава 4

(«Специфика регионального медиадискурса»)

1. Андреев В.П. Периодическая печать горно-добывающих районов Сибири в 1920-е гг. // 150 лет периодической печати в Сибири : материалы регион. науч. конф., посвящённой 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.) ; отв. ред. В.В. Шевцов. Томск, 2007. С. 93–96.

2. Борин А.Г. К вопросу о роли городской газеты в процессе формирования горожанина (на материалах г. Сталинска 1930-х гг.) // II Чтения, посв. памяти Р. Л. Яворского : материалы Всерос. науч. конф. (Новокузнецк, 27–27 апреля 2006 г.) ; отв. ред. А.Н. Худолеев. Новокузнецк, 2006. С. 34–36.

3. Борин А.Г. Формирование городского образа жизни в индустриальном городе (на материалах города Сталинска 1929–1941 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010.

4. Булгаков В.Ф. Ф. М. Достоевский в Кузнецке. URL : http://az.lib.ru/b/bulgakow_w_f/text_1904_dostoevsky.shtml.

5. Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка : учеб. пособие. М., 1992.

6. В борьбе за советскую сталь, 1917–1941. М., 1991.

7. Викулова В.П. Мемориальная деятельность публичной библиотеки: организационно-управленческая концепция : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008.

8. Винныйчук А. В. Городские газеты: исторический, классификационно-типологический и содержательный аспекты (на примере городских газет г. Ростова-на-Дону и городов Ростовской области) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2008.

9. Воронова О.А. Местная газета: модели и типы // Типология периодической печати : учеб. пособие ; под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. М., 2007. С. 60–78.

10. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. ; сост., ред. и предисл. Н.А. Кондрашова. М., 1967. С. 338–377.

11. Гольдфарб С.И. Газетное дело в Сибири: первая половина XIX – нач. XX в. Иркутск, 2002.

12. *Гуркин В.А.* Становление локальных исследований российской провинции (на материалах Среднего Поволжья) : автореф. дис. ... д-ра культурологи. – М., 2006.
13. *Гурова Е.К.* Нужные, полезные, «свои»... // *МедиаТренды*. 2015. № 5 (54). С. 8.
14. *Дроздова Ю.А.* Коммуникативные аспекты региональной идентичности: управленческо-социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2006.
15. *Дускаева Л.Р.* Языково-стилистические изменения в современных СМИ // *Стилистический энциклопедический словарь* ; под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003. С. 664–675.
16. *Дускаева Л.Р.* Диалогическая природа газетных речевых жанров : монография ; под ред. М.Н. Кожинной. Изд. 2-е, доп., испр. СПб., 2012.
17. *Жилякова Н.В.* Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие : монография ; науч. ред. Л.П. Громова, Н.М. Дмитриенко. Томск, 2011(а).
18. *Жилякова Н.В.* История дореволюционной журналистики в Сибири: этапы исследования, новые направления // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2011(б). № 3 (15). С. 126–132.
19. *Жилякова Н.В.* Цензурная история газеты «Сибирская жизнь» (1894–1919, г. Томск) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2009. № 3 (7). С. 102–115.
20. *Засурский Я.Н.* Тенденции функционирования СМИ в современной структуре российского общества // *Средства массовой информации России: учеб. пособие для студентов вузов* ; под ред. Я.Н. Засурского. М., 2008. С. 3–53.
21. *Зинякова В.М.* Распространение периодической печати в рабочих районах Западной Сибири (1926–1932 гг.) // *Сибирь в истории России (к 100-летию Зинаиды Георгиевны Карпенко)* : материалы регион. науч. конф. (Кемерово, 29 сентября 2006 г.) ; отв. ред. В.А. Волчек, А.М. Адаменко. Кемерово, 2006. С. 266–272.
22. *Ирисханова О.К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М., 2014.
23. *Кажикин А.А.* Типология отечественной региональной прессы рубежа XX–XXI веков (на примере печатной периодики Воронежской области) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004.
24. *Калинина Е.И.* Системно-структурное моделирование внутржанрового пространства гипержанра «дневник» (на материале британской лингвокультуры) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012.
25. *Камнева Н.В.* Особенности восприятия студентами текстов газетно-публицистического стиля регионального издания (по данным экспериментов) // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2013. Вып. № 10 (138). С. 217–221.

26. Камнева Н.В. Регулятивные стратегии в региональном медиадискурсе (на материале приложения «АиФ – ТОМСК») // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. Вып. № 6 (159). С. 148–153.

27. Камнева Н.В. Средства речевого воздействия в современных публицистических текстах (на материале приложения «АиФ»-Томск) // Русская речевая культура и текст : материалы VII Междунар. науч. конф. (Томск, 16–18 мая 2012 г.) ; под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск, 2012. С. 328–333.

28. Камнева Н.В. Тематические и жанровые особенности регионального газетно-публицистического дискурса (на материале Приложения «АиФ-Томск») // Наука и образование в современном обществе: вектор развития : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 3 апреля 2014 г.). Часть II. М., 2014. С. 11–16.

29. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография. М., 2004.

30. Киселев А.В. Отечественное краеведение как традиция российской культуры // Кузнецкий край и Новокузнецк в историческом и социокультурном измерении. Посвящается 70-летию Кемеровской области и 395-летию г. Новокузнецка: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Новокузнецк, 29 ноября 2012 г.) ; под ред. Л. А. Поляковой. Новокузнецк, 2013. С. 243–258.

31. Кронгауз М.А. Публичная интимность // Знамя. 2009. № 12. URL : <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/12/kr10.html>.

32. Купина Н.А. «Малая пресса» Урала: стилистические приметы и аксиологические предпочтения // Стилистика сегодня и завтра : материалы IV Междунар. науч. конф. «Стилистика сегодня и завтра» (28–30 апреля 2016 г.). М., 2016. С. 326–329.

33. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15–26.

34. Лизунова И.В. Периодическая печать Новониколаевска – Новосибирска: история становления и функционирования в первой трети XX столетия // 150 лет периодической печати в Сибири : материалы регион. науч. конф., посв. 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.) ; отв. ред. В.В. Шевцов. Томск, 2007. С. 97–100.

35. Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск, 1985.

36. Любимов Л.С. Российская журналистика прирастала Сибирью // 150 лет периодической печати в Сибири : материалы регион. науч. конф., посв. 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.) ; отв. ред. В. В. Шевцов. Томск, 2007. С. 7–12.

37. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). URL : http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=fr_eq_freq&title=Частотный список лемм.

38. Медиалогия : информационно-аналитическая система. URL: <http://www.mlg.ru/>.

39. *МедиаТренды*. 2015. № 5 (54).

40. *Нестерова Н.Г.* Региональный радиодискурс: аспекты изучения // Актуальные проблемы русистики. Языковые аспекты регионального существования человека : материалы междунар. науч. конф. (Томск, 9–11 ноября 2005 г.). Томск, 2006. Вып. 3. С. 435–440.

41. *Новокузнецк в энциклопедиях* [Электронный ресурс Новокузнецкой центральной городской библиотеки им. Н.В. Гоголя]. URL: <https://libnvkz.ru/chitatelyam/o-novokuznetske/novokuznetsk-v-enciklopediyax>

42. *Орлова О.В.* Нефть: дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта : монография. Томск, 2012.

43. *Орлова О.В.* Проблемы диалогического взаимодействия в современном медиапространстве // Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности : коллективная монография ; под. ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск, 2011(а). С. 368–388.

44. *Орлова О.В.* Проблемы изучения актуальных концептов региональной картины мира // Актуальный срез региональной картины мира: культурные концепты и неомифологемы : коллективная монография / О. В. Орлова [и др.] ; под науч. ред. О.В. Орловой. Томск, 2011(б). С. 4–9.

45. *Паленков С.Е.* Информационная динамика в системе СМИ (на материале региональной прессы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2010.

46. *Пантыкина Т.С.* Особенности идиостиля В. Немирова (на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий», 2005–2006 гг.) // Социальная работа, реклама и связи с общественностью в новом коммуникативном пространстве : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (19 мая 2006 г.). Томск, 2006. С. 297–301.

47. *Печетова Н.Ю.* Стилеобразующие факторы репрезентации события в региональных газетно-публицистических текстах (на материале газет Республики Саха) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2012.

48. *Пузынин А.В.* Этапы развития периодической печати Кемеровской области (1920-е гг. XX в. – начало XXI в.) // Сибирь в истории России (к 100-летию Зинаиды Георгиевны Карпенко) : материалы регион. науч. конф. (Кемерово, 29 сентября 2006 г.) ; отв. ред. В.А. Волчек, А.М. Адаменко. Кемерово, 2006. С. 300–307.

49. *Пушкарева И.А.* К вопросу о месте городской газеты в современном коммуникативном пространстве (на материалы газеты «Кузнецкий рабочий», Новокузнецк) // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сб. науч. ст. ; отв. ред. М.В. Веккессер. Красноярск, 2018. Вып. 9 (18). С. 165–172.

50. *Пушкарева И.А.* Специфика регионального медиадискурса: лингвоаксиологический аспект // Медиалингвистика. 2017(а). Вып. 3. С. 90–98.

51. *Пушкарева И.А.* О краеведческой концепции времени в дискурсе городской газеты конца XX – начала XXI века (на материале рубрик газеты «Кузнецкий рабочий») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017(б). № 49. С. 52–66.

52. *Родионова Т.В.* Г.Н. Потанин о роли периодики в воспитании сибирского патриотизма // 150 лет периодической печати в Сибири : материалы регион. науч.

конф., посв. 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.) ; отв. ред. В.В. Шевцов. Томск, 2007. С. 126–129.

53. *Сверкунова Н.В.* Феномен сибиряка // Социол. исследования. 1996. № 10. С. 90–94.

54. *150 лет периодической печати в Сибири* : материалы регион. науч. конф., посвящ. 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.) ; отв. ред. В.В. Шевцов. Томск, 2007.

55. *Тертычный А.А.* Жанры периодической печати : учеб. пособие для студентов вузов. М., 2006.

56. *Тикунова И.В.* Современная региональная библиотека в контексте построения обществ знаний // *Kitabxanalar biliklər səmimiyyətində = Библиотеки в обществе знаний: İkidilli Azərbaycan-Rusiya layihəsi*. Bakı, 2006. S. 426–439. URL : http://tikunova-i.narod.ru/ni/sovr_reg_bib.htm.

57. *Типология периодической печати* : учеб. пособие / М.Е. Аникина [и др.] ; под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. М., 2007.

58. *Фельде О.В.* СВОИ и ЧУЖИЕ в языковом сознании сибиряков // Актуальный срез региональной картины мира: культурные концепты и неомифологемы : коллективная монография / О.В. Орлова [и др.] ; под науч. ред. О.В. Орловой. Томск, 2011. С. 10–27.

59. *Чепкина Э.В.* Дискурс региональной прессы: конструирование наивного адресата // *Стилистика сегодня и завтра* : материалы IV Междунар. научной конференции «Стилистика сегодня и завтра» (28–30 апреля 2016 г.). М., 2016. С. 592–595.

60. *Черепанова Л.Л.* Дискурс региональных СМИ: психолингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007.

61. *Чернышова Т.В.* Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России ; науч. ред. и предисл. Н. Д. Голева. М., 2009.

62. *Швецова-Водка Г.Н.* Общая теория документа и книги : учеб. пособие. М., 2009.

63. *Яковлева Е.С.* Час в русской языковой картине времени // *Вопросы языкознания*. 1995. № 6. С. 54–76.

64. *Яковлева Е.С.* Фрагмент русской языковой картины времени // *Вопросы языкознания*. 1994. № 5. С. 73–89.

Список источников к главе 4¹

Тексты об истории газеты

1. Берлин А. Воин, металлург, редактор // КР. 1989. 3 окт.
2. Берлин А. ...Под номером один // КР. 1987. 9 мая.
3. Берлин А. Редактор, поэт, гражданин... // КР. 1990. 30 марта.
4. Городская газета в цифрах и фактах // Кузнецкие вести. 2000. 28 марта.
5. Гревнёв М. Анатолий Сосимович. Почётный гражданин // КР. 2015. 24 янв.

¹ Сокращение: КР – «Кузнецкий рабочий»

6. Канаев П. Газета города металлургов // Кузбасс. 1955. 31 марта.
7. Коровина В. «Большевицкая сталь» 55 лет назад // КР. 1990. 13 марта.
8. Коровина В. О чём писала газета 60 лет назад // КР. 1990. 20 февр.
9. Коровина В. Тайна старой фотографии // КР. 1998. 28 июля.
10. «Крокодил» на Кузнецкстрое // КР. 1990. 27 марта.
11. Михайлова Т. Редактор милостью Божьей // КР. 2000. 27 янв.
12. Логинов А. Как закалялась сталь // КР. 1999. 17 июля.
13. Логинов А. Как мы жили // КР. 1999. 3 июля.
14. Логинов А. Чашка чая – пролетарское средство общения // КР. 1999. 2 сент.
15. Лябин К. Газета 40 лет назад // КР. 1994. 16 июля.
16. [Некролог В. И. Целищеву] // КР. 1981. 25 авг.
17. [Некролог К. Н. Андрееву] // КР. 1984. 4 апр.
18. [Некролог А. А. Антонову] // КР. 1993. 19 июня.
19. [Некролог В. М. Кунгурцеву] // КР. 1995. 25 июля.
20. Немиров В. История города в фотографиях // КР. 2004. 31 июля.
21. О чём писала газета 40 лет назад // КР. 1985. 9 мая.
22. Об этом писала газета в... году // КР. 1995. 30 марта.
23. Огурцов А. Первая кузнецкая газета // КР. 1987. 6 февр.
24. Павлов Ю. Сибирь сто лет назад // КР. 1984. 27 янв.
25. Савицкая Л. В сороковые роковые // КР. 2000. 9 марта.
26. Савицкая Л. Время, вперёд! // КР. 2000. 20 янв.
27. Савицкая Л. «Натиском 20-тысячного коллектива выведем стройку из прорыва» // КР. 2000. 27 янв.
28. Савицкая Л. Нашей истории строки // КР. 1995. 30 марта.
29. Савицкая Л. ...Перо и кисть приравняли к штыку // КР. 1995. 9 мая.
30. Савицкая Л. Под знаком тотальной бдительности // КР. 2000. 29 февр.
31. Савицкая Л. Профессия – редактор // КР. 2001. 24 июля.
32. Савицкая Л. «Рабкор, отточь остриё своего пера знанием» // КР. 2000. 15 февр.
33. Савицкая Л. Свершилось! // КР. 2000. 14 марта.
34. Савицкая Л. «Слушай, великая пролетарская страна...» // КР. 2000. 8 февр.
35. Священная война // КР. 1987. 9 мая.
36. Фойгт Л. «Кузнецкий рабочий» 40-го // КР. 1987. 31 июля.
37. Целищев В. Нелёгким был путь // Кузнецкий рабочий. 1968. 27 февр. – 1 марта.
38. Целищев В. Первый номер // Кузнецкие вести. 2000. 28 марта.
39. Чухонцева Л. Без Горшво... никуда // КР. 1990. 5 мая.
40. Шипилова Т. Из домашнего архива («Город и горожане») // КР. 1989. 5 мая.
41. Шипилова Т. «Принят сотрудником...» // КР. 1990. 30 марта.
42. Эмих Т. «Из Кузнецка я никуда не уезжал» // КР. 2009. 8 окт.
43. Эмих Т. Пусть обретут имена // КР. 2011. 11 авг.
44. Эмих Т. «Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд...» // КР. 2011. 7 мая.
45. Эмих Т. «Чтоб поведать, как со славою наши бились полки...» // КР. 2010. 21 янв.
46. Эмих Т. «Я был кусок этого огня...» // КР. 2009. 5 нояб.

Тексты об истории города

1980 – март 1985 г.

1. Андреев К. Форштадт // КР. 1981. 19 июня.
2. Антонов А. Главная улица // КР. 1981. 3 июля.
3. Антонов А. Главный проспект // КР. 1981. 3 апр.
4. Антонов А. Кузнецкстрой продолжается // КР. 1981. 16 апр.
5. Антонов А. Улица нашего детства // КР. 1981. 20 марта.
6. Батискин В. Память // КР. 1981. 13 февр.
7. Белан Р. Вклад кузнечан в Победу // КР. 1981. 11 нояб.
8. Беркович М. Рассказы о Кузнецкстрое // КР. 1981. 12 мая.
9. Беркович М. Это было в Сибири // КР. 1982. 30 дек.
10. Берлин А. Большое видится на расстоянии // КР. 1981. 2 июля.
11. Берлин А. Всегда с народом // КР. 1981. 4 февр.
12. Берлин А. Два города, одна судьба // КР. 1982. 18 дек.
13. Берлин А. И назвали район Куйбышевским // КР. 1981. 21 апр.
14. Берлин А. Интернационалисты Кузнецкстроя // КР. 1981. 11 февр.
15. Берлин А. Их было двенадцать // КР. 1981. 9 мая.
16. Берлин А. Магистраль // КР. 1981. 19 марта.
17. Берлин А. Орлиное племя // КР. 1981. 11 июня.
18. Берлин А. Рождение // КР. 1981. 15 янв.
19. Берлин А. Сталь Победы // КР. 1981. 21 февр.
20. Богданов Е. Сад воспоминаний // КР. 1981. 3 июля.
21. В кадре сама история // КР. 1981. 6 февр.
22. Вяткин Л. Рассказ о том, как начинался город // КР. 1981. 3 июля.
23. Глазков Ю. Начало бульвара // КР. 1981. 4 июля.
24. Год за годом // КР. 1982. 3 апр.
25. Гревнёв М. Глубокие корни // КР. 1981. 13 марта.
26. Екимов А. Первенец энергетики // КР. 1982. 21 янв.
27. Кадричев В. Первенец Сибири // КР. 1983. 7 янв.
28. Казаков Н. Они были первыми // КР. 1981. 7 апр.
29. Коган Е. Металл фронту // КР. 1985. 24 янв.
30. Копылова З. Первостроители // КР. 1981. 15 сент.
31. Кутюрье П. Бойцы Кузнецкстроя // КР. 1981. 1 мая.
32. Логинов М. Город моего детства // КР. 1980. 9 авг.
33. Лычагин М. Здесь школа первая была // КР. 1980. 7 окт.
34. Максимова Г. День завтрашний и день минувший // КР. 1981. 9 апр.
35. Некрич Ю. Зона памяти // КР. 1981. 20 февр.
36. Некрич Ю. Площадь наших побед // КР. 1981. 3 июля.
37. Немиров В. В памяти города // КР. 1980. 5 дек.
38. Осадченко Ю. У истоков // КР. 1986. 12 июня.
39. Панферова В. Мой отец // КР. 1981. 3 окт.
40. Петраш В. Ровесник века // КР. 1981. 7 мая.
41. Светлаков Ю. Место съёмок – Кузнецкстрой // КР. 1981. 18–19 сент.
42. Сусакин Г. Преддверье подвига // КР. 1982. 26 марта.
43. Тендитная В. Время великого служения революции // КР. 1982. 7 нояб.

44. Традиции Кузнецкстроя // КР. 1980. 19 апр.
45. Тычинина Л. Первые ласточки // КР. 1981. 9 июня.
46. Филиппов А. «Мы строим счастье для себя» // КР. 1981. 8 июля.
47. Форпост сибирской индустрии // КР. 1982. 3 апр.
48. Фотолетопись Новокузнецка // КР. 1980. 5 дек.
49. Черданцева Т., Берлин А. Вчера и сегодня // КР. 1981. 7 окт.
50. Чернышов Н. Женщины – солдаты тыла // КР. 1982. 5 марта.
51. Чирков И. молодость ветерана // КР. 1982. 11 февр.
52. Чугурян С. Третье рождение «Коммунара» // КР. 1985. 26 янв.
53. Чухонцева Л. ...И вышли на «Орбиту» // КР. 1981. 4 апр.
54. Шертман Б. Театр начинается... с музея // КР. 1982. 1 янв.
55. Шишова Т. Дорожить прошлым, заботиться о настоящем // КР. 1980. 20 сент.

Апрель 1985 – январь 1987 г.

56. Беркович М. Сталь сорок первого // КР. 1985. 9 мая.
57. Загадки крестьян Кузнецкого округа, записанные В. И. Вербицким // КР. 1985. 1 нояб.
58. Знаете ли вы... (подготовил С. Д. Тивяков) // КР. 1986. 28 февр.
59. Знаете ли вы... // КР. 1986. 19 дек.
60. Копылова З. Фронтная слава металлургов // КР. 1986. 6 мая.
61. Мальковец Н. О старом парке // КР. 1986. 18 июля.
62. Мальковец Н. Память города // КР. 1986. 7 февр.
63. Огурцов А., Ширин Ю. Острог под собором // КР. 1987. 16 янв.
64. Панкратова И. Уникальная библиотека // КР. 1985. 20 дек.
65. Сущенко Е. Годы и судьбы // КР. 1986. 7 нояб.
66. Тивяков С. Весточка из прошлого // КР. 1986. 28 февр.
67. Тивяков С. Итак, год 1618-й // КР. 1986. 1 мая.
68. Тивяков С. Листая страницы истории города // КР. 1986. 28 февр.
69. Тивяков С. Первая академическая // КР. 1986. 28 февр.
70. Тивяков С. Сравним, вспоминая // КР. 1986. 3 июля.
71. Тивяков С. У старой карты // КР. 1986. 19 дек.
72. Чельшев Б. Земля Кузнецкая: век минувший // КР. 1985. 20 сент.

Февраль 1987–1988 г.

73. Антонов А. Никогда не погаснет // КР. 1988. 28 окт.
74. Ащеулова Т. Доверить молодым! // КР. 1988. 22 окт.
75. Бек А. Осень 1929... // КР. 1988. 3 дек.
76. Берлин А. «Было так невыносимо и прекрасно!» // КР. 1988. 15 окт.
77. Берлин А. Дело предстояло великое // КР. 1988. 28 окт.
78. Бычкова Т. Кузнецкая иконопись // КР. 1988. 13 сент.
79. Девятяров В. Военный комиссар Совдепа // КР. 1988. 19 авг.
80. Девятяров В. Казначей Совдепа // КР. 1987. 5 сент.
81. Девятяров В. Первый председатель // КР. 1987. 4 дек.
82. Знать родословную края // КР. 1987. 3 дек.
83. Зяблицкая Т. Это наша память! // КР. 1987. 11 дек.
84. Из семейного альбома // КР. 1987. 31 июля.
85. Истории строки // КР. 1987. 9 мая.

86. Казанцев А. Вспомним тех, кто легендой оваян // КР. 1988. 7 янв.
87. Мальковец Н. Революцией сохранённые // КР. 1987. 20 марта.
88. Маслов Б., Ключков М. Это наша история // КР. 1987. 10 марта.
89. Николаев С. И назвал Кузбассом // КР. 1988. 29 нояб.
90. Огурцов А. В декабре 1919-го // КР. 1987. 6 мая.
91. Огурцов А. Как появился Кузнецк // КР. 1988. 6 янв.
92. Огурцов А. Кузнецкие фамилии // КР. 1988. 16 февр.
93. Огурцов А. Кузнецкие храмы // КР. 1988. 31 авг.
94. Огурцов А. На страже южной границы // КР. 1988. 2 июня.
95. Огурцов А. Первый Кузнецкий острог // КР. 1988. 13 янв.
96. Огурцов А. Сколько лет городу? // КР. 1988. 17 мая.
97. Огурцов А. «Стоязыкая» земля // КР. 1988. 12 марта.
98. Огурцов А. Тайны Сибири // КР. 1987. 15 дек.
99. Огурцов А. Трагедия в Шабалино // КР. 1988. 3 авг.
100. Огурцов А., Ширин Ю. Булатная сабля и ткацкий станок // КР. 1987. 31 июля.
101. Огурцов А., Ширин Ю. Памятник или макет? // КР. 1987. 1 апр.
102. Осокина А. КОПИКУЗ в истории Кузбасса // КР. 1987. 23 окт.
103. Осокина А. «Самое большое дело» // КР. 1988. 2 дек.
104. Панкратова И. Прикосновение к истории // КР. 1988. 1 янв.
105. Пащенко Л. Приезд Серго Орджоникидзе // КР. 1988. 21 апр.
106. Рудаев Б. Топольники-Водопадные? // КР. 1987. 20 марта.
107. Санаров А. Экскурсия к первому Кузнецкому острогу // КР. 1987. 2 окт.
108. Северцев А. «Здесь жил великий доменщик...» // КР. 1988. 14 янв.
109. Сорокин М. На страже границ // КР. 1988. 24 мая.
110. Стрельцова Н. Братья Булгаковы // КР. 1987. 19 дек.
111. Строкой в историю (подготовил А. Кытманов) // КР. 1988. 15 окт.
112. Строкой в историю (подготовил А. Кытманов) // КР. 1988. 22 окт.
113. Строкой в историю (подготовил А. Кытманов) // КР. 1988. 26 окт.
114. Строкой в историю (подготовил А. Кытманов) // КР. 1988. 29 окт.
115. Тивяков С. Герб города-труженика // КР. 1987. 20 марта.
116. Черновол З. Они были первыми // КР. 1987. 2 июля.
117. Черновол З. Уроки старины глубокой // КР. 1988. 2 янв.
118. Чернышова В. Мальчишки с нашей улицы // КР. 1988. 26 окт.
119. Читинский Л. «Бойцу особой краснознамённой...» // КР. 1988. 23 февр.
120. Шадрина А. Каким быть Народному дому // КР. 1988. 9 июля.
121. Ширин Ю. Кто сослал чалдонов? // КР. 1987. 19 нояб.
122. Ширин Ю. Кулёк на память // КР. 1988. 7 янв.
123. Ширин Ю. «Ясачные» // КР. 1987. 25 дек.

1989–1990 гг.

124. Антонов А. «Доменная» биография // КР. 1989. 1 авг.
125. Антонов А. «Дедушка» сибирских заводов // КР. 1990. 14 июля.
126. Беркович М. Истоки железной реки // КР. 1990. 15–30 нояб.
127. Берлин А. К годовщине разгрома Колчака // КР. 1989. 17 мая.
128. Берлин А. Осуществление мечты // КР. 1989. 28 апр.
129. Берлин А. «Честь России» // КР. 1989. 13 апр.

130. Девятияров В. Военный комиссар // КР. 1990. 3 июля.
131. Истории строки // КР. 1989. 2 нояб.
132. Краснопеев С. Не забывать о первом // КР. 1989. 12 апр.
133. Кроссворд «К юбилею Запсиба» (сост. К. Ябров) // КР. 1989. 21 июля.
134. Леонидова В. «Вспоминаю с трепетом и восхищением...» // КР. 1989. 15 февр.
135. Лобов В. На доменной... // КР. 1990. 5 янв.
136. Мустафин Ю. Кузнецк: всё идёт из старины... // КР. 1990. 8 авг.
137. Мустафин Ю. Судьба исчезнувшей деревни // КР. 1990. 30 авг.
138. Огурцов А. «Бунташное» сословие // КР. 1989. 7 нояб.
139. Огурцов А. Как это было // КР. 1989. 12 янв.
140. Огурцов А. «Рукописи не горят...» // КР. 1989. 8 февр.
141. Паринов В. Что решил бы академик Бардин? // КР. 1989. 17 окт.
142. Паутова С., Белый И. Всё было впервые // КР. 1989. 15 июля.
143. Паутова С., Белый И. ...Имени комсомола // КР. 1989. 15 июля.
144. Санаров В. Отталкиваясь от прошлого... // КР. 1990. 11 янв.
145. Фойгт Л. А начиналось всё так... // КР. 1989. 27 июля.
146. Шадрина А. Вдоль по Подгорью // КР. 1990. 13 янв.
147. Шадрина А. Наше наследие // КР. 1989. 5 янв.
148. Шадрина А. Судьба музея // КР. 1989. 23 марта.
149. Шипилова Т. Наследство // КР. 1989. 16 авг.
150. Шипилова Т. Первая реликвия // КР. 1989. 3 янв.
151. Шипилова Т. Под знаком памяти // КР. 1990. 12 янв.
152. Шипилова Т. Рождается летопись // КР. 1989. 7 апр.
153. Шумский А. В честь историка и исследователя // КР. 1990. 5 июля.

1991 г.

154. Беркович М. Броня сибирской пробы // КР. 1991. 25 июня. – 3 июля.
155. Берлин А. Верность // КР. 1991. 1 мая.
156. Берлин А. Так сколько нам лет? // КР. 1991. 21 июня.
157. Елисеев В. Кузнецк в XVIII столетии // КР. 1991. 20 апр.
158. Из «Памятной исторической записки...» И. С. Конюхова // КР. 1991. 6 июля. – 10 авг.
159. Каждому городу – улице Кирова // КР. 1991. 18 мая.
160. Минеева Т. Пройдусь по Черноморской // КР. 1991. 18 мая.
161. Минеева Т. Фотографии на память // КР. 1991. 12 марта.
162. Мустафин Ю. Споры не утихают // КР. 1991. 13 сент.
163. Негода Т. «Ответь на зло добром, и придёт день...» // КР. 1991. 22 марта.
164. Немиров В. По главной улице // КР. 1991. 4 мая.
165. Призраки старой крепости // КР. 1991. 13 мая.
166. Стахович М. «Семейная хроника» не только для семейного чтения // КР. 1991. 17 авг.
167. Тогулев В. Ещё раз о Конюхове // КР. 1991. 17 авг.
168. Тогулев В. Иван Семёнович Конюхов // КР. 1991. 6 июля.
169. Ульянов И. «Я занимаюсь историей города...» // КР. 1991. 30 апр.

1992–1995 гг.

170. Белобородова В. Кузнецкая крепость: возвращение из небытия? // КР. 1994. 24 мая.
171. Белобородова В. Форштадт: без имени и, в общем, без судьбы // КР. 1995. 8 июня.
172. Валиулин В. Скульптор Александр Брагин: эпоху спустя // КР. 1992. 16 апр.
173. Викторина «Знаешь ли ты свой край?» // КР. 1993. 30 марта.
174. Галкин Н. Кузнецк в первой четверти XX века, или Страницы жизни «кузнецкого жителя» // КР. 1993. 8–17 июня.
175. Гольцев А., Радостин В.. Команда молодости нашей // КР. 1994. 14 дек.
176. Демчук Н. Мой старый дом // КР. 1994. 8 дек.
177. Иванова Т. Служитель музыки Клио верный // КР. 1994. 11 июня.
178. Лябин К. «Сталинск. Годы репрессий» // КР. 1994. 6 авг.
179. Кауфман А. «Велено поставить острог в Кузнецках...» // КР. 1994. 19 марта.
180. Кауфман А. Во глубине кузнецких недр // КР. 1995. 7 окт.
181. Кауфман А. Загадка первого Кузнецкого острога // КР. 1994. 16 апр.
182. Кауфман А. Кузнецкая пашня // КР. 1994. 7 мая.
183. Кауфман А. Первые шаги русских на Кузнецкой земле // КР. 1994. 12 февр.
184. Кауфман А. Промыслы кузнецчан в XVII веке // КР. 1995. 4 марта.
185. Кислицына М. Тридцать лет – не возраст для вокзала. Но круглая дата // КР. 1993. 18 дек.
186. Кузнецов Н. «Кузнецкий волк», или Немного о фауне в гербе города // КР. 1994. 5 нояб.
187. Кузнецов Н. Курганы раскрывают тайну // КР. 1994. 15 окт.
188. Кузнецов Н. О древних курганах замолвите слово // КР. 1994. 25 янв.
189. Кулакова Н. Крутилась старая пластинка... // КР. 1992. 17 апр.
190. Кунгурцев В. А ведь как было!.. // КР. 1993. 3 апр.
191. Кунгурцев В. «...Меня Сталинск поразил...» // КР. 1992. 20 июня.
192. Кунгурцев В. Они строили наш город // КР. 1994. 11 июня.
193. Кунгурцев В. Сверну на Пирамидную, пройду по Совокупному... // КР. 1992. 4 июля.
194. Минеева Т. Верхняя колония уходит... // КР. 1994. 18 окт.
195. Минеева Т. Старый парк // КР. 1992. 21 окт.
196. Михайлов В. Город милосердия // КР. 1995. 25 апр.
197. Мустафин Ю. Берег левый, берег правый... // КР. 1992. 4 июля.
198. Мустафин Ю. Великий мастер доменного дела // КР. 1992. 13 окт.
199. Мустафин Ю. Почтовая служба Кузнецка // КР. 1994. 5 февр.
200. Негода Т. Крепость, таинственная ты наша... // КР. 1992. 4 июля.
201. Немиров В. Почему самолёты не делают деревянными // КР. 1992. 28 нояб.
202. Николаев Б. Городские часы // КР. 1992. 18 июля.
203. Никонова Л. Ангел Престола // КР. 1994. 23 июня.
204. Никонова Л. «Величаем тя, святой Пророче божий Илие...» // КР. 1994. 5 июля.
205. Никонова Л. Летний крестный ход на земле Кузнецкой // КР. 1995. 27 июня.
206. Никонова Л. Лик города // КР. 1995. 1 июля.
207. Никонова Л. Над старым альбомом // КР. 1994. 23 авг.
208. Никонова Л. Фесковская «школа грамоты» // КР. 1994. 2 авг.

209. Осокина Н. Проезд Казарновского // КР. 1993. 17 июня.
210. Паничкин В. Так когда же началась настоящая история настоящего города? // КР. 1995. 1 июля.
211. Паничкин В., Головей В. Земля Кузнецкая // КР. 1992. 19 июня.
212. Паничкин В., Головей В. Кузнецкий герб // КР. 1992. 4 июля.
213. Разумов А. Размышления в день 35-летия трагедии // КР. 1994. 17 дек.
214. Степанов Э. В поисках земли-кормилицы // КР. 1994. 5 мая.
215. Степанов Э. Построен город Кузнецк // КР. 1993. 1 мая.
216. Степанов Э. Рождество в Кузнецке // КР. 1994. 11 янв.
217. Тивяков С. Краевед земли Кузнецкой // КР. 1993. 6 апр.
218. Тивяков С. Кто мы родом и откуда? // КР. 1995. 9 нояб.
219. Тивяков С. Чёрные тополя. Увидят ли светлые дни? // КР. 1995. 6 июля.
220. Ульянова И. Кузнецкий меценат // КР. 1992. 20 июня.
221. Шадрина А. Дом казначейства // КР. 1992. 9 мая.
222. Шадрина А. Из истории Кузнецкой надвратной церкви // КР. 1992. 25 июля.
223. Шадрина А. Праздник Белого Цветка // КР. 1992. 15 авг.
224. Шадрина А. Символ города // КР. 1992. 4 июля.
225. Шипилова Т. Старожил // КР. 1995. 1 июля.
226. Шмелёв В., Минеева Т., Тогулев В. Книга опального историка // КР. 1992. 7–21 мая.
227. Шнайдер А. Ново-Архангельская церковь // КР. 1992. 25 апр.
228. Шнайдер А. Уездное училище // КР. 1992. 23 мая.

1996–2001 гг.

229. Авдеев Е. Он был первым // КР. 2001. 21 апр.
230. Андреев К. Чтобы строилась страна // КР. 2000. 21 дек.
231. Анисимова Е. Старины истории Кузнецкой школы // КР. 1996. 12 марта.
232. Арефьева Л. Такая молодая! Семидесятилетня // КР. 1999. 30 марта.
233. Баташева Л. По следам сибирских святых // КР. 2001. 29 сент.
234. Белобородова В. Горит костёр воспоминаний... // КР. 1997. 27 мая.
235. Брагина Н. Взгляд на историю с Крепостной горы // КР. 1997. 8 мая.
236. Валиулин В. Город взял свою старину под охрану // КР. 2001. 25 янв.
237. Валиулин В. Город первой любви // КР. 2001. 23 янв.
238. Валиулин В. Люди уходили, а за ними спешили полчища клопов // КР. 1997. 6 сент.
239. Валиулин В. Они были первыми // КР. 2001. 13 февр.
240. Вершинин А. Патриарху новокузнецкого кино – 65 // КР. 1998. 21 марта.
241. Викторова Т. Прошлое проспекта уходило под рёв сирен // КР. 1999. 27 марта.
242. Железняк М. Шестьдесят лет на новокузнецкий «пед» // КР. 1999. 9 нояб.
243. Зубарев Е. 65 лет – это не возраст. Если речь идёт о музее // КР. 1998. 7 марта.
244. Иванова Т. В память о павших, на радость живым // КР. 1997. 20 мая.
245. Кауфман А. Судьба русского генерала // КР. 2001. 27 окт.
246. Ким И., Берлин А. Становление // КР. 2000. 20 апр.
247. Косточаков Г. Почему Кузнецк, а не Абинск, не Кондомск? // КР. 1998. 2 июля.
248. Кузнецов Н. О задержке зарплаты за 1618 год // КР. 1996. 7 дек.
249. Кулакова Н. Документы свидетельствуют // КР. 1996. 26 окт.
250. Лавренова И. Старейшая школа Кузнецка // КР. 1996. 7 дек.

251. Лавренова И. Чёрные тополя по-прежнему хранят свою тайну // КР. 1997. 4 февр.
252. Минеева Т. Мост, соединяющий поколения // КР. 1999. 2 окт.
253. Михайлов С. Завод вековых традиций // КР. 2000. 30 дек.
254. Мустафин Ю. Большие проблемы маленького города (Кузнецк в 1900–1901 гг.) // КР. 1997. 12 июня.
255. Мустафин Ю. Был такой посёлок – Верхняя колония // КР. 1999. 26 авг.
256. Мустафин Ю. Это далёкое, далёкое Жерново... // КР. 1997. 13 сент.
257. Негода Т. Мы жили на Марсе // КР. 1997. 2 дек.
258. Немиров В. Святой Илия Пророк, покровитель Кузнецка // КР. 2000. 1 авг.
259. Немиров В. Что вспоминал ссыльный архитектор // КР. 2001. 1 марта.
260. Новокузнецк. Хроника событий // КР. 1996. 20 апр.
261. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1997. 6 дек.
262. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1997. 20 дек.
263. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 7 февр.
264. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 14 февр.
265. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 7 марта.
266. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 14 марта.
267. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 21 марта.
268. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 28 марта.
269. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 4 апр.
270. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 25 апр.
271. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 2 мая.
272. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 9 мая.
273. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 30 мая.
274. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 6 июня.
275. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 13 июня.
276. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 20 июня.
277. Паничкин В. На этой неделе [хроника] // КР. 1998. 27 июня.
278. Паничкин В. «Печать земли Сибирские Кузнецкого города» // КР. 1996. 27 апр.
279. Паничкин В. Родом из средних веков // КР. 1998. 16 апр.
280. Паничкин В. Сгорела история // КР. 1997. 8 нояб.
281. Паничкин В. Соединяя берега // КР. 1998. 2 июля.
282. Паничкин В. Старая крепость молодеет // КР. 1998. 28 мая.
283. Савицкая Л. Мы помним. Значит живём // КР. 1997. 9 янв.
284. Савицкая Л. ...Это прекрасное и яростное время // КР. 1999. 3 апр.
285. Светов А. Телефонной связи в Новокузнецке пошёл восьмой десяток // КР. 1999. 18 дек.
286. Старый город и новые мастера // КР. 1998. 26 мая.
287. Степанова Н. Белые пятна в истории рабочей силы // КР. 1997. 20 марта.
288. Ступкин Ф. На этой неделе... [хроника] // КР. 1997. 6 сент.
289. Ступкин Ф. На этой неделе... [хроника] // КР. 1997. 27 сент.
290. Телегин Н. Раньше кузнечане охотились на мамонтов // КР. 1998. 13 июня.
291. Телегин Н., Паничкин В. Пятьдесят лет служения // КР. 1997. 22 нояб.
292. Тогулев В. С нас спросят потомки // КР. 1997. 3 дек.
293. Тудегешева Т. Кузнецк старше, чем принято считать // КР. 1998. 25 июля.

294. Фойгт Л. Первая улица нашего города // КР. 1998. 6 июня.
295. Хроника событий: с 1918 по 1932 // КР. 1997. 3 апр.
296. Шипилова Т. Кавалеры Отечества // КР. 2000. 7 дек.
297. Шипилова Т. Памятник. Рукотворный... // КР. 1997. 19 апр.
298. Шипилова Т. Подземный ход: миф или реальность? // КР. 2000. 18 нояб.
299. Шипилова Т. Улица имени Франкфурта // КР. 1999. 18 марта.
300. Ширин Ю. Юбилейные даты и доморожденные летописцы // КР. 1997. 23 сент.
301. Юрьева И. История одного музея // КР. 1998. 31 марта.

Список текстов, посвящённых теме «Новокузнецк металлургический»

1980 – март 1985 г.

1. Александров К. Пятёрка за сталь // КР. 1981. 21 янв.
2. Афанасьева В. «Стальное сердце Сибири» // КР. 1982. 3 апр.
3. Барсуков С. Горячие тонны проката // КР. 1982. 6 янв.
4. Барсуков С. Сталь Запсиба // КР. 1982. 14 апр.
5. Барсуков С. Чугун обновлённой домны // КР. 1984. 24 апр.
6. Барсуков С. Чугун первой плавки // КР. 1981. 7 февр.
7. Белобородова В., Белокуров А., Гревнёв М. Рельсы дружбы // КР. 1982. 3 апр.
8. Белокуров А. Молодые творцы металла // КР. 1982. 2 апр.
9. Беркович М. Как ломают рельсы // КР. 1985. 30 янв.
10. Беркович М. КМК: вернуть утраченные позиции // КР. 1981. 13 янв.
11. Беркович М. Металлурги: время – делу! // КР. 1983. 12 янв.
12. Беркович М. Металлурги: крепить дисциплину // КР. 1982. 12 янв.
13. Беркович М. Прочная сталь Запсиба // КР. 1981. 28 нояб.
14. Беркович М. Сталь кузбасской марки // КР. 1983. 3 июня.
15. Берлин А. Сталь Победы // КР. 1981. 21 февр.
16. Беседина З. Перед плавкой // КР. 1981. 1 нояб.
17. Бузник Г. (г. Запорожье). Творцы крылатого металла // КР. 1983. 2 авг.
18. Быков С. Сталь идёт! // КР. 1980. 12 авг.
19. Быков С. Трудные тонны // КР. 1981. 2 июля.
20. Быков С. Чувство металла // КР. 1983. 23 марта.
21. Высоцкая Т. Поэзия мартенов и домен // КР. 1983. 9 июля.
22. Гаранин А. Кто проведёт юбилейную плавку // КР. 1981. 20 марта.
23. Гревнёв М. Сверхплановая сталь // КР. 1982. 11 марта.
24. Гуляев И. Сталевары: настроение боевое // КР. 1982. 20 февр.
25. Демьянов В. Что может сталевар? // КР. 1982. 31 дек.
26. Денисов Е. Стране – пионерская сталь // КР. 1983. 24 мая.
27. Долг и честь кузнецких металлургов // КР. 1980. 19 июля.
28. Ерлашов С. Весь жар и крепость... // КР. 1983. 11 авг.
29. Здесь варят сталь // КР. 1980. 7 нояб.
30. Ишимцев Б. К юбилейной плавке // КР. 1982. 16 марта.
31. Каркавина Н., Ерёмин В. Всесоюзная плавка дружбы // КР. 1982. 26 нояб.
32. Коган Е. Металл фронту // КР. 1985. 24 янв.
33. Люди и сталь // КР. 1984. 7 нояб.

- 34.Металл для народного хозяйства // КР. 1983. 20 сент.
- 35.Немиров В. Metallурги держат слово // КР. 1980. 22 февр.
- 36.Ошуркова Л. Не металлом единым // КР. 1982. 8 марта.
- 37.Полоцкий А. (АПН). Сталь и розы // КР. 1983. 14 июля.
- 38.Рачков В. Профессия – сталевар // КР. 1984. 19 июля.
- 39.Рачков В. Прочная сталь // КР. 1981. 5 февр.
- 40.Сверхплановая сталь // КР. 1982. 10 марта.
- 41.Семёнова В. Здесь варят сталь // КР. 1980. 12 июня.
- 42.Скороходов В. Прочность кузнечных рельсов // КР. 1982. 29 дек.
- 43.Сорокин А. Сталь – по заказам! // КР. 1980. 5 дек.
- 44.Сталь Запсиба // КР. 1981. 1 июля.
- 45.Сталь Запсиба // КР. 1985. 12 февр.
- 46.Творцы металла // КР. 1982. 17 июля.
- 47.Трофимова С. Сверхплановый чугун // КР. 1982. 1 июля.
- 48.Хлеб и сталь (ТАСС) // КР. 1984. 1 авг.
- 49.Черновол З. До первой плавки осталось // КР. 1980. 1 окт.
- 50.Черновол З. Пульс «КМК-1» // КР. 1981. 11 сент.
- 51.Шептенко Л. Мастер кузнечной стали // КР. 1981. 7 окт.
- 52.Шипилова Т. В бой за металл // КР. 1984. 5 сент.
- 53.Шипилова Т. О молодости, домне и семье // КР. 1982. 5 авг.

Апрель 1985 – январь 1987 г.

- 54.Антонов. «Посуда» для горячей стали // КР. 1986. 6 июля.
- 55.Афузова Т. «...Создают люди труда» // КР. 1986. 18 марта.
- 56.Беркович М. Дыши, домна! // КР. 1986. 11 окт.
- 57.Беркович М. Плавка памяти // КР. 1985. 8 мая.
- 58.Беркович М. Сталь 12-й пятилетки // КР. 1986. 16 апр.
- 59.Беркович М. Сталь для села // КР. 1986. 9 дек.
- 60.Беркович М. Сталь по-запсибовски // КР. 1986. 6 февр.
- 61.Беркович М. Сталь по-запсибовски // КР. 1986. 29 июля.
- 62.Беркович М. Сталь сорок первого // КР. 1985. 9 мая.
- 63.Беркович М. Первая комсомольская сталь // КР. 1985. 14 дек.
- 64.Григорьева Л. У истоков металла // КР. 1986. 8 марта.
- 65.Дирижёр плавки // КР. 1986. 16 янв.
- 66.Для города металлургов // КР. 1986. 31 окт.
- 67.Зеленчуков М. Пионерская плавка // КР. 1986. 27 мая.
- 68.Канаев Ю. Чтобы прочнее был металл // КР. 1986. 29 окт.
- 69.Качество кузнечной стали // КР. 1985. 23 окт.
- 70.Металлург по призванию // КР. 1986. 16 авг.
- 71.Солонов Н. Вся сталь – по заказам // КР. 1986. 7 янв.
- 72.Сталь пятилетки // КР. 1986. 14 авг.
- 73.Сталь – строго по заказу // КР. 1986. 23 июля.
- 74.Творцы крылатого металла // КР. 1986. 19 июля.
- 75.Черновол З. Возрождение домны // КР. 1986. 6 сент.

Февраль 1987 – 1988 г.

76. Барсуков С. Идёт мирная сталь // КР. 1987. 21 апр.
77. Барсуков С., Денисов Е. Чтобы сварить добротную сталь // КР. 1987. 13 мая.
78. Беркович М. Доменщики // КР. 1987. 7 окт.
79. Беркович М. Metallургия: день грядущий // КР. 1988. 17 мая.
80. Беркович М. Эта сложная сталь // КР. 1988. 31 марта.
81. Богачев В. У жарких мартенов // КР. 1987. 21 июля.
82. Гринберг В. Металл – высшим сортом // КР. 1987. 26 мая.
83. Гринберг В. Metallурги из братской Польши // КР. 1988. 15 дек.
84. Ильичёв В. Metallургам страны // КР. 1988. 1 дек.
85. Михайлова Т. Идут составы с металлом // КР. 1987. 14 мая.
86. С праздником, metallурги! // КР. 1988. 16 июля.
87. Солонов Н. Сталь по заказу // КР. 1988. 19 янв.
88. Сталь по заказам // КР. 1987. 6 марта.
89. Сталь сверх плана // КР. 1987. 5 нояб.
90. Строго по заказам // КР. 1987. 3 февр.
91. Целуйков В. Тепло горячего металла // КР. 1988. 26 янв.
92. Черновол З. Они были первыми // КР. 1987. 2 июля.

1989–1990 гг.

93. Авдеев В. КМК: многоцелевой полигон // КР. 1989. 23 нояб.
94. Антонов А. Горячие миллионы // КР. 1990. 11 апр.
95. Барсуков С. Потерянные миллионы // КР. 1989. 3 янв.
96. Барсуков С. Рельсы с маркой КМК... // КР. 1990. 25 окт.
97. Барсуков С. Шагнул компьютер к metallургам // КР. 1990. 25 сент.
98. Беркович М. Истоки железной реки // КР. 1990. 15 нояб. – 30 нояб.
99. Беркович М. Цвет горячего чугуна // КР. 1989. 25 апр.
100. Епишин С. Сталь по-запсибовски // КР. 1989. 10 янв.
101. Каркавина. Тринадцать горячих лет // КР. 1990. 22 нояб.
102. Кузнецов А. и др. Цена металла // КР. 1989. 7 марта.
103. Лобов В. На доменной... // КР. 1990. 5 янв.
104. Metallургия города. Какой ей быть? // КР. 1989. 23 июня.
105. Паутова С. КМК: выжить или умереть? // КР. 1989. 19 сент.
106. Паутова С., Беркович М. Metallургия города. Какой ей быть? // КР. 1989. 4 мая.
107. Печь стоит // КР. 1990. 31 июля.
108. Прохорова Е. Цена металла и затраты на экологию // КР. 1989. 7 апр.
109. Сморгова. Дефицитный металл? // КР. 1990. 7 авг.
110. Черепанов К. Цена новых решений // КР. 1990. 14 апр.
111. Черновол З. Выиграли не только metallурги // КР. 1990. 28 сент.
112. Черновол З. Metallурги вооружают медиков // КР. 1990. 4 июля.

1991 г.

113. Белокуров А. Город и комбинат: перейдём на новые рельсы // КР. 1991. 12 дек.
114. Беркович М. Броня сибирской пробы // КР. 1991. 20 июня.
115. Завтра – День metallурга // КР. 1991. 20 июля.

116. Книги для металлургов // КР. 1991. 17 мая.
117. Кузнецкий чугун – на валюту. Валюту – на кузнецкий чугун // КР. 1991. 27 дек.
118. Паринов В. Слово о «железном брате» Кузнецкстроя // КР. 1991. 20–21 нояб.
119. Санаров А. Пушистая продукция металлургов // КР. 1991. 22 мая.

1992–1995 гг.

120. Антонов А. И сталевары, и прокатчики // КР. 1992. 18 июля.
121. Зеленчуков М. На ЗСМК нет безработицы // КР. 1993. 26 янв.
122. Зеленчуков М. Страшные сказки металлургического гиганта // КР. 1993. 27 нояб.
123. К 50-летию алюминиевого завода. Фоторепортаж // КР. 1992. 21 нояб.
124. Кауфман А. Первые шаги русских на Кузнецкой земле // КР. 1994. 12 февр.
125. Кислицына М. Эта дорога ведёт не только к заводской трубе, но и в люди // КР. 1995. 27 апр.
126. Ковьякина В. Время тревог и надежд // КР. 1992. 3 апр.
127. Не металлом единым // КР. 1995. 16 мая.
128. Немиров В. Почему самолёты не делают деревянными // КР. 1992. 28 нояб.
129. Паутова С. Жизни и судьбы – вместе с Запсибом // КР. 1994. 23 июля.
130. Паутова С. Как поставить на колени «гигантов»... // КР. 1995. 3 окт.
131. Паутова С. Люди крепче металла... // КР. 1995. 15 июля.
132. Паутова С. Сокращения на ЗСМК: где «дым» и где «огонь»? // КР. 1992. 22 июля.
133. Проблемы металлургического гиганта // КР. 1994. 4 авг.
134. Раус В. Преображённый Питтсбург (журнал «Америка», апрель 1992 г.) // КР. 1992. 18 июля.
135. Рельсы с маркой КМК // КР. 1992. 31 дек.
136. Речицкий В. Хотим в побратимы Питтсбурга. Он тоже не отказывается // КР. 1992. 5 дек.
137. Симфония рождения металла... // КР. 1994. 30 июня.
138. Стахович М. Запсиб и КМК заметили «золушку». Но превратить её в принцессу не в силах // КР. 1995. 6 июля.
139. Стахович М. Из городов выбран Новокузнецк, из предприятий – металлургические гиганты // КР. 1994. 27 окт.
140. Стахович М. Откуда ждать попутного «металлического» ветра? // КР. 1994. 24 дек.
141. Стахович М. Стальной хлеб Новокузнецка // КР. 1994. 14 дек.
142. Степанова С. Вторая жизнь домны: какой она будет? // КР. 1995. 27 июня.
143. Степанова С. КМК: подписан контракт с македонцами // КР. 1992. 6 окт.
144. Хаузер М. Три «Ренессанса» Питтсбурга // КР. 1993. 8 июня.
145. Цифры и факты (к юбилею КМК) // КР. 1992. 3 апр.
146. Что общего между Киркоровым, рельсами КМК и Австралией? // КР. 1993. 2 сент.
147. Шаров Г. Во глубине сибирских руд // КР. 1994. 15 марта.

1996–1999 гг.

- 148.Анатольев В. Мы – кузнецы. И этим всё сказано // КР. 1999. 17 июля.
- 149.Андреев К. Есть чугун – будет и прибыль // КР. 1998. 25 дек.
- 150.Андреев К. Истоки железной реки // КР. 1999. 22 мая.
- 151.Андреев К. Рельсы будем менять на высшем уровне // КР. 1999. 25 марта.
- 152.Андреев К. Стальной поток длиною в четверть века // КР. 1999. 1 мая.
- 153.Андреев К., Анатольева С. Мы гордимся тобой, Запсиб // КР. 1999. 29 июля.
- 154.Анциферова С. Память индустриального сердца // КР. 1999. 13 апр.
- 155.Архипова Н. Поезда в стране ездят по кузнецким рельсам // КР. 1997. 27 дек.
- 156.Берлин А. Революция в металлургии возможна... в Новокузнецке // КР. 1996. 11 апр.
- 157.Валиулин В. Мы можем открыть новую эпоху в жизни города // КР. 1997. 1 апр.
- 158.Васильева Н. Город и комбинат – едины в прошлом и будущем // КР. 1997. 3 апр.
- 159.Готова Н., Натаров О. («Интерфакс»; «Сегодня», 6 авг. 1996 г.). Государство бросило Запсиб в сети Кредобанка // КР. 1996. 14 сент.
- 160.Завтра – День металлурга! // КР. 1996. 20 июля.
- 161.Иванова Н. Рельсы без ванадия // КР. 1997. 11 нояб.
- 162.Карунос А. Меняем вагон рельсов на вагон мяса // КР. 1999. 18 сент.
- 163.Карунос А. Металл из пыли? Реально // КР. 1998. 25 апр.
- 164.Карунос А. Пик жизненного цикла железа прошёл. А наш? // КР. 1998. 9 июня.
- 165.Ким И. «Стальные» женщины Запсиба // КР. 1999. 17 июля.
- 166.Логинов А. Как закалялась сталь // КР. 1999. 17 июля.
- 167.Логинов А. Чугунные кружева // КР. 1999. 26 окт.
- 168.Люди гибнут за металл? // КР. 1997. 5 июля.
- 169.Мартаев С. Горячий металл города-сада // КР. 1996. 24 февр.
- 170.Паутова С. ...А расхлёбывать всё будут город и Кузбасс // КР. 1997. 3 июня.
- 171.Паутова С. КМК: пока все войны выиграны // КР. 1997. 21 авг.
- 172.Паутова С. Лучший металл и лучшие девушки – в Новокузнецке // КР. 1997. 5 июня.
- 173.Паутова С. Натовцы в городе: «Мы глаза и уши своих правительств» // КР. 1997. 20 февр.
- 174.Паутова С. Металл остаётся валютой // КР. 1996. 17 окт.
- 175.Паутова С. «Рельсовая война» – будет ли продолжение? // КР. 1996. 25 июня.
- 176.Паутова С. Решается судьба комбинатов: быть или не быть? // КР. 1997. 8 февр.
- 177.Паутова С. С днём рождения, цех! С днём рождения, комбинат! // КР. 1997. 4 апр.
- 178.Первенцу сибирского алюминия 55 лет // КР. 1998. 6 янв.
- 179.[Поздравление металлургам] // КР. 1999. 17 июля.
- 180.[Поздравление с юбилеем КМК] // КР. 1997. 3 апр.
- 181.Прокопович В. Московские кашпировские и Запсиб // КР. 1998. 17 дек.
- 182.Прохоров В. Битва за металл: «московский» залп // КР. 1999. 26 июня.
- 183.Пятая домна обновилась // КР. 1999. 4 дек.
- 184.Рельсы, не боящиеся мороза // КР. 1996. 2 июля.
- 185.С Днём металлурга, земляки! // КР. 1997. 19 июля.

- 186.С тридцатипятилетием, Запсиб! // КР. 1999. 27 июля.
187.Савицкая Л. Банкроты не металлурги, а государство // КР. 1997. 8 февр.
188.Савицкая Л. ...Это прекрасное и яростное время // КР. 1999. 3 апр.
189.Садова Е. «Золото» Запсиба // КР. 1996. 20 июля.
190.Стахович М. Домна тоже хочет есть // КР. 1998. 31 окт.
191.Стахович М. Новокузнецк и Питтсбург – братья, но не близнецы // КР. 1996. 23 мая.
192.Стахович М. Российская сталь ищет место под солнцем за хорошую цену // КР. 1998. 24 сент.
193.Стахович М. Ситуация на АО «КМК»: захват или закон? // КР. 1996. 20 февр.
194.Стахович М. Сокращения в металлургии как бы есть, но их как бы нет // КР. 1999. 6 февр.
195.Степанов Ф. Как закалялась сталь // КР. 1999. 6 апр.
196.Степанова Н. Наши танки были быстры, а броня их так крепка // КР. 1997. 20 марта.
197.Телегин Н. Рельсам КМК предстоит экзамен // КР. 1997. 1 апр.
198.Шипилова Т. «Всё было неожиданно ново...» // КР. 1997. 10 апр.
199.Шипилова Т. «Крепкие орешки» династии Гермаш // КР. 1999. 13 апр.
200.Шипилова Т. «Сталевары» оденутся в чугунные робы // КР. 1999. 27 февр.
201.Шипилова Т. Танки пошли под нож // КР. 1997. 20 февр.
202.Это ваша жизнь и будущее города! // КР. 1998. 18 июля.

2000-е гг.

- 203.Анциферова С. Как по рельсам // КР. 2001. 30 янв.
204.Анциферова С. Кто вылечит индустриальное сердце? // КР. 2000. 11 апр.
205.Анциферова С. На новые рельсы! // КР. 2002. 19 окт.
206.Анциферова С. Тёмное будущее чёрной металлургии // КР. 2001. 13 окт.
207.Бабилов С. Будущее КМК и Запсиба всё очевиднее // КР. 2001. 17 июля.
208.Бабилов С. Как загибалась «Сталь» // КР. 2006. 9 нояб.
209.Бабилов С. Сталевары, вперёд! // КР. 2006. 12 дек.
210.Бабилов С. «Сталь» – в металлолом, сталеваров – на биржу? // КР. 2007. 15 марта.
211.Берестова М. Рельсы под контролем // КР. 2010. 31 авг.
212.Валиулин В. Время тушить мартены // КР. 2001. 14 июля.
213.Валиулин В. Варить сталь из отходов // КР. 2006. 24 янв.
214.Валиулин В. Как защищалась сталь // КР. 2004. 30 окт.
215.Валиулин В. Писатели Новокузнецка // КР. 2004. 10 авг.
216.Волынкина Е. Стремясь в будущее, хранят историю // КР. 2012. 10 окт.
217.Гореславский А. Стальной шум (газета «Версия», 18–24 апр. 2000 г.) // КР. 2000. 25 апр.
218.Городецкая М. «Огнедышащий» гигант, рождённый в год Дракона // КР. 2000. 27 июля.
219.Гревнёв М. Стальная драма: в ожидании развязки // КР. 2001. 10 нояб.
220.Данилов П. Новокузнецк может стать центром стали России // КР. 2006. 27 апр.

221. Карунос А. Железная чересполосица // КР. 2001. 14 июля.
222. Карунос А. Истоки успеха // КР. 2001. 30 июня.
223. Карунос А. Чугун надо уважать // КР. 2001. 26 июля.
224. Ким И. Так закалялась сталь умов и сердец // КР. 2000. 4 мая.
225. Кириллов А. Межведомственные стыки на рельсах // КР. 2012. 16 апр.
226. Кириллов А. Откуда рельсы тянутся // КР. 2014. 15 окт.
227. Краснова А. Победная сталь марتنенов, победная сталь сердец // КР. 2000. 9 мая.
228. Кузнецкие рельсы для Германии («Служба новостей») // КР. 2014. 28 июня.
229. Михайлов С. Наша сталь превосходила немецкую // КР. 2011. 7 мая.
230. Морозова О. Рождение стали // КР. 2001. 20 янв.
231. На длинные рельсы («Служба новостей») // КР. 2009. 19 дек.
232. На длинные рельсы («Служба новостей») // КР. 2013. 15 нояб.
233. Немиров В. В ожидании будущего или ностальгия по прошлому? // КР. 2001. 27 окт.
234. Немиров В. Городу кузнецов металл к лицу // КР. 2000. 4 нояб.
235. Немиров В. Миллионы коту под хвост // КР. 2001. 21 июля.
236. Пард Л. Запсиб. Тайна железного века // КР. 2000. 6 апр.
237. Плахин Т. Рельсы рельсам рознь // КР. 2014. 22 окт.
238. Прокопович В. Не рельсом единым // КР. 2003. 16 сент.
239. Протопопов Е. Учение о стали // КР. 2000. 29 апр.
240. Рудаев Б. Заворожила магия огня // КР. 2000. 4 марта.
241. С Днём металлурга! // КР. 2000. 15 июля.
242. С днём рождения, Запсиб! // КР. 2000. 27 июля.
243. Сницкая А. Кузнецкий рельс: всё впереди // КР. 2013. 4 апр.
244. Старик мартен встаёт с колен // КР. 2000. 29 янв.
245. Стахович М. На рельсах пока стоим крепко // КР. 2010. 2 нояб.
246. Стахович М. «Подушки» под рельсы и другие «запчасти» диверсификации // КР. 2010. 31 авг.
247. Субач О. Стальной «хвост» // КР. 2011. 29 сент.
248. Субботина С. КМК: в новый век – с надеждой // КР. 2000. 23 дек.
249. Субботина С. Тридцать один миллион к юбилею // КР. 2001. 28 апр.
250. Ударили в рельс («Служба новостей») // КР. 2014. 9 окт.
251. Чагин Н. Новые виды рельсовой продукции ЕВРАЗ ЗСМК // КР. 2014. 19 авг.
252. Штиль С. Здесь рождается крылатый металл // КР. 2001. 12 июля.
253. Эмих Т. «...хозяйствовать постройкой металлургического завода» // КР. 2008. 26 июля.

Список текстов, посвящённых теме «Достоевский в Кузнецке»

1. Анциферова С. Благоустройство улиц и душ // КР. 2001. 14 июня.
2. Ащеулова Т. Каким быть музею писателя? // КР. 1995. 10 авг.
3. Баташева Л. По следам сибирских святых // КР. 2001. 29 сент.
4. Басалаева И. «Новокузнецк: город на фронтире» // КР. 2012. 1 дек.
5. Бондаренко О. Ф. М. Достоевский. Издатель, критик, публицист // КР. 1996. 11 июня.
6. Бондаренко О. «Человек есть тайна...» // КР. 1996. 21 сент.

7. Валиулин В. А тюрьма может и исчезнуть // КР. 2011. 29 янв.
8. Валиулин В. Венца кузнецкого сияние // КР. 2010. 11 февр.
9. Валиулин В. Год Достоевского в Новокузнецке // КР. 2010. 11 нояб.
10. Валиулин В. Достойные есть // КР. 2010. 9 сент.
11. Валиулин В. Краеведы начинают действовать // КР. 2010. 18 дек.
12. Валиулин В. Кто придумал курьи ножки? // КР. 2009. 12 июня.
13. Валиулин В. Музеи и город // КР. 2011. 23 апр.
14. Валиулин В. Музей на улице Достоевского // КР. 1992. 12 марта.
15. Валиулин В. Новокузнецком привыкну гордиться... // КР. 2009. 3 дек.
16. Валиулин В. Певец Сибири // КР. 1994. 25 окт.
17. Валиулин В. Подступая к метафизике города // КР. 2009. 12 марта.
18. Валиулин В. Три ступени к Толстому // КР. 2010. 22 нояб.
19. Валиулин В. Что есть бессмертие? // КР. 1996. 3 окт.
20. Волчек В., Тогулев В. Письма иерея // КР. 1992. 13 февр.
21. Гниденко С. Всё о «кузнецком периоде» // КР. 1996. 5 нояб.
22. «Зелёные» предлагают «ландшафтный парк». Власти их поддерживают // КР. 1996. 19 марта.
23. Зырянова С. Вечер посвятили роману классика // КР. 2004. 18 нояб.
24. Инов В. История любви // КР. 2010. 11 нояб.
25. Казьмина Е. Двадцать два дня из жизни Достоевского // КР. 2008. 1 марта.
26. Каменева Н. Далёкое близкое // КР. 2007. 22 марта.
27. Каменева Н. Достоевский в Кузнецке // КР. 2006. 23 нояб.
28. Киреева Т. О чьей истории идёт речь? // КР. 2011. 26 мая.
29. Кожемякина К., Ягунова И. Где жил писатель // КР. 1987. 11 июля.
30. Колядич Е. Имя святое и драгоценное // КР. 2008. 22 нояб.
31. Кто поможет музею? // КР. 1996. 25 июля.
32. Лычагин М. Музей писателя живёт // КР. 1981. 11 нояб.
33. Лычагин М. Наша гордость – дом Ф. М. Достоевского // КР. 1988. 6 янв.
34. Малькова Н. Дом Достоевского: забвения быть не может // КР. 1994. 2 июня.
35. Мальковец Н. Всё о Достоевском // КР. 1986. 28 нояб.
36. Мальковец Н. Год Достоевского // КР. 1990. 16 янв.
37. Мальковец Н. Кто поможет истории // КР. 1989. 4 июля.
38. Миллион с доставкой на дом [Служба новостей] // КР. 2007. 27 дек.
39. Михайлов С., Сахаревич Г., Николаева Т. Достоевский жив // КР. 2012. 16 февр.
40. Михайлова Т. «Кузнецкий венец»: ещё одна интерпретация // КР. 1996. 12 нояб.
41. На экскурсию к Достоевскому // КР. 2010. 11 нояб.
42. Некрич Ю. Зона памяти // КР. 1981. 20 февр.
43. Некрич Ю. Улица Достоевского, 40 // КР. 1980. 22 мая.
44. Немиров В. Дом хозяином держится // КР. 2001. 6 нояб.
45. Немиров В. На этот раз, кажется, Достоевскому не повезло // КР. 2001. 14 июля.
46. Немиров В. О виртуальных медведях и человеческой памяти // КР. 2001. 21 апр.
47. Немиров В. Пройдём по Достоевского // КР. 2001. 3 февр.
48. Немиров В. Сквозь призму юбилейных лет // КР. 2012. 28 янв.
49. Никонова Л. Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке // КР. 1991. 31 окт.
50. Никонова Л. Достоевский, прочитанный художником // КР. 1986. 20 нояб.
51. Никонова Л. Кузнецкий венец // КР. 1986. 1 февр.

52. Никонова Л. «Событий давних след» // КР. 1996. 13 июля.
53. Ночка А. «В отдалённых краях Сибири...» // КР. 2010. 13 нояб.
54. Ночка А., Смолякова С. Каждому своё // КР. 2012. 4 февр.
55. Обломович Д. С утра до ночи 11.11.2011 г. // КР. 2011. 8 нояб.
56. Оленин В. Иная судьба города // КР. 1997. 24 мая.
57. Опровержение // КР. 1997. 1 апр.
58. Откидач В. О Достоевском кистью и резцом // КР. 1981. 17 марта.
59. Павлов Ю. Писатель и декабристы // КР. 1981. 6 нояб.
60. Паничкин В. На пути к возрождению // КР. 1991. 6 марта.
61. Потогонов Н. Оставившим память о себе // КР. 2012. 16 февр.
62. После критики в «Кузнецком рабочем». «Гордость – дом-музей Ф. М. Достоевского» // КР. 1987. 31 дек.
63. Савицкая Л. Венца кузнецкого сияние // КР. 1996. 5 сент.
64. Савицкая Л. Лет до ста нам расти без старости // КР. 1996. 5 марта.
65. Самуткина Т. Событие неординарное // КР. 2011. 19 нояб.
66. Свиридова А. Все мысли о нём // КР. 2005. 24 дек.
67. Свиридова А. Достоевский ещё не прочитан // КР. 2006. 21 окт.
68. Сербин Л. Кузнецкие дни Фёдора Достоевского // КР. 1995. 28 янв.; 4 февр.; 11 февр.; 18 февр.
69. Сергеева К. Достоевский до и после Кузнецка // КР. 2005. 12 марта.
70. Соколухин Г. Достоевский бессмертен! // КР. 2012. 26 янв.
71. Татарская Е. Как Достоевский вошёл в мою жизнь // КР. 2005. 30 июля.
72. Трухан Е. Графический мир «Записок из Мёртвого дома» // КР. 2011. 22 дек.
73. Трухан Е. Достоевский становится ближе // КР. 2010. 7 окт.
74. Трухан Е. Евангелие Достоевского // КР. 2011. 3 марта.
75. Трухан Е. Затейливой рукой и добрым мудрым сердцем // КР. 2012. 2 февр.
76. Трухан Е. Классическая остановка // КР. 1995. 9 нояб.
77. Трухан Е. Кузнецкие дни // КР. 2011. 8 нояб.
78. Трухан Е. Ночь в старом Кузнецке // КР. 2011. 24 нояб.
79. Трухан Е. О единственном письме Достоевского в Кузнецк // КР. 2012. 14 июня.
80. Трухан Е. «Обыск брачный № 17» как разрешение «грозного чувства» // КР. 2012. 14 февр.
81. Трухан Е. «Она явилась в самую грустную пору моей судьбы» // КР. 1996. 7 сент.
82. Трухан Е. Портрет в интерьере // КР. 1995. 21 дек.
83. Трухан Е. Юбилейные дарения в музее Достоевского // КР. 2011. 26 мая.
84. Трухина А. Наша гордость – дом Ф.М. Достоевского // КР. 1987. 8 дек.
85. Тюрина Т. 22 дня. И столетия // КР. 2003. 17 июня.
86. Тюрина Т. В музей вхожу – и сердце радуется // КР. 2005. 28 мая.
87. Тюрина Т. «Не представляю, как без этой работы жить» // КР. 2011. 31 мая.
88. Тюрина Т. Нескончаемый источник вдохновения // КР. 1996. 28 нояб.
89. Фёдору Михайловичу низкий поклон // КР. 1996. 2 июля.
90. Фукс Е. В семейном кругу Достоевского // КР. 2007. 10 февр.
91. Фукс Е. Великое Пятикнижие // КР. 2006. 14 февр.
92. Фукс Е. Жена писателя // КР. 2005. 30 апр.
93. Цибилова Е. «Не только карты, попойки и сплетни...» // КР. 1996. 16 нояб.
94. Что вы знаете о великом писателе? // КР. 2001. 20 окт.

95. Шадрина А. Дом-музей Достоевского // КР. 1992. 6 июня.
96. Шадрина А. Из кузнецкого окружения Достоевского // КР. 1990. 7 июня.
97. Шадрина А. Из кузнецкого окружения Ф.М. Достоевского (супруги Катанаевы) // КР. 1993. 6 февр.
98. Шадрина А. Письма из прошлого // КР. 1993. 20 февр.
99. Шадрина А. Судьба музея // КР. 1989. 23 марта.
100. Шамова М. Будет ли на нашей улице праздник? // КР. 2008. 29 марта.
101. Шамова М. Достойное место в культурном сообществе // КР. 2010. 4 марта.
102. Шамова М. «Ребёнок, что цветок...» // КР. 2009. 21 мая.
103. Шипилова Т. Из тысячи тонн словесной руды // КР. 1996. 24 окт.
104. Шипилова Т. Под знаком памяти // КР. 1990. 12 янв.
105. Шипилова Т. Проект утверждён // КР. 1991. 28 февр.
106. Шпрингер А. День в истории города // КР. 2011. 10 нояб.
107. Эмих Т. Самые что ни на есть коренные // КР. 2006. 8 апр.

Список городских репортажей и городских дневников

1. Васильева М. Все четыре колеса – на газоне // КР. 2001. 16 июня.
2. Васильева М. Где эта улица, где этот дом? // КР. 2000. 20 мая.
3. Ким И. Улицы наружной рекламы // КР. 2000. 12 февр.
4. Кислицына М. Выставка для семьи: от пирожков до мебели // КР. 1994. 2 марта.
5. Минеева Т. Божьи люди из колодца // КР. 1992. 9 июня.
6. Минеева Т. В Майами-Бич нелётная погода // КР. 1992. 2 июня.
7. Минеева Т. «Медведь» гарантирует качество // КР. 1994. 15 янв.
8. Негода Т. Ай гоу ин зе шоп // КР. 1992. 23 апр.
9. Негода Т. «Алло, трест слушает...» // КР. 1992. 12 нояб.
10. Негода Т. Вальс цветов в кругу друзей // КР. 1992. 20 авг.
11. Негода Т. Ветка под окном // КР. 1992. 26 мая.
12. Негода Т. Вот компания какая! // КР. 1993. 13 нояб.
13. Негода Т. Любите ли вы бары? // КР. 1992. 15 мая.
14. Негода Т. Маленькая квартирка до старости твоя // КР. 1994. 17 марта.
15. Негода Т. «Муся, я в тебя влюбился...» // КР. 1992. 5 нояб.
16. Негода Т. Строить и мечь в сплошной лихорадке буден // КР. 1994. 30 апр.
17. Негода Т. Ты карманы все свои зашей-зашей, но не шей мне это дело, дорогая! // КР. 1994. 14 апр.
18. Немиров В. А люди здесь добрые // КР. 2000. 22 июля.
19. Немиров В. А почему нет конца света?! // КР. 1999. 14 авг.
20. Немиров В. Автомобиль придумал пешеход... // КР. 2000. 26 авг.
21. Немиров В. Бабушка и кошки // КР. 2007. 24 нояб.
22. Немиров В. Без лоха и жизнь плоха // КР. 2006. 23 сент.
23. Немиров В. «Белый» низ, «чёрный» верх // КР. 2000. 29 июля.
24. Немиров В. Битва за яйца // КР. 2008. 26 апр.
25. Немиров В. В ожидании будущего или ностальгия по прошлому? // КР. 2001. 27 окт.
26. Немиров В. В поисках настоящего и особенного // КР. 2001. 22 дек.
27. Немиров В. Весенние мотивы // КР. 2010. 27 марта.
28. Немиров В. Весенняя лихорадка в стадии обострения // КР. 2007. 17 марта.

29. Немиров В. Весна какая выдалась, какие дни настали! // КР. 2000. 15 апр.
30. Немиров В. «Волшебники» изумрудного города // КР. 2001. 8 дек.
31. Немиров В. Вперёд в прошлое // КР. 2001. 20 окт.
32. Немиров В. Время вперёд и время назад // КР. 2001. 2 июня.
33. Немиров В. Время остановившейся работы // КР. 2009. 17 янв.
34. Немиров В. Вылезит червяк-сын и видит... // КР. 2001. 5 мая.
35. Немиров В. Городу кузнецов металл к лицу // КР. 2000. 4 нояб.
36. Немиров В. Град с оттягом // КР. 2001. 9 июня.
37. Немиров В. Да мы-то только «за» // КР. 2010. 24 апр.
38. Немиров В. Движущиеся восковые фигуры // КР. 2005. 3 дек.
39. Немиров В. Для сороконожки перелом ноги – не трагедия. Иное дело – для пешехода // КР. 2001. 27 янв.
40. Немиров В. Дороги ослов и людей // КР. 2001. 14 апр.
41. Немиров В. Досужие размышления о том, о сём, навеваемые ветром // КР. 2001. 13 окт.
42. Немиров В. Живу не с краю: всё вижу и знаю // КР. 2000. 8 июля.
43. Немиров В. Жильё-2000 для скворцов // КР. 2000. 8 апр.
44. Немиров В. За полчаса до весны // КР. 2001. 3 марта.
45. Немиров В. Загадай желание, и оно исполнится. Обязательно // КР. 2000. 29 апр.
46. Немиров В. И дым пороссячьим хвостиком // КР. 2009. 14 февр.
47. Немиров В. И «небо в алмазах»... // КР. 2000. 23 дек.
48. Немиров В. И тема угадана // КР. 2009. 3 окт.
49. Немиров В. Индейское лето // КР. 2000. 16 сент.
50. Немиров В. «Индустрия» отдыха в состоянии комы // КР. 2001. 26 мая.
51. Немиров В. История одного плана // КР. 2000. 19 авг.
52. Немиров В. Кеша с улицы Заливной и другие кони и люди // КР. 2000. 25 нояб.
53. Немиров В. Когда о вкусах не спорят, это на руку безвкусице // КР. 2008. 12 апр.
54. Немиров В. Когда опускается ночь // КР. 2000. 9 дек.
55. Немиров В. Кого выберет завтра «птица счастья»? // КР. 2000. 9 сент.
56. Немиров В. Консервная банка с окурком // КР. 2010. 3 апр.
57. Немиров В. Конь-огонь Юрия Шлеманова // КР. 2001. 15 дек.
58. Немиров В. Короткое воспоминание накануне праздника // КР. 2001. 19 мая.
59. Немиров В. Куда они потом деваются // КР. 2009. 15 авг.
60. Немиров В. Кузнецких людей раденьем // КР. 2009. 4 июля.
61. Немиров В. «Купола в России кроют чистым золотом, чтобы чаще Господь замечал» // КР. 1999. 7 авг.
62. Немиров В. Левобережный узелок на память // КР. 2001. 24 февр.
63. Немиров В. Миллионы коту под хвост // КР. 2001. 21 июля.
64. Немиров В. Миссия перевыполнима // КР. 2008. 16 февр.
65. Немиров В. «Мы привыкли спать – не будите» // КР. 2000. 2 сент.
66. Немиров В. На фоне индустриального пейзажа // КР. 2007. 14 июля.
67. Немиров В. На этот раз, кажется, Достоевскому не повезло // КР. 2001. 14 июля.
68. Немиров В. Наверное, это и есть нирвана // КР. 2009. 10 окт.
69. Немиров В. «Наполеон» не пережил зиму. Факт налицо // КР. 2001. 24 марта.
70. Немиров В. Нас уважают. И это приятно // КР. 1999. 15 июля.
71. Немиров В. Наша невестка всё трескает. Даже мёд и тот жрёт (народная поговорка) // КР. 2000. 6 мая.

72. Немиров В. Не всё, что сверху, от Бога // КР. 2001. 10 февр.
73. Немиров В. Не жалейте флагов // КР. 2001. 6 окт.
74. Немиров В. Не надо иллюстрировать «Sex-Shop»! // КР. 2001. 22 нояб.
75. Немиров В. Невозможность острова, или Чудо на десять минут // КР. 2010. 16 янв.
76. Немиров В. Непереписанный черновик // КР. 2001. 24 нояб.
77. Немиров В. Неподалёку от рая // КР. 2001. 1 дек.
78. Немиров В. Неподалёку от «рая» // КР. 2001. 23 июня.
79. Немиров В. «Но площади точно не будет» // КР. 2000. 25 марта.
80. Немиров В. Ночная жизнь глазами Таксы // КР. 2001. 28 апр.
81. Немиров В. Нужен ли индустриальному городу памятник машине? // КР. 2000. 4 марта.
82. Немиров В. О виртуальных медведях и человеческой памяти // КР. 2001. 21 апр.
83. Немиров В. О времени, сроках и часах // КР. 2001. 18 авг.
84. Немиров В. О здоровом смысле и хорошем вкусе // КР. 2001. 11 авг.
85. Немиров В. О проспекте Энтузиастов. Без энтузиазма // КР. 2001. 10 марта.
86. Немиров В. О форме и её содержании // КР. 2001. 20 янв.
87. Немиров В. О чём мы помним и что уже забыли // КР. 2000. 22 апр.
88. Немиров В. О чём рассказывают стены // КР. 2000. 5 февр.
89. Немиров В. Обратная сторона тоннеля, в стене которого захоронен его строитель // КР. 2001. 17 марта.
90. Немиров В. Огороды меж асфальта // КР. 2001. 28 июля.
91. Немиров В. Ограда как способ формирования городской среды и как зеркало душевных порывов // КР. 2000. 10 июня.
92. Немиров В. Одну из российских бед – плохие дороги – они взяли на себя // КР. 2000. 14 окт.
93. Немиров В. Острый запах предзимья // КР. 2007. 6 окт.
94. Немиров В. Патриотизм по регламенту // КР. 2001. 19 сент.
95. Немиров В. Первый наш День в новом столетии: взгляд назад и вперёд // КР. 2001. 30 июня.
96. Немиров В. Плохо не умеем, хорошо не получается // КР. 2000. 21 окт.
97. Немиров В. Площадь Ленина. Между собором и крематорием // КР. 2001. 3 нояб.
98. Немиров В. По воздуху и под землёй // КР. 2001. 22 сент.
99. Немиров В. По главной улице с оркестром // КР. 2009. 8 мая.
100. Немиров В. Почему сегодня Петя просыпался десять раз? Потому что нынче Петя поступает в первый класс // КР. 2001. 1 сент.
101. Немиров В. Правдивые истории нашего двора // КР. 2001. 31 марта.
102. Немиров В. Предновогодние сказки // КР. 2009. 28 нояб.
103. Немиров В. Привычка жить прилюдно // КР. 2000. 5 авг.
104. Немиров В. Про «Этюд» и «Наполеона» // КР. 2000. 28 окт.
105. Немиров В. Прогулка вдоль мёртвой реки // КР. 2000. 12 авг.
106. Немиров В. Пройдём по Достоевского // КР. 2001. 3 февр.
107. Немиров В. Пятница, тринадцатое... // КР. 2009. 14 нояб.
108. Немиров В. Рандеву у фонтана // КР. 2001. 8 сент.
109. Немиров В. Рост цен на мой любимый пломбир // КР. 2008. 31 мая.
110. Немиров В. Рыбки в банке // КР. 2000. 2 дек.

111. Немиров В. Сбой в программе // КР. 2008. 26 июля.
112. Немиров В. Сделайте мне красиво! // КР. 2000. 23 сент.
113. Немиров В. Сибирский валенок в переводе с французского // КР. 1999. 17 авг.
114. Немиров В. Скоро осень. Бомжи надели шапки // КР. 2007. 25 авг.
115. Немиров В. Следы на асфальте, зарубки на сердце // КР. 2001. 4 авг.
116. Немиров В. Смотрюсь в тебя, как в зеркало // КР. 2001. 10 нояб.
117. Немиров В. Снежный рай // КР. 2000. 16 дек.
118. Немиров В. Тонкая связь поколений // КР. 2009. 20 июня.
119. Немиров В. Тошка с Береговой // КР. 2001. 29 дек.
120. Немиров В. Трава забвения // КР. 2001. 15 сент.
121. Немиров В. Три дня лета // КР. 2007. 16 июня.
122. Немиров В. Хочу ходить по чистому асфальту // КР. 2001. 17 нояб.
123. Немиров В. Хрен редьки не слаще // КР. 2007. 27 окт.
124. Немиров В. Чего о себе мы ещё не знаем? // КР. 2005. 3 сент.
125. Немиров В. Человек потребляет архитектуру // КР. 2001. 7 апр.
126. Немиров В. Чисто там, где метут // КР. 2010. 1 мая.
127. Немиров В. Чтобы чаще Господь замечал // КР. 2001. 25 авг.
128. Немиров В. Энергия доброй и недоброй воли // КР. 2009. 7 февр.
129. Немиров В. Это королева Виктория? Нет?! Но очень похожа... // КР. 2001. 7 июля.
130. Немиров В. Этот праздник в нашем сердце // КР. 2010. 8 мая.
131. Шипилова Т. Белая роза – эмблема надежды // КР. 2000. 30 мая.
132. Шипилова Т. «Гаретта» добывает металл. Истории // КР. 2000. 7 окт.
133. Шипилова Т. Заливная – с рыбой // КР. 2001. 12 мая.
134. Шипилова Т. Запах здесь, конечно, интересный // КР. 1992. 10 июля.
135. Шипилова Т. Коммунарка. В старой ситцевой косынке // КР. 2000. 26 февр.
136. Шипилова Т. На свалку свозят всё. Даже золото // КР. 2000. 3 июня.
137. Шипилова Т. Обитель скорби // КР. 1992. 26 июня.
138. Шипилова Т. Погода в доме начинается с подъезда // КР. 2000. 11 нояб.
139. Шипилова Т. «Подснежники» на обочине // КР. 2001. 17 февр.
140. Шипилова Т. Провалы «вечной» памяти // КР. 2000. 11 марта.
141. Шипилова Т. «Разбирайте чемоданы! Рейс отменяется...» // КР. 1992. 8 июня.
142. Шипилова Т. Разруха – признак достатка // КР. 1992. 18 сент.
143. Шипилова Т. Сапожки за... копейку // КР. 1992. 10 сент.
144. Шипилова Т. Сизый туман похож на обман // КР. 2000. 13 мая.
145. Шипилова Т. У «Наполеона» и «Сталевара» общее прошлое – гипс // КР. 2000. 19 февр.
146. Шипилова Т. Угроза бежит, защита не успевает // КР. 1992. 24 дек.
147. Шипилова Т. «Я бегу... А он не светит!» // КР. 2000. 17 июня.

*Василий Иванович Панов –
«первооткрыватель кузнецких говоров»*

На снимке (из архива): преподаватели — ветераны
Л. М. Навозова, Л. П. Глустенко, Н. Г. Яшина,
В. В. Торикова, В. И. Панов.

АРХИВ ПЕРВОГО СОВЕТА ССРС

ПРОГРАММА

20	20	НОМЕР УЧЕБНИК 27
41	41	КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ
		ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПРОСПЕКТ
		13 ПЕРВОУЧЕБНИК
		ОРГАНИЗАЦИИ
		ДЛЯ НЕКОММУНИСТИЧЕСКИХ
		КОММУНИСТИЧЕСКИХ

ТОМСК 50 32-26/3 6400-

ПРОСЬБА УЧАСТНИКОВ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ
ИМЕНИ ПРОСЛАВИТЬ ТРАДИЦИИ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ПАНОВА
ПЕРВОУЧЕБНИКОВ КУЗНЕЦКИХ ГОВОРОВ УЧЕБНИК
ДИРЕКТОРА ЧИСТ ПИЯТЬ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ПАНОВА

*Ольга Алексеевна Любимова –
ответственный редактор
Словаря русских говоров Кузбасса (1976)*

*Диалектологическая практика 1979 г. (крайний слева –
Сергей Ильич Иванищев)*

Диалектологическая практика (1983, д. Журавлёво Промышленновского р-на)

Камеральная диалектологическая практика (2010)

Руководители – Светлана Петровна Петрунина и Сергей Ильич Иванищев

Кафедра русского языка Новокузнецкого государственного педагогического института (2001)

На снимке слева направо: (стоят) Л.А. Инютина, А.Г. Балакай, С.П. Петрунина, С.И. Иванищев, Н.С. Баланчик, Л.Г. Мазо, Н.А. Баланчик (заведующий кафедрой), Н.В. Жураковская, И.Н. Скударнова (декан факультета русского языка и литературы), В.М. Телякова; (сидят) И.А. Пушкарева, А.М. Коростышевская, В.А. Карючина

Кафедра русского языка Кузбасской государственной педагогической академии (2007–2008 уч.г.)

На снимке слева направо: (стоят) Л.Г. Мазо, Ю.В. Косицина, Т.Е. Яцуга, И.А. Пушкарева, С.И. Иванищев, В.М. Телякова, А.Г. Балакай; (сидят) А.А. Балакай, Н.В. Жураковская, С.П. Петрунина (заведующая кафедрой), Н.А. Баланчик, Н.С. Баланчик, Л.А. Инютина

Татьяна Леонидовна Староверова

Юбилей Т.Л. Староверовой в лаборатории народной культуры (2000)

*На снимке слева направо: (стоят) Т.Б. Афузова, З.А. Аутлева, Е.А. Китаева,
Е.Н. Сони́на, Т.Л. Староверова, О. Кравцова, И.Н. Скударнова;
(сидят) В.А. Карючина, О.Н. Владимиров, В.В. Трубицына, А.В. Лосева*

Кафедра литературы Кузбасской государственной педагогической академии (2007–2008 уч.г.)

На снимке слева направо: (стоят) Н.Н. Гончарова, Н.Ю. Васильева, А.Э. Шпрингер, О.Н. Владимиров, З.А. Аутлева, А.С. Сазыкин, З.Г. Кривоусова, В.А. Пронина; (сидят) С.Ю. Бондарь, Т.Б. Афузова, С.Ф. Рябцева (заведующая кафедрой), Д.В. Ничик, В.В. Трубицына, В.Г. Богомолова

Фольклорная практика (2016, пос. Усть-Кабырза Таштагольского р-на)

Руководитель – Виктория Викторовна Трубицына

Фольклорный коллектив «Русская сказка»

Научное издание

Серия «Филологическое краеведение»

Монография

**ЯЗЫК И РЕГИОНЫ:
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЮГА КУЗБАССА**

*Н.А. Баланчик, Н.С. Баланчик, Ю.В. Косицина, Г.В. Косточаков,
И.А. Пушкарева, В.М. Телякова, В.В. Трубицына*

Том 1

*Н.А. Баланчик, Н.С. Баланчик, Ю.В. Косицина,
И.А. Пушкарева, В.В. Трубицына*

Под редакцией *И.А. Пушкаревой*

Корректурa: *А.А. Балакай*

Техническое редактирование: *В.В. Трубицына*

Компьютерная вёрстка: *И.А. Пушкарева*

Подписано в печать: 02.03.2020

Печать плоская. Бумага офсетная. Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 21,0

Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано

Полиграфическая компания «Sitall»

660077, г. Красноярск, ул. Борисова, д. 14, стр. 2, офис 513

Тел.: (391) 218-05-15, www.sitall.com

E-mail: sitall@sitall.com